

ISSN 2075-7794 | **2017** | **Vol. 33** | **Is. 5**

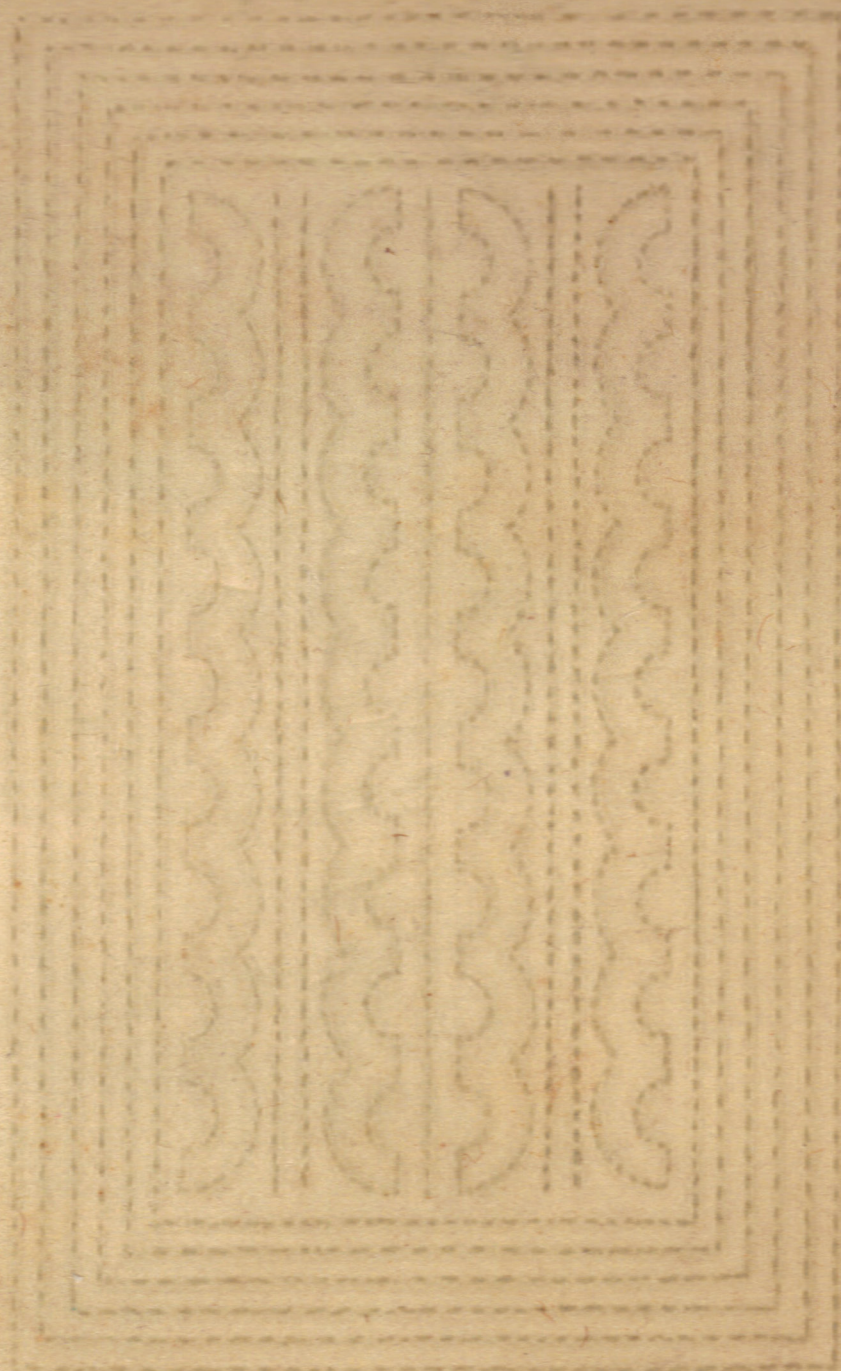

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

«Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН»

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963
ISSN 2410-7670 (online version)
ISSN 2075-7794 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 1, 2009.
Registration number PI No. FS77-49346

2017. Vol. 33. Iss. 5
Published six times a year

Editor-in-Chief:
Ph. D. of Philology *V. Kukanova*

Deputy Editor-in-Chief:
Ph. D. of History *U. Ochirov*

Editorial Council:
Acad. of the RAS *G. Matishov* (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov* (Moscow, Russia), Ph. D. of History *M. Balzer* (USA),
Acad. L. Bold (Mongolia), Ph. D. of History *N. Bugai* (Moscow, Russia),
Ph. D. of Jurisprudence *D. Demichev* (Belarus), Ph. D. of Economics *O. Inshakov* (Volgograd, Russia),
Ph. D. of Philology *M. Magomedov* (Makhachkala, Russia), Ph. D. of History *K. Maksimov* (Elista, Russia),
Ph. D. of History *I. Popova* (Saint-Petersburg, Russia), Ph. D. of History *Na. Sukhebaatar* (Mongolia),
Ph. D. of Philology *Chao Gejin* (China), Ph. D. of History *D. Schorkowitz* (Germany),
Acad. of RAE, Ph. D. of Pedagogy *P. Erdniev* (Elista, Russia)

Editorial Board:
Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov* (Makhachkala), Corr. Member of the RAS *B. Bazarov* (Ulan-Ude),
Ph. D. of Jurisprudence *L. Batiev* (Rostov-on-Don), Ph. D. of History *N. Zhukovskaya* (Moscow),
Ph. D. of Philology *G. Piurbayev* (Moscow), Ph. D. of History *V. Trepavlov* (Moscow)
Ph. D. of Sociology *G. Denisova* (Rostov-on-Don), Ph. D. of Sociology *N. Dulina* (Volgograd)

Ph. D. of History *E. Badmaeva*, Ph. D. of History *E. Bakaeva*,
Ph. D. of Philology *T. Basangova*, Ph. D. of Philology *E. Bembeev*,
Ph. D. of Philosophy *B. Bicheev*, Ph. D. of Economics *E. Mantaeva*,
Ph. D. of Philology *D. Muzraeva*, Ph. D. of Sociology *A. Ovshinov*,
Ph. D. of Philology *E. Omakaeva*, Ph. D. of Pedagogy *B. Salaev* (Elista, Russia)
S. Mirzaeva (executive secretary)

The Editorial Board and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia.
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; Fax No. (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

CONTENTS

HISTORY

World History	<i>Kadyrbaev A. Sh.</i> Legislative and Cultural Relations of Kazakhs with Kalmyks of Dzungaria, Volga Kalmyks and Khalkha Mongols during the 17 th – 18 th Centuries.	2
	<i>Khishigt Norovsambuu.</i> Images of Russia and Russians in Mongolia: Historical Memory and Modernity	11
National History	<i>Fedoseev R. V., Barshova O. A.</i> Nobility Assemblies in the Middle Volga Region in the Second Half of the 19 th – Early 20 th Centuries: Competences, Composition, Participation Procedures.	21
	<i>Uchvatov P. S.</i> The Mordvinian Village in the Early 20 th Century: Peasant Economy in the Age of Dramatic Changes (Evidence from One Settlement)	33
	<i>Mongush V. Ch.</i> The Uriankhai Region (Tuva): Development of the School System in the Early 20 th Century	42
	<i>Abdulaeva M. I.</i> The Russian Revolution of 1917 and Russian Civil War (1918–1921) in the Destinies of the Dagestani Military Intelligentsia	51
	<i>Dalgat E. M.</i> Dagestan on the Eve of the Year 1917	59
	<i>Okonov B. A.</i> Redesigning the Activities of Kalmykia's Crucial Government Agencies during the Great Patriotic War: a Content Analysis of the <i>Leninsky Put</i> Newspaper (1942–1943)	65
	<i>Burakovskaya M. S.</i> The National Archive of Kalmykia: Excerpts from the History of its Key Activities in 1920–1938	74
Archeology	<i>Kemaev E. N.</i> Revisiting the Role of the Oka-Sura Interfluvium in the Ethnopolitical System of Eastern Europe: the Latter Half of 1 st – First Third of the 2 nd Millennia AD	82
Ethnology	<i>Kogdanova B. V.</i> Kalmykia's Ethnographic Science during the Rebuilding Period (1960–1970): an Overview of the History of Development	93
	<i>Nanzatov B. Z.</i> Buryats in the Area of Influence of the Orthodox Church during the 19 th – Early 20 th Centuries: Identities Transformed	102
	<i>Bakaeva E. P.</i> One Object of Worship from the Oirat Monastery of Dechenravjaaling (Uvs Aimag, Mongolia)	111
	<i>Tyukhteneva S. P.</i> One Hyphen – One Hundred: Revisiting the Issue of Livestock Count among the Turko-Mongolian Peoples	130
	<i>Sodnompilova M. M.</i> Infectious Diseases in the Life of Mongolian Peoples: Beliefs and Healing Practices	141

LINGUISTICS, LITERARY & FOLKLORE STUDIES

Linguistics	<i>Krylov S. A.</i> Mongolian Analytical Constructions: a Quantitative Perspective	155
	<i>Mazarchuk A. V.</i> The Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk Languages: Common Clothes and Footwear Denoting Lexis	180
	<i>Burykin A. A.</i> About the Amount and Nature of Turkic-Mongolian and Turkic-Tungusic Lexical Relations in a New Perspective: the Role of the Theory of Genetic Relationship of the Altaic Languages in the Identification of Ancient Language Contacts	190
	<i>Korneeva A. Kh.</i> Zoonyms in Personal Names of Kalmyks and Chinese	199
	<i>Khisamitdinova F. G.</i> The Ethnonym <i>Kalmak</i> in Bashkir Onomastics	206
	<i>Badagarov J. B.</i> The First Oirat-Language Monument Written in Tibetan Script	211
Folklore Studies	<i>Oynotkinova N. R.</i> The Rite of Visiting a Holy Spring and its Mythological Context in the Folklore Tradition of the Altaians	224
	<i>Khadzhieva T. M.</i> Tengrism in the Karachay-Balkar 'Nartada'	231
Literary Studies	<i>Topalova D. Yu.</i> The Kalmyk Expatriate Community: History of the Emergence (1920–1930s)	237

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 2–10, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-2-10
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

Legislative and Cultural Relations of Kazakhs with Kalmyks of Dzungaria, Volga Kalmyks and Khalkha Mongols during the 17th – 18th Centuries

Alexander Sh. Kadyrbaev ¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: kadyr_50@mail.ru

Abstract. With evidence from the Kazakh (*Zheti Zhargy*) and Mongolian (*Ikh Tsaaz*, *Tsaajin Bichiq*) codes, the article analyzes legislative and cultural relations between the Mongolian and Kazakh nomadic communities. The paper reveals similarities between the Kazakh and Oirat codes which is due to identical economic conditions of nomadic lifestyle characteristic for Kazakhs, Oirats, Kalmyks, and Khalkha Mongols, even though the Kazakhs had experienced influence of Islam while the Oirats, Kalmyks and Khalkha Mongols professed Lamaist (Tibetan) Buddhism.

Still, there were a number of distinct features, since *Zheti Zhargy* contained some regulations of Islamic law — *Sharia* — such as, e. g., measures for the protection of Islam and, thus, provisions establishing penalties for blasphemy and conversion to Christianity, which were not to be seen in the mentioned legislative acts of Mongols and Kalmyks of Dzungaria and the Volga Region.

The relations between Kazakhs and Dzungar Oirats, Khalkha Mongols and Kalmyks were not reduced to wars only, there were cultural contacts in the forms of diplomatic practices and dynastic marriages of the national nobilities, including multiple similarities of Kazakh (*Zheti Zhargy*), Oirat-Kalmyk (*Ikh Tsaaz*) and Khalkha Mongolian (*Tsaajin Bichiq*) legislative acts.

With a certain degree of certainty, the paper testifies of a more ‘democratic’ character of *Zheti Zhargy* as compared to *Ikh Tsaaz* and *Tsaajin Bichiq* in terms of rights and liberties of all social groups of the nomads.

Still, it is impossible to depict the history of Kazakhs without relations with Mongolian peoples — Oirats, Kalmyks, and Khalkha Mongols, whatever questionable those might be, which is again confirmed by the exploration of the mentioned codes. As a result, the works of the 17th–early 18th cc. Central Asian legislators help us understand and evaluate the steppe world they emerged from, and their authors seem closer and clearer to modern society.

Keywords: steppe legislation, *Zheti Zhargy*, *Ikh Tsaaz*, *Tsaajin Bichiq*, Kazakhs, Oirats, Kalmyks, Khalkha Mongols, Khong Tayiji, Manchus, Qing Dynasty, Dzungar Khanate, *sultan*, *noyan*, *biy*, *zaisang*.

Взаимоотношения кочевых народов Великой Степи — калмыков Джунгарии и Поволжья, также известных как монголоязычные ойраты-джунгары и собственно калмыки (называемых общим тюркским словом «калмак» или «калмык» в эпосах тюркских степных народов и в их преданиях, в русских документах, где, наряду с названием «калмык» по отношению к ойратам-джунгарам, используется термин зюнгорцы или зенгорцы), а также халхасцев — восточных монголов, с тюркоязычными казахами (они же киргиз-кайсаки или киргизы в русских документах) насчитывают сотни лет. Столкновения с ойратами — калмыками Джунгарии, в этногенезе которых значительна тюркская струя, начались еще в XV в., почти одновременно с выходом казахов как этноса и государства на историческую арену Евразии. Ойраты еще во второй половине XIV в. вышли из-под власти всемонгольского хана, и ими стали управлять их предводители — тайши, тайджи, хунтайджи, чья власть тогда распространялась до западных склонов Хангайских гор на востоке, песков Гоби на юге, Семиречья на западе, верховьев Иртыша и Енисея на севере.

В конце первой половины XV в. ойратов — калмыков Джунгарии — возглавил энергичный Эсен хунтайджи, объединивший основные ойратские племена и поколения, известные как чоросы, дэрбэты, торгоуты и хошоуты, в один союз, распространивший свою власть на всю Монголию и претендовавший даже на восстановление государства Чингис хана. Ойраты покинули свою прародину, двигаясь на запад в поисках свободных и пригодных для кочевания земель, которые они нашли к северу от Тянь-Шаня, в современной Джунгарии, отвоевывая их в течение XV в. у своих тюркизированных «родичей» — моголов, чье государство возникло на руинах монгольского государства в Средней Азии — Чагатайского улуса — осколка империи Чингисидов. Уже в это время ойраты прорываются до Сыр-Дарьи.

Первым из казахских ханов в войну с ойратами вступил Тахир, правивший в 1523–1531 гг. Он построил у подножия одной горы крепость «Джанатан» для отражения ойратских набегов. В 1626–1627 гг. на тропу войны с ойратами вступал хан Ишим (Есим). В борьбе с ойратами прошла вся жизнь сына и наследника Ишима — Джангир хана, побывавшего у них в плену. Джангир хан принял смерть в бою с ойратами в

1652 г., погибнув в единоборстве с хунтайджи Галданом [Султанов 2001: 204; Казахско-русские отношения...1961: 3; Левшин 1832: 59].

К середине XVII в. ситуация на казахских границах меняется. Если до этого угроза шла с востока от ойратов, то после распада в 1627–1628 гг. ойратского союза и откочевки части ойратов из его пределов — хошоутов в Тибет, а торгоутов численностью около четверти млн человек во главе с Хо-Урлюком в Нижнее Поволжье и создания ими впоследствии под протекторатом России Калмыцкого ханства за счет ослабления Ногайской Орды в этом регионе, — положение становится угрожающим для казахов и на западе. Калмыки Поволжья, находясь в составе Российского государства, тревожат своими набегами казахские и ногайские кочевья, доходя даже до Мангышлака. В свою очередь, теснимые ими казахи и ногайцы вынуждают большинство мангышлакских туркмен отступить на юг, а часть на запад, в степную зону Северного Кавказа, где и поныне обитают их потомки — ставропольские туркмены (трухмены).

Оставшиеся кочевать на просторах Южной и Западной Сибири ойратские племена, пережив смутное время, начали объединяться под эгидой чоросских князей и в 1635 г. под предводительством Батура хунтайджи, создали Джунгарское ханство, ставшее последней кочевой империей в истории Центральной Азии. В сентябре 1640 г. по инициативе правителей обновленной Джунгарии в Тарбагатае собрался всемонгольский съезд — *чулган*, где был принят в качестве всемонгольского — ойратский свод законов «Их Цааз» («Великое уложение»), призванный усилить единство монгольских народов под главенством ойратов перед лицом внешней опасности и уменьшить вероятность усобиц. Объединительные меры Батура хунтайджи, правовой основой которых в строительстве Джунгарской государственности был «Их Цааз», сопровождались развитием городов, буддийских ламаистских монастырей, земель, ремесел в подвластных Джунгарскому ханству с XVII в. оседлых областях Восточного Туркестана и Прииссыккуля, населенных преимущественно мусульманскими народами [Златкин 1963; Моисеев 1991]. Впоследствии положения «Их Цааз» стали основой монгольского правового памятника «Цааджин Бичик», принятого маньчжурской династией Цин,

завоевавшей Китай и подчинившей Внутреннюю Монголию и Халху — Внешнюю Монголию, для управления монголами, а позднее, после разгрома Джунгарского ханства маньчжуро-китайскими войсками в 1759 г., и ойратами, точнее, над теми из них в лице несколько десятков тысяч человек, кто уцелел из почти миллиона калмыков Джунгарии после их резни со стороны армии Цин.

Примерно с этой же эпохой связано создание законодательного памятника казахов «Жеты-Жаргы» — «Семь уложений» хана Тауке, текст которого во многом перекликается с ойратским «Их Цааз», что, несомненно, свидетельствует о культурных связях между этими кочевыми народами. Хотя сопоставление текстов «Их Цааз» и «Жеты Жаргы» обнаруживает много общего между собой, однако «Уложение» хана Тауке не является подражанием ойратскому «Уложению» 1640 г. Общее между двумя этими «Уложениями» объясняется сходными условиями хозяйственно-производственной деятельности двух степных народов — казахов и калмыков Джунгарии XVII в.

Время правления сына Джангир, хана Тауке, ассоциируется в казахской народной памяти с «золотым веком» казахской государственности, когда «народ жил в покое, существовал порядок, были законы и правосудие», олицетворением которых были суд биев и «Семь уложений» хана Тауке. При всех ратных достижениях Тауке хана, снискавшего славу знатока военного дела и получившего за храбрость титул «батыра» в боях с ойратами и калмыками, все же главная его заслуга в казахской истории состоит в том, что он был вдохновителем законотворчества и в этом качестве строителем Казахского государства. Неудивительно, что ко времени правления хана Тауке относится деятельность самых знаменитых представителей суда биев — глав родов и племен в Казахской степи. По преданию, Тауке хан собрал для совета трех биев: Тюля бия из Старшего жуза, Казбек бия из Серединного жуза, Айтек бия из Младшего жуза, этнополитических объединений, из которых состояло Казахское ханство, называемых в русских источниках ордами, составил и обсудил с ними некоторые законоположения, регулировавшие жизнь казахского общества. По другому преданию, Тауке хан собрал семь биев и «эти бии соединили старые обычаи ханов Касыма и Есима в новые обы-

чай, называемые «Жеты-Жаргы». Можно утверждать, что идея создания «Жеты-Жаргы» относится к 70-м гг. XVII в. и явилась ответным действием казахского Тауке хана и его окружения на законодательную инициативу противника Казахского государства правителя Джунгарского ханства Галдана хунтайджи, когда казахи вели изнурительную борьбу с джунгарами. Появление «Жеты-Жаргы» обусловлено стремлением приспособиться к новой военно-политической ситуации, сплотив казахов для борьбы с внешним врагом — джунгарами, война с которыми была неизбежной.

Насколько известно, у самих казахов «Жеты-Жаргы» не было записано. Оно дошло до нашего времени в поздних записях российских ученых и известно в двух редакциях на русском языке. Одиннадцать фрагментов «Жеты-Жаргы», впервые записанные в 1804 г. со слов «старшины яппасского рода» (т. е. рода жаппас) Кубека Шукуралиева, были опубликованы Г. Спасским в 1820 г. на страницах издаваемого им «Сибирского вестника».

Текст второй редакции памятника приводится в сочинении известного знатока истории и быта казахов А. Левшина, видного российского ученого и государственного деятеля, снискавшего славу «Геродота казахской истории». Между тем, наиболее полная (34 фрагмента «Жеты-Жаргы») запись А. Левшина не представляет памятник в первоначальном виде. Как Г. Спасский, так и А. Левшин записали «Уложения» хана Тауке спустя более 100 лет после его составления, что отразилось на точности его передачи, в частности из-за публикации его не на языке оригинала. Это имеет свои негативные стороны, поскольку социальная, правовая и иная терминология правового памятника не отражает понятий, бытовавших в казахском обществе XVII столетия. Тем не менее именно Г. Спасскому и А. Левшину принадлежит честь открытия «Жеты-Жаргы» для мировой науки. Таким образом, история изучения памятника имеет давнюю традицию. К «Жеты-Жаргы» обращались многие исследователи правовых обычаев и истории казахов.

Сходство между казахским и ойратским «Уложениями» объясняется, как мы уже говорили, и идентичными условиями хозяйственно-производственной деятельности кочевого образа жизни, который вели казахи и ойраты с калмыками и халхасцами, не-

смотря на то, что казахи оказались под влиянием исламской цивилизации, а ойраты и калмыки с халха-монголами — ламаистской или тибетской ветви буддизма. И данное обстоятельство обусловило, при всем сходстве казахского и ойратского «Уложений», и ряд отличий между ними, поскольку в «Жеты-Жаргы» вошли некоторые установления мусульманского права — шариата, в частности предусматривавшие меры по защите ислама и определявшие наказания за богохульство и за переход в христианство, положений, которых не могло быть в указанных правовых памятниках халхасцев, калмыков Джунгарии и Поволжья. Несмотря на многовековые контакты с исламской цивилизацией, мусульманами стали лишь немногие ойраты, потомки которых стали известны в Средней Азии позднее под названием сарткалмаки, ныне представляющие одно из родоплеменных объединений киргизов. Из современных монголоязычных народов мусульманами стали немногочисленные дунсяне (150 тыс. чел.) и баоань (10 тыс. чел.), живущие ныне в Северо-Западном Китае (Синьцзяне), в Восточном Туркестане.

Как и «Жеты-Жаргы», «Их Цааз» носил сословный характер, законодательно закреплял традиционные привилегии ойратского и калмыцкого обществ и деление их на «цаган» и «хара ясун» («белую» и «черную кость»). Например, самый распространенный вид наказания у казахов — *кун* (имущественное вознаграждение, возмещение) — изменялся в зависимости от социальной принадлежности преступника и потерпевшего, что свидетельствует о классовом характере «Жеты-Жаргы», когда за каждого убитого мужчину, человека из простого звания убийца платил его родственникам «1 000 баранов», за женщину 500, а за убийство султана или ходжи *кун* взимался как за семь взрослых мужчин-простолюдинов (статьи 3 и 4). За членовредительство и побои, оскорбление словами также платили определенным количеством скота: большой палец стоил 100 баранов, мизинец — 20. Обида, нанесенная словами султану или ходжи, наказывалась в «9 скотин». За побои взыскивалось «27 скотин». Аналогичны были наказания за подобные преступления и по ойратскому «Уложению»: «Кто лишит большого или указательного пальца, с того взять два девятка и пять (скотин), за лишение среднего взять девяток, за лишение безымянного пальца взять пять (ско-

тин), за мизинец взять три (скотины)»; «Кто оскорбит главного князя, того разорить; кто оскорбит чиновных князей <...> с того взять один девяток; кто ударит, с того взять пять девятков. Кто оскорбит малых князей <...> с того взять пять (скотин), если, ударивши, сильно побьет, взять три девятка, за малые побои взять два девятка» [Султанов 1982: 70–71].

У казахов высшими сословиями была знать «белой кости» — потомки Чингис хана, они же султаны или «торе», из числа которых вышли все ханы Казахского ханства, и «кожа», или ходжи — потомки сподвижников пророка Мухаммада, представители мусульманского духовенства. У ойратов и калмыков, как нам представляется, высшим сословиям соответствовали по властным полномочиям хунтайджи-правители и нойоны. Как и титул «султан» у казахов, звание «нойон» было наследственным, по праву рождения. Большим почетом в ойратском и калмыцком обществах пользовались ламаистские священнослужители, освобожденные от податей, военной службы и прочих повинностей, в подчинение которым хунтайджи и нойонами выделялись из простых кочевников люди, так называемые «шабинеры», освобожденные по закону от податей и несения воинской службы.

К ойратской знати, подобно биям у казахов, вероятно, можно отнести зайсангов, которые часто по наследству управляли аймаками — административно-хозяйственными единицами, на которые делились Джунгарское и Калмыцкое ханства. Но, в отличие от биев, власть которых над своим родом-племенем всегда вытекала из наследственного принципа, зайсанги могли быть отстранены от власти по произволу нойонов и хунтайджи, лишиться этого звания и даже жизни. В казахском же обществе чаще ханы опасались биев, поскольку из-за трений с ними могли лишиться военной поддержки возглавляемых биями родоплеменных ополчений, из которых в основном формировалось войско Казахского ханства. Кроме того, ойраты и калмыки не знали такого явления как суд биев, освященного казахской народной традицией, поскольку зайсанги не обладали судебными полномочиями. Особое место в ойратской сословной структуре занимали дарханы и эркетени, где-то очень условно их можно сравнить с казахским военным сословием батыров. Они за особые заслуги освобождались от податей, повинностей и

власти зайсангов, могли свободно кочевать в составе любого аймака или даже вне его. По законам 1640 г. дарханом становился тот, кто спасал жизнь нойона в бою. В Калмыцком ханстве возможности стать дарханом значительно расширились, от податей и повинностей освобождались не только они сами, но и члены их семей.

Основную массу населения Джунгарского и Калмыцкого ханств составляли простолудины-кочевники, так называемые албату. Как и казахские кочевники, они несли воинскую повинность, платили подати на содержание хунтайджи и нойонов, однако на этом сходство заканчивается. Если казахские кочевники были свободными людьми, к тому же имевшими личное оружие, хотя и не обладали правами знати «белой» и «черной кости», то, в отличие от них, албату были полностью подчинены своим нойонам и зайсангам, которые могли их наказывать, освобождать, продать в одиночку или с семьей другому владельцу. Позднее, к XVIII в. у ойратов и калмыков была категория населения, сопоставимая с аналогичной в казахском обществе категорией «кул». Они были полностью зависимы от своего хозяина, которым мог быть не только представитель знати, но и простой кочевник. При этом люди такой категории составляли «исключительную собственность» хозяев, которой последние могли располагать «по своему усмотрению», в литературе их называют по-разному — *цоохоры*, *китады*, *цоохор мухулай*, *цоохор китады* [Султанов 1982: 67–76; Горяев 1997: 24–26]. Эта категория населения сопоставима с рабами, которые не признавались юридическим лицом ни у казахов, ни у калмыков Джунгарии и Поволжья, ни у халхасцев. «Жалоба раба на господина нигде не приемлется», — гласит 16 статья «Уложения» хана Тауке. Но, если у казахов за владельцем признавалось неограниченное право над жизнью принадлежавшего ему раба, то по ойратскому «Уложению»: «Кто убьет своего раба, с того взять пять девяток; кто убьет рабыню, с того взять три девятка» [Султанов 1982: 73].

Как и в правовых памятниках «Их Цааз» и «Цааджин Бичик», основное место в «Жеты-Жаргы» отводилось уголовно-правовым нормам. Согласно «Уложению» хана Тауке, в перечень преступных действий включались: убийство, увечье, изнасилование, побои, воровство, оскорбление, несоблюдение правил сыновней почтительности, прелю-

бодеяние, кровосмешение. В «Жеты-Жаргы» зафиксировано правило на тот случай, когда следствием ушиба женщины было рождение мертвого ребенка: «Если женщина будет сбита с ног всадником и изувечена и от того родит мертвого младенца, то с виновного плата взыскивается по следующему расчету: за младенца до пяти месяцев — за каждый месяц по одной лошади; а за младенца от пяти до девяти месяцев — за каждый месяц по одному верблюду» (статья 8). По ойратскому «Уложению»: «Кто будет причиной выкидыша дитяти, с того взять столько девяток, сколько месяцев было (выкидышу)». Счет по девяткам встречается еще в Великой Ясе Чингис-хана, привычен для ойратского «Уложения» и встречается в «Жеты-Жаргы»: например, при совершении воровства учитывалась стоимость похищенного, и похититель возвращал хозяину «трижды девять (27) раз украденное». Показательно, что распространенная на практике система материальной компенсации в «Жеты-Жаргы» предусматривала поступление дохода от возмещения ущерба в пользу пострадавшего, а не в пользу государства. У калмыков Джунгарии, согласно повелению Галдана-хунтайджи, судьи должны были выделять определенную часть возмещения «на двор князя», причем невыполнение этого повеления влекло за собой штраф в двукратном размере. Если в «Жеты-Жаргы» за несоблюдение сыновнего пиетета (оскорбление или избиение родителей) виновника предавали публичному позору, сажая на черную корову лицом к хвосту и навязывая на шею старый войлок (при этом корову водили по аулам и стегали виновного плетью), то в «Цааджин Бичик» за избиение отца или матери предусматривалась материальная компенсация в размере три девятки голов скота. Изнасилование приравнивалось в «Жеты-Жаргы» к убийству, а в ойратском «Уложении» за изнасилование девушки узаконивался штраф в размере «двух девяток скота». Хотя и у казахов, если виновный женился на изнасилованной им девушке и уплачивал за нее соответствующий калым, он избавлялся как от смертной казни, так и от выплаты куна (статья 9). В области семейно-брачных отношений утверждалось право власти родителей над жизнью детей и закреплялось неравноправное положение женщины в семье. Согласно «Уложению» хана Тауке, мужчина, похитивший чужую жену с ее согласия, мог ее оставить у себя,

уплатив мужу калым и дав ему, помимо этого, девушку без калыма; мужчине, похитившему чужую жену без ее согласия, грозила смертная казнь, которая, однако откупалась уплатой куна (статья 11). В «Цааджин Бичик» по подобным делам вопрос о казни даже не ставился, зато, в отличие от «Жеты-Жаргы», четко регламентировалось материальное возмещение в зависимости от социального статуса потерпевшей: «Кто подготовит (с собою) к побегу жену знатного человека, того штрафовать девятью девятками с верблюдом во главе; кто подговорит (с собою) к побегу жену человека среднего сословия, с того взять пять девятков с верблюдом во главе; за жену человека низкого сословия взять три девятка с верблюдом во главе» [Голстунский 1880: 56].

Картина контактов казахов с ойратами, халха-монголами и калмыками в это время будет неполной, если не затронуть, наряду с правовым, и культурный аспект, в частности языки, на которых основывалась дипломатическая практика указанных сторон, в том числе и во взаимоотношениях друг с другом. К их числу относились монгольский, ойратский или калмыцкий, среднеазиатский тюрки или чагатайский, фарси или новоперсидский языки. Интересно, что посольство хана Серединного жуза казахов Аблая, чье мусульманское имя Абиля-Мансур, в Санкт-Петербург во главе с Урусом, вело переговоры с российскими властями в 1762–1763 гг. на монгольском языке. Первое послание цинского императора Цяньлуна к казахам в 1755 г. было переведено на монгольский язык в ставке командующего маньчжуро-китайскими войсками в Джунгарии, а в состав цинского посольства к казахам были включены ойраты как проводники и переводчики. Сам Цяньлун знал монгольский, чагатайский и тибетский языки. Дипломатическая переписка его двора с казахскими и кокандскими ханами осуществлялась и на чагатайском (среднеазиатском тюрки) языке [Бейсембиев 2004: 64].

Некоторые представители казахской верхушки, в частности упомянутый Аблай хан Серединного жуза и его современник, хан Старшего жуза Жолбарыс, знали персидский и ойратский языки. Известен случай, когда им пришлось «толковать» цинским послам, чей переводчик плохо говорил по-казахски, «на колмацком и персидском разговоре». В 1759 г. цинские власти «отправили обратно к Аблай-салтану с письма-

ми на двух языках — калмыцком и мунгалском» его послов, побывавших при дворе императора Цинской династии. К тому же русские источники сообщают, что «сам он Аблай по-китайски читать и писать умеет и разговор нарочито знает» [Хафизова 1995: 252–253; АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1762–1763. Л. 49, 54–54об.].

Среди известных персонажей казахской истории хан Младшего жуза Абулхаир, возглавивший борьбу казахов с джунгарским нашествием, в молодости долгие годы провел в окружении калмыцкого хана Аюки, хорошо знал калмыцкий язык и традиции калмыков. К этому можно добавить, что одной из жен Абулхаира хана была калмычка Баяна.

Таким образом, взаимоотношения казахов с ойратами-джунгарами, халха-монголами и калмыками, это не только войны, но и культурные связи, что нашло заметное отражение как в дипломатической практике, «династических» браках представителей знати этих народов, так и в памятниках права казахов и ойратов с калмыками — «Жеты-Жаргы» и «Их Цааз», а также других монголов — «Цааджин Бичик», многие положения которых перекликаются друг с другом.

Вместе с тем при всех параллелях между «Жеты-Жаргы» с «Их Цааз» и «Цааджин Бичик», они имеют и существенные отличия, поскольку в казахском обществе не было такой более всеобъемлющей власти государства над подданными, как в Джунгарском и Калмыцком ханствах, которые по этому признаку, хотя еще нельзя назвать государствами восточной деспотии, но все же можно признать, что ойраты и калмыки гораздо ближе подошли к этому образцу, чем казахи, не говоря уже о положении монголов, подвластных маньчжурской династии Цин, правившей с 1644 г. в Китае. Ойратский «Их Цааз», и в особенности монгольский «Цааджин Бичик» отличаются от «Жеты-Жаргы» чрезмерной регламентацией всех сторон общественной и частной жизни кочевников. Если в «Уложении» Тауке хана есть понятие преступления против личности, нравственности и семьи, имущественных отношений, но нет понятия преступления против государства, т. е. политических и должностных преступлений, преступлений против основных правил государственной жизни и общественной морали, то в «Их Цааз» и «Цааджин Бичик» предусмотрена за преступления против государства целая

система наказаний. В «Жеты-Жаргы», если, например, сын доносил на отца, совершившего преступление против государства или кого-либо, то наказанию подвергали в первую очередь сына за донос, ибо «на старшего нельзя доносить» (статья 20). Жена и дети, знавшие о преступлении мужа и отца и не донесшие на него, не подвергались никакому наказанию. В первой редакции «Жеты-Жаргы» содержалась только одна статья, по которой разрешалась смертная казнь: «Воров за кражу верблюда или лошади, когда сделает сам признание, или доказан будет четырьмя свидетелями, для страху другим убивали». И смертная казнь у казахов была только двух видов: удушение и побивание камнями (за богохульство), что было крайне редким явлением, поскольку для обвинения требовались показания семи свидетелей. К тому же, в отличие от хунтайджи, халхасских владетелей и маньчжурских богдыханов, казахские ханы и султаны не могли наказывать преступников без согласия глав родов и племен — биев, в руках которых была законодательная и судебная власть, ополчения возглавляемых ими родов, формировавшие основные военные силы Казахского ханства, а если такие попытки предпринимались, то род, из которого происходил виновный, вставал на его защиту [Моисеев 1991: 90].

Вышеизложенные обстоятельства обусловили, говоря современным языком, конечно, с заметной долей условности, более «демократический» характер «Жеты-Жаргы» сравнительно с «Их Цааз» [Их Цааз 1981; Голстунский 1880; Гольман 1959: 139–162] и «Цааджин Бичик» в части прав и свобод всех сословий кочевого общества, каковыми были казахи, ойраты и калмыки, монголы. Кроме того, предопределили большую слабость казахской государственности по сравнению с таковой у калмыков Джунгарии и Поволжья, и, тем более, с халха-монгольской под властью Цинской династии, на порядок более централизованных и эффективных в плане военной организации, что и проявилось в джунгарско-казахских войнах и столкновениях казахов с калмыками и цинскими войсками, кавалерию которых в немалой степени представляли халхасцы. Но войны канули в Лету, а культурные контакты этих народов продолжают, поскольку невозможно представить историю казахов вне связей с монгольскими народами — ойратами, калмыками и хал-

хасцами, какими бы неоднозначными они не были, о чем и свидетельствуют рассмотренные выше памятники права казахов, ойратов и монголов — «Жеты-Жаргы», «Их Цааз» и «Цааджин Бичик».

При всем сказанном «Жеты-Жаргы», «Их-Цааз», «Цааджин Бичик» — творения законодателей кочевых народов Центральной Азии XVII – начала XVIII вв. — позволяют оценить тот степной мир, в котором они появились, а их создатели кажутся ближе и понятней. Благодаря этим памятникам видно, как они трудились над миром, в котором им довелось жить, как они пытались возвысить его, сделать более совершенным.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1762–1763.

Литература

- Бейсембиев Т. К. Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) // Рух-Мирас. Казахстанский культурологический альманах. 2004. № 2 (2). С. 58–68¹.
- Голстунский К. Ф. Монгольско-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями К. Ф. Голстунского. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 143 с.
- Гольман М. И. Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640 г. // Монгольский сборник. Экономика, история, археология. М.: Вост. лит., 1959. С. 139–162.
- Горяев М. С. О состоянии калмыцкого общества и хозяйства в конце XVIII–XIX вв. // VII Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации (Улан-Батор, август 1997 г.). М.: ИВ РАН, 1997. С. 24–26.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Наука, 1983. 332 с.
- Их Цааз («Великое уложение») — памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст, транслитерация сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его транслитерация,

¹ Статья также опубликована в: 1) Shygys. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. № 1. С. 53–64; 2) Тюркологический сборник. 2006. М.: Вост. лит., 2007. С. 77–94.

- перевод, введение и комментарии С. Д. Дылыкова. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1981. 148 с.
- Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сб. док-тов и мат-лов. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. 741 с.
- Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч. 2. Исторические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 334 с.
- Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей. Астана: ТОО «Астана Даму-21», 2006. 256 с.
- Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1982. 160 с.
- Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы: Гылым, 1995. 286 с.
- Economics, history, archaeology). Moscow, Vost. Literatura Publ., 1959, pp. 139–162 (In Russ.).
- Goryaev M. S. *Osostoyanii kalmytskogo obshchestva i khozyaystva v kontse XVIII–XIX vv.* [About Kalmyk society and economy in the late 18th — 19th cc.]. *VII Mezhdunarodnyy kongress mongolovedov. Ulan-Bator, avgust 1997 g. Doklady rossiyskoy delegatsii* (7th International Congress of Mongolists. Ulaanbaatar, August 1997. Reports of Russian delegates). Moscow, Institute of Oriental Studies (RAS) Press, 1997, pp. 24–26 (In Russ.).
- Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva. 1635–1758. Izd. 2-e. otv. red. G. D. Sanzheev* [A History of the Dzungar Khanate. 1635–1758. 2nd ed.]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 332 p. (In Russ.).
- Ikh Tsaz* («*Velikoe ulozhenie*») — *pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. Oyratskiy tekst, transliteratsiya svodnogo oyratskogo teksta, rekonstruirovannyi mongol'skiy tekst i ego transliteratsiya, perevod, vvedenie i kommentarii S. D. Dylykova* [The Great Code — a monument of the 17th c. Mongolian feudal law. The Oirat text, transliteration of the consolidated Oirat text, reconstructed Mongolian text and its transliteration, translation, introduction and comments by S. Dylykov]. Moscow Nauka Publ., 1981, 148 p. (In Russ.).
- Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Sbornik dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations: the 16th–18th cc. Collected documents and materials]. Almaty, Acad. of Sc. of the Kazakh SSR Press, 1961, 741 p. (In Russ.).
- Levshin A. I. *Opisanie kirgiz-kaysakikh ili kirgiz-kazach'ikh ord i stepey. Ch. 2. Istoricheskie izvestiya* [A description of Kirghiz-Kaisak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes. Part 2]. St. Petersburg, K. Kray Publ., 1832, 334 p. (In Russ.).
- Moiseev V. A. *Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi. XVII–XVIII vv.* [The Dzungar Khanate and Kazakhs: the 17th–18th cc.]. Almaty, Gylym Publ., 1991, 238 p. (In Russ.).
- Sultanov T. I. *Podnyatye na beloy koshme. Khany kazakhskikh stepey* [Those (Seated and) Raised on the White Felt. Khans of Kazakh steppes]. Astana, Astana Damu-21 Publ., 2006, 256 p. (In Russ.).
- Sultanov T. I. *Kochevye plemena Priaral'ya v XV–XVII vv.: (voprosy etnicheskoy i sotsial'noy istorii)* [Nomadic tribes of the Aral Sea Region in the 15th–17th centuries: (issues of ethnic and

Sources

AVPRI — *Arkhib vneshney politiki Rossiyskoy imperii* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire]. (In Russ.).

References

- Beysembiev T. K. *Sredneaziatskiy (chagatayskiy) tyurki i ego rol' v kul'turnoy istorii Evrazii (vzglyad istorika)* [Central Asian (Chagatai) Turks and their role in the cultural history of Eurasia (a historical perspective)]. *Rukh-Miras Almanac of Kazakhstan*, 2004, No. 2 (2), pp. 58–68 (In Russ.).
- Golstunsky K. F. *Mongol'sko-oyratskie zakony 1640 g., dopolnitel'nye ukazy Galdan khuntaydzhi i zakony, sostavlenkiye dlya volzhskikh kalmykov pri kalmytskom khane Donduk-Dashi. Kalmytskiy tekst s russkim perevodom i primechaniyami K. F. Golstunskogo* [Mongolian-Oirat laws of 1640, additional decrees by Galdan Hong Tayiji and laws drawn up for the Volga Kalmyks under the Kalmyk Khan Donduk-Dashi. A Kalmyk text with a Russian translation and notes by K. Golstunsky]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1880, 143 p. (In Kalm. and Russ.).
- Golman M. I. *Russkie perevody i spiski mongolo-oyratskikh zakonov 1640 g.* [Russian translations and original texts of the 1640 Mongol-Oirat laws]. *Mongol'skiy sbornik. Ekonomika, istoriya, arkheologiya* (The Mongolian Digest.

social history)]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 160 p. (In Russ.).
 Khafizova K. Sh. *Kitayskaya diplomatiya v*

Tsentral'noy Azii (XIV–XIX vv.) [Chinese diplomacy in Central Asia (the 14th–19th cc.)]. Almaty, Gylm Publ., 1995, 286 p. (In Russ.).

УДК 94 (47)+(470.47)

ПРАВОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ КАЛМЫКОВ ДЖУНГАРИИ И ПОВОЛЖЬЯ, ХАЛХАСЦЕВ С КАЗАХАМИ: XVII–XVIII вв.

Александр Шайдатович Кадырбаев¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: kadyr_50@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых и культурных взаимосвязей между монгольскими и казахским кочевыми народами на материале памятников степного права: казахского «Жеты-Жаргы», монгольских «Их Цааз» 1640 г. и «Цааджин Бичик», составленного во время правления маньчжурской династии Цин в Китае, когда ее армия пыталась покорить монгольские народы. В работе выявлены особенности в праве казахов и ойратов, которые обусловлены идентичными социально-экономическими условиями кочевой жизни, характерными для казахов, ойратов, калмыков, халха-монголов, несмотря на значительное влияние ислама на казахское право и буддизма на ойратов, калмыков и халха-монголов. Данное обстоятельство обусловило, при всем сходстве казахского и ойратского «Уложений», и ряд отличий между ними, поскольку в «Жеты-Жаргы» вошли некоторые установления мусульманского права — шариата, в частности предусматривавшие меры по защите ислама и определявшие наказания за богохульство и за переход в христианство, положений, которых не могло быть в указанных правовых памятниках халхасцев, калмыков Джунгарии и Поволжья.

Взаимоотношения казахов с ойратами-джунгарами, халха-монголами и калмыками, это не только войны, но и культурные связи, что нашло заметное отражение как в дипломатической практике, «династийных» браках представителей знати этих народов, так и в памятниках права казахов и ойратов с калмыками — «Жеты Жаргы» и «Их Цааз», а также других монголов — «Цааджин Бичик», многие положения которых перекликаются друг с другом. «Жеты-Жаргы», «Их-Цааз», «Цааджин Бичик» — творения законодателей кочевых народов Центральной Азии XVII – начала XVIII вв. — позволяют оценить тот степной мир, в котором они появились, а их создатели кажутся ближе и понятней. Благодаря этим памятникам видно, как они трудились над миром, в котором им довелось жить, как они пытались возвысить его, сделать более совершенным.

Ключевые слова: степное право, «Жеты-Жаргы», казахи, «Их Цааз», ойраты, калмыки, «Цааджин Бичик», халхасцы, хунтайджи, маньчжуры, Цин, Джунгарское ханство, Чингизиды, султан, нойон, батыр, бий, зайсанг.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 11–20, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-11-20
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

Images of Russia and Russians in Mongolia: Historical Memory and Modernity

Khishigt Norovsambuu ¹

¹ Ph. D. in History, Scientific Secretary, Institute of History and Archaeology, Mongolian Academy of Sciences of (Ulaanbaatar, Mongolia). E-mail: khishigt_58@yahoo.com

Abstract. The article attempts to provide a brief introduction to the history of images of Russia and Russians in Mongolia, reveal the sources of Russia's stable prestige, and examine the current state of relations between the neighboring nations with evidence from historical studies and opinion polls. The available studies testify that due to rare and short-lived mutual contacts before the mid-19th century the image of Russians in Mongolia had been ambiguous enough. Still, from then onwards, i.e. after the Russian Consular Agency was opened in Urga and some commercial activities initiated by Russians in Mongolia, the situation started changing. The paper shows that the Mongolian generalized image of Russians has been compiled through the diverse circumstances as follows: 1) Mongolia and Russia have sustained good neighborly relations for centuries; 2) another essential favorable factor is that Russia's plans towards Mongolia never contained any annexation-of-territory elements which contributed to the image of Russia as Mongolia's protector state, Russians thus acting as friendly neighbors; 3) it is through Russia that Mongolia was able to become familiar with European culture which also contributed to 'Russia's prestige'; the international relations rose to the new level after Mongolia gained independence from the Qing Empire. In other words, Russia had been synonymic to the 'West' in Mongolia, and the trend evolved throughout the Soviet period in scientific, cultural, and humanitarian contacts; 4) one more important aspect was the goodwill of Russians as such, that directly determined the success of Russia's image. In the 20th century, Russians and Mongols have had close links, and Mongolian sympathies towards the northern neighbors are to be seen up till now. The basis of that is constituted by the historical tradition and stable relations, common Eurasian civilizational constants taking the form of psychological comfort, and the indelible historical memory. However, it should be noted that in the context of the USSR's direct ideological influence on the MPR the relations between the countries were definitely to experience some negative consequences. The once established 'elder/younger brothers' relational principle implying the USSR's leadership in relations with Mongolia resulted in the fact that during the Socialist era the Soviets had significant influence on the Mongolian community, the Mongols being quite concerned over the very relational scheme. The conducted opinion polls regarding the current development of foreign policies confirm that Russia still enjoys great credibility, and Mongolia remains a part of the Russian language space. In conclusion, the image of Russia and Russians in Mongolia has remained generally positive for centuries which allows the Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Russian Federation to Mongolia K. I. Azizov to declare that 'Russia is open for the long-standing and unfailing friend — Mongolia'.

Keywords: Mongolia, Russia, image, good neighborly relations.

История свидетельствует, что образ одной страны у представителей других стран формируется на основе многочисленных факторов, среди которых, помимо характера и сущности междугосударственных отношений, своеобразия культуры и традиций, социально-политических процессов, исключительно важную роль играет и географическое положение. В этом отношении очень показательна Монголия, находящаяся между двумя государствами — Россией и Китаем. Несмотря на имеющиеся позитивные моменты, данное положение создавало Монголии необходимость постоянного учёта политики и действий своих соседей и использования перевеса сил в различных обстоятельствах. Такой перевес в XX в. складывался со стороны России, и монголы должны были незамедлительно воспользоваться этим для достижения своей коренной цели — приобретения независимости. Именно поэтому из всех периодов истории монголо-российских отношений выделяется XX век, характеристику которого составляет самый широкий круг проблем, в том числе интересующий нас вопрос.

Чтобы полнее представить картину, надо ответить на вопрос: *Когда и как* сложился образ России и русских в Монголии? Ответ на этот вопрос мы находим из истории русско-монгольских отношений. Исследования свидетельствуют, что до середины XIX в. образ русских в глазах монголов был довольно расплывчатым, так как контакты между двумя народами были нечастыми и недостаточно продолжительными [Бойкова 2015: 48], ибо «... наезды русских коммерсантов в пределы Монголии были лишь кратковременными и не оставляли после себя никакого прочного следа» [Майский 1921: 86].

Однако с середины XIX в., с открытием Русского консульства в Урге и началом торговой деятельности русских в Монголии, ситуация стала меняться.

24 февраля 1861 г. император Александр II назначил первым русским консулом в Урге начальника штаба Его Величества капитана К. Н. Боборыкина в ранге консула VI класса [Единархова 2008: 45]. Вместе с ним в Ургу в качестве секретаря и драгомана консульства пребывает Я. П. Шишмарев,

который впоследствии, прожив в Монголии почти полвека, верой и правдой служил Отечеству [Единархова 2001: 8]. Кроме них, в состав консульства входил лекарский и обслуживающий персонал. С июня 1861 г. начинается период становления русского консульства в главном центре сопредельной страны. В этом процессе, наряду с основными функциями дипломатической деятельности, первостепенное внимание отводилось благоустройству, что диктовалось не только жизненной необходимостью, но и политическими соображениями, поскольку считалось, что представительство Великой державы должно иметь достойный вид у глазах монголов и маньжурских властей.

Русское консульство стало не только первым домом европейского стиля, но самым высотным зданием в Урге, по поводу которого ургинские ламы с выражением недовольства говорили, что дом оказался выше «дерева почитания».

Вслед за строительством Консульского здания стали появляться дома и магазины русских купцов, и местность приобрела новое название «Консулын дэнж», или «Консульский посёлок», прочно закрепив за собой российский имидж в Монголии. Название это известно не только из истории, его хорошо помнит старшее поколение, которое использовало его в речи вплоть до середины прошлого столетия.

По мере увеличения численности русских торговых людей за счёт проживания семьями и создания ими русского быта процесс ознакомления с новой культурой и людьми происходил достаточно явно, благодаря чему у монголов складывался собирательный образ русских. Этому способствовал ряд обстоятельств: во-первых, Монголию и Россию связывала исторически сложившиеся добрососедские отношения, насчитывающие многие века; во-вторых, существенным фактором восприятия русских монголами было отсутствие в полити-

ке России аннексионистских планов в отношении Монголии, что собственно определяло формирование образа России, как защитницы Монголии, а русских — как добрых соседей; в-третьих, в лице России и через нее у Монголии появилась возможность познакомиться с европейской культурой, что сыграло большую роль в формировании «русского престижа». Основу этому заложили российские научные и военные экспедиции, побывавшие в Монголии во второй половине XIX – начале XX вв. Встречи и общение с ними расширяли представление любознательных монголов о соседней стране [Хишигт, Чулуун 2013: 300], чему не могли стать преградой даже цивилизационные различия.

В дальнейшем, после выхода Монголии из состава Цинского государства и достижения ею национальной независимости, связи между соседями достигли нового уровня. Россия принимала активное участие в деле развития гражданского образования и создания военной школы в соседней Монголии, вносила тем самым свой вклад в распространение современных знаний европейской культуры, обусловивших дальнейшее продвижение страны по пути социального прогресса. Россия была своеобразным «Западом» для Монголии, что продолжалось в советский период посредством научно-культурных, гуманитарных связей [Родионов 2009: 129; Козлов 1947: 70, 76–77, 83; Бойкова 2015: 47].

В-четвертых, важнейшим обстоятельством было также *расположение* самих русских, что прямым образом определяло успех российского имиджа. Насколько доброжелательно, не высокомерно и непредвзято русские относились к местному населению, к особенностям монгольского быта и менталитета, настолько же монголы были совершенно искренне добры и гостеприимны. В этом отношении примером для своих соотечественников были знаменитые ученые-ис-

Фото 2. Здание Русско-Китайского банка.
1912 г.

Фото 3. Клиника
традиционной медицины «Монг-эм». 2017 г.

следователи Г. Н. Потанин и П. Я. Козлов, у которых умение расположить к себе представителей коренного населения и заслужить их доверие способствовало верному успеху. Конечно, были и исключения. Часто случались, что русские купцы вели нечестную торговлю с местным населением. И все же впечатление у монголов об этих конкретных людях не сказывалось негативно на формировании общего представления о русских. Иными словами, русские и монголы ладили между собой, что способствовало формированию весьма положительного образа россиян в глазах монголов. Свидетельством тому является несколько домов в Улан-Баторе, которые, пройдя испытания временем от 100 до 150 лет, сохранились по сей день, напоминая собою маленькие островки памяти о русских в монгольской столице. Естественно, их совсем немного, но все же они сохранились в том или ином виде, и даже одно–два из них не утратили свой первосозданный вид.

С таким наследием монголо-русские отношения вступили в XX в. и развивались как в рамках государственной дипломатии, так и на уровне межличностных отношений во всех сферах общественной жизни.

В 2016 г. Монголия и Россия отметили 95-летний юбилей установления дипломатических отношений. Прошедшие девять с половиной десятилетий были насыщены разными и многоплановыми событиями, которые глубоко запечатлелись в бурной истории прошлого века. Если мы погрузимся в историю, то увидим, что какие тесные узы связывали монголов и русских: так, в 1939 г. монгольские и советские воины плечом к плечу сражались на Халхин-голе, и одержанная ими совместная победа ныне оценивается как событие, повлиявшее на весь ход истории [Кручкин 2015: 5]. В период второй

мировой войны МНР стала первой страной, вставшей на стороне СССР против фашистской Германии. Ярким свидетельством отношения монголов к Советскому Союзу в тяжелые годы Великой Отечественной войны было всенародное движение монголов по оказанию помощи Красной армии под лозунгом «Все для фронта, все для победы», которое осуществлялось в самых различных формах [Монгольский народ 2015: 10–14]. Монголия представляла СССР стратегические товары войны — шерсть и кожевенное сырье, — обеспечивала лошадиный «ленд-лиз» в размере больше полумиллиона голов, из которых в качестве подарка были переданы 32 тысячи, что хватало на 6 кавалерийских дивизий военного времени. Монгольский народ на свои средства построил танковую колонну «Революционная Монголия» и авиаэскадрилью «Монгольский арат», отправлял сотни эшелонов с тысячами тонн теплой одежды и продовольствия для красноармейцев, оказывал моральную поддержку, способствуя тем самым приближению Победы. Именно поэтому Президент Монголии Ц. Элбэгдорж был приглашен на празднование 70-летия Победы во Второй мировой войне, а монгольские войска прошагали в парадном строю по Красной площади, что оценивалось южнокорейским историком И Пен Ре как политика Правительства Монголии, отражавшая отношение монголов к России [Пйоннэ 2016: 91].

Людям не забыть и то, что с каким энтузиазмом шло созидание нового облика Монголии с помощью советских специалистов и рабочих, а также как монголы с ликованием в 1981 г. встречали космонавтов совместного советско-монгольского полёта. Такое перечисление общих страниц истории Монголии и России может составить длинный список.

Вместе с этим, с точки зрения исторической истины, должны отметить, что в условиях нахождения МНР в орбите прямого идеологического воздействия СССР отношения между странами были далеко не свободны от негативных сторон. Действовавший в российско-монгольских отношениях «принцип старшего и младшего брата» с лидерством СССР привел к тому, что в социалистический период советское влияние на жизнь монгольского общества было очень существенным. Такое положение, естественно, настораживало монголов и толкало их на путь приобретения большей свободы во внешнеполитическом маневре, в том числе в российском направлении [Родионов 2009: 75].

Возможность переосмысления существующей модели советско-монгольских взаимоотношений представилась только благодаря переменам, связанным с распадом социалистического блока и демократическим движением в Монголии. В этот период демократически настроенные монголы, отказываясь от старых стереотипов, подвергли резкой критике монгол Евросоюза о-советские отношения. В средствах массовой информации публиковалось много материалов, обвиняющих СССР в трагических событиях монгольской истории в XX в., застое ее развития, идеологизации монгольского общества. Незадолго до этого начался вывод из МНР советских воинских частей¹, нахождение которых в известной степени заострило критику в адрес СССР. Исключительным событием пересмотра истории монголо-советских отношений следует считать снос памятника И. В. Сталину, который с 1951 г. стоял в монгольской столице как дань уважения «отцу народов мира». Было и многое другое, имевшее свое влияние на общественное мнение по вопросу отношения к России как наследнице СССР. Но при всем этом, несмотря на нарекания в адрес социалистического прошлого, не подвергалась сомнению роль СССР в до-

стижении Монголией независимости и признания ее на международной арене.

Теперь обратимся к современности.

Симпатия монголов к своему северному соседу во многом сохранилась и на сегодняшний день. Основой тому служат исторически сложившаяся традиция и стабильность взаимоотношений, общность евразийских цивилизационных констант, выраженная в психологической комфортности, и неизгладимая историческая память. Не последнюю роль играет монгольский менталитет, который довольно часто выражается монгольской пословицей «В дружбе хорош старый друг, а в одежде лучше новая» (‘Нөхрийн хуучин нь, дээлийн шинэ нь’) или даже такой, как «Лучше знакомый чёрт, чем незнакомый бог» (‘Танихгүй бурхнаас таньдаг чөтгөр дээр’).

На современном этапе Монголия имеет дружеские отношения и сотрудничает со многими государствами Востока и Запада, среди которых Российская Федерация стоит на первом месте у значительной части монгольских граждан, что подтверждается результатами социологических опросов среди населения, речами и выступлениями государственных деятелей.

1. Прежде всего, следует отметить *сохранившийся достаточно высокий уровень доверия к России*. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов, проведенных фондом «Сант Марал» — одной из ведущих организаций, изучающих мнение монгольской общественности.

Согласно данным опроса, опубликованным в апреле 2015 г., по ответам на вопрос «По-Вашему, с гражданами каких стран монголы могут найти общий язык и работать дружно» 55,6 % респондентов указали на Российскую Федерацию, а 78,1 % опрошенных назвали ее *лучшим партнером* Монголии на современном этапе [Улс төрийн барометр 2015: 13–14]. Таким образом, по своей роли для Монголии Россия вышла на первое место среди других. В 2016 г. данные оказались еще с повышением показателей — на 4,6 % по первому и на 3,3 % по второму вопросам [Улс төрийн барометр 2016: 23–24].

¹ За период с 1987 по 1992 гг. из Монголии были выведены 82 000 советских военнослужащих, численность которых вместе с семьями составила более 100 000 чел. [Болдбаатар, Дулам-рагчаа, Нансалмаа 2014: 199].

Таблица 1. Данные ответов на вопрос «С гражданами каких стран монголы могут найти общий язык и работать дружно?». 2015 г.

Страны	В сельской местности	В столице (г. Улан-Батор)	Общие итоги
Россия	59.9	51.0	55.6
КНР	38.2	38.8	38.5
Южная Корея	21.1	24.5	22.8
Япония	13.3	16.0	14.6
США	4.3	8.6	6.5
Страны Евросоюза	2.4	2.9	2.7
Другие	0.5	1.7	1.1

Данные ответов на вопрос «С гражданами каких стран монголы могут найти общий язык и работать дружно». 2016 г.

Страны	В сельской местности	В столице (г. Улан-Батор)	Общие итоги
Россия	63.3	56.1	60.2
Южная Корея	36.3	37.0	36.7
КНР	30.8	36.4	33.3
Япония	13.4	14.3	13.8
США	6.0	4.9	5.5
Страны Евросоюза	2.3	5.1	3.6
Другие	0.8	1.1	0.9

Таблица 2. Данные ответов на вопрос «Кого Вы считаете самым лучшим партнером Монголии?». 2015 г.

Страны	В сельской местности	В столице (г. Улан-Батор)	Общие итоги
Россия	82.5	72.4	78.1
КНР	24.2	30.3	26.9
Япония	20.2	22.7	21.3
США	14.0	22.2	17.6
Южная Корея	8.3	10.3	9.2
Страны Евросоюза	6.0	9.6	7.6
Другие	1.5	2.7	2.1

Данные ответов на вопрос «Кого Вы считаете самым лучшим партнером Монголии?». 2016 г.

Страны	В сельской местности	В столице (г. Улан-Батор)	Общие итоги
Россия	85,7	75,8	81,4
КНР	26,6	26,6	26,6
США	14,0	21,0	17,1
Страны Евросоюза	7,5	14,9	10,7
Япония	16,9	23,1	19,6
Южная Корея	11,3	11,2	11,2
Другие	1,2	2,2	2,6

Если взять данные опросов, проведенных в 2013–2016 гг., то цифры выглядят следующим образом: 71,9 % (2013 г.), 76,8 % (2014 г.), 78,1 % (2015 г.) 81,4 % (2016 г.).

Несколько лет тому назад участники международной образовательной экспедиции Бурятского государственного университета при содействии Института истории Монгольской Академии наук¹ провели социологический опрос среди монгольских студентов. Результаты опроса этой активной и более открытой для общения социальной группы показали, что монгольская молодежь благожелательно относится к России и её роли в истории Монголии XX в. [Аюшиева, Цыренова 2011: 107–112]. Таким образом, приведенные данные демонстрируют устойчивость стереотипов в монгольском обществе о России.

В дополнение к вышесказанному стоит привести данные интервью ИТАР ТАСС Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа (2014 г.).

На вопрос первого заместителя Генерального директора ИТАР-ТАСС Михаила Гусмана *о современном состоянии отношений монголов к России* Президент Цахиагийн Элбэгдорж, сославшись на результаты социологических опросов, подчеркнул, что «... несмотря на смену социально-политического строя в Монголии и приход нового поколения, монголы по-прежнему тянутся к России и готовы к укреплению дружбы и сотрудничества между народами двух стран» [Элбэгдорж 2014].

2. Монголия еще остается *частью русскоязычного пространства*. По данным социологических опросов, *хорошую и удовлетворительную* оценку своим знаниям русского языка дали свыше половины столичных жителей — 50,1 % (13,3 % — хорошую, 36,8 % — удовлетворительную). Еще 21,6 % оценили свои знания как слабые [Железняков 2008]. Здесь мы снова вернемся к интервью Президента Монголии, который о русском языке заметил, что «...для успешного сотрудничества с соседями должны знать их язык и культуру. В Монголии нисколько не снизился интерес к русскому языку, <...> не надо искать далекие примеры, достаточно сказать, что сегодня простые монголы смотрят более десяти каналов Российского

телевидения. Я тоже постоянно смотрю новости Москвы» [Элбэгдорж 2014]. Действительно, социологические исследования фиксируют высокую популярность российских телеканалов, книг, печатных СМИ среди респондентов: так, свыше половины из них (57,6 %) смотрит телепередачи, транслирующиеся из России; почти четверть (24,5 %) читает российскую печатную продукцию [Монгольский мир между Востоком и Западом 2014: 150].

Говоря об отношении монголов к России, также необходимо ознакомиться и с взглядами и оценками современных россиян по отношению к Монголии и сотрудничеству с нею.

Приведем итоги социологического исследования, проведенного в рамках проекта «Байкальский регион в новых геополитических и социально-экономических условиях разворота России на Восток». Социологический опрос был организован общественной организацией «Центр изучения культуры» в трех субъектах региона — в Иркутской области, Республике Бурятия и Забайкальском крае в январе–марте и в мае–июне 2016 г. Респондентами были представители самых различных социальных слоев, в частности государственных и муниципальных органов власти, научной общественности, учащейся молодежи, сферы образования, культуры, спорта, бизнеса, промышленности, торговли, жителей приграничных с Монголией и КНР районов.

Итоги исследования позволили установить, какие страны считают респонденты дружественными по отношению к России, а какие — нет.

Рейтинг предпочтений выглядит следующим образом: *самыми дружественными странами* (из предложенного списка) были названы: Монголия — 87 %; Белоруссия — 79,6 %; Китай — 79 % и Казахстан — 76,8 % [Петрова 2016: 18]. При этом имеется некоторое различие: так, если респонденты в Бурятии *как более дружественную страну* воспринимают соседнюю Монголию, то в Забайкальском крае опрошенные назвали *Китай как более близкое и однозначно дружественное государство*. В целом же 64,8 % респондентов в трех регионах надеются на успешное продолжение политики сотрудничества России с Монголией и Китаем и только 15,5 % выразили определенные опасения [Братчане приняли участие ... 2016].

¹ В 2015 г. Институт истории и Институт археологии были объединены и получили название Института истории и археологии Монгольской Академии наук.

В связи с монголо-российскими отношениями на современном этапе хотелось бы обратить внимание на оценки респондентов относительно вопроса об отмене визового режима России с Монголией. Вопрос этот важен не только в смысле создания благоприятных условий для расширения стратегического партнерства двух государств, но и необходим и с точки зрения межлических отношений двух народов, в особенности приграничных районов. Так, 40,3 % опрошенных в трех регионах (в Бурятии таких оказалось 55 %) положительно оценили безвизовый режим, негативно — только 11 %. По мнению респондентов, основные преимущества безвизового режима состоят не только в увеличении оборота торговли, развитии туризма, сферы услуг, пополнении республиканского бюджета за счет налогов, создании новых рабочих мест, но и также в *расширении российского влияния за счет механизмов мягкой силы*: образовательные и культурные программы, общение родственников. В то же время большинство респондентов высказалось против открытия безвизового режима России с Китаем (55,8 %). Это, в свою очередь, показывает, что как монголы, так и россияне глубоко осознают, что волей судьбы наши две страны всегда будут находиться рядом и это дает нам особые возможности для дружбы и взаимовыгодного сотрудничества.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что образ России и русских в Монголии на протяжении нескольких столетий в целом оставался стабильно положительным, что дает Чрезвычайному и Полномоченному послу РФ в Монголии господину К. И. Азизову полное основание сказать, что «Россия открыта для своего давнего и надежного друга — Монголии» [Россия ... 2016].

Литература

- Аюшиева И. Г., Цыренова М. Г. Россия глазами современной монгольской молодежи // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. № 3. С. 107–112.
- Бойкова Е. В. Образ России и русских в дореволюционной Монголии // «Я рад, что стал монголоведом». К 85-летию С. К. Рощина. М.; Улаанбаатар: [б. и.], 2015. С. 47–57.
- Болдбаатар Ч., Дуламрагчаа Ю., Нансалмаа Э. Нийслэл Улаанбаатар: Он дарааллын бичиг = Столица Улаанбаатар: летопись Улаанбаатар: «Нэпко», 2014. 260 х.
- Братчане приняли участие в социологическом опросе по отношению к сотрудничеству с Китаем и Монголией // Наш Братск, городской портал. 4 октября 2016 г. [электронный ресурс] // URL: <http://nashbratsk.ru/news/article/22666/> (дата обращения: 16.02.2017).
- Единархова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев. Иркутск: Ретроцентр А1, 2008. 136 с.
- Единархова Н. Е. Русский консул в Монголии. Отчёт Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск: Оттиск, 2001. 118 с.
- Козлов П. К. Монголия и Кам [Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901 гг.)]. М.: Географиз, 1947. 438 с.
- Кручкин Ю. Монголия была первой... Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2015. 207 с.
- Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск: Гос. изд-во, Иркутск. отд., 1921. 472 с.
- Монгольский мир между Востоком и Западом. Новосибирск: Автограф, 2014. 351 с.
- Монголын ард түмэн: Бүхнийг фронтод, Бүгдийг ялалтын төлөө = Монгольский народ: Все для фронта, Все для победы / документально-иллюстрированный альбом; гл. ред. С. Чулуун; сост. Н. Хишигт, Ч. Дашдаваа, Ч. Болд, Ч. Баасанжаргал. Улаанбаатар: Адмон, 2015. 384 с.
- Железняков 2008 — Железняков А. С. Об отношении монголов к России (по материалам второй волны социологического опроса) // Официальный сайт ИС РАН. 2008 [электронный ресурс] // URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1092> (дата обращения: 16.02.2017).
- Петрова Е. Разворот России на Восток // Традиция. Республиканская газета. 21 сентября 2016 г. № 37 (473). С. 18 [электронный ресурс] // URL: [https://arigus.tv/upload/iblock/5b3/all_37\(473\).pdf](https://arigus.tv/upload/iblock/5b3/all_37(473).pdf) (дата обращения: 16.02.2017).
- Пйөннэ И. Эргэн тойрны улс орны талаархи Монгол улсын иргэдийн ойлголт. Сантмарал сангийн судалгааны жишээн дээр = Представления граждан Монголии о государствах, окружающих ее. По материалам фонда «Сант-Марал» // Монгол-Солонгосын түүхийн ойлголт, судалгааны өнцөг. Монгол-Солонгосын 2016 оны эрдэм шинжилгээний хамтарсан хурал = Монголия и Корея: понимание истории и углы исследований. Монголо-Корейская совместная научная конференция-2016. Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии, 2016. 230 с.
- Родионов В. А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 228 с.

- Россия ... 2016 — Россия открыта для своего давнего и надежного друга — Монголии. Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Монголии Искандера Азизова журналу «The Mongolian Mining Journal» по вопросам текущих отношений и экономического сотрудничества между Россией и Монголией (27.01.2016) [электронный ресурс] // URL: <http://asiarussia.ru/persons/10955/> (дата обращения: 16.02.2017).
- Улс төрийн барометр 2015 — «Сант Марал» сан. Улс төрийн барометр = Фонд «Сант Марал». Политический барометр. № 14 (48). Апрель 2015 г. С. 13–14 [электронный ресурс] // URL: <http://santmaral.org/mn/publications> (дата обращения: 16.02.2017).
- Улс төрийн барометр 2016 — «Сант Марал» сан. Улс төрийн барометр = Фонд «Сант Марал». Политический барометр. № 15(49). Март 2016 г. С. 23–24 [электронный ресурс] // URL: <http://santmaral.org/mn/publications> (дата обращения: 16.02.2017).
- Хишигт Н., Чулуун С. Российские путешественники на рубеже XIX–XX веков и быт и культура монголов // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура. Улаанбаатар; Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. С. 295–301.
- Ц. Элбэгдорж. Монголчууд хуучин андаа мартдаггүй = Монголы не забывают старых друзей [электронный ресурс] // URL: <https://www.news.mn> 13 октября 2014 г. (дата обращения: 16.02.2017).
- References**
- Ayushieva I. G., Tsyrenova M. G. *Rossiya glazami sovremennoy mongol'skoy molodezhi* [Russia through the eyes of modern Mongolian youth]. *Vestnik BNTs SO RAN* (Bulletin of Buryat Scientific Center), Buryat Scientific Center (Sib. Br. of the RAS) Press, 2011, No. 3, pp. 107–112 (In Russ.).
- Boykova E. V. *Obraz Rossii i russkikh v dorevolutsionnoy Mongolii* [The image of Russia and the Russians in pre-revolutionary Mongolia]. «Ya rad, chto stal mongolovedom». *K 85-letiyu S. K. Roshchina* ('I'm glad to have chosen to be a Mongolist'. Celebrating the 85th anniversary of S. Roshchin). Moscow, Ulaanbaatar, 2015, pp. 47–57 (In Russ.).
- Boldbaatar Ch., Dulamragchaa Yu., Nansalma E. *Niyslel Ulaanbaatar: On daraallyn bichig* [The capital of Ulaanbaatar: chronicles]. Ulaanbaatar, Nepko Publ., 260 p. (In Mong.).
- Bratchane prinyali uchastie v sotsiologicheskom oprose po otnosheniyu k sotrudnichestvu s Kitaem i Mongoliey* [Bratsk residents took part in the opinion poll about cooperation with China and Mongolia]. *Nash Bratsk* [Our Bratsk — city portal]. Available at: http://nashbratsk.ru/opt-images.lc-bitrix-cdn.ru/upload/iblock/66e/22_glavnii_sait_495_socopros_r.jpg?147312883017229 4 October 2016 (accessed: 16 February 2017) (In Russ.).
- Edinarkhova N. E. *Russkoe konsul'stvo v Urge i Ya. P. Shishmarev* [The Russian consulate in Urga and Ya. Shishmarev]. Irkutsk, Retrotsentr A1 Publ., 2008, 136 p. (In Russ.).
- Edinarkhova N. E. *Russkiy konsul v Mongolii. Otchet Ya. P. Shishmareva o 25-letney deyatelnosti Urginskogo konsul'stva* [Russian Consul in Mongolia. Ya. Shishmarev's report celebrating the 25th anniversary of the Consulate in Urga]. Irkutsk, Imprint, 2001, 118 p. (In Russ.).
- Kozlov P. K. *Mongoliya i Kam. Trekhtletnee puteshestvie po Mongolii i Tibetu (1899–1901 gg.)* [Mongolia and Kham. (A three-year journey through Mongolia and Tibet. 1899–1901)]. Moscow, Geografiz Publ., 1947, 438 p. (In Russ.).
- Kruchkin Yu. *Mongoliya byla pervoy...* [Mongolia was first...]. Ulaanbaatar, Soembo Print., 2015, 207 p. (In Russ.).
- Maysky I. M. *Sovremennaya Mongoliya* [Modern Mongolia]. Irkutsk, State Publishing House, 1921, 472 p. (In Russ.).
- Mongol'skiy mir mezhduraznitsy i Zapadom* [The Mongolian world between the East and West]. Novosibirsk, Avtograf Publ., 2014, 351 p. (In Russ.).
- Mongolyn ard tymen: Bykhniyg frontod, Bygdiyg yalaltyn tolөө ('Mongol'skiy narod: Vse dlya fronta, Vse dlya pobedy')* [The Mongolian people: everything for the front, everything for the victory]. *Dokumental'no-illyustrirovannyy al'bom. (Gl. red.: S. Chuluun. Sost.: N. Khishigt, Ch. Dashdavaa, Ch. Bold, Ch. Baasanzhargal)* [A documentary illustrated album. Ed. by S. Chuluun. Comp. by N. Khishigt et al.]. Ulaanbaatar, Admon Publ., 384 p. (In Russ.).
- [Zheleznyakov 2008] — *Ob otnoshenii mongolov k Rossii (po materialam vtoroy volny sotsiologicheskogo oprosa)* [About attitudes of Mongols towards Russia (evidence from the second sociological survey)]. *Ofitsial'nyy sayt IC RAN. 2008* [Official website of Institute of Sociology RAS]. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1092> (accessed: 16 February 2017) (In Russ.).

- Petrova E. *Razvorot Rossii na Vostok* [Russia turns to the East]. *Traditsiya. Respublikanskaya gazeta* (Tradition. Republican newspaper), 21 September 2016, No. 37 (473). Available at: // [https://arigus.tv/upload/iblock/5b3/all_37\(473\).pdf](https://arigus.tv/upload/iblock/5b3/all_37(473).pdf) (accessed: 16 February 2017) (In Russ.).
- Pyönne I. *Ergen toyrny uls орны талаархи Монгол улсын иргэдийн ойлголт. Santmaral сангийн судалгааны зhisheen deer* [Beliefs of citizens of Mongolia about the neighboring states. Materials of Sant Maral Foundation]. *Mongol-Solongsyn тyykhiyn ойлголт, судалгааны өнтсөг. Mongol-Solongsyn 2016 онь ердem шинzhilgeeniy khamtarsan khural* [Mongolia and Korea: Understanding the History and Research Approaches. Proc. of the Mongolian-Korean scientif. conf. 2016]. Seoul, History Fund of North-East Asia Press, 2016, 230 p. (In Russ.).
- Rodionov V. A. *Rossiia i Mongoliya: novaya model' otnosheniy v nachale XXI veka* [Russia and Mongolia: a new model of relations at the beginning of the 21st century]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center Press, 2009, 228 p. (In Russ.).
- [Rossiya 2016] — *Rossiia otkryta dlya svoego davnego i nadezhnogo druga — Mongolii. Interv'yu Chrezvychaynogo i Polnomochnogo Posla Rossiyskoy Federatsii v Mongolii Iskandera Azizova zhurnalu «The Mongolian Mining Journal» po voprosam tekushchikh otnosheniy i ekonomicheskogo sotrudnichestva mezhdru Rossiei i Mongoliey (27.01.2016)* [Russia is open to its long-time and reliable friend — Mongolia. An interview of the Ambassador of the Russian Federation to Mongolia Iskander Azizov to *The Mongolian Mining Journal* on current relations and economic cooperation between Russia and Mongolia]. Available at: // <http://asiarussia.ru/persons/10955/> 27 January 2017 (accessed: 16 February 2017) (In Russ.).
- [Uls төрийн барометр 2015] — «*Sant Maral*» сан. *Uls төрийн барометр* [Sant Maral Foundation. Political barometer 2015], No. 14 (48), April 2015, pp. 13–14. Available at: <http://santmaral.org/mn/publications> (accessed: 16 February 2017) (In Mong.).
- [Uls төрийн барометр 2016] — «*Sant Maral*» сан. *Uls төрийн барометр* [Sant Maral Foundation. Political barometer 2016], No. 14 (48), March 2016, pp. 23–24. Available at: <http://santmaral.org/mn/publications> (accessed: 16 February 2017) (In Mong.).
- Khishigt N., Chuluun S. *Rossiyskie puteshestvenniki na rubezhe XIX–XX vekov i byt i kul'tura mongolov* [Russian travelers at the turn of the 19th–20th centuries. Life and culture of the Mongols]. *Rossiia i Mongoliya na rubezhe XIX–XX vekov: ekonomika, diplomatiya, kul'tura* [Russia and Mongolia at the turn of the 19th–20th centuries: economy, diplomacy, culture]. Ulaanbaatar, Baikal State Univ. Press, 2013, pp. 295–301 (In Russ.).
- Elbegdorzh Ts. *Mongolchuud khuuchin andaa martdaggy* [Mongols do not forget old friends]. Available at: <https://www.news.mn/> 13 October 2014 (accessed: 16 February 2017) (In Mong.).

УДК 94

ОБРАЗ РОССИИ И РОССИЯН В МОНГОЛИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Хишигт Норовсамбуу¹

¹ доктор исторических наук, ученый секретарь, Институт истории и археологии Монгольской Академии наук (Улан-Батор, Монголия). E-mail: khishigt_58@yahoo.com

Аннотация. В статье сделана попытка вкратце коснуться вопроса истории формирования образа России и русских в соседней Монголии, выявить истоки устойчивости сохранения российского престижа и рассмотреть современное состояние взаимоотношений народов соседних государств на основе исторических исследований и социологических опросов. Образ России и русских в Монголии на протяжении нескольких столетий в целом оставался стабильно положительным, что дает Чрезвычайному и Полномоченному послу Российской Федерации в Монголии господину К. И. Азизову полное основание сказать, что «Россия открыта для своего давнего и надежного друга — Монголии».

Ключевые слова: Монголия, Россия, образ, добрососедские отношения.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 21–32, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-21-32
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

Nobility Assemblies in the Middle Volga Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Competences, Composition, Participation Procedures

Roman V. Fedoseev ¹, Oksana A. Barshova ²

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department for State and Law Studies, Middle-Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of Ministry of Justice) (Saransk, Russian Federation). E-mail: fedoseevrv@gmail.com

² Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department for State and Law Studies, Middle-Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of Ministry of Justice) (Saransk, Russian Federation). E-mail: oxanabarshova@yandex.ru

Abstract. With evidence from corresponding legislative acts, the article considers the competences, composition and participation procedures of Middle-Volga nobility assemblies in the latter half of the 19th – early 20th cc. and provides some figures about the actual participation of the nobility in such assemblies. For instance, in Penza Governorate between 1860 and 1896, regular governorate-level assemblies of the nobility were attended by only 24,5 % of the authorized landlords. There was a progressive decline in the participation activities of Penza's nobility after the Emancipation Reform of 1861 and up to the early 1870s which was evidently due to the unfavorable financial situation experienced by the gentry during the mentioned period. In subsequent years, interest towards the assemblies would occasionally increase as in 1875 or decrease as in 1878, 1884 and 1887; so, by the late 19th century the percentage level was almost equal to that of 1860. The fact assemblies of the nobility were granted additional competences in the late 19th – early 20th cc. testifies that the Government viewed such nobility associations as their 'ideological transmitters' at the local level. In that context, their functions — but not their personal rights — were being gradually extended.

The late 19th – early 20th cc. reduction of the nobility's personal rights did not virtually affect the legal status of noble societies that had been established and functioned in each of the Middle-Volga provinces. Thus, the nobility assemblies were the main representative bodies of nobility associations. Rarely did landlords take part in assemblies of the nobility since the former were evidently far more interested in local economic arrangements rather than in matters of state. Land mobilizations resulting in the nobility's loss of any rights to participate in such assemblies according to the established qualifying requirement was another reason. The third reason was supposedly that the gentry had lost touch with their estates, so they were disconnected from the region and its problems.

Keywords: nobility, corporation, nobility assembly, elections, property qualifying requirements, uезд (Rus. 'district'), governorate.

Введение

Дворянское самоуправление зародилось еще при Иване Грозном, когда дворянство выбирало из своего состава губных старост, являвшихся должностными лицами земств с судебно-полицейскими полномочиями. При Петре I подобные функции выполняли ландраты и ландрихтеры, также избираемые из дворянской среды, при этом на выборах дворяне действовали как общество определенного уезда, губернии либо области [Яблочков 1876: 537–538]. В то же время какого-либо систематизирующего правового акта о дворянской корпоративной организации тогда не существовало. В 1766 г. Екатерина II с целью выборов депутатов в комиссию по составлению нового уложения приняла указ [ПСЗ-I, XVII: 1092–1109 (№ 12801)], по которому дворяне каждого уезда должны были выбрать предводителя и под его руководством избрать депутатов в комиссию [Романович-Славатинский 1870: 411–412; Яблочков 1876: 538–541]. По сути, данным актом на уровне уездов была впервые создана дворянская корпорация, которая в соответствии с Учреждениями для управления губерний [ПСЗ-I, XX: 229–304 (№ 14392)] стала постоянно действующей организацией. В дальнейшем Жалованная грамота 1785 г. законодательно оформила право дворянства «собираться в той губернии, где жительство имеют, и составлять дворянское общество» [ПСЗ-I, XXII: 349 (№ 16187, ст. 37)], закрепив право создавать аналогичные организации на губернском уровне. Окончательно дворянская корпоративная организация оформилась при Николае I, который в 1831 г. принял манифест «О порядке Дворянских Собраний, выборов и службы в них» [ПСЗ-II, VI: 247–273 (№ 4989)]. И хотя на протяжении второй половины XIX — начала XX в. в перечисленные правовые акты вносилось довольно много изменений и дополнений, они не переставали играть роль правового базиса, на котором строилась деятельность дворянских корпораций на территории России в целом и Среднего Поволжья в частности. В данной статье нами рассматриваются компетенция, состав и порядок участия дворянского собрания в Среднем Поволжье во второй половине XIX — начале XX в.

История создания дворянских обществ в средневожских губерниях

Дворянские общества в средневожских губерниях были образованы сразу после

принятия Жалованной грамоты в 1775 г. И только в Самарской губернии дворянская корпорация появилась значительно позже, поскольку сама губерния была образована 1 января 1851 г. [ЦГА СО. Ф. 3. Оп. 65. Д. 2. Л. 28–28об.; ПСЗ-II, XXV: 289 (№ 24708)]. При этом Самарское дворянство состояло из трех частей: 1) дворяне Самарского и Ставропольского уездов Симбирской губернии; 2) дворяне Бузулукского, Бугульминского и Бугурусланского уездов Оренбургской губернии; 3) дворяне Николаевского и Новоузенского уездов Саратовской губернии [Курсеева 1985: 40]. Вскоре после образования состоялось и первое губернское дворянское собрание — 18 мая 1851 г., председательствовал на нем уездный предводитель дворянства Самарского уезда А. А. Путилов. В собрании приняли участие 24 дворянина. Они избрали трех делегатов, которые поехали с депешей к Государю и были приняты им в августе того же года [ЦГА СО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–2]. Таким образом, на территории каждой губернии действовало отдельное дворянское общество, главным представительным органом которого являлось дворянское собрание (ниже представлены фотографии Домов Дворянского собрания и их залов в регионе Среднего Поволжья).

Характер дворянских собраний и время их проведения

Дворянские собрания могли быть как и уездными, так губернскими, как обыкновенными, так и чрезвычайными [ПСЗ-II, VI: 248–249 (№ 4989, § 1, 2)]. Обыкновенные губернские собрания собирались один раз в три года по распоряжению губернатора; чрезвычайные, в свою очередь, созывались по мере необходимости по инициативе губернского предводителя дворянства и с разрешения губернатора [ПСЗ-II, VI: 249 (№ 4989, § 3, 5)]. Необходимость получения разрешения губернатора для проведения дворянских собраний указывает, что, несмотря на известную степень самостоятельности дворянских корпораций, они в рассматриваемый нами период все же находились в зависимости от губернской администрации.

Дворянское собрание проходило в декабре либо январе, впрочем, данные сроки могли быть передвинуты «по местным обстоятельствам и нуждам» по представлению губернатора и с разрешения министра внутренних дел [ПСЗ-II, VI: 249 (№ 4989, § 4)].

Состав и порядок участия дворянского собрания

Участвовать в работе собраний имели право только потомственные дворяне губернии или уезда, причем одна часть из них обладала правом голоса, а другая часть его не имела [ПСЗ-II, VI: 250 (№ 4989, § 14)].

Участвовать в работе собрания с правом голоса, а также претендовать на должности, замещаемые посредством выборов, могли достигшие 21-летнего возраста потомственные дворяне, внесенные в родословную книгу соответствующей губернии и владевшие в ней недвижимостью, имевшие классный чин XIV класса и выше либо аттестат о высшем или среднем образовании. В законодательстве было уделено внимание и морально-этическим аспектам участия в выборах: так, кроме перечисленных требований, дворянин должен был иметь «честное и неукоризненное поведение и не находиться в явном пороке или подозрении» [ПСЗ-II, VI: 250 (№ 4989, § 15)].

При этом закон разделял дворян по полноте использования права голоса на выборах на две группы: одна из них могла голосовать по всем вопросам собрания, кроме выборов; вторая, к которой относились те, кто отвечал дополнительным требованиям, обладала еще и голосом на выборах. Требования эти касались «качества и количества состоящей за дворянином недвижимой собственности» [ПСЗ-II, VI: 251 (№ 4989, § 18–20)]. До 1870 г. действовали правила, установленные манифестом 1831 г., согласно которым, таким правом обладали дворяне, владевшие 100 ушами крепостных (после реформы 1861 г. временнообязанных) крестьян мужского пола или 3 тыс. дес. незаселенной земли в пределах губернии [ПСЗ-II, VI: 251 (№ 4989, § 21)]. Затем данные требования изменили и приравнивали к цензу, установленному в положении о земских учреждениях и необходимому для избрания гласных в уездные земские собрания [ПСЗ-II, XLV: 764–765 (№ 48455); ПСЗ-II, XXXIX: 4–5 (№ 40457, ст. 16, 23)]. Он равнялся 200–300 дес. земли в основных земледельческих и обеих столичных губерниях и 300–600 дес. в промышленных, лесных и степных губерниях [Корелин 1979: 140]. Кроме того, дополнительными основаниями являлись: владение в городе или уезде другим, помимо земли, недвижимым имуществом стоимостью не ниже 15 тыс. руб.; владение в губернии недвижимостью,

независимо от размера и стоимости, если дворянин приобрел во время службы чин полковника или действительного статского советника либо получает пенсию или доход от аренды не ниже 900 руб. в год; служба на должности предводителя дворянства не менее трех полных лет [ПСЗ-II, XLV: 764–765 (№ 48455)]. В 1890 г. земельный ценз был опять понижен. В соответствии с новым положением о земствах он составил 150–200 дес. земли в основных земледельческих и 300–500 дес. в промышленных, лесных и степных губерниях [ПСЗ-III, X: 497 (№ 6927, ст. 16; Корелин 1979: 142)]. Постепенное уменьшение ценза, дававшего право участия в работе собраний, можно объяснить стремлением, с одной стороны, привлечь к деятельности дворянских обществ как можно большее число дворян, а с другой — компенсировать количественные потери в рядах членов собраний, связанные с резким уменьшением дворянского землевладения в исследуемый период.

Дворяне имели право соединять свои участки, находившиеся в разных уездах одной губернии, с целью удовлетворения требований названного ценза. Кроме того, дворяне, которые не соответствовали указанным требованиям, но имели в пределах губернии имения размером не менее 1/20 того количества земли, дававшего право голоса, могли участвовать в выборах через уполномоченных, назначаемых ими из своей среды. Для этого они должны были объединить свои земельные участки, составив из них участок требуемого для участия в выборах размера. Голос такого уполномоченного приравнивался к голосу любого иного дворянина, имевшего право участвовать в выборах [Блосфельдт 1901: 49–50; ПСЗ-II, XLV: 764–765 (№ 48455)]. Дворянин, владевший имениями в разных губерниях, обязан был выбрать одну из них, где бы он постоянно участвовал в деятельности дворянского собрания [ПСЗ-II, VI: 254–255 (№ 4989, § 48)].

Окончательное решение об установлении имущественного ценза принималось с учетом местных особенностей и зависело от размеров находившихся в собственности дворян той или иной губернии земельных участков. Например, в Казанской губернии в Козьмодемьянском, Царевококшайском и Чебоксарском уездах для участия в выборах земских гласных необходимо было быть владельцем как минимум 175 дес. земли, в остальных уездах ценз был равен 200 дес.

В Пензенской губернии в большинстве уездов ценз был равен 175 дес. земли, только в Краснослободском и Городищенском уездах он отличался, составляя соответственно 200 и 250 дес. В свою очередь в Симбирской губернии в уездах Алатырском, Ардатовском и Курмышском ценз составлял 200 дес. земли, в остальных — 250 дес. Самым большим имущественный ценз был в Самарской губернии, где доходил до 550 дес. земли в Новоузенском уезде, в Николаевском — 475 дес., а в Ставропольском — 250 дес. Остальные уезды данной губернии получили ценз размером в 350 дес. [Блосфельдт 1901: 355–357] (прил. 1–4). Такой отрыв в требованиях от других губерний Среднего Поволжья объясняется величиной принадлежавшей дворянству Самарской губернии земельной собственности. Здесь в 1877 г. в собственности дворян имелось 2 033 133 дес. земли, средний размер дворянского владения составлял 1 879 дес., что было почти в два раза больше, чем в остальных средневолжских губерниях [Статистика землевладения 1906: 12; Статистика землевладения 1905: 12].

Компетенции дворянского собрания

К компетенции обыкновенных губернских дворянских собраний относились вопросы, связанные с деятельностью дворянского общества губернии. К ним относились: выборы дворянством из своей среды «достойнейших чиновников для служения в разных законом определенных должностях» [Блосфельдт 1901: 55], обсуждение своих нужд и потребностей с возможностью обращаться по ним через губернского предводителя дворянства к губернатору и в Министерство внутренних дел, а по наиболее важным вопросам — лично к императору [ПСЗ-II, VI: 249 (№ 4989, § 7)]. Также к предметам ведения дворянских собраний относилось рассмотрение спорных вопросов, связанных с ведением дворянской родословной книги [ПСЗ-I, XXII: 353–354 (№ 16187, ст. 85–90)], а также распоряжение имуществом, которое принадлежало дворянскому обществу [Миронов 2000: 517]. Помимо перечисленного, в конце XIX — начале XX в. правительство с целью поддержания дворянского сословного самоуправления и его финансовой составляющей наделило дворянские корпорации некоторыми новыми полномочиями. В 1893 г. в пользу дворянских обществ

стали обращаться выморочные имущества¹, оставшиеся после смерти потомственных дворян [ПСЗ-III, XIII: 392 (№ 9715, ст. 1)]. С 1899 г. дворянским обществам было предоставлено право учреждать пансион-приюты для воспитанников средних учебных заведений гражданского ведомства в отношении детей потомственных дворян. Кроме того, им было позволено учреждать за счет средств государственной казны стипендии дворянским детям, обучавшимся в высших и средних учебных заведениях все того же гражданского ведомства [ПСЗ-III, XIX: 503 (№ 16950, ч. 1–2)]. Предметы ведения чрезвычайных дворянских собраний в законе не были прописаны ввиду того, что их проведение обуславливалось особыми обстоятельствами, в связи с которыми эти собрания проводились [О составе, правах и преимуществах российского дворянства 1897: 77].

Увеличение количества полномочий, предоставленных дворянским обществам в конце XIX — начале XX в. свидетельствует о том, что правительство видело в дворянских корпорациях своего рода проводника идей на местах. В связи с этим их функции в отличие от личных прав постепенно расширялись.

Первоочередным вопросом дворянских собраний являлся вопрос о выборах. В исследуемый период дворянское общество избирало из своей среды ряд должностных лиц: губернского и уездных предводителей дворянства; депутатов дворянского собрания; секретаря дворянского собрания; заседателей в дворянские опеки — от 2 до 4 чел.; посредников для полюбовного специального размежевания земель [Блосфельдт 1901: 65]. Кроме того, с 1885 г. губернские дворянские собрания тех губерний, которые находились в пределах деятельности отделения Государственного Дворянского земельного банка, избирали двух «членов от дворянства», участвовавших в обсуждении и решении отделениями касавшихся их губерний дел [ПСЗ-III, V: 265 (№ 3016, ст. 12)]. Данные должностные лица формально не подчинялись губернской администрации и содержались за счет дворянской корпорации, чьи интересы представляли.

¹ Выморочным считалось имущество, которое оставалось после умершего лица и на которое никто не заявлял или не мог заявить притязаний ни по завещанию, ни по праву наследования по закону (см.: [Энциклопедический словарь ... 1892: 524]).

Участие средневожских дворян в дворянских собраниях

Как видно, деятельность губернских дворянских собраний, их полномочия, права членов на участие в выборах были детально урегулированы законодательством. В то же время далеко не все дворяне участвовали в их деятельности, хотя формально их участие признавалось обязательным, «особенно же, когда не занят он гражданской или военной службой» [ПСЗ-II, VI: 254–255 (№ 4989, § 48)].

Например, в Пензенской губернии между 1860 и 1896 гг. на заседаниях обыкновенных губернских дворянских собраний в среднем присутствовало лишь 24,5 % от имевших на это право дворян-землевладельцев. При этом активность участия пензенских дворян в собраниях с момента про-

ведения крестьянской реформы и до начала 1870-х гг. падала, что связано было, очевидно, с неблагоприятным материальным состоянием поместного дворянства в этот период. В дальнейшем интерес к деятельности собраний то повышался, как в 1875 г., то снижался, как в 1878, 1884 и 1887 гг., к концу XIX в. в процентном отношении почти достигнув уровня 1860 г. То же можно сказать и о численном составе собраний, который колебался иногда очень значительно от 184 чел. в 1860 г. до 80 в 1869 г. Изменение имущественного ценза, необходимого для участия в собраниях, а также рост числа дворян, проживавших в столице губернии, практически не сказывались на числе участников губернских собраний, так как в противовес этому происходил процесс обезземливания высшего сословия (табл. 1).

Таблица 1. Состав обыкновенных губернских дворянских собраний, прошедших в Пензенской губернии с 1860 по 1896 г. *, чел.

Год проведения	Число дворян, имевших право на участие в собрании	Число действительно участвовавших	Процент участвовавших от общего числа имевших на это право
1860	597	184	30,8
1863	575	140	24,3
1866	514	105	20,4
1869	464	80	17,2
1872	607	116	19,1
1875	499	162	32,4
1878	572	137	23,9
1881	578	170	29,4
1884	526	131	24,9
1887	520	127	24,4
1890	432	147	34,0
1893	457	131	28,6
1896	475	144	30,3

* Таблица составлена по данным [ГА ПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 2000а. Л. 43].

Но еще меньшее число пензенских дворян участвовало в чрезвычайных дворянских собраниях. В среднем на них присутствовало лишь 9,2 % дворян, имевших на это право. Причем число участников редко превышало 50 чел. Интересным является тот факт, что наибольшее число участников заседаний дворян отмечается в 1885, 1889 и

1891 гг. Эти собрания проводились в связи с образованием Дворянского земельного банка, избранием членов от дворянства в его отделение и по поводу рассрочки платежей [ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 2000а. Л. 45]. Таким образом, очевидно, что местные хозяйственные дела интересовали дворянство намного больше, чем государственные (табл. 2).

Таблица 2. Состав чрезвычайных губернских дворянских собраний, прошедших в Пензенской губернии с 1873 по 1895 г., чел.

Дата проведения собрания	Число дворян, имевших право на участие в собрании	Число действительно участвовавших	Процент участвовавших от общего числа имевших на это право
10.01.1873	607	29	4,8
03.11.1876	499	46	9,2
01.05.1877	499	55	11,0
21.11.1879	572	23	4,02
09.12.1879	572	58	10,1
29.06.1882	578	44	7,6
21.04.1885	526	41	7,8
05.12.1885	526	72	13,7
14.12.1889	520	64	12,3
14.12.1891	432	58	13,4
30.06.1894	457	43	9,4
03.11.1894	457	38	8,3
13.11.1895	475	48	10,1

* Таблица составлена по данным [ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 2000а. Л. 45].

Мало дворян участвовало и в уездных дворянских собраниях, которые нередко отменялись по причине отсутствия кворума. По данным О. А. Курсевой, подобное стало «обычным явлением»: из-за неявки дворян в 1895 г. не состоялось Чебоксарское уездное дворянское собрание, в 1896 г. — собрания в Карсунском, Сенгилеевском и Буинском уездах Симбирской губернии, а в 1899 г. было отменено чрезвычайное дворянское собрание Самарского уезда однойименной губернии [Курсева 1984: 41].

Причины отсутствия кворума на дворянских собраниях

Законными причинами, по которым дворянин мог не явиться на собрание, были следующие: исполнение обязанностей по службе; болезнь; участие в рассмотрении судебных дел в других городах, если было необходимо его присутствие; смерть или тяжелая болезнь какого-либо из близких родственников; какое-либо важное случившееся в имении его несчастье; достижение 60-летнего возраста. При невозможности по какой-либо из перечисленных причин явиться на собрание дворянин должен был письменно уведомить об этом своего уездного предводителя [ПСЗ-II, VI: 255 (№ 4989, § 49–50)]. Кроме того, дворянин мог уполномочить на участие в выборах, а значит, и в собрании, одного из своих сыновей, а дворянка — мужа, сына или зятя [ПСЗ-II, VI: 251–252 (№ 4989, § 25–26)].

В делах дворянских собраний можно найти множество уполномочий на участие в дворянских собраниях и выборах, как и упоминаний о доверенностях. Так, на губернском собрании дворянства Казанской губернии, состоявшемся 2 марта 1900 г., 43 из 72 присутствовавших были с доверенностями [НА РТ. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1789. Л. 72–73об.]. Например, потомственная дворянка М. А. Мельникова передавала свое право на участие в чрезвычайном губернском собрании дворянства 2 марта 1900 г. и на уездном собрании Козьмодемьяновского уезда 3 марта того же года мужу Н. А. Мельникову [НА РТ. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1789. Л. 14]. Уполномочивала на участие в этих же собраниях мужа, действительного статского советника В. И. Образцова, его жена З. А. Образцова [НА РТ. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1789. Л. 15]. Присутствовать на указанных собраниях с доверенностью от своего отца, гвардии поручика П. И. Берстеля должен был С. П. Берстель [НА РТ. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1789. Л. 19]. В деле о Симбирском губернском собрании дворянства, прошедшем в 1882 г., мы находим 70 подобных уполномочий, написанных дворянами всех уездов Симбирской губернии, причем в одной такой доверенности иногда содержались несколько дворян (муж и жена), которые уполномочивали третье лицо на участие от их имени в собрании и в дворянских выборах [ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 358].

Нежелание дворян лично участвовать в собраниях можно объяснить несколькими причинами. В первую очередь, это связано с процессами мобилизации земли, происходившими в данный период, которые приводили к потере многими дворянами права на участие в них из-за несоответствия установленному земельному цензу. Второй причиной можно назвать постепенную утрату многими, в первую очередь крупнопоместными, владельцами непосредственной связи со своими поместьями. В данный период они довольно часто не появлялись в своих имениях, проживая в крупных городах, отчасти из-за служебной деятельности, а отчасти из-за абсентеизма, который был характерен для пореформенного дворянства. Перепоручая ведение дел управляющим либо сдавая свои хозяйства в аренду, они не только самоустраивались от ведения дел, но и не видели смысла участвовать в дворянских собраниях.

Уездные дворянские собрания

За три месяца до начала работы губернского дворянского собрания созывались собрания уездные, основным вопросом на которых был выбор уполномоченных для участия в общегубернском собрании, кроме того, проверялись списки дворян уезда, избирались депутаты для ревизии по употреблению и состоянию дворянской казны. В том случае, если необходимо было обсудить какие-либо иные вопросы, то могло быть созвано и чрезвычайное уездное собрание,

«составляемое в другое время и для предметов другого рода, сообразно обстоятельствам и нужде» [ПСЗ-II, VI: 254 (№ 4989, § 42–47)].

Каждому дворянскому собранию разрешалось иметь в столице губернии дом дворянского собрания, свои архив и печать, а также собственную казну, формировавшуюся из добровольных пожертвований самих дворян [ПСЗ-I, XXII: 350 (№ 16187, ст. 50–52, 54); ПСЗ-II, VI: 249 (№ 4989, § 10)].

Выводы

Таким образом, происходившее на всем протяжении рассматриваемого периода сокращение личных прав дворянства практически не отразилось на правовом статусе дворянских обществ, которые были сформированы и функционировали на территории каждой губернии Среднего Поволжья. Главными представительными органами дворянской корпорации являлись дворянские собрания. Дворяне крайне мало участвовали в дворянских собраниях, очевидно, что местные хозяйственные дела интересовали их намного больше, чем государственные. Другой причиной являлись процессы мобилизации земли, приводившие к утрате многими дворянами права на участие в них из-за несоответствия установленному земельному цензу. Третья причина, нам видится, заключается в том, что у дворян утратилась связь со своим поместьем, что приводило к оторванности их от проблем региона.

Дом Дворянского собрания г. Пенза [http://www.etoretro.ru/pic78400.htm]

Самара.—Samara. № 10.
Дворянское собрание.

Дом Дворянского собрания г. Самара [<http://www.photosight.ru/photos/6511497/>]

Зал Дворянского собрания г. Пенза [<http://inpenza.ru/architecture/house-nobility.php>]

Дом Дворянского собрания г. Симбирск (Ульяновск)
[http://savok.name/uploads/pamyatniki_voljskih_gorodov/12.jpg]

Дом Дворянского собрания г. Казань [<http://www.iske-kazan.ru/150-dvoryanskoe-sobranie>]

Источники

- ГАПО — Государственный архив Пермской области.
- ГАУО — Государственный архив Ульяновской области.
- НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан.
- ЦГА СО — Центральный государственный архив Самарской области.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Т. V. 1885. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собст. Е. И. В. канцелярии, 1887. 1525 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. VI. Отделение 2. 1831. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собст. Е. И. В. канцелярии, 1832. 710 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Т. X. 1890. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собст. Е. И. В. канцелярии, 1893. 1017 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Т. XIII. 1893. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собст. Е. И. В. канцелярии, 1897. 1382 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. XVII. 1765–1766: [№ 12302–12811]. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собст. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. 1137 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIX. Отделение 1. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собст. Е. И. В. канцелярии, 1899. 1347 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. XX. 1775–1780: [№ 14233–15105]. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собст. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. 1034 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. XXII. 1784–1788: [№ 15902–16738]. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собст. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. 1168 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XXV. Отделение 2. 1850. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собст. Е. И. В. канцелярии, 1851. 712 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XXXIX. Отделение 1. 1864. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собст. Е. И. В. канцелярии, 1867. 976 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XLV. Отделение 1. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собст. Е. И. В. канцелярии, 1830–1874. 897 с.

Литература

- Блосфельдт Г. Сборник законов о российском дворянстве: на основании официального издания Законов о состояниях 1899 г., с дополнениями из других частей свода законов, из полного собрания законов и по новейшим узаконениям и с разъяснениями по решениям и определениям Правительствующего Сената и по циркулярам МВД. СПб.: Д. В. Чичинадзе, 1901. XII, 443, 48, 11 с.
- Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративные организации. М.: Наука, 1979. 304 с.
- Курсеева О. А. Поместное дворянство Поволжья в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1985. 17 с.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократ. Семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 тт. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 547 с.
- Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1870. 564 с.
- Статистика землевладения 1905 года. Вып. 12. Симбирская губерния. СПб.: [б. и.], 1906. 49 с.
- Статистика землевладения 1905 года. Вып. 22. Пензенская губерния. СПб.: [б. и.], 1906. 52 с.
- Статистика землевладения 1905 года. Вып. 28. Самарская губерния. СПб.: [б. и.], 1906. 53 с.
- Статистика землевладения 1905 года. Вып. 7. Казанская губерния. СПб.: [б. и.], 1906. 57 с.
- Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. VIIA (14). Выговский — Гальбан. СПб., 1892. 481–952 с.
- Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1876. 680 с.

Sources

- GAPO — *Gosudarstvennyy arkhiv Permskoy oblasti* [The State Archive of Perm Oblast].
- GAUO — *Gosudarstvennyy arkhiv Ulyanovskoy oblasti* [The State Archive of Ulyanovsk Oblast].
- NA RT — *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan* [The National Archive of the Republic of Tatarstan].
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sbranie Pervoe. T. XVII. 1765–1766: [№12302–12811]* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1, vol. XVII, 1765–1766, No. 12302–12811]. St. Petersburg,

- Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830–1851, 1137 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Pervoe. T. XX. 1775–1780: [№ 14233–15105]* [St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Coll. 1, vol. XX, 1775–1780, No. 14233–15105]. St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830–1851, 1034 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Pervoe. T. XXII. 1784–1788: [№ 15902–16738]* (St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Coll. 1, vol. XXII, 1784–1788, No. 15902–16738). St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830–1851, 1168 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Tret'e. T. V. 1885* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 3, vol. V, 1885]. St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1887, 1525 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Tret'e. T. X. 1890* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 3, vol. X, 1890]. St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1893, 1017 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Tret'e. T. XIII. 1893* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 3, vol. XIII, 1893]. St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1897, 1382 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XIX. Otdelenie I* [St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Coll. 2, vol. XIX, part 1]. St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1899, 1347 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe. T. XXV. Otdelenie 2. 1850* [St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Coll. 2, vol. XXV, part 2, 1850]. St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1851, 712 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe. T. XXXIX. Otdelenie 1. 1864* [St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Coll. 2, vol. XXXIX, part 1, 1864]. St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1867, 976 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe. T. XLV. Otdelenie 1* [St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Coll. 2, vol. XLV, part 1]. St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830–1874, 897 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe. T. VI. Otdelenie 2. 1831* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2, vol. VI, part 2, 1831]. St. Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1832, 710 p. (In Russ.).
- TsGA SO — *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti* [The Central State Archive of Saratov Oblast].

References

- Blosfeldt G. *Sbornik zakonov o rossiyskom dvoryanstve: na osnovanii ofitsial'nogo izdaniya Zakonov o sostoyaniyakh 1899 g., s dopolnениyami iz drugikh chastey svoda zakonov, iz polnogo sobraniya zakonov i po noveyshim uzakoneniyam i s raz'yasneniyami po resheniyam i opredeleniyam Pravitel'stvuyushchego Senata i po tsirkulyaram MVD* [A collection of laws about the Russian nobility based on the 1899 official edition of The Laws about the Estates of the Realm supplemented by other excerpts from the Complete Collection of Laws ...]. St. Petersburg, D. Chichinadze Publ., 1901, 443, 48, 11 p. (In Russ.).
- Entsiklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. T. VIIA (14). Vygovskiy — Gal'ban* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. VIIA (14), Vygovsky-Galban]. St. Petersburg, 1892, pp. 481–952 (In Russ.).
- Korelin A. P. *Dvoryanstvo v poreformennoy Rossii. 1861–1904 gg. Sostav, chislennost', korporativnye organizatsii* [The nobility in post-reform Russia (1861–1904): structure, numbers, corporate organizations]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 304 p. (In Russ.).
- Kurseeva O. A. *Pomestnoe dvoryanstvo Povolzh'ya v kontse XIX — nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [The landed gentry of the Volga Region: the late 19th–early 20th cc. A Ph.D. thesis abstract]. Kuybyshev, 1985, 17 p. (In Russ.).

- Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokrat. sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. V 2 t. T. 1* [Social history of Imperial Russia (the 18th–early 20th cc.): genesis of personality, democratic family, civil society and law-governed state]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2000, 547 p. (In Russ.).
- Romanovich-Slavatinsky A. *Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava* [Russia's nobility: from the early 18th century to the abolition of serfdom]. St. Petersburg, Print. Office of Ministry of Internal Affairs, 1870, 564 p. (In Russ.).
- Statistika zemlevladieniya 1905 goda. Vyp. 12. Simbirskaya guberniya* [Statistics of land ownership: 1905. Iss. 12. Simbirsk Governorate]. St. Petersburg, 1906, 49 p. (In Russ.).
- Statistika zemlevladieniya 1905 goda. Vyp. 22. Penzenskaya guberniya* [Statistics of land ownership: 1905. Iss. 22. Penza Governorate]. St. Petersburg, 1906, 52 p. (In Russ.).
- Statistika zemlevladieniya 1905 goda. Vyp. 28. Samarskaya guberniya* [Statistics of land ownership: 1905. Iss. 2. Samara Governorate]. St. Petersburg, 1906, 53 p. (In Russ.).
- Statistika zemlevladieniya 1905 goda. Vyp. 7. Kazanskaya guberniya* [Statistics of land ownership: 1905. Iss. 7. Kazan Governorate]. St. Petersburg, 1906, 57 p. (In Russ.).
- Yablochkov M. T. *Istoriya dvoryanskogo sosloviya v Rossii* [History of Russia's nobility]. St. Petersburg, A. M. Kotomin Publ., 1876, 680 p. (In Russ.).

УДК 94

ДВОРЯНСКИЕ СОБРАНИЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. — НАЧАЛЕ XX в.: КОМПЕТЕНЦИЯ, СОСТАВ, ПОРЯДОК УЧАСТИЯ

Роман Васильевич Федосеев¹, Оксана Анатольевна Баршова²

¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России) (Саранск, Российская Федерация). E-mail: fedoseevrv@gmail.com

² кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саранск, Российская Федерация). E-mail: oxanabarshova@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются компетенция, состав и порядок участия дворянского собрания в Среднем Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. на основе законодательных актов, а также приводятся количественные данные по участию дворян в дворянском собрании. Например, в Пензенской губернии между 1860 и 1896 гг. на заседаниях обыкновенных губернских дворянских собраний в среднем присутствовало лишь 24,5 % от имевших на это право дворян-землевладельцев. При этом активность участия пензенских дворян в собраниях с момента проведения крестьянской реформы и до начала 1870-х гг. падала, что связано было, очевидно, с неблагоприятным материальным состоянием помещного дворянства в этот период. В дальнейшем интерес к деятельности собраний то повышался, как в 1875 г., то снижался, как в 1878, 1884 и 1887 гг., к концу XIX в. в процентном отношении почти достигнув уровня 1860 г. Увеличение количества полномочий, предоставленных дворянским обществам в конце XIX – начале XX в. свидетельствует о том, что правительство видело в дворянских корпорациях своего рода проводника идей на местах. В связи с этим их функции в отличие от личных прав постепенно расширялись. Происходившее на всем протяжении периода второй половины XIX – начале XX в. сокращение личных прав дворянства практически не отразилось на правовом статусе дворянских обществ, которые были сформированы и функционировали на территории каждой губернии Среднего Поволжья. Главными представительными органами дворянской корпорации являлись дворянские собрания. Дворяне крайне мало участвовали в дворянских собраниях, очевидно, что местные хозяйственные дела интересовали их намного больше, чем государственные. Другой причиной являлись процессы мобилизации земли, приводившие к утрате многими дворянами права на участие в них из-за несоответствия установленному земельному цензу. Третьей причиной, нам видится, в том, что у дворян утратилась связь со своим поместьем, что приводило к оторванности их от проблем региона.

Ключевые слова: дворянство, корпорация, дворянское собрание, выборы, имущественный ценз, уезд, губерния.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 33–41, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-33-41
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47).083

The Mordvinian Village in the Early 20th Century: Peasant Economy in the Age of Dramatic Changes (Evidence from One Settlement)

Pavel S. Uchvatov ¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Abstract. With evidence from the 1911 Farmstead Census and some archival documents, the article examines the population of Mordovia's villages in the early 20th century, particularly as of 1911 and January 1918, i. e. on the eve of the Russian Civil War. The processes are studied through the example of the Mordvinian (Erzya) village of Povodimovo (present-day Dubyonsky District, Republic of Mordovia) that during the period under consideration was part of Alatyrsky Uyezd of Simbirsk Governorate. Povodimovo had been a large village inhabited by state-owned peasants. The vast majority of the homesteads were engaged in grain growing, oat and rye being the most widespread cultivated crops. Livestock breeding was also of great significance. Still, the agricultural methods were far outdated, and almost all the peasants used some primitive tools and mechanisms. This was somewhat compensated by the fertility of the lands and the fact that in over 60 % of the farmsteads people additionally fertilized their fields. In terms of living conditions and wealth status, the population of Povodimovo was heterogeneous enough. Only few persons possessed large plots of land exceeding 10 *dessiatins*. No wonder then that representatives of over 70 % of the families got employed as seasonal workers outside the *uezd* (Russ. 'district, municipality'). By 1918, the economic conditions in the village had deteriorated, and one can note that in general it was typical for the then crisis phenomena in Russia's agricultural sector resulting from a number of interrelated reasons. By all means, agriculture was undermined by World War I in the aftermath of which many of the peasant families became impoverished. Moreover, that was followed by the Russian Civil War and the related policy of 'war communism'. Times of changes were approaching, and the centuries-old rural way of life was to be transformed dramatically.

Keywords: Mordovia, Mordvins, Simbirsk Governorate, Alatyrsky Uezd, Povodimovo, peasantry, farmstead, village.

Рубеж XIX–XX вв. — это время глубоких, кардинальных перемен, проходивших в аграрном секторе под влиянием событий, ставших судьбоносными для нашей страны. Не удивительно, что проблемы аграрной истории Поволжья конца XIX и особенно первой четверти XX вв. вызывают у исследователей большой интерес. В настоящее время данная тема активно разрабатывается П. С. Кабытовым [2007; 2012], В. В. Кондрашиным [2001; 2009], О. А. Суховой [2007; 2008; 2016], П. П. Щербининым [2015; 2016], В. А. Юрченковым [2002; 2005; 2010] и другими историками. В данной статье на основе материалов подворной переписи 1911 г. и архивных документов рассматривается население мордовского села в начале XX в. по состоянию на 1911 г., а также на январь 1918 г. — накануне Гражданской войны. В качестве примера определено мордовское (эрзянское) село Поводимово (современный Дубёнский район Республики Мордовия), в исследуемый хронологический период находившееся на территории Алатырского уезда Симбирской губернии.

В 1910–1911 гг. все жители Симбирской губернии подверглись подворной переписи (в Алатырском уезде она проводилась весной–осенью 1911 г.). Благодаря данным, полученным в ходе этой переписи, мы можем охарактеризовать состояние крестьянских хозяйств, занятия промыслами, уровень грамотности и некоторые другие детали [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 26–33].

Входившее в состав Дубёнско-Поводимовской волости Поводимово находилось в 145 верстах от губернского города Симбирска и в 50 верстах от уездного города Алатыря. В нем проживали бывшие удельные крестьяне. По состоянию на 1911 г., в Поводимове насчитывалось 626 семей приписного наличного населения, всего эти семьи включали 4 223 чел., в том числе 2 046 душ мужского и 2 177 — женского пола. Средняя семья состояла из 6 чел., причем Дубёнско-Поводимовская волость вообще отличалась в уезде крупными семьями [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 4]. Помимо этой основной части жителей, в Поводимове числились также семьи, относящиеся к приписному отсутствующему населению (16 семей с неизвестным составом, 42 семьи с известным составом).

Мужчин трудоспособного возраста (18–60 лет) среди приписного населения было 990 чел., женщин (16–55 лет) — 1 117.

Старики и подростки причислялись к населению так называемого «полутрудоспособного» возраста: их было 262 души мужского пола и 259 — женского. В большинстве семей (317) имелся один работник мужского пола, с двумя работниками было 168 семей, с тремя и более — 101, наконец, 40 семей были вообще без работников-мужчин. На одно крестьянское хозяйство, по данным переписи, в среднем приходилось взрослых работников: мужчин — 1,58 и женщин — 1,78 (самый высокий показатель в волости). Наемных рабочих в Поводимове, в отличие от соседних сел, не было.

Рассматривая уровень грамотности наличного приписного населения (с 1871 г. в селе действовало училище для крестьянских детей, открытое благодаря стараниям земской управы) [Дубёнский район... 2008: 238], нужно отметить, что 195 поводимовских семей включали грамотных либо учащихся, в их числе мужчин — 283, женщин — 6, что составляло 31,2 % от общего числа. Если сравнить данные по Поводимову и соседних сел волости, то во втором по размерам селе — Дубёнках — процент семей с грамотными либо учащимися равнялся 76,7 %; в Ардатове — 26,2; в русском селе Петровка — 44,5; в Чиндянове — 38,9. Как видно, показатель грамотности в Поводимове можно назвать относительно низким. Отметим, что в целом уровень грамотности не только по Поводимову, но и по Дубёнско-Поводимовской волости был крайне низок [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 7]. К этому нужно добавить, что с окончанием сельской школы для большинства образовательный процесс заканчивался, зачастую вынужденно, так как крестьяне не имели возможности продолжать учебу (например, из 25 выпускников поводимовской школы 1893–1895 гг. учиться дальше смогли лишь двое — один в низшем, другой в среднем учебном заведении) [Дубёнский район... 2008: 240]. Не случайно, что составитель подворной переписи 1911 г. агроном Л. А. Шлыков констатирует, что, «к сожалению, этот могущественный фактор поднятия благосостояния страны у нас в России вообще находится на низком уровне» [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 6].

В 1909 г. в селе был осуществлен передел земли, в результате чего наделная земля была разделена между 2 208 наличными крестьянами мужского пола. 127 хозяйств воспользовались правом, предоставленным

столыпинским законом от 9 ноября 1906 г., и закрепили наделы в собственность. Надельных хозяйств наличных насчитывалось 606, отсутствующих — 48.

Данные по площади надельного землевладения в Поводимове выглядят следующим образом: 221,5 дес.¹ занимали крестьянские усадьбы, 3 609,7 дес. — пашня, 228,6 дес. — непоименные покосы. Надельной земли, занятой лесом, а также выделенной под выгон, не имелось. Всего «удобной», т. е. пригодной для использования, надельной земли было 4 059,8 дес.: больше, чем в любом другом селе волости, например в Дубёнках удобной земли имелось 3 890 дес., а в Ардатове — 1 978,9 дес.

Кроме надельной, в Поводимове имелась также купчая земля. С купчей землей было 48 наличных хозяйств (больше, чем в Ардатово, Дубёнках и Петровке, но меньше, чем в Чиндянове, где таких хозяйств было 146), в их пределах 515,8 дес. земли занимала пашня, а 6,1 дес. — покосы. 48 хозяйств — это, конечно, немного, если учесть распространенную проблему малоземелья крестьян. Поэтому неудивительно, что покупка вненадельной земли в таком виде не решала данную проблему.

Всей «удобной» земли, включая надельную и купчую, в селе было 4 305,9 дес., включая 3 880,4 дес. пашни. На одно хозяйство в среднем приходилось 6,88 дес. земли (это значение больше, чем в других селах волости), в том числе 6,21 дес. пашни.

Широко распространенной была сдача земли в аренду. Этим занимались как община, так и отдельные крестьянские хозяйства. Общиной (миром) сдавалось 58,7 дес. земли, занятой под пашню, и 7,5 дес. — под покос. В свою очередь, община арендовала 18 дес. земли под выгон и пастбища. Хозяйств, предоставлявших землю в аренду, в Поводимове насчитывалось 94. Ими сдавалось в аренду: надельной земли — 185,2 дес. под пашню и 11,5 дес. под покосы; купчей земли — 45,5 дес. под пашню. Куда больше было крестьян, арендовавших землю: 591 хозяйство или 94,4 % — это больше, чем в любом другом селе волости. Крестьяне арендовали в основном надельную землю (пашни — 414,1 дес., покоса — 86,7 дес.), а также владельческую, удельную и казенную землю (пашни — 235,2 дес., покоса — 205,0 дес.). В целом в подворной переписи констатировалось, что аренда не способствовала укреплению и росту благосостояния мелких

хозяйств [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 23].

Среди хозяйств приписного наличного населения Поводимова насчитывалось 591 сеющее (94,4 %). Это самый высокий показатель в волости (если не считать хутор при Дубёнках, состоявший из одного хозяйства): в Ардатово сеющих хозяйств было 90,5 %, в Дубёнках — 85,9 %, в Петровке — 87,1 %, в Чиндянове — 89,3 %. Посевная площадь в Поводимове составляла 2 926,2 дес. земли, на одно хозяйство в среднем приходилось 4,95 дес. (больше, чем в Ардатово — 4,24 дес., в Чиндянове — 4,75 дес. и Петровке — 4,69 дес., но существенно меньше, чем в Дубёнках — 6,18 дес.).

Интересны также данные о разделении крестьянских хозяйств по размерам посевной площади: мелких хозяйств (до 4 дес.) в Поводимове было 300, средних (4–10 дес.) — 237, крупных (более 10 дес.) — 54. Поводимово — самое большое село волости, поэтому не удивительно, что по мелким и средним сеющим хозяйствам оно опережает соседние села; однако по количеству крупных хозяйств оно уступает Дубёнкам (68).

Из яровых сельскохозяйственных культур, выращиваемых в Поводимове, наиболее распространенным являлся овес (60,2 % хозяйств — этот процент выше, чем в других селах волости), второе место занимала пшеница (29,0 %). Также сажали полбяную пшеницу (5,2 %), картофель (2,1 %), гречиху (0,5 %). На 1 казенную десятину сеяли 10,2 пудов ржи и 12,0 пудов овса, а урожая на 1 казенную десятину получали: ржи — 55 пудов, овса — 53 пуда (немного больше, чем в соседних селах, за исключением Ардатово, где этот показатель аналогичен). Преобладающей почвой являлся суглинистый чернозем.

Крестьянское хозяйство в начале XX в. оставалось в большинстве своем отсталым и примитивным. В Поводимове, как и в других селах Алатырского уезда, продолжала господствовать трехпольная система земледелия, причем и у мелких, и у крупных земледельцев [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 33]. Сеять приходилось вручную, а качество семян зачастую оставляло желать лучшего. Наиболее распространенными орудиями труда являлись соха, деревянная борона, серп, коса. В 1911 г. в Поводимове насчитывалось 415 хозяйств, располагавших сельскохозяйственным инвентарем, при этом усовершенствованный инвентарь, чрезвычай-

¹ 1 казенная десятина равнялась 1,09 га.

чайно дорогой и труднодоступный, имелся лишь в двух (0,3 % от общего числа наличных хозяйств) — в одном из них был железный плуг, в другом — веялка и сортировка. Остальные 413 хозяйств пользовались старинными деревянными орудиями труда. Самые бедные хозяйства вообще не имели сельскохозяйственного инвентаря. В других селах волости ситуация была не лучше, а то и хуже: так, в Дубёнках, численность населения которого близка к Поводимову, инвентарем, хотя бы самым примитивным, владели только 298 наличных хозяйств, и лишь одно из них (0,2 % от общего числа) имело усовершенствованное орудие труда — молотилку.

Для ведения зернового хозяйства большое значение имело животноводство. По официальным данным подворной переписи 1911 г., в Поводимове имелось: лошадей — 522, жеребят — 28, коров — 442, телят до 1 года — 221, прочего крупного рогатого скота — 62, овец и коз — 1 413, свиней — 126. В среднем на одно хозяйство приходилось голов: лошадей — 0,83, коров — 0,7, всего скота — 2,17. Это довольно средние цифры, если сравнивать с соседними поселениями волости (лошадей на одно хозяйство имелось больше только в Петровке, однако по количеству другого скота Поводимово уступало Дубёнкам, Петровке и Чиндянову). Животноводство обеспечивало крестьянские хозяйства и удобрением: 59,3 % поводимовских наличных хозяйств удобряли землю навозом.

Цифры по распределению хозяйств в зависимости от количества лошадей и коров наглядно показывают, насколько сильной являлась имущественная дифференциация между жителями одного села. Безлошадных хозяйств было 222, с одной лошадию — 303, с двумя лошадьми — 89, и, наконец, лишь немногие, наиболее зажиточные крестьяне владели тремя лошадьми и более — таких было 12. У 224 хозяйств не было коровы, одну корову имели 366, две и более — 36. Естественно, что в наиболее тяжелом положении оказывались те хозяева, у которых не было ни коровы, ни лошади; таких насчитывалось 127.

Из-за неравномерности распределения земли среди крестьян многие из них, чтобы прокормить себя, были вынуждены заниматься промыслами и искать какие-то дополнительные источники существования. В Поводимове семей с такими работниками имелось 461, или 73,8 % по отношению к

общему числу наличных семей (выше этот процент был в Дубёнках — 83,7 %, примерно такой же в Чиндянове — 73,2 %, в Ардатове и Петровке существенно ниже — 63,1 % и 52,1 % соответственно). Всего не-земледельческими промыслами в Поводимове так или иначе занимались 548 мужчин и 49 женщин. Главным образом, речь идет об отхожих промыслах: за границами Алатырского уезда трудились 450 мужчин и 1 женщина; в своем уезде, но и за пределами Поводимова искали заработки 40 мужчин и 1 женщина. Мужчины в основном подрабатывали самыми примитивными, не требующими профессиональной подготовки промыслами — чернорабочими (415), реже — плотниками (29), матросами (18), портными (7). Среди женщин было 16 нищих. В этом плане Поводимово несколько выбивается из общего ряда: так, жители Ардатова чаще всего устраивались матросами (170); Дубёнок — матросами (107), ремесленными (78) и сельскохозяйственными работниками (70); Петровки — плотниками (100) и матросами (55).

17 поводимовских хозяев также занимались пчеловодством, которое было весьма выгодной отраслью сельского хозяйства; в общей сложности у них имелось 257 ульев. Помимо Поводимова, этот промысел был относительно развит в Петровке, 9 хозяйств которой держали 235 ульев.

Жилищные условия крестьян, как отмечалось в подворной переписи, нельзя было признать хорошими [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 42]. Главным строением в хозяйстве являлась традиционная крестьянская изба. В 1911 г. жилые избы имелись в 616 поводимовских наличных хозяйствах, причем были семьи, располагавшие несколькими избами, так как общее их количество в селе составляло 631. В 565 хозяйствах, кроме изб, располагались также надворные постройки. При этом если простыми сараями хозяйства были обеспечены достаточно полно, то говорить это же про другие хозяйственные постройки: конюшни, хлева, овины, амбары и т. д. — не приходится. Как правило, эти постройки отсутствовали у самых бедных крестьян и появлялись в хозяйствах, засевавших 2–4 дес. земли и больше [Подворная перепись Симбирской губернии... 1913: 43]. Некоторые крестьяне владели небольшими торговыми промышленными заведениями, обсуживающими повседневные нужды сельских жителей (например, это могли быть мельницы,

маслобойни, кузницы и т. д.). У наличного приписного населения Поводимова было 12 таких заведений, кроме того, имелось 2 торговых заведения, принадлежавших посторонним людям. Поводимово по этому параметру находится примерно на одном уровне с другими селами волости, за исключением Дубёнок, где местные жители содержали 37 торгово-промышленных заведений.

Несмотря на бедность, население Поводимова быстро росло (стоит лишь отметить, за последние полвека общая численность жителей увеличилась два раза) [Список населенных мест... 1863: 17]. Накануне Первой мировой войны, в 1913 г., в Поводимове, по официальным данным, насчитывалось 640 дворов, где проживало 4 715 чел., включая 2 290 мужчин и 2 425 женщин, как указывается в Списке населенных мест Симбирской губернии [Список населенных мест Симбирской губернии... 1913: 42–43]. Скорее всего, в этот список были включены также люди, не относившиеся в 1911 г. к приписному наличному населению, потому что в этом случае получается, что всего за несколько лет население резко выросло на 492 чел.

Благодаря именному списку жителей Поводимова [ЦГА РМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–45], в котором указаны наличность населения, скота и земли по состоянию на 1 января 1918 г., мы можем узнать некоторые изменения в хозяйственных условиях, случившиеся за несколько лет, в течение которых произошли трагические для страны события — Первая мировая война и две революции. Здесь сразу необходимо оговориться, что четкие критерии, по которым можно было бы разграничить крестьян на группы в зависимости от размеров их земельных наделов, не предусматривались, поэтому такое их разделение будет несколько условным.

К 1918 г. в селе насчитывалось 666 хозяйств, что, как видно, на 26 больше, чем было в 1913 г., и на 40 — по сравнению с 1911 г. В селе проживало 4 440 жителей, в том числе мужчин — 2 146 и женщин — 2 294.

Общая площадь земельных наделов, принадлежавших крестьянам, равнялась 3 225 дес. (за несколько последних тяжелых лет посевные площади заметно сократились), кроме того, 267 дес. занимали земли, занятые под усадьбы. Размер этих усадеб мог сильно варьироваться: самые мелкие занимали 100–200 кв. саж., крупные — более

2 тыс. кв. саж. Двумя наибольшими усадьбами (по 3 тыс. кв. саж.) владели зажиточные крестьяне Кузьма Сергеевич Ешмаев и Иван Конилаевич Ешмаев, располагавшие также значительными земельными наделами. У 19 хозяев усадьбы вообще отсутствовали; все они относились к беднейшему слою населения.

Купчей земли у поводимовцев было 363 700 кв. саж. (около 151,5 казенных десятин). Приобрели дополнительные участки 304 хозяйства (45,6 %). Стандартный размер таких участков составлял 1 200 кв. саж., исключений было всего 4: имелся 1 участок в 100 кв. саж., 2 — по 900 кв. саж. и 1 — в 1 800 кв. саж. Примечательно, что наличие купленной земли далеко не всегда свидетельствует о богатстве ее хозяина. Часто случалось наоборот: дополнительная земля покупалась вынужденно, когда надел был слишком мал и его просто не хватало для нужд семьи. Как, например, в случае с Василием Назаровичем Суродеевым или Николаем Игнатьевичем Бурнаевым, владевшими земельными наделами всего в 1 дес. С другой стороны, крестьянин с крупным наделом и крепким хозяйством мог попросту не нуждаться в покупке земли.

Крестьян, владевших обширными наделами, которые насчитывали более 10 дес. земли, было 39, они составляли всего 5,8 % от всего населения. Им принадлежало 518 дес. земли (16 %). Часто размер земельного надела зависел от общего числа сыновей домохозяина: большие семьи оказывались более зажиточными. Так, у Ивана Кирилловича Константинова в семье было 12 мужчин и 5 женщин, ему принадлежал надел в 12 дес. и усадьба в 1 200 кв. саженей. Семья Михаила Трофимовича Кузнецова, хозяина земельного надела в 13 дес., купленной земли в 1 200 кв. саженей и такого же размера усадьбы, насчитывала 13 мужчин и 10 женщин. Емельяну Васильевичу Маркову принадлежал земельный надел в 12 дес. с усадьбой в 2 400 кв. саженей, его семья состояла из 10 мужчин и 13 женщин.

Однако исключения из этого правила не были редкими. Хотя в среднем семьи крестьян с крупными наделами действительно оказывались больше, чем у многих других, говорить о строгой зависимости между численностью членов семьи и размером земельных наделов в целом нельзя. Например, один из самых крупных сельских земледельцев, Ефрем Захарович Чичайкин имел 15 дес. наделенной земли и 1 200 кв.

саженной — под усадьбой, но семья у него имелаась относительно небольшая, причем сын вообще был всего один.

Одним из самых зажиточных хозяев в Поводимове был Иван Ефимович Василькин. Он, возглавляя семью, состоящую из 6 мужчин и 6 женщин (причем это меньше, чем у многих других богатых крестьян) владел очень крупным для села земельным наделом в 18 дес. с усадьбой в 600 кв. саженей. У него было 5 голов крупного скота и 13 — мелкого.

Большие семьи, насчитывавшие 15 и более чел., могли быть и у крестьян со средними земельными наделами. Всего хозяйств, обладавших наделами в 5–10 дес., в Поводимове было 202, или 30,3 % от общего числа [ЦГА РМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–45]. Их наделы вместе составляли 1 452 дес., или 45 %. Наиболее успешная часть этих хозяев, владевших наделами в 8–10 дес. и имевших достаточно большое количество крупного и мелкого скота, примыкала к зажиточным крестьянам, и грань между ними порой оказывается весьма расплывчатой и условной.

Однако наиболее многочисленным слоем среди поводимовских домохозяев являлись крестьяне, владевшие небольшими земельными наделами до 5 дес. (425, или 63,8 %; общая площадь их наделов составляла 1 255 дес., или 38,9 %). Их, конечно, нельзя назвать однородными. В их числе находились и те, кто, хоть и жили бедно, но все же располагали хоть каким-то минимальным ресурсом для ведения хозяйства. Так, у семьи Ильи Григорьевича Люнина был маленький земельный надел в 3 дес., усадьба в 600 кв. саж., имелся собственный крупный и мелкий скот. Но значительную часть крестьян составляли бедняки с крошечными земельными наделами в 1–2 дес. Часто к ним относились молодые семьи, созданные людьми, недавно отделившимися от отцовских хозяйств. Жизнь их была очень сложной, ведь приходилось кормить себя и своих детей, располагая крайне скудными ресурсами. Так, Осип Петрович Седойкин жил с женой и дочерью, имея земельный надел в 1 дес., усадьбу в 400 кв. саж. и дополнительно купленную землю в 1 200 кв. саженей, собственной лошади для обработки земли у его семьи не имелось.

В еще более тяжелых условиях оказывались те крестьяне, которые, заведя семью, вообще не имели собственного земельного надела, чтобы прокормиться. Например, к ним относился Фома Гаврилович Цыца-

ров: кроме усадьбы в 900 кв. саж., его семья (4 мужчины и 4 женщины) не имела вообще ничего — ни самого скромного надела, ни лошади, коровы или козы. Не удивительно, что, попадая в такие условия, крестьяне были вынуждены искать какие-то дополнительные средства к существованию: становились батраками, занимались отходничеством и ремеслами. Хозяйств, лишенных наделной земли, было 46 (6,9 %).

Но в наиболее бедственном положении находились маленькие семьи, оставшиеся без кормильца и, фактически, безо всяких средств к существованию. Ведь нельзя забывать о том, что речь идет о 1918 г., и многие мужчины, призванные на военную службу, не вернулись домой [Дубёнский район... 2008: 78]. Их жены и дочери, не имея собственных сил и средств, а зачастую и собственной земли для пропитания, могли рассчитывать только на помощь со стороны односельчан. В Поводимове насчитывалось более 30 хозяйств, во главе которых находились женщины, оставшиеся без мужей. К ним относилась, например, Прасковья Алексеевна Будаева, жившая с дочерью на крохотном участке в 100 кв. саж., или Агафья Ивановна Кузнецова, тоже жившая с дочерью и не имевшая даже своей усадьбы. Своеобразным исключением являлась Прасковья Ивановна Чичайкина, хозяйство которой включало 6 дес. земли, при этом ее семья состояла из 4 мужчин (скорее всего, это были несовершеннолетние сыновья) и 2 женщин. Конечно, несмотря на относительно большой земельный надел, положение этого хозяйства нельзя назвать простым, ведь семья лишилась своего главы, не было у нее и собственной лошади, коровы, даже мелкого скота. Не исключено, что обрабатывать эту землю семье помогали их родственники, другие Чичайкины, среди которых имелось много достаточно зажиточных людей.

Крупного скота — лошадей и коров — в Поводимове было 1 067 голов: значительно меньше, чем в 1911 г. Вообще не имели крупного скота 119 хозяйств (17,9 %). В большинстве своем в поводимовском хозяйстве было 1–2 головы крупного скота; как правило, если крестьянская семья имела корову и лошадь, то это позволяло ей жить относительно сносно (разумеется, при условии наличия достаточного земельного надела). Хозяйств, обладавших тремя и более головами крупного скота, было не так уж и много, и данные здесь выглядят следующим образом. По 3 головы крупного скота рас-

полагали 57 хозяйств (8,5 %), включая 2 — с мелкими земельными наделами, 34 — со средними и 21 — с большими. 4 головами крупного скота владели 18 хозяйств (2,7 %), в том числе 1 — с мелким земельным наделом, 10 — со средними и 7 — с большими. Более 4 голов крупного скота имели 8 хозяйств (1,2 %), из них 1 — со средним земельным наделом и 7 — с большими. Больше всего голов крупного скота (6) имел зажиточный крестьянин Сергей Дмитриевич Паняев, располагавший 13 дес. земли.

Мелкого скота (козы, овцы и т. д.) насчитывалось 1 917 голов; его, напротив, стало существенно больше в сравнении с 1911 г. В то же время поводимовских хозяйств без мелкого скота было много: 257 (38,6 %), в том числе 28 крестьян со средним земельным наделом и 1 — с большим (это хозяйство Кузьмы Наумовича Коннова, который имел надел в 12 дес. земли и 4 головы крупного скота). Конечно, мелкий скот был не так важен для хозяйства, как крупный, иногда (в случае, если хозяин жил небедно) он играл роль скорее лишнего подспорья в экономике. Поэтому попадались довольно зажиточные крестьяне, мелкий скот не державшие. Вместе с тем рост числа голов мелкого скота с одновременным уменьшением численности крупного скота является еще одним свидетельством ухудшения экономического положения крестьян.

Значительная часть жителей Поводимова держала от 1 до 5 голов мелкого скота — 247 хозяйств, или 37 %. В их числе 169 — с небольшими земельными наделами, 76 — со средними и 2 — с большими. Многие поводимовские семьи имели от 5 до 11 голов мелкого скота: 146 хозяйств, или 21,9 %. Они включали в себя 28 крестьянских хозяйств с небольшими наделами, 92 — со средними и 26 — с большими.

Хозяйства с более чем 10 головами мелкого скота являлись редкостью. В Поводимове таковых было лишь 16 (2,4 %). В их число входили хозяева со средними земельными наделами — 6 и с крупными — 10. Больше мелкого скота, чем любой другой хозяин — 17 голов — держал зажиточный крестьянин Илья Петрович Солдатов.

Таково было положение села Поводимова, состояние которого можно проецировать на крестьянские хозяйства в начале XX в. в общем. В целом отметим еще раз самые основные моменты. Поводимова являлось крупным селом, население которого составляли бывшие удельные крестьяне. Подавля-

ющее большинство хозяйств в нем являлись сеющими, наиболее распространенными сельскохозяйственными культурами были овес и пшеница. Большое значение имело также животноводство. При этом сельское хозяйство оставалось очень отсталым, почти все хозяйства пользовались лишь примитивными орудиями труда. Занятие земледелием облегчала достаточно плодородная земля, к тому же почти 60 % хозяйств дополнительно удобряли свои участки. В плане условий жизни и имущественного состояния население Поводимова было очень неоднородным. Крупными земельными наделами свыше 10 дес. обладали лишь немногие хозяева. Неудивительно, что крестьяне из более чем 70 % наличных семей занимались промыслами, в основном отхожими — за пределами уезда. К 1918 г. экономическое положение в селе ухудшилось, и можно отметить, что в целом оно отражает те кризисные явления, которые распространялись в аграрном секторе России под влиянием различных, связанных между собой, причин. Безусловно, огромный ущерб сельскому хозяйству нанесла Первая мировая война, приведшая к обнищанию многих крестьянских семей. Однако впереди еще была Гражданская война и связанная с ней политика «военного коммунизма». Наступало время перемен, и привычный, веками установленный, сельский уклад ждали кардинальные изменения.

Источники

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия.

Литература

- Дубёнский район: история, события, люди / авт.-сост. Н. В. Заварюхин и др.; науч. ред. Н. В. Заварюхин, В. А. Юрчёнков; редкол. В. Г. Прокин (пред.) и др. Саранск: Красный Октябрь, 2008. 454 с.
- Кабытов П. С. Аграрная история Поволжья: итоги научных разработок и перспективы их интеграции в новые научно-исследовательские проекты // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: мат-лы I Всерос. научн.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Самара: Самарск. госуниверситет, 2007. С. 13–16.
- Кабытов П. С. Современные проблемы изучения аграрной истории Среднего Поволжья // Вестник Самарского университета. 2012. № 2 (93). С. 5–10.
- Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М.: Янус-К, 2001. 542 с.
- Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 574 с.

- Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Вып. 2. Алатырский уезд. Симбирск: Симбирск. губ. земство, 1913. 135 с.
- Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Симбирск. губ. стат. ком-т, 1913. XXXIII, 136 с.
- Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. XXXIX: Симбирская губерния. СПб.: изд-во Центр. стат. Ком. Мин-ва внутр. дел, 1863. 99 с.
- Сухова О. А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза: ПГПУ, 2007. 373 с.
- Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX вв.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 677 с.
- Сухова О. А. Право на насилие. Российское крестьянство в революции 1917 г. (по материалам Пензенской губернии) // Центр и периферия. 2016. № 2. С. 4–10.
- Щербинин П. П. Пропедевтика революционного сознания аграрного социума периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. сквозь призму гендерного анализа // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3(35). С. 33–45.
- Щербинин П. П. Развитие аграрных беспорядков в 1917 г. как пролог участия крестьян в Гражданской войне: уездный уровень // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2(38). С. 31–36.
- Юрченок В. А. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов в 1918–1920 гг. Саранск: НИИ гуманитарных наук при прав-ве Республике Мордовия, 2010. 440 с.
- Юрченок В. А. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» (на примере мордовского края) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 23–28.
- Юрченок В. А. Социальная психология крестьянства Мордовии первой четверти XX века // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 311–320.

Sources

- TsGA RM — *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mordoviya* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia].

References

- Dubenskiy rayon. Istoriya. Sobytiya. Lyudi / avt.-sost. N. V. Zavaryukhin i dr.; nauch. red. N. V. Zavaryukhin, V. A. Yurchenkov; redkol. V. G. Prokin (pred.) i dr.* [Dubynsky District: history, events, people. Comp. and edit. by N. Zavaryukhin et al.]. Saransk, Krasnyi Oktyabr Publ., 2008, 456 p. (In Russ.).
- Kabytov P. S. *Agrarnaya istoriya Povolzh'ya: itogi nauchnykh razrabotok i perspektivy ikh integratsii v novye nauchno-issledovatel'skie proekty* [An agrarian history of the Volga region: results of scholarly research ...]. *Mir krest'yanstva Srednego Povolzh'ya: itogi i strategiya issledovaniy* [The World of the Middle-Volga Peasantry: Results and Research Strategies ...]. Samara, 2007, Samara State University Press, pp. 13–16 (In Russ.).
- Kabytov P. S. *Sovremennye problemy izucheniya agrarnoy istorii Povolzh'ya* [Modern problems of study of agrarian history of Middle Volga Region]. *Vestnik Samarskogo universiteta* (Vestnik of Samara State University), 2012, No. 2, pp. 5–10 (In Russ.).
- Kondrashin V. V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918–1921 gg.* [Peasant movement in the Volga Region: 1918–1921]. *Rossiya sel'skaya. XIX – nachalo XX veka / Otv. red. A. P. Korelin* [Rural Russia: the 19th – early 20th cc. Edit. by A. Korelin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 331–361 (In Russ.).
- Kondrashin V. V. *Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoy voyne: k voprosu ob istokakh stalinizma* [Russia's Peasantry in the Civil War: the origins of Stalinism revisited]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 576 p. (In Russ.).
- Podvornaya perepis' Simbirskoy gubernii 1910–1911 gg. Vyp. 2. Alatyrskiy uезд* [The 1910–1911 Farmstead Census of Simbirsk Governorate. Iss. 2. Alatyrsky Uezd. Prep. by Simbirsk Govern. Statistics Committee]. Simbirsk, Print. House of Govern. Administration, 1913, 135 p. (In Russ.).
- Shcherbinin P. P. *Propedevtika revolyutsionnogo soznaniya agrarnogo sotsiuma perioda Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. skvoz' prizmu gendernogo analiza* [Propaedeutics of revolutionary consciousness of the agrarian society during the World War 1914–1918 ...]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia), 2015, No. 3, pp. 33–45 (In Russ.).
- Shcherbinin P. P. *Razvitie agrarnykh besporyadkov v 1917 g. kak prolog uchastiya krest'yan v Grazhdanskoy voyne: uездnyy uroven'* [Extension of agrarian disorders in 1917 as a prologue of peasants participation in the Civil

- War: the uezd level]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia), 2016, No. 2, pp. 31–36 (In Russ.).
- Spisok naselennykh mest Simbirskoy gubernii / Simbirsk. gub. stat. kom-t* [A list of settlements / inhabited areas of Simbirsk Governorate. Prep. by Simbirsk Govern. Statistics Committee]. Simbirsk, Print. House of Govern. Administration, 1913, 136 p. (In Russ.).
- Spisok naselennykh mest Simbirskoy gubernii po svedeniyam 1859 goda / Tsent. stat. kom-t Ministerstva vnutrennikh del. Vyp. XXXIX* [A list of settlements / inhabited areas of Simbirsk Governorate as of 1859. Prep. by Central Statistics Committee of the Ministry of Internal Affairs. Iss. XXXIX]. St. Petersburg, K. Wulf Publ., 1863, 99 p. (In Russ.).
- Sukhova O. A. «Obshchinnaya revolyutsiya» v Rossii: sotsial'naya psikhologiya i povedenie krest'yanstva v pervye desyatiletia XX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya) [Russia's 'communal revolution': social psychology and behavior of peasantry in the first decades of the 20th cent.]. Penza, Penza State Pedagog. University Press, 2007, 374 p. (In Russ.).
- Sukhova O. A. *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: ocherki istorii sotsial'noy psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX — nachalo XX vv.) (po materialam Srednego Povolzh'ya)* [The ten myths of peasant consciousness: historical sketches of social psychology and mentality of the Russian peasantry (the late 19th–early 20th cc.) (evidence from the Middle-Volga Region)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 679 p. (In Russ.).
- Sukhova O. A. *Pravo na nasilie. Rossiyskoe krest'yanstvo v revolyutsii 1917 g. (po materialam Penzenskoy gubernii)* [The right to violence. The Russian peasantry in the Revolution of 1917 ...]. *Tsent. i periferiya* (Centre and Periphery journal), 2016, No. 2, pp. 4–10 (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Krest'yanskoe khozyaystvo v usloviyakh «voennogo kommunizma» (na primere mordovskogo kraya)* [Peasant economy in the context of 'warcommunism']. *Agrarnyy stroy Srednego Povolzh'ya v etnicheskom izmenenii* [The agrarian order of the Middle-Volga Region from the ethnic perspective]. Moscow, 2005, Institute of Scientific Information on Social Sciences (RAS) Press, pp. 23–28 (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Sotsial'naya psikhologiya krest'yanstva Mordovii pervoy chetverti XX veka* [Social psychology of Mordovia's peasantry: 1900–1925]. *Problemy agrarnoy istorii i krest'yanstva Srednego Povolzh'ya* [Problems of the agrarian history and Middle-Volga peasantry]. Yoshkar-Ola, 2002, pp. 311–320 (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Vlast' i obshchestvo: rossiyskaya provintsia v period sotsial'nykh kataklizmov v 1918–1920 gg.* [Authorities and society: Russia's peripheral regions in the age of social calamities: 1918–1920]. Saransk, 2010, 440 p. (In Russ.).

УДК 94

МОРДОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ В НАЧАЛЕ XX в.: КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ЭПОХУ КОРЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Павел Сергеевич Учватов¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация). E-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Аннотация. В данной статье на основе материалов подворной переписи 1911 г. и архивных документов рассмотрено население мордовского села в начале XX в.: по состоянию на 1911 г., а также на январь 1918 г. — накануне Гражданской войны. В качестве примера взято мордовское (эрзянское) село Поводимово (современный Дубёнский район Республики Мордовия). Подавляющее большинство хозяйств в нем являлись сеющими, наиболее распространёнными сельскохозяйственными культурами были овес и пшеница. Большое значение имело также животноводство. При этом сельское хозяйство оставалось очень отсталым, почти все хозяйства пользовались лишь примитивными орудиями труда. Занятие земледелием облегчала достаточно плодородная земля, к тому же почти 60 % хозяйств дополнительно удобряли свои участки. В плане условий жизни и имущественного состояния население Поводимова было очень неоднородным. К 1918 г. экономическое положение в селе ухудшилось, и можно отметить, что в целом оно отражает те кризисные явления, которые распространялись в аграрном секторе России под влиянием различных связанных между собой причин.

Ключевые слова: Мордовия, мордва, Симбирская губерния, Алатырский уезд, Поводимово, крестьянство, крестьянское хозяйство, село.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 42–50, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-42-50
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 371(09)+947.1/9(571.52)

The Uriankhai Region (Tuva): Development of the School System in the Early 20th Century

Viktoriya Ch. Mongush¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department of Archives and Records Management, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: monvik72@mail.ru

Abstract. The article deals with the period of primary education system development in Tuva. It is from the early 20th century, when the first Russian schools were founded, that the Tuvan people received the opportunity to obtain secular education for the first time ever. It is believed that despite the difficult socio-economic conditions, the school system of the Uriankhai Region had a stable growth due to public participation of Russian immigrants. The article studies some features of the history of the first educational institutions' formation, in particular, the actual methods of interaction between government agencies and the society in the field of education that so far have remained understudied. The present work gives special consideration to the subject.

The paper shows that the system of the first Russian schools was founded in a relatively short period of time (1908–1919), which subsequently became a reliable stepping stone for the general development of educational institutions in the territory of the Tuvan People's Republic (1921–1944). The complex process of school system formation in the Uriankhai Region is viewed upon through the prism of an extensive range of sources analyzed using a significant set of archival materials. The stage of Tuva's educational system formation is poorly understood. So, the article attempts to fill the existing gap.

The novelty of the work lies in the fact that the complex approach to the problem is applied for the first time. The school education of the Uriankhai Region has been considered as an integral structure which had been exposed not only to economic and political processes but was also closely related to the social structure of the community. The paper is the first one to discuss the social aspects of the formation of Tuva's school education in detail, and shows that — along with state participation — the public initiatives of rural communities in the Uriankhai Region that held meetings (general meetings) to pass decisions about the opening of new schools were of great importance. It is noteworthy that, despite the then difficult conditions in a new place, the settlers perfectly well understood the need for primary education for their children and put every possible effort into it.

Keywords: school education, first schools, Uriankhai Region, Tuva, Russian immigrants, Tuvan people.

Одной из интересных и малоизученных страниц образования России является история школьного образования Тувы начала XX в. Обзор и анализ историко-педагогической литературы позволяет говорить об

отсутствии комплексных работ по истории школьного образования указанного периода, выходящих на уровень пересечения педагогического и исторического знания [Монгуш 2014]. Методологическую осно-

ву нашего исследования составила методология педагогической и исторической наук. Применение общенаучного принципа историзма, предполагающего рассмотрение явлений в их исторической преемственности, развитии и взаимосвязях, позволило проанализировать основные тенденции в развитии школьного образования Тувы с учетом социально-экономических и политических процессов. Основным методом исследования являлся метод исторического анализа различных источников: материалов периодической печати и архивных материалов. Новизна работы заключается в том, что в работе впервые реализован комплексный подход к проблеме становления школьного образования в Туве.

Выявление основных тенденций становления школьного образования в рассматриваемое время невозможно без привлечения материалов из фонда № 123 «Управления заведующего устройством русского населения в Урянхае» в Государственном архиве Республики Тува.

Документальный комплекс Управления в количественном отношении состоит из 918 дел и охватывает хронологический период с 1907 по 1921 гг. Материалы фонда условно можно разделить на три основные категории: переписка (докладные записки, рапорты, ходатайства), статистические данные (дворовые обследования края, именные списки русских поселенцев), отчетные (планы работы, сметы) и учетные документы (личные дела чиновников переселенческой организации). Несмотря на достаточно значительный количественный состав фонда, ни одна из названных категорий не имеет значительного хронологического охвата, все сохранившиеся документы представлены только за отдельные годы, что естественным образом затрудняет аналитические выводы. Тем не менее имеющиеся материалы позволяют сделать некоторые частные выводы по становлению школьного образования в Туве начала XX в.

Для определения степени участия крестьянских обществ в данной работе в основном использованы материалы переписки, которые отражают самые насущные потребности переселенцев в постройке в русских селениях школ. Поэтому преобладающую часть материалов переписки составляют различного рода ходатайства.

Важными для раскрытия темы оказались материалы периодической печати ис-

следуемого временного периода (публикации в газете «Минусинский листок», журнале «Сибирский архив»). Часть материалов привлечена со страниц журнала «Енисейские епархиальные ведомости», официального издания Енисейской и Красноярской епархий, выходившего с февраля 1884 по 1906 гг. и с августа 1908 по 1919 гг. в Красноярске 2 раза в месяц. Журнал состоял из официального и неофициального отдела. В официальном отделе регулярно печатались распоряжения епархиального начальства и извлечения из отчетов о состоянии епархии. В неофициальном отделе, наряду с другими материалами, публиковались этнографические материалы, в частности статьи священника Н. Путилова «Усинский край» [Енисейские епархиальные ведомости 1885]. Анализ всего круга указанных документов положен в основу реализации рассматриваемых вопросов.

Нашей задачей является характеристика начального этапа зарождения первых школ Тувы в контексте политических, экономических, социальных условий и определение переселенческого движения русского населения как важнейшего фактора, повлиявшего на формирование школьной сети.

К концу XIX – началу XX вв. в социально-экономической жизни тувинского народа появились новые факторы, оказавшие заметное влияние на становление образования. Речь идет о проникновении и расселении русского населения на территорию Тувы, ставших частью и продолжением общего колонизационного движения в Сибирь и на другие окраины Российского государства. В развитии образования, наряду с экономическими и политическими факторами, важная роль принадлежит социальным факторам. В начале XX в. массовая волна переселения явилась мощным социальным фактором, стимулировавшим экономическое и культурное развитие Тувы.

Историю становления образования Тувы невозможно представить без школ, основанных русскими переселенцами на ее территории в начале XX в. Для характеристики полной картины необходимо обратиться к более раннему периоду, выходящему за хронологические рамки данной работы, что позволит проследить определенную закономерность в развитии образования Тувы. Предпосылки для развития образования зародились еще в конце XIX в. и самым тесным образом были связаны с заселением

Туву русскими крестьянами. Мы согласны с выводом В. И. Дулова, что сельскохозяйственная колонизация с самого начала своего возникновения сыграла положительную роль в хозяйственном развитии края и во многом отличалась от торговой и промышленной колонизации. Существенным образом отличалось и влияние сельскохозяйственной колонизации на ход развития социальных отношений в Туве [Дулов 1956: 354]. В ходе переселенческого движения русских крестьян в Туву в конце XIX – начале XX в. выделяется два этапа: первый этап — 1880–1906 гг., второй этап — 1907–1917 гг., которые различаются характером социально-экономических и политических условий [Бумбажай 1999: 86]. При этом, по мнению В. И. Дулова, проникновение русского населения на территорию Тувы условно можно подразделить на следующие потоки: возникновение российской золотопромышленности, создание торговых факторий и сельскохозяйственная колонизация [Дулов 1956: 342].

Первый этап переселения русских крестьян носил стихийный характер, как и в целом по Сибири. Зачастую крестьяне-переселенцы переходили границу лишь для того, чтобы создать крепкое хозяйство, совмещая земледелие с торговлей. В связи с этим особенно притягательным становился Усинский край Енисейской губернии, близко прилежавший к Урянхайской земле. Именно он явился первоначальной базой крестьянской колонизации Тувы.

Масштабы переселения первого этапа были незначительными, в это время в Урянхайский край переселилось всего 184 семьи, в среднем ежегодно по 7–8 семей. Здесь в полной мере проявилась специфика переселенческой политики российского правительства именно в Туве, так как, в отличие от других регионов, эта политика определялась не только внутренним положением в Европейской России, она была также связана со взаимоотношениями с другими государствами, в частности с Китаем.

На втором этапе (1907–1917 гг.) переселения приобретают массовый характер. Если на первом этапе переселение происходило без участия российского правительства, то с 1907 г. вводится так называемое «организованное переселение» [Горюшкин 1967], т. е. Переселенческое управление каждой губернии европейской губернии России намечало определенное количество земельных долей в том или ином районе

Сибири заранее. В Сибири к началу 1911 г. было создано 12 переселенческих районов. Благодаря этому с 1913 г. организацией переселенческого движения в Туву стали заниматься специально созданные органы. Вследствие этого процесса увеличивается переселенческий поток и расширяются территории вселения русского населения в Туву. В конце этого периода русское население Тувы составило 15 % от общего числа тувинцев и составило свыше 12 тыс. чел.

Первыми переселенцами края по праву считаются старообрядцы. В России середины XVII в. произошел раскол Русской Православной церкви, вызвавший к жизни феномен старообрядчества, который очень быстро стал явлением общероссийской действительности и оказал глубокое влияние на ее общественный и культурный облик. Борьба с последователями «старой веры» вылилась в то, что представители религиозного инакомыслия оказались в Сибири и были вовлечены в процесс хозяйственно-культурного освоения Сибири русским населением.

Постепенно ареал освоения перемещался в более южные районы. Так, в 1862 г. были образованы два села Верхне-Усинское и Нижне-Усинское, основанные выходцами из Николаевского уезда Саратовской губернии, которые переселились в Сибирь в 1836 г. В сословие казенных крестьян Шушенской волости Минусинского округа они были переведены 31 декабря 1864 г. [Стороженко 2005: 24]. Очень скоро эти поселения стали перевалочным пунктом через Саяны в Туву. Существование старообрядческих поселений не могло не вызывать определенную обеспокоенность Енисейской епархии. В этом отношении особый интерес представляет «Летопись Усинской миссии...» миссионера Николая Путилова [1914]. Текст дневника Усинской миссии периодически публиковался на страницах «Енисейских епархиальных ведомостей» и журнала «Сибирский архив».

Так, в отчете за 1884 г. отмечается, что «... в последнее время в южной части епархии, в Усинском крае, образовались значительные раскольничьи поселения. Отсюда возникла необходимость в миссии, которая образована в этом году (1884 г.) под названием Верхнеусинского миссионерского прихода» [Енисейские... 1885: 92].

В ходе оживленной переписки между священником и Енисейской духовной кон-

систойорией в период с 1874 по 1884 гг., наряду с другими важными вопросами, неоднократно ставился вопрос об открытии в ближайшее время миссионерской школы.

Миссионер писал: «...школа должна быть, для этого, во-первых, школу нужно обставить так, чтобы ее не боялись раскольники; во-вторых, в школу необходимо принимать детей православных и сойот [тувинцев], которые прониклись бы в школе духом православия. Сталкиваясь в играх и занятиях с раскольничьими детьми, православные дети непременно повлияют на них. Дух православия, таким образом, будет постепенно распространяться среди усинских жителей» [Путилов 1914: 27].

Далее он представляет свои соображения относительно обращения тувинцев в православие: «...прежде всего, предпочтительно было бы выучить в здешней школе двоих или троих тувинских мальчиков, которые впоследствии могли бы быть проводниками христианства среди своего народа. Затем необходимо принимать в школу тех детей, родители которых охотно отдают учиться и которые весьма способны на это. Далее, нужно выписать для этой школы монгольскую азбуку, грамматику, словарь, Ветхий и Новый завет, т. к. у тувинцев письменным языком служит монгольский» [Путилов 1914: 417].

Заслуживает внимания упоминание об обучении двух тувинских мальчиков. Но, по словам Н. Путилова, «...начальники тувинцев строго запретили им отдавать своих детей ко мне в науку...» [Путилов 1914: 60]. Между тем, богатые тувинцы неоднократно заявляли о своем желании отдать своих детей учиться, но опасались репрессий со стороны китайских чиновников. Обучение первоначально было на дому у священника, не хватало учебников, оборудования, преподавание носило в основном религиозный характер. К этому следует добавить недоверие основной массы усинского населения к школьному образованию. Тем не менее, несмотря на то, что дело об открытии школы в переписке и приготовлениях растянулось почти на 10 лет, к 1884 г. было подготовлено помещение для миссионерской школы.

Тогда же, в 1885 г., в Усинском крае был построен и освящен первый христианский храм. Мы не располагаем конкретными данными о числе тувинских детей, обучавшихся в миссионерской школе с. Верхне-Усинское. Сам факт создания именно тако-

го, а не иного типа учебного заведения подтверждает справедливость периодизации истории развития русского образования, предложенной историками педагогики [Латышина 1988].

К 1897 г. в состав Усинского пограничного округа входили следующие населенные пункты: село Верхне-Усинское, деревня Нижне-Усинская, заселки Туранский, Уюкский, Усть-Усинский, Моховской, фактория Бякова. В связи с этим хотелось бы остановиться на роли Турана в истории Тувы конца XIX и начала XX в. Он был «перевалочным пунктом» переселенческого движения из Усинского края вглубь Тувы, крупным административным, культурным и духовным центром для русского населения Турано-Уюкского района. По справедливому мнению ряда исследователей, Туран был основан весной 1885 г. [Родевич 1912: 41].

В 1885 г. минусинский купец Г. П. Сафьянов получил разрешение на занятие земледелием в районе р. Туран. Пользуясь этим разрешением, в том же году там поселилось несколько русских семей, которые стали заниматься хлебопашеством. Так образовалось село Туран. По соседству с ним вскоре возник поселок Уюк.

В 1896 г., по официальным данным, в Туране проживало 169 жителей, а в Уюке — 44 [История Тувы 2001: 288]. Зарождение школьного образования Тувы можно отнести к ноябрю 1907 г., когда жители русского поселка Туран на очередном сходе постановили приступить к строительству сельской школы [Моллеров 2005: 78]. Необходимость открытия школы в поселке объяснялась тем, что зажиточные крестьяне, составлявшие немногочисленную прослойку переселенцев, имели возможность устроить своих детей в Верхне-Усинское высшее начальное училище. Большинство туранских детей нигде не учились.

Всеми делами внутри поселка ведала местная сельская община. На ее сходах принимались решения («приговоры») по важнейшим вопросам: о приеме новоселов и наделении их земель, о ремонте дорог, порядке пользования водой для полива и т. п. Крестьяне, присутствовавшие на сходе, составили незамедлительно подписку добровольных пожертвований, заручились согласием купца Андрея Павловича Сафьянова, которого единогласно утвердили на должность первого почетного блюстителя (по терминологии Министерства народного

просвещения). При утверждении указывалась сумма ежегодного взноса на развитие школы, в том числе на оплату экскурсий, устройство школьных праздников, организацию школьной «ёлки» и т. д.

Несмотря на то, что подавляющее большинство переселенцев были небогатыми крестьянами, на строительство и оборудование школы было собрано 5 582 руб. и заготовлено строительного леса на 1 200 руб. Значительная сумма на открытие школы была пожертвована А. П. Сафьяновым. Недостающую сумму выделила казна. В течение полугода (с мая по сентябрь 1908 г.) жители Турана построили дом для учителя и школу на 40 мест. Так в сентябре 1908 г. была открыта первая школа в поселке Туран. В первый учебный год (1908–1909 гг.) ее посещало 50, а в следующий (1909–1910 гг.) — уже 70 детей. В 1909 г. была основана еще одна школа, в поселке Уюк. Первым учителем Туранской школы стал Л. И. Евфименков [Моллеров 2005: 78].

Школа была включена в сеть учебных заведений Министерства народного просвещения (МНП) России. Выбор переселенцами школы ведомства МНП был не случайным явлением и отражал общую тенденцию в развитии российского образования начала века. В рассматриваемое время в сфере начального образования одновременно существовало несколько типов школ, отличавшихся целями обучения, финансированием, методами преподавания, преподавательским составом и социальным статусом учащихся. Основным критерием типовой дифференциации являлась ведомственная принадлежность, среди школы выделялись министерские (в ведении Министерства народного просвещения (далее — МНП)) и церковноприходские (ведомства Святого Синода).

В начале XX в., благодаря инициативам сельских обществ, количество начальных сельских школ ведомства МНП начинает расти. Этому был ряд объяснений. Министерские училища (школы) были лучше обеспечены по сравнению со школами ведомства Святого Синода, имели больше учебных пособий, давали больше знаний и, наконец, предоставлялись льготы по отбыванию воинской повинности после окончания школы [Ким 2001: 42].

Основной целью государственных, «министерских», училищ являлось распространение грамотности в народе. В число обязательных предметов, изучаемых в одно-

классных училищах, входили Закон Божий, русский язык, чистописание, арифметика. В одноклассной школе обучение обеспечивал один учитель и один преподаватель Закона Божьего, т. е. законоучитель. Преподавательский состав большинства школ, относящихся к ведомству МНП, формировался из выпускников учительских семинарий, выпускников гимназий и т. д. Оплата труда преподавателей осуществлялась по тарифам МНП, причем женский труд ценился дешевле. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что со второй половины 80-х гг. XIX в. начинается период прочного оседания русских переселенцев в Туве и образования первых оседлых населенных пунктов, где возникают первые зачатки школьного образования.

На дальнейший ход развития образования Тувы непосредственное влияние оказали политические события, развернувшиеся в 1911–1913 гг., приведшие к свержению маньчжурской династии Цин в Китае. Вслед за этими событиями в Туве развернулось национально-освободительное движение против представителей китайской администрации. В свою очередь правительство царской России, учитывая свои геополитические интересы, в том числе проживание в Урянхайском крае нескольких тысяч русских переселенцев, внимательно следило за этими событиями.

Еще в ноябре 1911 г. было созвано специальное заседание Совета Министров Российской империи, на котором подчеркивалось, что «... там уже сейчас на 50 тыс. туземного населения насчитывается 5 тыс. душ русских поселенцев <...> что составляет 10 % всего населения края. В нем еще нет русских войск и чиновников, но есть экономические интересы русских людей. Есть русские крестьяне-землепашцы, русская школа, в которой учится 50 русских детей, и, наконец, русский православный храм, сооруженный в деревне Туран во имя святителя Иннокентия» [История Тувы 2001: 291]. Тогда же была намечена стратегия мирного проникновения русских переселенцев.

4 (18) апреля 1914 г. Тува под названием Урянхайский край была включена в состав Енисейской губернии. К этому времени численность русского населения в крае достигла 12 тыс. чел., проживавших в основном в Тандинском, Пий-Хемском, Каа-Хемском районах. Установление протектората положило начало оказанию официальной социально-экономической помощи Туве со стороны

России. В этот период был построен первый город Белоцарск (позднее столица Тувы — Кызыл), осуществлялась прокладка Усинского тракта через Саяны, шло становление школьного дела края.

По закону от 18 июня 1914 г. вводилась должность комиссара по делам Урянхайского края. Им был назначен В. Ю. Григорьев, ранее работавший заведующим землеустройством и переселением в Енисейской губернии. На прежнем месте службы зарекомендовал себя как ответственный и уважаемый местным населением чиновник. Сразу же после назначения В. Ю. Григорьев газете «Минусинский листок» представил программу, основным направлением которой провозглашалась работа культурного характера в Урянхайском крае. В качестве первоочередных выдвигалась следующая задача: «...всемерное содействие делу развития народного образования в крае» [Минусинский листок 1915: 4].

В феврале 1915 г. заведующий устройством русского населения в докладной центральному переселенческому управлению вынужден был признать, что «в отношении первоначального образования русское население Урянхайского края поистине обездолено. На весь обширный край, с населением уже свыше 10 тыс. душ обоего пола, имеются лишь две одноклассных министерских, требующих ремонта школы в поселках Туране и Уюке, а подрастающее поколение остальных 30 поселков, многочисленных заимок, торговых факторий и приисков обречено на безграмотность» [ГА РТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 70. Л. 13]. Это признание Переселенческого управления является доказательством пристального внимания к удовлетворению культурных запросов переселенцев в образовании.

Переселенческая организация намеревалась открыть в ближайшее время школы и в других русских поселках, что и было выполнено. Примечателен и тот факт, что даже намечалось открытие низшей русско-тувинской сельскохозяйственной школы с опытным полем и скотоводческим хозяйством при ней.

«К школьному строительству, — читаем мы в одном из докладов заведующего устройством русского населения в Туве, — за недостатком рабочих рук только приступили. В 1916 г. должны быть построены школы в селе Верхне-Никольском, на Тодже, в Атамановке, и достроены школы в Бояровке и Чаа-Холе» [Дулов 1956: 150].

К сожалению, в источниках не приводятся конкретные даты открытия переселенческих школ. Чаще всего в источниках под открытием, что важно отметить, понимается начало занятий в школах в приспособленных помещениях, а не постройка собственно школьных зданий.

Отсутствие школьных зданий ещё долго будет препятствовать развитию школ Тувы, но благодаря энтузиазму переселенцев школьная сеть имела устойчивую тенденцию к росту. Несмотря на предпринимаемые Переселенческим управлением меры, в том числе приглашение на работу в Урянхайский край рабочих строительных специальностей с предоставлением им существенных льгот, вплоть до возмещения части расходов на проезд и значительного повышения заработной платы, школьное строительство продвигалось медленными темпами. В этих условиях большое значение имела общественная инициатива сельских обществ Урянхайского края, принимавших на сходах (общих собраниях) решение об открытии школ. Заслуживает внимания тот факт, что, несмотря на экономически сложные условия, переселенцы прекрасно понимали необходимость получения начального образования для своих детей и прикладывали к этому всевозможные усилия.

Большая часть начальных школ, за исключением Туранской и Уюкской, помещалась в нанимаемых у крестьян помещениях, не соответствовавших элементарным требованиям школьной гигиены. Нередки были тяжбы между владельцами квартир и сельским обществом по поводу арендной платы, требовавшие вмешательства Переселенческого управления. Так, в 1917 г. житель села Атамановка Подхребтинского района Ф. Я. Локтев обратился к Заведующему устройством русского населения в Урянхае с просьбой возместить ему стоимость аренды в размере 80 руб. в год за квартиру, сданную под школу. Просьба Ф. Я. Локтева была удовлетворена, деньги были взяты из «мирских сумм», которые впоследствии возвращались из кредитов, отпускаемых из казны на школьные нужды [ГА РТ. Ф. 123. Оп. 5. Д. 477. Л. 5].

По нормам, установленным утвержденными 22 июня 1909 г. Правилами «О выдаче из казны на школьно-строительные надобности начальных училищ МНП», сельское общество могло получить ссуду на строительство в размере не более половины стоимости и в пределах следующих норм:

на школу с одним классом-комплект (в среднем 50 учащихся), для деревянной постройки, не более 1 500 руб. [ГА РТ. Ф. 123. Оп. 5. Д. 22. Л. 2]. Особенности климатических условий Тувы (раннее наступление холодов, суровые зимы) делали необходимым строительство именно деревянных построек школьных зданий.

Наряду с участием государства, общественная инициатива тоже была заметным явлением. В нормативном регулировании значительное место отводилось приговорам, которые при их утверждении крестьянским начальником имели силу официального документа. Сельское общество в зависимости от условий жизни села имело право на «приговор» о сумме ассигнований на содержание школы и размер жалования учителя. Так, для Урянхайского края содержание школы определялось в 3 тыс. руб., а учителю назначался оклад не менее 900 руб. в год, что объяснялось дороговизной жизни в крае [ГА РТ. Ф. 123. Оп. 5. Д. 22. Л. 4]. Обеспечение такого денежного содержания учителю реализовать на практике оказывалось трудновыполнимой задачей. Тем не менее дирекция начальных училищ (школ) Енисейской губернии предпринимала попытки повышения окладов учителям Урянхайского края.

В частности, с 1914–1915 учебного года устанавливались следующие оклады: для заведующих одноклассными школами до 540 руб., для учителей дополнительных классов-комплектов до 480 руб. В то же время по Енисейской губернии эта сумма составляла соответственно 500 и 420 руб. [О состоянии... 1916]. Тем не менее зачастую заявленные положения так и оставались невыполненными в силу неблагоприятных экономических условий, которые отнюдь не способствовали развитию образования. В целом становление и развитие школьного дела происходило так же сложно, как и социально-экономическое развитие всего Урянхайского края.

Русские переселенцы, невзирая на то, что они оказывались на новом месте жительства не в лучших экономических условиях, все же стремились к распространению образования, как важнейшего фактора дальнейшего культурного развития. Каждое ходатайство об открытии школы в селении накладывало на сельские общества определенные обязательства, которые выражались в выполнении ими натуральной повинности

(доставка дров, обеспечение чистоты школы, отбывание службы училищного сторожа, наем квартиры для учителя и др.), переведенной при исчислении расхода на деньги. Несмотря на это, приговоры сельскими обществами составлялись неоднократно. Это свидетельствовало о постоянном внимании переселенческого населения к нуждам и запросам зарождавшегося начального образования края. Именно благодаря консолидации усилий сельских обществ и Переселенческого управления становится возможным создание школьной сети Тувы.

Следовательно, мы можем сказать, что со времени установления протектората России над Урянхайским краем здесь начинает складываться школьная сеть. В поселках Урянхайского края повсеместно собираются сельские сходы для обсуждения вопроса о необходимости открытия школ. Общественные запросы и государственная потребность в увеличении грамотного населения способствовали открытию переселенческих школ на территории Тувы в начале XX в. Заметим, что главным устройством школ являлось все же Переселенческое управление с теми средствами, которые отпускались ему из казны.

При всех недостатках первых русских школ на территории Урянхайского края (низкая материальная обеспеченность, малое количество, недостаток квалифицированных кадров учителей) они имели и существенные преимущества. В их деятельности удачно совмещались идеи сочетания обучения с нравственным воспитанием, взаимосвязи просвещения с хозяйственным освоением края, мирной экспансией. Исторический опыт, накопленный в рассматриваемое время, показал, насколько важным для развития образования явился фактор наличия общественной инициативы. В значительной степени, благодаря массовому переселению, формируются основы образования Тувы, которое с этого времени понимается, главным образом, именно как школьное образование, что было совершенно новым явлением в культурной жизни Урянхайского края начала XX в.

Таким образом, школьное образование Урянхайского края предстает как постоянно трансформирующаяся целостная структура, которая не только подвергалась воздействию экономических и политических процессов, но и находилась в тесной взаимосвязи с социальной структурой общества.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-21-03002 «Диалог цивилизаций народов Центральной и Внутренней Азии: история, культура и парадигмы существования».

Источники

ГА РТ — Государственный архив Республики Тыва.

Литература

- Бумбажай А. К. Россия и Тува: проблема становления связей в конце XIX — начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999. 202 с.
- Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже веков (конец XIX — начало XX в). Новосибирск: Наука, 1967. 348 с.
- Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX вв.). М.: Наука, 1956. 609 с.
- Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск, 1885.
- Извлечения из отчета Енисейской епархии за 1884 г. // Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск, 1885. № 9. С. 92.
- История Тувы. В 2-х тт. Т. 1 / отв. ред. Л. П. Потапов. Новосибирск: Наука, 2001. 410 с.
- Ким Е. В. Система образования в Енисейской губернии конца XIX — начала XX в.: дисс. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2001. 198 с.
- Латышина Д. И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X — начало XX века). М.: Изд. дом «ФОРУМ», 1988. 584 с.
- Монгуш В. Ч. Народное образование в Тыве первой половины XX века: к историографии вопроса // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2014. № 4 (84). С. 114–121.
- Моллеров Н. М. Основание и развитие Турана в конце XIX — начале XX в. Исторический очерк // Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований (УЗ ТИГИ). Вып. XX. Кызыл: Тувинск. кн. изд-во, 2005. С. 60–84.
- О состоянии начального образования в Енисейской губернии в 1915 г. // Сибирская школа. Красноярск: Г. И. Итыгин, 1916. № 3. С. 78–79.
- Путилов Н. Летопись Усинской миссии, находящейся на р. Усу, Енисейской губернии Минусинского округа Шушенской волости, близ Китайской границы // Сибирский архив. 1914. № 1. С. 27–40; № 2. С. 43–60; № 3/4. С. 91–106; № 5. С. 187–202; № 7/8.

С. 324–352; № 9. С. 417–422; № 10. С. 458–467; № 11. С. 500–508; № 12. С. 545–551.

Родевич В. Урянхайский край и его обитатели // Известия Русского географического общества. Т. 48. Вып. I–V. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. С. 129–188.

Стороженко А. А. Динамика численности старообрядческого населения Тувы в последней трети XIX в. // Научные труды Тувинского государственного университета (Мат-лы ежегодной науч.-практ. конф.). Т. 1. Вып. 2. Кызыл: ТывГУ, 2005. С. 24–25.

Sources

GA RT — *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tyva* [State Archive of the Republic of Tyva].

References

- Bumbazhay A. K. *Rossiya i Tuva: problema stanovleniya svyazey v kontse XIX — nachale XX vv.: diss ... kand. ist. Nauk* [Russia and Tuva: development of relations in the late 19th — early 20th cc. A D.Sc. thesis]. Moscow, Moscow State Univ. Press, 1999, 202 p. (In Russ.).
- Goryushkin L. M. *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe vekov (konets XIX — nachalo XX v)* [Siberian peasants: the late 19th — early 20th cc.]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1967, 348 p. (In Russ.).
- Dulov V. I. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Tuvy (XIX — nachalo XX vv.)* [A socio-economic history of Tuva (the 19th — early 20th cc.)]. Moscow, Nauka Publ., 1956, 609 p. (In Russ.).
- Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti* [Yenisei Eparchial Gazette]. Krasnoyarsk, 1885 (In Russ.).
- Izvlecheniya iz otcheta Eniseyskoy eparkhii za 1884 g.* [Excerpts from the 1884 Report of the Yenisei Eparchy]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti* (Yenisei Eparchial Gazette), Krasnoyarsk, 1885, No. 9, pp. 92 (In Russ.).
- Istoriya Tuvy. V 2-kh tomakh. T. 1. otv. red. L. P. Potapov* [A history of Tuva. In 2 vol. Vol. 1. Ed. by L. Potapov]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, 410 p. (In Russ.).
- Kim E. V. *Sistema obrazovaniya v Eniseyskoy gubernii kontsa XIX — nachala XX v.: diss. ... kand. ped. nauk* [The education system in Yenisei Governorate: the late 19th — early 20th cc. A Ph.D. thesis]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Univ. Press, 2001, 198 p. (In Russ.).
- Latyshina D. I. *Istoriya pedagogiki. Vospitanie i obrazovanie v Rossii (X — nachalo XX veka)* [History of pedagogy. Education in Russia (the 10th — early 20th cc.)]. Moscow, FORUM Publ., 1988, 584 p. (In Russ.).

- Mongush V. Ch. *Narodnoe obrazovanie v Tuve pervoy poloviny KhKh veka: k istoriografii voprosa* [Public education in Tuva in the first half of the 20th century: on historiography of the problem]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* (Bulletin of the Chuvash I. Y. Yakovlev State Pedagogical University), Cheboksary, Chuvash State Pedagogical Univ. Press, 2014, No. 4 (84), pp. 114–121 (In Russ.).
- Mollerov N. M. *Osnovanie i razvitie Turana v kontse XIX – nachale XX v. Istoricheskiy ocherk* [Foundation and development of Turan in the late 19th – early 20th cc. A historical essay]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy (UZ TIGI). Vyp. XX* (Scholarly Notes of the Tuvan Humanities Research Institute). Kyzyl, Tuva Book Publ., 2005, pp. 60–84 (In Russ.).
- O *sostoyanii nachal'nogo obrazovaniya v Eniseyskoy gubernii v 1915 g.* [About the current state of primary education in Yenisei Governorate in 1915]. *Sibirskaya shkola* (Siberian School), Krasnoyarsk, G. Itygin Publ., 1916, No. 3, pp. 78–79 (In Russ.).
- Putilov N. *Letopis' Usinskoy missii, nakhodyashcheysya na r. Usu, Eniseyskoy gubernii Minusinskogo okruga Shushenskoy volosti, bliz Kitayskoy granitsy* [Chronicles of the Usinsk Mission located on the Usu River. Yenisei Governorate, Minusinsk District, Shushenskaya Volost, near the Chinese border]. *Sibirskiy arkhiv* (Siberian Archive), 1914, No. 1, pp. 27–40; No. 2, pp. 43–60; No. 3/4, pp. 91–106; No. 5, pp. 187–202; No. 7/8, pp. 324–352; No. 9, pp. 417–422; No. 10, pp. 458–467; No. 11, pp. 500–508; No. 12, pp. 545–551 (In Russ.).
- Rodevich V. *Uryankhayskiy kray i ego obitateli* [The Uriankhai Region and its inhabitants]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. T. 48. Vyp. I–V (Proceedings of the Russian Geographical Society. Vol. 48. Iss. 1–5). St. Petersburg, M. Stasyulevich Publ., 1912, pp. 129–188 (In Russ.).
- Storozhenko A. A. *Dinamika chislennosti staroobryadcheskogo naseleniya Tuvy v posledney treti XX v.* [The population dynamics of Old Believers in Tuva in the last third of the 20th c.]. *Nauchnye trudy Tyvinskogo gosudarstvennogo universiteta (Materialy ezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii)*. T. 1. Vyp. 2 (Transactions of Tuvan State University. Proceedings of the Annual research and practice conf. Vol. 1. Iss. 2). Kyzyl, Tuvan State Univ. Press, 2005, pp. 24–25 (In Russ.).

УДК 371(09)+947.1/9(571.52)

ФОРМИРОВАНИЕ ШКОЛЬНОЙ СЕТИ УРЯНХАЙСКОГО КРАЯ (ТУВЫ) В НАЧАЛЕ XX в.

Виктория Чарызовна Монгуш¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра документоведения и архивоведения, Тувинский государственный университет (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: monvik72@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается период становления начального образования в Туве. Именно с начала XX в., когда создаются первые русские школы, у тувинского народа впервые появляется возможность приобщиться к светскому образованию. Отмечается, что, несмотря на сложные социально-экономические условия, благодаря общественному участию русских переселенцев школьная сеть Урянхайского края имела устойчивую тенденцию к росту. Некоторые особенности истории становления первых образовательных учреждений, в частности, существовавшие методы взаимодействия государственных структур и общества в сфере просвещения, вызывают заслуженный общественный интерес, но не получили достаточного освещения в современных научных исследованиях. Рассмотрению данного вопроса уделено значительное внимание в настоящей работе. В статье показано, что за относительно короткий промежуток времени (1908–1919 гг.) создана сеть первых русских школ, ставших впоследствии надежным заделом развития образования на территории Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Сложный процесс становления школьного образования на территории Урянхайского края рассматривается сквозь призму анализа обширного круга источников, среди которых заметное место занимает комплекс архивных материалов. Рассматриваемый этап становления образования в Туве изучен в целом весьма слабо. Статья является попыткой восполнить существующий пробел.

Ключевые слова: школьное образование, первые школы, Урянхайский край, Тува, русские переселенцы, тувинский народ.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 51–58, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-51-58
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47). 084.3

The Russian Revolution of 1917 and Russian Civil War (1918–1921) in the Destinies of the Dagestani Military Intelligentsia

Madina I. Abdulaeva ¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Department of Modern and Contemporary History of Dagestan, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia Federation). E-mail: mady62@mail.ru

Abstract. The article considers the dramatic events of the 1917 Revolution and the subsequent Russian Civil War, the two events that became a civilization breakdown for both Central Russia and its national peripheries. The paper shows how the military intelligentsia of Dagestan — and namely officers and soldiers of the ‘Savage Division’ — manifested themselves in the diverse kaleidoscope of successive socio-political forces and various parties of the then Dagestan. They accused the Bolsheviks and started struggling against the latter in every possible way in the atmosphere of political instability and universal anarchy that pervaded the society after the 1917 Revolution.

Being essentially passionate, the military intelligentsia took an active part in all vicissitudes — whether military or political ones — of the Russian Civil War. The highland intelligentsia dreamt of an independent Caucasus, establishing a confederation of highland peoples of the Caucasus. The fair investigation of activities of those who took sides with the opponents of the winning (Soviet) regime shall facilitate reconstruction of the actual history of civil confrontation in Dagestan. The Dagestani Cavalry Regiment experienced heavy casualties, with many officers of the regiment having been killed in action or injured. After the retreat, the surviving Dagestani officers retired towards their home highland villages.

The Russian Civil War had its dramatic impact on military intellectuals of Dagestan forcing them to join the bloody and fratricidal strife. The military — people of duty and discipline — had their own ideas about the future of the Motherland which they definitely loved. And it is well possible that they failed to join efforts and implement their plans because of disagreements between the movement leaders, excessive ambitions of the latter, rivalries and constant controversies.

Keywords: revolution, civil war, military intelligentsia, Dagestan, ‘Savage Division’.

К началу XX в. в Дагестане сформировалась значительная прослойка населения, для представителей которой военное дело стало профессией. Согласно законам Российской империи, горцы Северного Кавказа освобождались от несения воинской службы, и дагестанцы служили на добровольной основе в милиционных частях, а также в составе конных полков, принимая участие во всех войнах, которые вела Российская империя в XIX и XX вв., что также способствовало неуклонному росту числа военных.

Кроме этого, горцы учились в кадетских и других военно-учебных заведениях империи, служили в гусарских, казачьих полках, а также в Собственном Конвое императора.

В исследуемый период, как отмечает А. Далгат: «В Дагестане было много офицеров царской армии (например, только в одном ауле Чох в 1916 г. было 70 офицеров) в том числе генералы Алиханов, Ибрагимов, Халилов, Уцмиев, Араблинский, полковники — частью в отставке, частью служившие начальниками округов, а также в армии. Полковник Тарковский был вдохновителем и организатором контрреволюционного похода на Советской Порт-Петровск в 1918 году и наступления на Советскую власть в Дагестане в том же году, <...> «диктатор» Дагестана, полковник Алиханов — один из руководителей вооруженной борьбы против Советской власти в Дагестане в 1918 году и восстания Гоцинского в 1921 году, полковник Джафаров — главный военный руководитель восстания Гоцинского; полковник Магомедов — комендант Порт-Петровска при Деникине и начальник Даргинского округа тогда же, объявивший мобилизацию в деникинскую армию» [Далгат 1968: 9].

В отечественной историографии все эти вышеупомянутые люди именовались не иначе как «контрреволюция», т. е. «те, кто против революции».

Военной силой, противостоявшей революционным частям, были, конечно, офицеры и всадники двух Дагестанских конных полков, которые к началу Февральской революции 1917 г. находились еще на фронтах Первой мировой войны в составе «Дикой дивизии». Последней боевой операцией, в

которой принимала участие «Дикая дивизия», было летнее наступление Юго-Западного фронта.

Новый Верховный главнокомандующий Л. Г. Корнилов 21 августа (3 сентября) 1917 г. издал приказ № 854, который предусматривал переформирование Кавказской туземной конной дивизии в Кавказский туземный конный корпус. Командиром корпуса был назначен князь Д. П. Багратион. Бурные политические события в России конца августа — начала сентября 1917 г. задержали формирование Кавказского туземного конного корпуса [Абдулаева 2016: 127].

В октябре 1917 г. Кавказский туземный конный корпус, не завершив своего комплектования, был размещен на Кавказе. Командир корпуса П. А. Половцев (сменивший на этом посту Д. П. Багратиона) был назначен начальником всех войск, расположенных на территории Терской и Дагестанской областей.

Незадолго до Февральской революции, 27 января 1917 г., состоялось совещание у военного губернатора Дагестанской области генерал-майора Ермолова по вопросу о пополнении добровольцами 2-го Дагестанского конного полка. Начальникам всех округов Дагестана было поручено «принять все меры к набору охотников» [ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 6. Д. 39. Л. 28].

Речь идет о четвертом, последнем, пополнении в конный полк, в котором была очень высокой убыль во время войны. Для этой цели в Дагестан с театра военных действий был командирован и. д. помощника командира кадра запаса Кавказской Туземной конной дивизии по строевой части подполковник князь Н. Тарковский. С большими трудностями удалось мобилизовать 250 человек для пополнения в конный полк.

В самом Дагестане, несмотря на свершившуюся революцию, продолжали функционировать органы старой власти во главе с военным губернатором Ермоловым. Так же, как и во всей России, в Дагестане установилось двоевластие — причудливое сочетание старых и новых органов власти — в лице Советов. Общественно-политическая жизнь бурлила, происходило размежевание различных политических сил, партий, вызванных к жизни бурными событиями русской революции [История Дагестана 2005: 61].

Февральскую революцию офицеры Первого Дагестанского конного полка, как явствует из воспоминаний служившего в нем полковника Магомеда Джафарова, встретили без радости. «Все были крайне огорчены. Сущность событий, значение их для народной жизни, и в частности для Дагестана не понимал никто. <...> Все были полны неприятных, чтобы сказать больше, переживаний в ожидании или предчувствии крупных осложнений в своем положении в связи с произошедшими событиями» [Полковник Магомед Джафаров 2005: 71–72]. Было решено не присягать Временному Правительству и возвратиться в Дагестан. Полковое офицерство также решило приложить все усилия, чтобы не дать разложиться полку, как это уже случилось с некоторыми другими воинскими частями. В Первом Дагестанском конном полку был образован полковой комитет, в который от офицеров вошли М. Хандиев и М. Джафаров. Всадники и офицеры конного полка выбрали своим командиром Нух-бека Тарковского. Вторым полком в то время командовал Г. Амилахвари.

Однако, несмотря на свершившуюся буржуазную революцию, Дагестанские конные полки в течение лета 1917 г. принимали участие в событиях Первой мировой войны. В августе 1917 г. во время прорыва немцев у Тернополя Дагестанский полк в конном строю бросился в атаку на немецкую пехоту и потерпел большой урон [ЦГА РД. Ф.8-П. Оп. 3. Д. 33. Л. 8].

В газете «Голос Дагестана» в связи с этими событиями было опубликовано «Воззвание Комиссара по Управлению Дагестанской областью к жителям Дагестана», в котором говорилось: «Братья дагестанцы! Уже более трех лет на Юго-Западном фронте два наших полка ведут борьбу с дерзким врагом, и в течение этого времени полки наши поддерживали беззаветную славу наших предков и прославили итак славное имя Дагестана. <...>

Некоторые войсковые части Русской армии, подкупленные германскими шпионами, тысячами сдаются в плен. Наши же сыны — отважные герои вместе с другими сынами России напрягают все усилия и упорно борются за свободу по примеру наших отцов и дедов, а потому нам необходи-

мо подготовить людей для пополнения возможной убыли наших полков по мере необходимости» [ЦГА РД. Ф.8-П. Оп. 3. Д. 264. Л. 46].

К апрелю 1917 г. взамен упраздненных органов военно-народного управления был создан комиссариат Особого Закавказского комитета (ОЗАКОМ) в лице членов Государственной Думы М. Далгата и И. Гайдарова [Далгат, Магомедова 2015: 128].

Последующие события — Октябрьский переворот, выход России из войны, развал армии — диктовали уже другую тактику для дагестанцев, служивших в конных полках. Русский подполковник Б. Кузнецов в своих воспоминаниях описывает это время: «Позорно кончилась война. Не так представляли себе горцы Кавказа конец величайшей войны. Всем хотелось вернуться в родные аулы украшенными крестами и медалями, погонями урядника, юнкера и даже офицера. Мнились бесконечные рассказы на порогах саклей о своих подвигах, показ трофеев — клинков, винтовок, привезенных с фронта и т. д. Вместо этого спешная отправка по домам под враждебными взглядами и криками разнужданной толпы бывших солдат и рабочих» [Кузнецов 2006: 12].

Постепенно вслед за остальными частями русской армии начали разлагаться и части Туземного корпуса. Чтобы воспрепятствовать этому, было решено привести Дагестанские конные полки на Родину.

Приказом по Кавказскому Туземному корпусу от 1 января 1917 г. полковник Н. Тарковский был назначен командиром 1-го Дагестанского конного полка. Приведя полк в Дагестан, он приступает к формированию надежных воинских частей. У сел. Кумторкала была создана база полка, а железнодорожная станция Шамхал была занята Н. Тарковским для встречи воинских частей, возвращавшихся с Кавказского фронта домой, для того, чтобы просить у них боевые припасы.

Как пишет в своих воспоминаниях подполковник царской армии Б. Кузнецов: «В Дагестане начало борьбы с анархией и ее родителями — большевиками положили два человека, два русских офицера — полковник Расул Каидбеков (офицер Бакинского полка, 39 пехотной дивизии) и полковник

князь Нух-бек Шамхал Тарковский, командир 1-го Дагестанского конного полка [Кузнецов 2006: 12].

Р. Каидбеков происходил из узденей Дагестанской области, из с. Параул. Профессиональный военный (окончил Александровское военное училище в Москве по 1-му разряду), участник русско-японской и Первой мировой войны. Полковник, командир батальона Бакинского полка (39-й пехотной дивизии). Георгиевский кавалер (4 ст.). Он был командирован от Кавказского фронта в Ставку на Съезд Георгиевских кавалеров, награжден «Георгиевским оружием». В начале 1918 г. Р. Каидбеков — участник боев в Порт-Петровске; был назначен начальником штаба армии Горской республики (1913 г.), затем — комендантом г. Темир-Хан-Шуры. После ухода Добровольческой армии из Дагестана скрывался в горах, был арестован органами советской власти в 1920 г. и расстрелян.

Нух-бек Тарковский (1878–1951) родился в с. Нижнее Казанище. Последний из шамхалов Тарковских. Профессиональный военный (окончил Симбирский кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище (1899). Георгиевский кавалер, а также кавалер ряда орденов и золотого оружия. Ротмистр 2-го Дагестанского конного полка (1915). Полковник, командир 1-го Дагестанского конного полка (1917). Военный министр Горской Республики (1918), военный диктатор Дагестана (1918). Один из активных участников борьбы с Советской властью. В 1920 г. эмигрировал в Иран, где был принят шахом и назначен начальником Персидской конной дивизии. Затем переехал с семьей сначала в Турцию, потом в Швейцарию. Похоронен в Лозанне.

После возвращения 1-го Дагестанского конного полка с фронта он был первоначально размещен в слободе Хасав-юрт.

В Хасав-юрте был гарнизон из запасных солдат и пограничный полк, пришедший с Кавказского фронта. Дагестанский полк к этому времени тоже начал разлагаться — под влиянием комитета полка, состоявшего из пулеметчиков, бывших матросов Балтийского флота.

Поэтому главной задачей, стоявшей перед командиром полка Н. Тарковским, явля-

лось выведение полка в Темир-Хан-Шуру, переформирование состава с одновременным избавлением от ненадежных элементов, что и было выполнено.

10 января 1918 г., согласно рапорту командира Дагестанского конного полка № 17 начальнику 2-й Кавказской туземной конной дивизии, 2-я сотня полка отправлена по железной дороге в г. Дербент в составе 74 всадников; в оставшихся 3-х сотнях и командах набрали около 180 человек для несения караулов.

Из рапорта командира полка Н. Тарковского вырисовывается достаточно тревожная обстановка, сложившаяся в Дагестане к началу 1918 г. Защита 2-м Дагестанским конным полком под командованием полковника Нахибашева Порт-Петровска от проходящих большевиков закончилась неудачей. С большими потерями полк отошел в направлении на Шуру и остановился в сел. Кумтор-Кала. Трагически погиб со специальным взводом корнет Имам Буслаев, окруженный большевиками. Эта операция — попытка отстоять одним спешенным полком город от большевиков — была организована полковником Расул Бек Каидбековым.

В Дербенте, как сообщается в телеграмме городского главы Векилова и начальника полиции Магомедова от 2 января 1918 г. на имя Темир-Хан-Шурина областного комитета, «...грабежи принимают характер полной анархии. Убедительно просим хоть временно оставить сотню Дагестанского конного полка в Дербенте и при первой возможности прислать еще одну [ЦГА РД. Ф.8-П. Оп. 3. Д. 264. Л. 85, 86].

В январе 1918 г. были налицо все признаки гражданского противостояния, которые обострились в связи с походом Н. Гоцинского на Темир-Хан-Шуру во время прохождения здесь III Всеобщего съезда представителей народов Дагестана, созванного Областным Исполнительным Комитетом.

Исполком предъявил Н. Гоцинскому ультиматум: отправить всех людей по домам, оставить город.

Для выполнения намеченного постановления, а именно отправить Н. Гоцинского в горы, был назначен генерал М. Халилов. Однако он, будучи областным комиссаром, как и его заместитель, высказался о невоз-

возможности работать в таких условиях и попросил снять с него обязанности. Вместо него был назначен полковник Д. Мусалаев.

Джамалутдин Мусалаев (1880–1947) родился в с. Алисултан Янги-Юрт, из узденей Дагестанской области. Окончил Темир-Хан-Шурниское реальное училище, затем Московское военное училище. Подпоручик 255-го Аварского резервного батальона (1900), хорунжий 2-го Дагестанского конного полка (1904). Участник русско-японской войны, кавалер орденов и медалей. Полковник царской армии, Военный губернатор Дагестанской области (1918). Военный министр Республики Союза горцев Кавказа (1919). После установления советской власти в Дагестане эмигрировал.

Маршевыми сотнями 1-го конного полка командовал Магомед Джафаров, уроженец сел. Кудали Гунибского округа (1884–1937). Профессиональный военный. Окончил Елисаветградское военное училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн. С началом Первой мировой войны был переведен в 1-й Дагестанский конный полк. Георгиевский кавалер, полковник. С уходом турок из Дагестана (декабрь 1918 г.) распоряжением Горского правительства был назначен губернатором и командующим войсками Чечни. После отставки Горского правительства (май 1919 г.) — командир 1-го Дагестанского конного полка, воевал на царичинском фронте, сохранив полк, привел его в Дагестан. Участник антисоветского восстания (1920–1921), после ликвидации которого перебрался в Закатальский округ, но через некоторое время явился в Темир-Хан-Шуру и сдался. Постановлением тройки был вновь осужден к 10 годам лишения свободы, а в 1937 г. расстрелян.

События января 1918 г. многие исследователи справедливо считают началом Гражданской войны, хотя поход имама обошелся без пролития крови, все же именно после этих событий усилилась дальнейшая поляризация общества.

Активная большевистская пропаганда, которую развернули У. Буйнакский, М. Дахадаев, Д. Коркмасов, способствовала притоку новых сил. Интересно отметить, что и некоторые из бывших всадников и урядников Дагестанского конного полка присоеди-

нились к ним. Правда, М. Джафаров в своих воспоминаниях не очень высоко оценивает их профессионализм.

Социалисты, в частности М. Дахадаев, хорошо знавший М. Джафарова, пытались привлечь и его на свою сторону. Однако узнав, что М. Дахадаев заодно с большевиками, М. Джафаров отказался от предложения.

Ситуация складывалась таким образом, что априори было уже понятно: схватка революционных сил и Дагестанских конных полков, как представителей исполкома и милликомитета, не минуема. Обе стороны усиленно собирали силы — войска и вооружение, от которых зависел исход этой борьбы.

По инициативе Н. Тарковского было решено сформировать два батальона пехоты из добровольцев-горцев под названием «Шамилевские» и создать в полку конногорную батарею. Помощником Н. Тарковского и начальником штаба всех воинских частей Дагестана стал полковник Расул Бек Каидбеков, адъютантом — капитан Нажмутдин Коркмасов, командиром 1-го батальона имени имама Шамиля — полковник Серажудин Мусаев, 2-го батальона — полковник Гаджиев. Формированием артиллерии ведал генерал Эрдман, бывший командир батареи 52-й артиллерийской бригады, стоявшей до войны в Темир-Хан-Шуре [Доного 2004: 7].

20 марта 1918 г. Дагестанский Милликомитет и Областной Исполком дали командиру 2-го полка М. Джафарову приказ выступить против Порт-Петровского Военно-революционного комитета, восстановить в городе законный порядок и общественное спокойствие в пределах Дагестанской области и обеспечить личную и имущественную неприкосновенность всего дагестанского населения. На помощь ему с горскими вооруженными отрядами призвали и Н. Гоцинского. Под давлением наступавших горских вооруженных сил большевистское руководство покинуло город и переехало в Астрахань. Власть ВРК была ликвидирована [История многовековых взаимоотношений... 2009: 347]. Однако уже 20 апреля, после ожесточенных боев в Петровске, с помощью бакинского и астраханского отрядов вновь была установлена Советская власть.

1 мая отряды Красных частей заняли Темир-Хан-Шуру, а 2-го мая был создан Военно-революционный комитет во главе с Д. Коркмасовым, куда в полном составе вошла «Социалистическая группа» [Магомедов 1986: 137].

Итак, первая фаза борьбы принесла успех большевикам. Н. Тарковский решил распустить отряд и уйти в горы. Свою семью он перевез из Караная в Чечню, к своему другу Абдулмеджиду Чермоеву в Ножай-юрт.

В боях за Петровск большие потери понес Дагестанский конный полк. Многие офицеры полка были убиты или ранены. После отступления офицеры-дагестанцы ушли в горы, в свои аулы.

Дальнейшие события в Дагестане развивались с калейдоскопической быстротой. Сменяя друг друга, прошли турки, англичане, Бичерахов, Деникин.

Ключевую роль в событиях Гражданской войны сыграли военные, в первую очередь офицерство. Будучи пассионариями по своей сути, многие из них заняли ведущие позиции в развернувшейся борьбе за власть.

В начавшейся в стране анархии и беспорядках они обвинили большевиков и всеми своими силами и возможностями стали с ними бороться. В этой борьбе опираться на одни только конные полки было невозможно. Поэтому создавались различные коалиции с привлечением внешних сил.

У каждого была своя цель. Кто-то хотел возрождения «единой и неделимой России», кто-то хотел отделения Кавказа от России. Горская интеллигенция мечтала о независимом Кавказе, создавая конфедерацию горских народов Кавказа.

Военная интеллигенция Дагестана также раскололась во время Гражданской войны. Часть офицеров (в меньшей степени) и всадников перешла на сторону Красной Армии и сделала хорошую военную карьеру, как, например, Муслим Атаев, участник Первой мировой войны, служивший в Дагестанском конном полку. М. Атаев вступил в 1920 г. в партию большевиков и был назначен военным комиссаром Нагорного Дагестана, являясь впоследствии Народным комиссаром внутренних дел. Однако, в 1939 г.

он был репрессирован, как и многие другие бывшие офицеры, и расстрелян.

Один из активных противников Советской власти — полковник Магомед Джафаров с 1921 по 1933 г. работал на разных должностях в Москве (преподавал в главной военной школе физического образования трудящихся, был членом Комиссии по переводу войск на милиционную систему и др.). В 1933 г. М. Джафаров был репрессирован, а в 1937 г. расстрелян.

Эта участь постигла всех тех представителей военной интеллигенции Дагестана, кто не уехал за границу, среди них Расулбек Каидбеков, Зайнуддин Доногуев, Алтай Нахибашев, Абдул-Бутай Нахибашев и многие другие. Эмигрировали из страны Нух-бек Тарковский, Джамалутдин Мусалаев, Ахмедхан Аварский, Абдусалам Магомедов, Абдулатип Эльдарушев, Багаутдин Хуршилов и др. Эмиграция позволила этим людям сохранить жизнь, но они жили на чужбине с ностальгией по Родине.

Гражданская война прошла по судьбам дагестанской военной интеллигенции, направив личностный сценарий каждого в это кровавое, братоубийственное русло. При исследовании данной проблемы необходимо помнить, что у военных, как у людей долга и дисциплины, было свое понимание будущности Родины, которую они, несомненно, любили. Возможно, что отсутствие единства во взглядах между лидерами движения, чрезмерные амбиции некоторых из них, состязание друг с другом и постоянные противоречия помешали им консолидировать силы и осуществить свои планы.

Источники

ЦГА РД — Центральный государственный архив Республики Дагестан
Полковник Магомед Джафаров: сб. мат-лов. Махачкала: ИД «Эпоха», 2005. 302 с.

Литература

Абдулаева М. И. Дагестанцы на русской военной службе в XIX — начале XX вв. Повседневная жизнь. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 259 с.
Далгат А. Страна революционной героики. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. 108 с.

- Далгат Э. М., Магомедова С. А. *Магомед Далгат*. Эпоха, жизнь, деятельность. Махачкала: Дагестанск. кн. изд-во, 2015. 144 с.
- Доного Хаджи Мурад. *Контрреволюция*. Махачкала: Тип. «Ихласс», 2004. 96 с.
- История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В двух томах. Т. 2. XX век. Махачкала: Юпитер, 2005. 657 с.
- История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения народов Дагестана в состав России. Махачкала: ГУП Тип. ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
- Кузнецов Б. 1918 год в Дагестане // Елдаш. Вып. 64. 28.07.2006.
- Магомедов Ш. М. Северный Кавказ в трех революциях. М.: Наука, 1986. 205 с.
- Dalgat A. *Strana revolyutsionnoy geroiki* [A country of revolutionary heroics]. Makhachkala, Dagknigoizdat Publ., 1968, 108 p. (In Russ.).
- Dalgat E. M., Magomedova S. A. *Magomed Dalgat. Epokha, zhizn', deyatel'nost'* [Magomed Dalgat: his times, life, activities]. Makhachkala, Dagestan Book Publ., 2015. 144 s.
- Donogo Khadzhi Murad. *Kontrrevolyutsiya* [Counter-Revolution]. Makhachkala, Ikhllass Press., 2004, 96 p. (In Russ.).
- Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do nashikh dnei. V dvukh tomakh. T. 2. XX vek* [A history of Dagestan from the earliest times to the present days: in 2 vol. Vol. 2. The 20th century]. Makhachkala, Yupiter Publ., 2005, 657 p. (In Russ.).
- Istoriya mnogovekovykh vzaimootnosheniy i edineniya narodov Dagestana s Rossiei. K 150-letiyu okonchatel'nogo vkhozheniya narodov Dagestana v sostav Rossii* [Peoples of Dagestan and Russia: a history of centuries-old relations and unity. Celebrating the 150th anniversary of Dagestan's accession into the Russian state]. Makhachkala, Dagestan Scientific Center Press, 2009, 752 p. (In Russ.).
- Kuznetsov B. *1918 god v Dagestane* [The year 1918 in Dagestan]. *Yoldash* (newspaper), Iss. 64, 28 July 2006 (In Russ.).
- Magomedov Sh. M. *Severnnyy Kavkaz v trekh revolyutsiyakh* [The North Caucasus in the three revolutions]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 205 p. (In Russ.).

Sources

GARD — *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan* [State Archive of the Republic of Dagestan].

Polkovnik Magomed Dzhafarov: sbornik materialov [Colonel Magomed Dzhafarov: collected materials]. Makhachkala, Epokha Publ., 2005, 302 p. (In Russ.).

References

Abdulaeva M. I. *Dagestantsy na russkoy voennoy sluzhbe v XIX – nachale XX vv. Povsednevnyaya zhizn'* [Dagestanis in the Russian military: the 19th–early 20th cc. Everyday life]. Makhachkala, ALEF Publ., 2016, 259 p. (In Russ.).

УДК 94(47). 084.3

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1918–1921 гг.) В СУДЬБАХ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДАГЕСТАНА

Мадина Изамутдиновна Абдулаева¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел новой и новейшей истории Дагестана, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский научный центр Российской академии наук (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: mady62@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются драматические события революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны, ставшие цивилизационным сломом как для центральной России, так и для национальных окраин. На примере Дагестанской области показано, как в многоликом калейдоскопе сменяющих друг друга общественно-политических сил и различных партий проявила себя военная интеллигенция Дагестана в лице офицеров и всадников «Дикой дивизии». В атмосфере политической нестабильности и всеобщей анархии, воцарившейся после революции 1917 г., они выдвинули обвинения против большевиков и стали проводить с ними борьбу. Военная интеллигенция, будучи пассионарной по своей сути, принимала активное участие во всех военно-политических перипетиях гражданской войны. Объективное освещение деятельности тех, кто оказался «по противоположную сторону баррикад», позволит воссоздать подлинную историю гражданского противостояния в Дагестане.

Ключевые слова: революция, гражданская война, военная интеллигенция, Дагестан, «Дикая дивизия».

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 59–64, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-59-64
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47). 083

Dagestan on the Eve of the Year 1917

Elmira M. Dalgat ¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Head of Department of Modern and Contemporary History of Dagestan, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: elmira.dalgat@yandex.ru

Abstract. Proceeding from archival sources and literature, the article aims to show the situation in Dagestan on the eve of the Great Russian Revolution of 1917. By the time Dagestan joined Russia, the former was a traditional society. Reforms introduced by the Tsarist Government precipitated its socio-economic development. The paper notes that the halfness of the peasants Reform of the 1860s and the remaining dependence of some peasants led to an increase in social tension in rural areas — within the dependent population. The peasants refused to pay imposts and perform duties to their beks (or beys, i.e. ‘landlords’), fired their property. On returning to their homelands, the peasants who had performed some seasonal work in cities contributed to the growth of anti-feudal insurgencies in villages. The mass anti-feudal peasants’ revolts forced the authorities to implement a reform that abolished feudal dependence in 1913. In the early 20th century, there emerged an intelligentsia layer which took shape after Russophone schools had been opened. A certain role in the dissemination of anti-government propaganda among the highlanders was played by seasonal workers. Many of them had worked in the oil fields of Baku and Grozny where they got inspired by revolutionary ideas, took part in workers’ strikes. The economic claims of theirs were gradually replaced by political ones. So, in May-June 1916, weavers of the Caspian Textiles went on strike, and earlier — in April — either did workers of Mikhailov’s Tobacco Factory. The emergence of industry and the working class facilitated further development of the revolutionary movement in the towns of the region. The worsening of economic living conditions lead to significant changes in the social and political situation in Dagestan.

World War I intensified the social tension in the community. Workers’ strikes began, peasants en masse refused to conscript for works in the rear combat zone, which largely contributed to the increasing social tension in Dagestan.

Keywords: Dagestan, reforms, peasants’ movement, city seasonal workers of peasant origin, strikes, war.

В начале XX в. Дагестан представлял собой традиционное общество. После присоединения к Российской империи здесь были проведены реформы, ускорившие его социально-экономическое и культурное развитие. Независимые феодальные владения были ликвидированы, вместо них — образованы округа. 30 тысяч крестьян были освобождены от зависимых отношений к бывшим феодальным владельцам и наделены землей. Реформа 60-х гг. XIX в. была половинчатой, поскольку несколько десятков тысяч крестьян продолжали платить подати и нести повинности бекам, относящимся к феодальному сословию. В этот период было ликвидировано рабство, 1,5 тыс. рабов были отпущены на свободу, но не были наделены землей [Далгат 2000:12].

В первой половине XIX в. в Дагестане было мало хороших колесных дорог, что тормозило развитие экономики. Во второй половине XIX в. царское правительство начало проводить мероприятия по прокладке грунтовых и шоссейных дорог [История многовековых 2009: 199]. Кроме дорог, имевших стратегическое значение, строились грунтовые дороги между горными селениями, которые облегчали крестьянам доставку сельскохозяйственной продукции и ремесленных изделий на местные базары. В пореформенный период была проведена большая работа, но, тем не менее, дорожная проблема была далека от своего решения, и бездорожье сохранялось [История многовековых 2009: 199]. В это время в Петровске был построен морской порт, через территорию Дагестанской области — проведена железная дорога, появились промышленные предприятия, самым крупным из которых была текстильная фабрика «Каспийская мануфактура», где в разное время трудилось от 700 до 1 000 рабочих. Большое количество рабочих было занято в рыбной промышленности [Далгат 2015: 105].

Капиталистические отношения проникали и в сельское хозяйство. Товарный характер принимало овцеводство, наиболее развитая отрасль животноводства в Дагестане. В земледелии товарный характер принимало виноградарство и садоводство. Формировалась сельская буржуазия из кре-

стьянской аульской верхушки. Некоторые ее представители имели до 30 тыс. овец, нанимали чабанов, как, например, Н. Гочинский — в будущем активный участник Гражданской войны в Дагестане.

Новым явлением для Дагестана было появление небольшой прослойки светской интеллигенции. Она стала формироваться после открытия царской администрацией в Дагестане во второй половине XIX в. школ с преподаванием на русском языке. Для окончивших эти школы горцев были открыты вакансии в высших учебных заведениях империи. Появились врачи, инженеры, юристы из дагестанцев. Эти представители интеллигенции в дальнейшем сыграли важнейшую роль в революции и гражданской войне в Дагестане [Абдулаева 2014: 7].

Годы, предшествовавшие указанным событиям в Дагестане, были беспокойными. Не прекращались выступления феодально-зависимой категории крестьянства — райят. Как мы уже отмечалось, крестьянская реформа, проведенная властями в Дагестане в 60-е гг. XIX в. носила половинчатый характер, и часть крестьян находилась в феодальной зависимости. Антифеодальное движение, то усиливаясь, то ослабевая, не прекращалось.

Особенно обострилась борьба зависимого крестьянства в годы Первой русской революции. Под влиянием забастовок рабочих Петровска и Темир-Хан-Шуры в ноябре 1905 г. поднялись жители окрестных сел. Они сожгли кутаны и вырубili так называемый «Шамхальский лес», принадлежавший шамхалу Тарковскому. Возбужденные крестьяне хотели сжечь и дом шамхала, но, поддавшись уговорам стариков, не выполнили задуманного [История многовековых 2009: 253]. Забастовки рабочих, волнения крестьян, брожение среди солдат продолжались и в 1906 и в 1907 годах.

Особенностью Дагестана было то, что в период реакции, когда революционные выступления в стране были подавлены, здесь продолжалось антифеодальное движение крестьянства. Особенно сильным оно было в 1908–1909 гг. [Далгат 2000: 254]. Как и в более ранний период, в годы реакции интенсивность крестьянского движения как по масштабам, так и по его качественным

характеристикам — поступательности, активности — была связана со степенью феодальной эксплуатации, поэтому оно достигло наибольшего развития в Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах [Далгат 2000: 257]. Выступления крестьян вынудили власти провести в 1913 г. реформу, освободившую от феодальной зависимости 70 тыс. раят в 95 селениях [Далгат 1978: 16].

Крестьян освободили, но землю, которой они пользовались, не закрепили за ними в качестве собственности. Сохранилось помещичье многоземелье и крестьянское малоземелье.

Реформа 1913 г., как и реформа 60-х гг. XIX в., была половинчатой, поэтому сохранился повод для недовольства крестьян. Беки продолжали оставаться юридическими хозяевами земли, которой пользовались крестьяне.

1913 г. был для Дагестана знаменателен еще тем, что по всей области прошли «антиписарские выступления». Причиной послужило решение властей провести в Дагестане реформу делопроизводства, которое предполагалось перевести с арабского на русский язык. Писарей со знанием русского языка должно было содержать сельское общество. Реформа была расценена дагестанцами как попытка русификации, попытка оторвать их от векового культурно-исторического наследия, связанного с арабским языком и восточной культурой, поэтому ее (реформу) встретили враждебно [Салихова 2017: 379, 380]. К наместнику Кавказа в конце 1913 г. направилась депутация из Дагестана с просьбой отменить реформу. Просьба была отклонена.

В начале 1914 г. по ряду округов Дагестанской области прошли мощные выступления против реформы. 13 марта 1914 г. шеститысячная толпа подошла к областному центру — городу Темир-Хан-Шура. Для ее разгона были использованы войска. Встретив упорное сопротивление горцев, власти сначала отказались от принудительного проведения реформы, а затем и вовсе отменили ее. Власти отмечали, что «озлобленный, голодный народ особенно восприимчив ко всякой пропаганде, и поэтому противоправительственная агитационная

деятельность мусульманского духовенства, поддерживаемая социал-демократами из мусульман, проживавшими в больших городах, не может не оказать развращавшего влияния на население Дагестана [История Дагестана 1968: 40].

Определенную роль в распространении антиправительственных настроений среди горцев сыграли отходники. Многие из них работали на нефтяных промыслах Баку и Грозного, проникались революционными идеями, принимали участие в забастовках рабочих. За участие в революционных выступлениях бакинского пролетариата дагестанских отходников часто высылали домой. В результате в годы реакции с нефтяных промыслов Баку и Грозного было уволено несколько тысяч отходников, которые вернулись в Дагестан. Часто именно они становились во главе крестьянских выступлений [Далгат 2010: 221]. Так, еще в 1908–1909 гг. отходниками из Самурского и Кюринского округов в селах Касумкент, Буткент и некоторых других селах Южного Дагестана были созданы социал-демократические ячейки. Большую роль в деятельности этих ячеек сыграл отходник Кази-Магомед Агасиев. В годы Первой русской революции за активную революционную деятельность он был уволен с нефтяных промыслов Баку с запретом на проживание в пределах бакинского градоначальства.

На наш взгляд, возвращение отходников сыграло важную роль в революционизировании населения области, способствовало активизации аграрного движения, особенно в южных округах [Далгат 2000: 261].

Первая мировая война, начавшаяся в августе 1914 г., ухудшила положение в России, в том числе в Дагестанской области. Большую активность проявили пантюркисты, ведя среди горцев антирусскую агитацию. Но, как отмечал военный губернатор Дагестана в донесении помощнику наместника от 13 марта 1915 г., «здравый смысл дагестанцев и опыт многолетнего мирного сожительства с русскими под скипетром русского императора были мудрыми руководителями населения в его отношении к вновь возгоревшейся войне. Оно осталось глухим к воззванию турецкого мусульман-

ского духовенства. Эту свою лояльность по отношению к государству население доказало и продолжает доказывать постоянными крупными денежными пожертвованиями на нужды войны» [ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. 1915 г. Д. 33а. Л. 2]. Война отрицательно отразилась на социально-экономическом положении народа. Стали расти цены на продовольственные и промышленные товары (в среднем на 100–300%), на жилье (30–70%), топливо (в 4 раза) и т. д. [История Дагестана 1968: 44]. В связи с этим военный губернатор Дадешкелиани писал в обзоре за 1915–1916 гг.: «Вопрос о дороговизне — наиболее острый и важный для населения, и этот вопрос имеет решающее влияние на настроение населения» [ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. 1915 г. Д. 33а. Л. 7].

Каждая группа населения, по мнению Дадешкелиани, имела «свои специальные нужды и вожеления»:

- земледельцев беспокоит рост прямых налогов;
- ремесленников — дороговизна и трудность получения сырья;
- служилый класс — все возрастающая дороговизна жизни, даже для тех, кто имел хорошую зарплату и обездоленные малоимущие семьи;
- мусульман, т. е. по существу все население Дагестана, — угроза введения закона о воинской повинности [ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. 1916 г. Д. 33а. Л. 9].

Дагестанцы не отбывали воинскую повинность, вместо нее они платили воинский налог. При желании они могли добровольно служить в Дагестанских конных полках, которые в составе Кавказской туземной конной дивизии принимали участие в Первой мировой войне [Абдулаева 2014: 6].

Многие заводы и предприятия Дагестанской области работали на государственную оборону, в том числе фабрика «Каспийская мануфактура», фабрика кинжалов для армии инженера М. Дахадаева, рыбные промыслы З. Тагиева, фабрика проволоочных канатов-кабелей и т. д., всего 84 названия [ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. 1914 г. Д. 104]. Резко возрос объем сверхурочных работ.

Власти проводили реквизиции лошадей для нужд армии, мобилизации населения на

сооружение оборонительных объектов, на тыловые работы.

Ухудшение экономических условий жизни повлекло за собой серьезные изменения в социальной и политической обстановке в Дагестане.

Начались забастовки рабочих промышленных предприятий, требовавших увеличения зарплаты. От экономических требований они переходили к политическим. Так, в мае–июне 1916 г. бастовали ткачи «Каспийской мануфактуры», ранее — в апреле — рабочие табачной фабрики Михайлова.

В июле 1916 г. произошло восстание в селении Аксай — против требования властей о реквизиции подвод. Аксаевцы отказались давать возчиков для подвод. На попытку собрать их силой крестьяне ответили восстанием. Его подавили с помощью войск, были убитые и раненые. 20 человек судили военно-полевым судом [История Дагестана 1968: 47].

Социальная напряженность в обществе нарастала. Дагестан, как и вся Россия, стоял на пороге великих потрясений, которые коренным образом изменили жизнь горцев.

Источники

ЦГА РД — Центральный государственный архив Республики Дагестан.

Литература

- Абдулаева М. И. Участие Дагестанских конных полков в Первой мировой войне // Первая мировая война: Великая и неизвестная. Матлы Междунар. науч.-просветительск. конф. Краснодар: Традиция, 2014. С. 5–7.
- Далгат Э. М. Аграрное движение в Дагестане между двумя революциями: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978. 16 с.
- Далгат Э. М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 256 с.
- Далгат Э. М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX–XX вв. Махачкала: тип. «Юпитер», 2000. 290 с.
- Далгат Э. М. Отходничество в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала: Дагестанский институт научной экспертизы и мониторинга, 2010. С. 206–235.

- История Дагестана. М.: Наука, 1968. Т. 2. 385 с.
- История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 2009. 751 с.
- Салихова Л. Б. Движение рабочих и крестьян Дагестанской области накануне Первой мировой войны // Социально-экономическое и политическое развитие народов Северного Кавказа (XIX – начало XXI вв.). Сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию д-ра ист. наук, проф. А. И. Хасбулатова. Грозный: КНИИ им. Х. И. Ибрагимов РАН, 2017. С. 375–381.
- Sources**
- TsGA RD — *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan* [Central State Archive of the Republic of Dagestan].
- References**
- Abdulaeva M. I. *Uchastie Dagestanskikh konnykh polkov v Pervoi mirovoi voine* [Dagestani cavalry regiments in World War I]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prosvetitel'skoi konferentsii «Pervaya mirovaya voina: Velikaya i neizvestnaya»* [World War I: the Great and Unknown One. Proc. of the Internat. research and awareness-raising conf.]. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2014, pp. 5–7 (In Russ.).
- Dalgat E. M. *Agrarnoe dvizhenie v Dagestane mezhdvumya revolyutsiyami. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [The agrarian movement in Dagestan during the inter-revolution period. A Ph.D. thesis abstract]. Leningrad, 1978, 16 pp. (In Russ.).
- Dalgat E. M. *Gorod i gorodskaya zhizn' v Dagestane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The city and urban life in Dagestan: the mid-to-late 19th – early 20th cc.]. Makhachkala, 2015, 256 p. (In Russ.).
- Dalgat E. M. *Krest'yanstvo Dagestana na rubezhe XIX–XX vv.* [The peasantry of Dagestan at the turn of the 19th–20th cc.]. Makhachkala, Yupiter Publ., 2000, 290 p. (In Russ.).
- Dalgat E. M. *Otkhodnichestvo v Dagestane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The phenomenon of seasonal work in Dagestan: the mid-to-late 19th – early 20th cc.]. *Voprosy istorii Dagestana* [Dagestan: questions of history]. Makhachkala, Dagestan Institute for Scientific Evaluation and Monitoring Press Ltd., 2010, pp. 206–235 (In Russ.).
- Istoriya Dagestana* [A history of Dagestan]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. 2, 385 p. (In Russ.).
- Istoriya mnogovekovykh vzaimootnosheniy i edineniya narodov Dagestana s Rossiei* [Peoples of Dagestan and Russia: a history of centuries-old relations and unity]. Makhachkala, Dagestan Scientific Center (RAS) Press, 2009, 751 p. (In Russ.).
- Salikhova L. B. *Dvizhenie rabochikh i krest'yan Dagestanskoi oblasti nakanune Pervoi mirovoi voiny* [Dagestan Oblast on the eve of World War I: the movement of workers and peasants]. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie narodov Severnogo Kavkaza (XIX – nachalo XXI vv.). Sb. mat-lov Vseros. nauch. konf., posvyashch. 80-letiyu d-ra ist. nauk, prof. A. I. Khasbulatova* [Socio-Economic and Political Development of the North Caucasian Peoples (the 19th – early 21st cc.). Collected materials of the All-Russia research conf. celebrating the 80th anniversary of the D.Sc., Professor A. Khasbulatov]. Grozny, Ibragimov Institute for Comprehensive Scholarly Research (RAS) Press, 2017, pp. 375–381 (In Russ.).

УДК 94(47). 083

ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ 1917 г.

Эльмира Муртузалиевна Далгат¹

¹ доктор исторических наук, заведующая отделом новой и новейшей истории Дагестана, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский научный центр Российской академии наук (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: Elmira.dalgat@yandex.ru

Аннотация. В статье на основании архивных источников и литературы показано положение в Дагестане накануне событий Великой русской революции 1917 г. Автор отмечает, что половинчатость крестьянской реформы, проведенной русской администрацией в Дагестане в 60-е гг. XIX в., и сохранение феодальной зависимости крестьян привели к росту социальной напряженности в селах с зависимым населением. Крестьяне, побывавшие в промышленном отходе, способствовали росту антифеодальных выступлений в селах. Появление промышленности и рабочего класса способствовали развитию революционного движения в городах области. Первая мировая война усилила социальную напряженность в дагестанском обществе.

Ключевые слова: Дагестан, реформы, крестьянское движение, отходники, забастовки, война.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 65–73, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-65-73
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47).084

Redesigning the Activities of Kalmykia's Crucial Government Agencies during the Great Patriotic War: a Content Analysis of the *Leninsky Put* Newspaper (1942–1943)

Baatr A. Okonov¹

¹ Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: vostok80@mail.ru

Abstract. The article examines the activities of republican government agencies during the Great Patriotic War mirrored in the pages of the *Leninsky Put* ('Lenin's Way') newspaper. The period from July 1942 to January 1943 was the toughest one in the history of the republic, with armed hostilities in the territory of the region and a temporary military occupation of some its districts. Materials of periodicals stored at the National Archive of Kalmykia testify of certain changes in the propaganda work of the mentioned organs.

In the summer of 1942, front pages of *Leninsky Put* dealt with the situation at the fronts of the Great Patriotic War, government decrees, mobilization of the population to support the Red Army, and some international news. The analysis of article headings (e.g., 'To Involve More Citizens in Crop Harvesting Activities', 'No Experience of Best Workers Propagated', 'Best Livestock Breeders of Sovkhoz', etc.) shows that the Kalmyk Executive Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) laid special emphasis on the propaganda of labor mobilization. Such agitprop materials were often supplemented with some clarifying photos. The qualitative analysis of printed texts testifies that the words 'hectare', 'labor', 'competition', 'kolkhoz', and 'crop harvesting' dominated within the regional articles of that period.

During the military occupation, republican printed texts were published on front pages of *Leninsky Put*, the number of regional articles remaining the same as before. The printed articles were expanded and became sizeable enough — up to 5 500 printable characters. The analysis of headings of republican articles ('One Labor Month during Fishing Season to Support Army', 'Victory Will Be Ours', 'Young Women at Fronts', 'Fishing in Closed Water Bodies', etc.) detects that in agitprops the emphasis was shifted from labor feats to deeds of valor.

In early 1943, *Leninsky Put's* opening pages also contained some republican printed texts. The headings of republican articles ('Fundraising to Construct Tank Column', 'Moscow, Kremlin. To Comrade Stalin', etc.) start recurring which may provide evidence of the establishment of long-term propaganda priorities. One such priority was an overview of fundraising activities aimed to create the Sovetskaya Kalmykia Tank Column. The printed texts became even more sizeable reaching 6 300 printable characters. The qualitative survey shows the words 'Germans', 'fascists', 'evil creatures', 'occupants', 'Red Army', and 'Stalin' still prevailed in regional articles during the period under consideration. However, there appeared some new often used words, such as 'roubles', 'Elista', 'Khulkhuta', and 'Yashkul'. The genre diversity of printed articles was also retained to draw readers' attention.

Thus, the analysis of printed publications of the *Leninsky Put* newspaper dealing with republican affairs allows for the conclusion that Kalmykia's Soviet authorities were able to redesign their agitprop activities to meet the war-time requirements and basically attained the assigned goals.

Keywords: *Leninsky Put* newspaper, propaganda, Kalmyk ASSR, Great Patriotic War, government agencies, patriotism.

Великая Отечественная война против фашистской Германии явилась переломным моментом в истории России. Выдающейся героизм и мужество советских людей, сплотившихся в час опасности, явились главным фактором, позволившим одержать победу над врагом. Немаловажную роль в этом сыграли советская агитация и пропаганда, посредством которых государство оказало серьезное мобилизующее влияние на народы Советского Союза. Не стала исключением и Калмыцкая Автономная Советская Социалистическая Республика (далее — Калмыцкая АССР). Республиканские органы власти в первые же дни войны активно включились в пропагандистскую работу, поставив конкретную цель агитации. В принятом решении на августовском 1941 г. пленуме Калмыцкого обкома ВКП(б) ставилась задача активного ведения «агитационной работы за победу, разъяснять сущность фашизма и объяснять, что он несет горе, разрушение, смерть <...> об этом нужно говорить день и ночь со всех трибун, всюду, где есть хоть один человек <...> Это нужно для того, чтобы поднять еще выше ярость масс и их самоотверженность на защиту Родины» [Максимов 2013: 87].

История печати в Калмыкии в советский период является довольно изученной в региональной исторической науке [Дякиева, Максимов 2009; Стоянов 2009]. Материалы газеты «Ленинский путь» весьма часто использовались как исторический источник. Существует ряд монографий и статей, в центре которых находится данная газета и освещаемые на ее страницах темы. Так, в монографии «Калмыкия в XX веке: исторический опыт и его значение» газета «Ленинский путь» указана в библиографии [Максимов 2017: 459]. Материалы газеты «Ленинский путь» были использованы З. Г. Согдановой в статье «Периодическая печать об ущербе, причиненном немецко-фашистскими оккупантами (на примере Ставропольского края и Калмыцкой АССР)» [2017: 149]. Однако интересующая нас тема — перестройка органов власти в

условиях Великой Отечественной войны — на страницах газет не являлась темой специального исследования.

К началу войны система печати Калмыцкой АССР состояла из следующих периодических изданий: республиканские газеты: «Ленинский путь», «Улан хальмг» («Красный калмык»), «Улан баһчуд» («Красная молодежь»), «Ленина ачнр» («Ленинские внучата»), республиканский журнал «Улан туг» («Красная степь») и 13 улусных (районных) газет, выходивших в местных редакциях на двух языках. Самой массовой из них была ежедневная газета «Ленинский путь» (на русском языке) — главный печатный орган Калмыцкого обкома и Элистинского горкома ВКП(б), выходивший с августа 1930 г. по декабрь 1943 г. [Стоянов 2012: 217].

В данной работе предпринята попытка проследить изменения в деятельности республиканских органов власти по материалам газеты «Ленинский путь» в период с июля 1942 г. по январь 1943 г. — самый сложный в истории республики, включающий в себя период боевых действий на территории республики и временной оккупации некоторых ее улусов. В указанный период газета имела формат А2 и состояла из 1 листа (2 полосы) или 2 листов (4 полосы). Анализ, проведенный автором, позволил установить, что с апреля 1942 г. газета стала выпускаться на 1 листе (2 полосы) [Ленинский путь. 1942. 19 апреля; 21 апреля].

Цель нашего исследования заключается в проведении количественного и качественного анализа текстов газеты «Ленинский путь», материалы которых посвящались непосредственно Калмыцкой АССР, для последующей содержательной интерпретации выявленных закономерностей. В ходе анализа автор намерен проследить изменения частоты упоминаний и характер сообщений, посвященных республике на страницах газеты «Ленинский путь», в сравнительном аспекте на трех исторических этапах: непосредственно перед вторжением войск вермахта, в период временной оккупации части

Рис. 1. Скриншот работы в программе SPSS 20.0

калмыцких улусов и период после изгнания фашистов из республики.

Газета «Ленинский путь» сохранилась частично в коллекциях различных архивов и библиотек республики. Самым крупным собранием является коллекция Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК). За 1942 год из 295 номеров сохранился 181 номер, в том числе некоторые фрагментировано. За 1943 год имеются 100 номеров.

Для количественного анализа статей о республике были использованы все сохранившиеся номера газеты за исследуемый период: №№ 155–169 за июль, №№ 254–287 за ноябрь – декабрь 1942 г., №№ 4–10 за январь 1943 г. В ходе изучения были отобраны статьи для проведения анализа на основании их названий и содержания, содержащих информацию о республике. Необходимо отметить, что статьи в рубриках «от Советского информбюро», «Международные новости» и т. п. не учитывались. Всего таких статей насчитано 121. Был проведен сплошной анализ материалов газеты (информационных статей, репортаж, хроник, заметок, выступлений) за указанный период, содержащих информацию о Калмыкии. Все материалы были сведены в тематические рубрики:

- 1) республиканские органы власти;
- 2) местные органы власти;
- 3) Красная армия;
- 4) население.

Количественный анализ был осуществлен в программе SPSS 20.0. по следующим переменным:

- 1) дата;
- 2) номер газеты;
- 3) расположение материала (номер страницы);
- 4) размер материала (количество знаков);
- 5) название статьи;
- 6) фамилия, имя, отчество автора (если указаны);
- 7) жанр статьи: а) информационная статья; б) аналитическая статья; в) заметка (анонс); г) воззвание; д) репортаж; е) интервью; ж) беседа; з) комментарий; и) журналистское расследование; к) письмо; л) очерк; м) житейская история; н) документы, сводка; о) некролог; п) хроника; р) обращение; с) опровержение; т) другой жанр;
- 8) описание ситуации;
- 9) эмоциональная окрашенность статьи: а) негативная окрашенность; б) преобладает негативная окрашенность; в) нейтральная,

констатация факта; г) преобладает позитивная окрашенность; д) позитивная окрашенность;

10) акторы статьи: а) органы власти; б) красная армия; в) население; г) немцы; д) местные органы власти;

11) тип интенции: а) сообщать; б) привлечь внимание; в) просвещать; г) воздействовать; д) манипулировать; е) подстрекать; ж) оказывать помощь;

12) интенция статьи: а) все вокруг «плохо», всех обругать; б) все вокруг налаживается, все «хорошо»; в) нейтральное описание проблемы, сухая констатация фактов; г) привлечь внимание общественности; д) привлечь внимание органов власти, правоохранительных органов; е) отчитаться, написать статью для галочки; ж) посмеяться над проблемой; з) воздействовать, пропагандировать определенные взгляды; и) манипулировать общественным мнением; к) разжигать, углублять конфликт;

13) вид интенции: а) конструктивная; б) нейтральная; в) деструктивная;

14) иллюстрации: а) да; б) нет

15) место события.

Пример такого анализа приведен в виде скриншота программы на рис. 1.

Качественный анализ печатных публикаций газеты «Ленинский путь» осуществлялся при помощи Yoshikoder, которая является кросс-платформенной многоязычной программой для контент-анализа. Программа была разработана как часть проекта Identity Project в Центре по международным делам Гарвардского университета [Yoshikoder 2017]. Программа позволяет работать с ключевыми словами в тексте: подсчитывать их количество, определить процент их употребления относительно всего текста и выделять контекстуальное окружение для них. Последняя опция дает возможность для проведения самостоятельного качественного анализа контекста. Для работы с программой автором был разработан словарь категорий.

Необходимо отметить, что автором не ставилась задача оценки эмоционального фона газетных статей. Но, как свидетельствуют материалы, до августа 1942 г. непосредственно республиканские газетные тексты носили эмоционально нейтральный тон, а в последующем — негативный. Как заметила З. Г. Согданова: «номер 169 (2422) от 19 июля 1942 г. газеты «Ленинский путь» стал последним в дооккупационный период в Калмыкии. Публикации это-

го номера были в духе мирного времени и только „передовица“ напоминала о войне» [Согданова 2017: 150].

Материалы газеты «Ленинский путь» позволяют выявить, каким образом и в каком направлении действовала официальная республиканская пропаганда в изменявшейся военной обстановке.

С первых дней войны газета «Ленинский путь», выполняя указания руководящих органов республики, приступила к агитационной деятельности. Материалы газеты призывали население республики встать на защиту Родины, всемерно укреплять хозяйственную и оборонную мощь СССР, развернуть широкое социалистическое соревнование в колхозах, совхозах и предприятиях.

На страницах газеты публиковались официальные документы органов власти страны и республики, информация о подвигах на трудовом фронте, международные новости и т. д. Как правило, на первой полосе размещалась информация о положении на фронтах и мобилизации населения на помощь Красной армии.

Верховное германское главнокомандование (ОКВ) на лето 1942 г. ставило стратегическую цель — для продолжения войны захватить нефтяные месторождения Северного Кавказа Группе армий «А»

ставилась задача окружить и уничтожить советские войска, отступающие через Дон в районе к югу и юго-востоку от Ростова, перерезать железнодорожную линию Тихорецк — Сталинград, а затем овладеть всем восточным побережьем Черного моря, захватить Майкоп и Армавир, районы Грозного и Баку [Максимов 2013: 119]. 1–2 августа части 52-го армейского корпуса захватили два калмыцких улуса: Западный и Яшалтинский. 10–12 августа 1942 г. были заняты Приютное и северная часть Малодербетовского и Сарпинского улусов и 12 августа — Элиста [Очиров 2005: 148].

В ходе наступления немцы захватили территорию 5 улусов полностью и 3 частично, что составило 54 % земель республики, на которой проживало почти 60 % населения. Жители захваченных улусов длительное время были брошены на произвол судьбы. Калмобком партии оказался неподготовленным и не смог в первые дни после оккупации организовать нелегальную работу партийцев и комсомольцев, развернуть всенародное сопротивление захватчикам. В прифронтовых улусах, не говоря уже об оккупированных, значительное время, почти до конца сентября 1942 г., не велись агитационно-пропагандистская работа среди населения, выпуск газет, листовок. Калмобком ВКП(б) с

Диаграмма 1. Акторы публикаций, в %

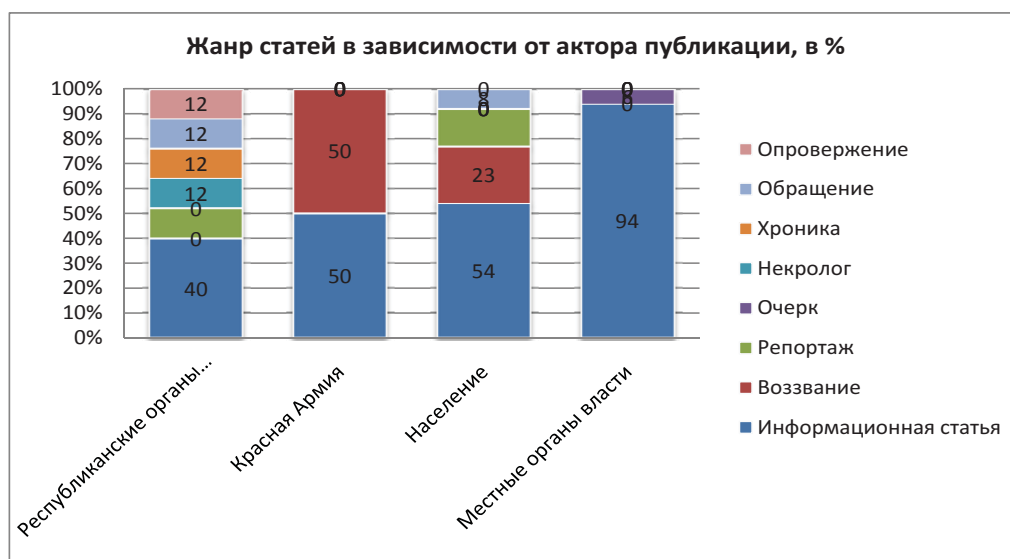
момента появления фашистов на территории республики прекратил издание газеты «Улан Хальмг», сократил тираж газеты «Ленинский путь» [Максимов 2013: 142].

В августе 1942 г. из-за угрозы оккупации республиканские органы власти, в том числе редакции газеты, были переброшены в пос. Кануковск (ранее — Калмыцкий Базар). Выпуск других республиканских газет, книжной и другой продукции был приостановлен, печаталась только газета

«Ленинский путь» [Стоянов 2012: 216].

Наиболее частыми темами статей являлись публикации о деятельности местных органов власти (39 % — от всего количества анализируемых публикаций). Как заметила И. В. Лиджиева: «Всенародный характер Великой Отечественной войны предопределил важную роль Советов депутатов трудящихся как выборных органов местного самоуправления в перестройке всех сфер жизнедеятельности общества на военный лад.

Диаграмма 2. Жанр статей в зависимости от актора публикации, в %

Советам пришлось действовать в самых разнообразных условиях — во фронтовой полосе, прифронтовой зоне, в тылу, что повлияло на изменение организационно-правовых форм их деятельности» [Лиджиева 2014: 184]. Также часто упоминалась деятельность местного населения в годы войны (31,7 % — от всего количества анализируемых публикаций) (см. диаграмму 1).

Нужно отметить, что в случае освещения деятельности местных органов власти основным жанром публикаций была информационная статья (93,7 %), то в случае освещения деятельности населения более половины (53,8 %) относилось к информационным статьям, менее четверти (23,3 %) — к воззваниям, каждая шестая (15,3 %) — к репортажам и менее десятой части (7,6 %) — к обращениям (см. диаграмму 2).

Довольно часто упоминались в текстах публикаций республиканские органы власти (19,5 % — от всего количества анализируемых публикаций). Публикации органов власти республики отличаются жанровым разнообразием: более трети (37,5 %) публикаций — информационные статьи, по одной восьмой части (по 12,5 %) — некролог, репортаж, хроника, обращение, опровержение. Менее десятой части публикаций (9,8 % — от всего количества анализируемых публикаций) посвящены Красной армии. Половину публикаций (50 %) составляют информационные статьи, вторую (50 %) — воззвания.

В газете «Ленинский путь» в июле 1942 г. на первых полосах размещалась информация о положении на фронтах Великой

Отечественной войны, указы Правительства, информация о мобилизации населения на помощь Красной армии, международные новости. Анализ заголовков республиканских статей («Шире массовую работу на хлебоуборку», «Не пропагандируют опыт передовых», «Лучшие животноводы совхоза» и т. д.) говорит о том, что Калмыцкий обком ВКП(б) в летних условиях 1942 г. делал упор в агитации на трудовую мобилизацию населения республики. Для наглядной агитации в газете часто печатались фотоматериалы. Качественный анализ печатных текстов показывает, что в региональных статьях данного периода преобладают такие слова, как «гектар», «работа», «соревнования», «колхоз», «хлебозаготовка».

В связи с вторжением немецких войск на территорию западных улусов в августе 1942 г. бюро Калмыцкого обкома и Совнаркома Калмыцкой АССР в соответствии с решением Комитета по эвакуации при СНК СССР приняли постановление перевести республиканские организации в г. Астрахань, народные комиссариаты и редакцию республиканской газеты «Ленинский путь» — в пос. Кануковск Приволжского улуса. Все полиграфическое оборудование республиканской типографии осталось в г. Элисте. С 20 августа 1942 г. газета печаталась уже в улусной типографии [НА РК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 40. Л. 240].

В оккупационный период газета выпускалась на листе бумаги формата А2 только на двух полосах. Однако заметно поменялось оформление самой газеты: не печата-

ются фотоматериалы, изменилось оформление названия.

В газете «Ленинский путь» оккупационного периода на первые полосы выходят республиканские печатные тексты, но количество региональных статей осталось прежним. Печатные статьи увеличились в объеме и стали довольно большими, до 5 500 печатных знаков. Анализ заголовков республиканских статей («Фронтowej месячник на путине», «Победа будет за нами», «Девушки на фронте», «Лов на закрытых водоемах» и т. д.) говорит о том, что в агитации упор переносится с трудовых подвигов населения на боевые. Например, к таковым относятся обращения к калмыцкому народу командования 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, которая в этот период проходила доукомплектование за счет жителей республики [Очиров 2010: 213]. В связи с тем, что фотоматериалы не печатались в качестве наглядной агитации, для привлечения внимания читателя увеличен шрифт заголовков. Качественный анализ печатных текстов показывает, что в региональных статьях данного периода преобладают такие слова, как «немцы», «фашисты», «гитлеровцы», «Красная Армия», «флот», «Сталин», «вождь», «молодежь», «рыба». Появились такие слова, как «мерзавцы», «изверги», «звери», «мечь», «ненависть». Кроме того, для привлечения внимания читателя меняется и жанр печатных статей. Большинство статей этого периода — информационные статьи (65 %), но появляются воззвания (20 %), репортажи с мест событий (10 %), обращения (5 %), т. е. появляются материалы побуждающего характера.

В январе 1943 г. территория Калмыкии была освобождена от немецких захватчиков. Столица Калмыцкой АССР — город Элиста — почти полностью была разрушена, практически уничтожены Дом печати и типография.

В начале 1943 г. в газете «Ленинский путь» на первых полосах также размещаются республиканские печатные тексты. Заголовки республиканских статей («На танковую колонну», «Москва, Кремль. Товарищу Сталину» и т. д.) повторяются, что может свидетельствовать о становлении долговременных приоритетов в пропаганде. Таким приоритетом стал обзор сбора средств на строительство танковой колонны «Советская Калмыкия». Печатные тексты увеличи-

лись в объеме (до 6 300 печатных знаков). Качественный анализ печатных текстов показывает, что в региональных статьях данного периода продолжают преобладать такие слова, как «немцы», «фашисты», «нечисть», «оккупанты», «Красная армия», «Сталин». Но появились и новые часто встречающиеся слова: «рубль», «Элиста», «Утта», «Хулхута», «Яшкуль». Также для привлечения внимания читателя сохраняется жанровое разнообразие печатных статей. Большинство статей — информационные статьи (68,75 %), воззвания (6,25 %), репортажи с мест событий (6,25 %), обращения (6,25 %), появляются новые жанры — опровержения (6,25 %), очерки (6,25 %).

Таким образом, анализ печатных публикаций газеты «Ленинский путь», посвященных республике, позволяет сделать вывод о том, что советские органы власти Калмыкии в период Великой Отечественной войны смогли перестроить агитационную деятельность в соответствии с требованиями времени и справились с поставленными в этой области задачами.

Источники

Yoshikoder 2017 — [электронный ресурс] // URL: <http://www.yoshikoder.org/> (дата обращения: 20.04.2015)

Ленинский путь. 1942–1943 (газета).

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

Дякиева Б. Б., Максимов К. Н. Печать // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 492–528.

Лиджиева И. В. Местные Советы Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 181–195.

Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: Политика и реалии. Элиста: Изд. дом «Герел», 2013. 464 с.

Максимов К. Н., Лиджиева И. В. Калмыкия в XX веке: Исторический опыт и его значение. М.: Наука, 2017. 461 с.

Очиров У. Б. 28-я армия в боях за освобождение Калмыкии // Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 145–183.

- Очилов У. Б. Вклад калмыцкого народа в Победу в Великой Отечественной войне // Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. Элиста: НПП «Джангар», 2010. С. 175–266.
- Согданова З. Г. Периодическая печать об ущербе, причиненном немецко-фашистскими оккупантами (на примере Ставропольского края и Калмыцкой АССР) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8. С. 149–156.
- Стоянов В. А. Развитие печати Калмыкии в XX веке. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 414 с.
- Стоянов В. А. Печать Калмыкии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. 2012. № 1 (21). С. 217–220.
- Sources**
- Yoshikoder [Yoshikoder]. Available at: <http://www.yoshikoder.org/> (accessed: 20 April 2015) (In Russ.).
- Leninskiy put'. 1942–1943 (gazeta) [Lenin's Way newspaper (1941–1943)] (In Russ.).
- NA RK — Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia].
- References**
- Dyakieva B. B. *Pechat'* [The print media]. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 3 t. T. 3* [History of Kalmykia from the earliest times to the present days: in 3 vol. Vol. 3]. Elista, Gerel Publ., 2009, 753 p. (In Russ.).
- Lidzhieva I. V. *Mestnye Sovety Kalmytskoy ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Local Soviets of the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War]. *Boevye deystviya na territorii Kalmykii v period Velikoy Otechestvennoy voyny: neizvestnye stranitsy i novye podkhody. Sbornik nauchnykh statey* [Combat operations on the territory of Kalmykia during the Great Patriotic War: unknown pages and new approaches]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2014, pp. 181–195 (In Russ.).
- Maksimov K. N. *Kalmykiya v sovetskuyu epokhu: Politika i realii* [Kalmykia in the Soviet era: policies and realias]. Elista, Gerel Publ., 2013, 464 p. (In Russ.).
- Maksimov K. N., Lidzhieva I. V. *Kalmykiya v XX veke: Istoricheskiy opyt i ego znachenie* [Kalmykia in the 20th century: historical experience and its significance]. Moscow, Nauka Publ., 2017, 461 p. (In Russ.).
- Ochirov U. B. *28-ya armiya v boyakh za osvobodzhenie Kalmykii* [The 28th Army in the battles for the liberation of Kalmykia]. *Kalmykiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kalmykia during the Great Patriotic War]. Elista, Dzhangar Publ., 2005, pp. 145–183 (In Russ.).
- Ochirov U. B. *Vklad kalmytskogo naroda v Pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne* [The Kalmyk people's contribution to the victory in the Great Patriotic War]. *Vklad repressirovannykh narodov SSSR v pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. Monografiya. T. 1* [Contributions of the USSR's repressed peoples to the victory in the Great Patriotic War: 1941–1945]. Elista, Dzhangar Publ., 2010, pp. 175–266 (In Russ.).
- Sogdanova Z. G. *Periodicheskaya pechat' ob ushcherbe, prichinennom nemetsko-fashistskimi okkupantami (na primere Stavropol'skogo kraia i Kalmytskoy ASSR)* [Periodical press on damage caused by German fascist invaders]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research]. 2017, No. 8, pp. 149–156 (In Russ.).
- Stoyanov V. A. *Razvitie pechaty Kalmykii v XX veke* [Development of printing Kalmykia in the 20th century]. Elista, «Dzhangar» Publ., 2009, 414 p. (In Russ.).
- Stoyanov V. A. *Pechat' Kalmykii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 godov* [Kalmykia's print media in the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4* (Bulletin of Volgograd State University. Ser. 4), 2012, No. 1 (21), pp. 217–220 (In Russ.).

УДК 94(47).084

**ПЕРЕСТРОЙКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАЛМЫКИИ
В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ
МАТЕРИАЛОВ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНСКИЙ ПУТЬ» 1942–1943 ГГ.**Баатр Андреевич Оконов¹¹ научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: vostok80@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена описанию деятельности республиканских органов власти в период Великой Отечественной войны, нашедших отражение на страницах газеты «Ленинский путь». Материалы периодической печати, содержащиеся в фондах Национального архива Республики Калмыкия, позволяют проследить изменения в пропагандистской работе указанных органов. Анализ статей газеты «Ленинский путь» — ведущего печатного органа Калмыцкого обкома и Элистинского горкома ВКП(б) — свидетельствует о том, что в дооккупационный период среди материалов, посвященных республике, преобладают публикации на хозяйственную тему и в целом характерен нейтральный тон. В оккупационный и послеоккупационный период заметно возрастает объем публикаций, посвященных республике, изменяется их содержание: увеличивается количество статей побудительного характера и усиливается жанровое разнообразие.

Ключевые слова: газета «Ленинский путь», агитация, Калмыцкая АССР, Великая Отечественная война, государственные органы власти, патриотизм.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 74–81, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-74-81
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 930.25(091

The National Archive of Kalmykia: Excerpts from the History of its Key Activities in 1920–1938

Maria S. Burakovskaya¹

¹ Scientific Secretary, Astrakhan State Consolidated Reserve Museum of History and Architecture (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: burakovskaya.marya@yandex.ru

Abstract. The article examines the activities of one of the regional archives of the Lower Volga Region — the National Archive of the Republic of Kalmykia — in the period of 1920 to 1938. The work presents the main areas of its activities, such as acquisition, preservation and use; gradually traces the sources of the archive's collection; covers the issue of document storage; mentions publications prepared by employees of the archive; contains references to most important administrative documents of central and local authorities regarding regional archives in general and the National Archive of the Republic of Kalmykia in particular. The chronological framework of the study is limited by the years 1920 and 1938. 1920 is the establishment year of the Kalmyk people's autonomy and that of the state archival service of Kalmykia. 1938 is the year when the state archival service passed from the All-Russian Central Executive Committee (VTSiK) to control of — and, thus, was incorporated by — the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD). The scientific novelty of the work is due to coverage of understudied points dealing with the activities of the archive in 1920–1938 and introduction of previously unknown documents from the National Archive of the Republic of Kalmykia and the State Archive of Astrakhan Oblast into scientific discourse. The article is based on reporting documents stored at the two archives mentioned above. With evidence from one regional archive, the paper characterizes the formation of the new system of the Soviet archival network and traces its initial development. Special attention is given to the personality of the first head of Kalmykia's state archival service — professor N. N. Palmov. Moreover, the first Kalmyk archivists were able to preserve valuable archival collections of the republic which are nowadays so much required and can be used by historians and ethnographers.

Keywords: regional archive, history, Kalmykia, acquisition, preservation, use, N. N. Palmov.

Национальный архив Республики Калмыкия (далее — НА РК) является богатейшим собранием ретроспективной информации, имеющим общегосударственное значение. Если обратиться к его истории, то становится ясно, что деятельность архива в 1920–1938 гг. рассмотрена в некоторых трудах историков и архивистов Калмыкии [Архивная летопись 1996; Шалданова 2006: 3; Коженбаева 2008: 3; Коженбаева 2014: 2]. Значительное число исследований посвяще-

но первому руководителю государственной архивной службы Калмыкии — профессору Н. Н. Пальмову [Шалданова 2003: 8–12; Джалаева 2003: 54–60; Джумалиева 2003: 61–65; Кардонова 2003: 66–69; Миндеева 2003: 82–84; Санджиева 2003: 261–266; Ученые — исследователи Калмыкии 2006: 172–176]. Однако комплексной работы по истории основных направлений работы НА РК в 1920–1938 гг. до настоящего времени не выполнено.

Хронологические рамки исследования определены следующими сроками: 1920–1938 гг. Начальная дата — это дата создания автономии Калмыцкого народа и становления государственной архивной службы Республики Калмыкия. Конечная — 1938 г. — связана с переподчинением государственной архивной службы страны и передачей ее из структуры Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) в ведение Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

В работе будут рассмотрены вопросы комплектования, сохранности и использования архивных документов НА РК в период 1920–1938 гг.

Научная новизна настоящей работы состоит в освещении малоизученных вопросов, связанных с деятельностью архива в 1920–1938 гг.; введении в научный оборот ранее неизвестных документов НА РК и Государственного архива Астраханской области (далее — ГА АО).

Революция 1917 г. полностью изменила общественно-политический строй в России. Значительные изменения коснулись сферы архивного дела. Архивы приобрели статус государственных учреждений.

В Калмыкии воплощение в жизнь декрета В. И. Ленина «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» (1 июня 1918 г.) [Сборник руководящих материалов по архивному делу 1961: 13] связано с автономией калмыцкого народа, полученной в 1920 г. На заседании Президиума Центрального исполнительного комитета Калмыцкой автономной области (далее — ЦИК КАО) 18 августа 1920 г. обсуждался вопрос об архиве при ЦИК КАО. В результате постановили передать архив бывшего Управления калмыцким народом для заведования члену облисполкома и секретарю Ф. И. Плюнову [Архивная летопись 1996: 12].

В 1921 г. власти Калмыцкой автономной области создали архивно-музейную секцию при областном отделе народного образования. Руководить секцией пригласили профессора Н. Н. Пальмова. В 1922 г. архивно-музейная секция была реорганизована в архивное бюро ЦИК Автономной области калмыцкого народа [Дякиева, Максимов 2009: 446].

Первоначально личный состав архивно-музейной секции состоял из 7 сотрудников: заведующий управлением — Н. Н. Пальмов, заведующий музеем — С. П. Сахаров, заве-

дующий научной частью — А. А. Лебединский, заведующий материальной частью (он же секретарь и архивариус) — Ф. И. Плюнов, переводчик, машинистка, технический служащий [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 2. Л. 7]. После образования в 1922 г. архивного бюро в его составе оставили 2 штатные единицы: заведующего Н. Н. Пальмова и заведующего научной частью А. А. Лебединского. Ф. И. Плюнова освободили от должности архивариуса и назначили членом бюро [Архивная летопись 1996: 46].

В 1920 г. документы архива размещались в подвале дома Калмыцкого народа в г. Астрахани [ГА АО. Ф.Р-2779. Оп. 2. Д. 11. Л. 47]. Архив занимал три комнаты без отопления, две из которых были заняты делами, третья же предназначалась для занятий сотрудников [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 17. Л. 48]. В письме Президиуму ЦИК КАО (предположительно 1921 г. — М. Б.) Ф. И. Плюнов отмечал бедственное положение архива: «... помещение чрезвычайно тесное, сырое, холодное, не имеет достаточного света и вентиляции. Дела и книги, имеющие, несомненно, высокое историческое значение, значительно пострадали во время Гражданской войны, представляя хаотически-беспорядочную массу, разбросанную по полкам, проходам и углам...» [цит. по: Архивная летопись 1996: 45]. В результате архиву выделили дополнительные помещения в том же здании [Архивная летопись 1996: 45]. В 1922 г. начали отапливать комнату для занятий. Зимой 1922–1923 гг. отопление отключили [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 17. Л. 48]. От постоянной сырости и холода у сотрудников появились ревматические заболевания. Кроме того, недостаток света оказывал негативное влияние на зрение, особенно в осенние и зимние дни. «Совершенно точно выразился инспектор ЦАУ (Центральное архивное управление. — М. Б.) Д. Г. Истнюк о КалмАрхиве, что это могила, где безвинно погибают и люди, и архматериалы» [НА РК. Ф.Р-145. Оп. 1. Д. 482. Л. 2].

Весной 1928 г. в связи с переездом части учреждений Калмыцкой области из Астрахани в Элисту постановлением Президиума Калмыцкого Областного исполнительного комитета от 3 мая 1928 г. архивному бюро предоставили новое помещение на втором этаже дома бывшего Управления калмыцким народом. В июле–августе смогли переместить оборудование и архивные материа-

лы. Площадь нового помещения составляла 223,9 м², кубатура — 783 м³. Общая протяженность стеллажных полок составляла 581 м. Помещение архивохранилища было кирпичным, сухим, оштукатуренным; снабжено огнетушителями. Имелись также рабочая комната, канцелярия и библиотека [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 101. Л. 20об.]. По этому поводу заведующий архивным бюро Н. Н. Пальмов писал: «Теперь, наконец, после 7 ½ лет пребывания в могиле архивным работникам и архматериалам предоставлены лучшие условия существования» [НА РК. Ф.Р-145. Оп. 1. Д. 482. Л. 2].

С 1928 г. административным центром Калмыцкой автономной области являлась Элиста. Калмыцкая автономная область, созданная постановлением ВЦИК и СНК РСФСР в 1920 г. [Максимов 2009: 282], в 1928 г. была включена во вновь образованную Нижне-Волжскую область¹ (вскоре переименованную в Нижне-Волжский край), что было связано с реформой по созданию новых административно-территориальных единиц в регионах [Максимов 2009: 363]. С 1934 г. КАО стала относиться к вновь образованному в процессе разделения Нижне-Волжского края Сталинградскому краю² [История административно-территориального деления Сталинградского (Нижне-волжского) края 2012: 7]. В 1935 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую АССР. Уже в 1930 г. Элиста стала городом республиканского значения [Максимов 2009: 365].

Калмыцкое областное архивное бюро, находившееся по-прежнему в Астрахани, в административном отношении подчинялось непосредственно облисполкому Калмыцкой автономной области, находившемуся в Элисте. В архивном отношении Бюро подчинялось Центрархиву РСФСР и содержалось

¹ Нижне-Волжская область образована из Астраханской, Саратовской, Сталинградской губерний, Калмыцкой автономной области, в нее также были включены частично территории Самарской губернии и Сальского округа, вскоре после ее образования в нее включили АССР немцев Поволжья. — *Ред.*

² Нижне-Волжский край был разделен на Сталинградский и Саратовский края. В Сталинградский край вошли территории бывших Астраханского, Камышинского, Сталинградского, Хоперского округов Нижне-Волжского края и Калмыцкая АО, также ранее входившая в Нижне-Волжский край. — *Ред.*

за счет средств Калмыцкого областного исполнительного комитета [ГА АО. Ф.Р-2779. Оп. 2. Д. 245. Л. 15].

В связи с преобразованием Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР бывшее Калмыцкое областное архивное управление, согласно Постановлению президиума КалмЦИКа от 26 декабря 1935 г., реорганизовали в Центральное архивное управление Калмыцкой АССР [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 333. Л. 11].

В 1936 г. помещение архивохранилища Центрального архивного управления Калмыцкой АССР требовало расширения и дооборудования стеллажами. Также архив нуждался в дополнительной площади для организации читального зала, но вопрос откладывался в связи с предполагаемой переброской архива в Элисту, на чем настаивал секретарь Калмыцкого обкома партии И. Н. Карпов. В Элисте архиву планировали предоставить подвальное помещение в доме Калмыцкого ЦИКа и часть площади наверху для рабочих помещений. Помещение в Элисте вызывало опасения у заведующего архивом Б. Г. Майорова по части пожарной безопасности, поскольку вблизи предполагаемого архива находились отопительные приборы, а водопровод в доме отсутствовал. Вопрос о выделении средств на переоборудование помещения архива был представлен на очередном заседании СНК КАССР, на что получен отказ [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 333. Л. 12об.].

В том же году на заседании президиума ЦИК Калмыцкой АССР Б. Г. Майоров внес предложение о строительстве в Элисте специального здания для архива. Строительство планировалось начать в 1938 г. Спустя год планировался переезд архива из Астрахани в Элисту. Однако Калмыцкий архив продолжал находиться в Астрахани вплоть до 1943 г. [Архивная летопись 1996: 60, 97].

О создании архивов в калмыцких улусах известно, что к 1935 г. их почти не сохранилось: в одних случаях они сильно пострадали, в других полностью уничтожены [Лапин 1935: 22–34].

К 1937 г. были открыты архивы в 7-ми улусах: Долбанском, Западном, Центральном, Сарпинском, Приволжском, Черноземельском, в мае 1937 г. — Лаганском [Архивная летопись 1996: 60].

Основой для создаваемого архива Калмыкии в 1921 г. послужил фонд бывшего Управления калмыцким народом — адми-

нистративного, исполнительно-распорядительного органа управления Калмыцкой степью Астраханской губернии до 1917 г. [Санджиева 2003: 261].

Дальнейшее комплектование шло постепенно, опираясь на директивы центральной власти. По сведениям на 1924 г., в Калмыцком областном архивном бюро находилось 5 фондов. Архивный материал распределялся по разделам: дела исторического отдела за 1713–1836 гг., дела улусные за XIX–XX столетия, новые дела с 1836 по 1890 гг., новейшие дела с 1890 по 1917 гг., дела революционной эпохи. Данную структуру фондов разработал самостоятельно Н. Н. Пальмов [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 24. Л. 67, 69об.].

Согласно Положению об организации Единого государственного архивного фонда (далее — ЕГАФ) РСФСР (1925 г.) [Сборник руководящих материалов по архивному делу 1961: 109], весь ЕГАФ разделили на документы дореволюционного периода — Исторические архивы (далее — ИСТАРХ) и документы пореволюционного периода — Архивы Октябрьской революции (далее — АОР). Разграничительной датой стало 1 января 1917 г. [Чернов 1940: 149]. При проверке регистрационных карточек, присланных Калмыцким областным архивным бюро в Центрархив, выяснилось, что принятое Н. Н. Пальмовым деление фондов противоречило установленному делению на секции, и, кроме того, само понятие «фонд» понималось неправильно. В мае 1926 г. Калмыцкое архивное бюро исправило ошибки, разбило архивные материалы на фонды и образовало секции в ИСТАРХе и АОРе [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 41. Л. 34, 35].

Работа по формированию архивного фонда Калмыкии продолжалась. Весной 1926 г. Калмыцкое областное архивное бюро вело переписку с Северо-Кавказским краевым бюро о передаче ему архивных документов по истории Калмыцкого народа. Однако Северо-Кавказское краевое архивное бюро ответило отказом ввиду того, что фонде имелось лишь около 2 % материалов, имеющих культурно-историческое значение для калмыцкого народа [Жданович 1927: 90].

Действия Калмыцкого архивного бюро были обусловлены мыслями руководителя Центрального архивного управления (далее — ЦАУ) М. Н. Покровского о создании национально-культурных отделов в составе

ЕГАФ автономных республик и областей. Данный вопрос поднимался М. Н. Покровским дважды: на 1-м Всероссийском съезде архивных деятелей РСФСР в 1925 г. и на 2-й конференции архивных деятелей РСФСР в 1927 г. [Жданович 1927: 83, 86].

Для руководства страны было важно собрать и объединить наиболее политически важные архивы в единые секции. От Центрархива в 1924 г. во все регионы поступил циркуляр об организации политических секций в губернском (областном) архивном фонде [Сборник руководящих материалов по архивному делу 1961: 105–106].

В Калмыкии своевременно отреагировали на циркуляр Центрархива и на заседании Президиума ЦИК Автономной области Калмыцкого народа 27 июня 1924 г. постановили организовать политическую секцию [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 23. Л. 5]. На начальном этапе формирования работу политсекции затрудняло отсутствие помещения в бывшем доме Калмыцкого народа и нехватка финансов в Калмыцкой области, которую разорили Гражданская война и бандитизм. Но архиву удалось получить дополнительную комнату, которую и приспособили для политсекции. В должности заведующего по совместительству утвердили члена облсуда С. Н. Баткаева [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 24. Л. 79–79об.]. В период 1927–1928 гг. по политсекции приняли 24 фонда [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 101. Л. 20].

В феврале 1926 г. ВЦИК утвердил декрет о приведении в порядок и сдаче в ЕГАФ архивных документов за 1917–1921 гг. Всем государственным учреждениям и предприятиям было предложено сдать в ЕГАФ имеющиеся у них архивные документы с 1917 по 1921 г. включительно [Сборник руководящих материалов ... 1961: 31].

Калмыцкое областное архивное бюро в своем отчете за 1926 г. указало, что в архив приняты исключительно фонды пореволюционного периода [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 80. Л. 6]. Согласно отчетной документации, в архив поступили следующие фонды: Калмыцкий областной отдел народного образования, Калмыцкий областной отдел народного труда, Калмыцкий областной отдел социального обеспечения, Багацохуровский улусный исполнительный комитет, Багацохуровский улусный народный суд, уголовно-следственная комиссия Багацохуровского улуса и др. [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 33. Л. 2, 5].

Более серьезный подход к обработке и сохранности архивных материалов ведомственных учреждений отразился в «Правилах постановки архивной части делопроизводства при действующих учреждениях» (1925 г.) [Чернов 1940: 147]. На основании «Правил...» Центрархива Калмыцкого областного архивное бюро разработало собственную краткую инструкцию о порядке сдачи архивных материалов. В 1925–1926 гг. инструкцию разослали по учреждениям. Но, несмотря на проведенную работу, заведующий Н. Н. Пальмов в отчетной документации указывал, что состояние архивного дела в городских учреждениях можно признать удовлетворительным. В улусных учреждениях, особенно в глубине степи, дела обстоили хуже, как о том свидетельствовали сообщения инструкторов Бюро и инспекторов Рабоче-крестьянской инспекции (далее — РКИ) [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 80. Л. 60б.].

Весной 1928 г. состоялся переезд учреждений Калмыцкой области из Астрахани в Элисту. По распоряжению Калмыцкого областного исполнительного комитета, все переехавшие учреждения обязаны сдать в Калмыцкий областной архив документы последних лет, кроме текущего делопроизводства. В результате в 1928 г. архив был укомплектован 47 фондами, 24 из которых составили архив политсекции [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 101. Л. 20].

Кроме этого, в 1924 г. ликвидировали части особого назначения (далее — ЧОН) — партийные формирования, имевшие структуру по всей стране. Документы ЧОН имели статус секретных: доступ к ним осуществлялся лишь работниками Истпарта и лицами парткомов РКП(б). В 1935 г. Калмыцкое областное архивное бюро приняло на хранение документы ЧОН Калмыцкой автономной области [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 33. Л. 1, 2, 5, 10].

К середине 1936 г. архивные документы Калмыцкого архива были почти полностью приведены в порядок. В этом отношении большая работа проведена профессором Н. Н. Пальмовым. На 1 июля 1939 г. всего в Калмыцком архиве было сконцентрировано 238 фондов с общим количеством 67 781 ед. хр.: из них 191 фонд АОРа и 7 фондов ИСТАРХа. Все фонды прошли архивно-техническую обработку и инвентаризацию [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 249. Л. 4; Д. 409. Л. 27].

В период 1924–1926 гг. в государственных архивах регионального значения стали открываться читальные залы. В Калмыцком архиве специализированного читального зала не было, занятия велись в рабочей комнате. Пользователей интересовали вопросы сельского хозяйства, структуры дореволюционных финансовых органов Калмыцкой степи, история революции в Калмыцкой области, строительство, история медицины, вопросы племенного состава ставропольских туркмен и др. Число занимавшихся в читальном зале архива за 1925–1926 гг. составило 10 чел., в 1926–1927 гг. — 23 чел. [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 43. Л. 68; Д. 80. Л. 7].

Что касается архивных справок, то, согласно отчету за 1925–1926 гг., Калмыцкий архив выдал 55 справок, в 1927 г. — 78, в 1928 г. — 57 справок [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 43. Л. 64; Д. 80. Л. 7; Д. 100. Л. 2].

Итоги научной и издательской деятельности архива в 1820–1938 гг. отражены в работах ученого Н. Н. Пальмова, научного сотрудника А. А. Лебединского и других архивных работников. Так, занимаясь изучением документов Калмыцкого архива, в соответствии с заданием Калмыцкого ЦИКа, в 1922 г. Н. Н. Пальмов опубликовал свой первый труд «Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России» [Ученые — исследователи Калмыкии 2006: 174]. В последующие годы работы в архиве им были созданы «Этюды по истории приволжских калмыков» в 5-ти частях [Ученые-исследователи Калмыкии 2006: 174]. Наряду с этим, Н. Н. Пальмовым написан ряд работ по истории донских калмыков, взаимоотношений с народами Поволжья и культуре калмыцкого народа [Письма Н. Н. Пальмова Х. Б. Канукову 1968: 11]. В 1927 г. вышло в свет издание «Социально-экономическое положение калмыков в конце XIX в. и в начале XX в.» А. А. Лебединского [Дякиева, Максимов 2009: 531].

Архивисты Калмыкии регулярно печатали свои работы в газетах «Улан хальмг» («Красный калмык»), «Красная степь», журналах «Калмыцкая область», «Наш край». Тематика статей была связана с историческим прошлым калмыцкого народа [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 24. Л. 69; Д. 80. Л. 6 об.; Д. 100. Л. 2 об.].

На второй конференции архивных работников РСФСР в 1927 г. поднимался

вопрос об использовании документов Государственного архивного фонда (далее — ГАФ). В целях популяризации архивного дела архивным учреждениям предлагалось организовывать специальные выставки, проводить доклады о значении архивов, освещать деятельность архивных учреждений в печати [Сборник руководящих материалов по архивному делу 1961: 189–190].

В 1927 г. архивисты организовали одностенную документальную выставку, приуроченную к празднованию 10-летия Октябрьской революции. Всего было выставлено 48 отдельных документов, 9 дел, 16 книг и 15 номеров газет. Выставку устроили в фойе Центрального клуба Калмыцкого педагогического техникума. Особое место на выставке отвели архивному строительству в Калмыкии. Выставку посетило 59 чел. В 1933 г. в Калмыцком архиве подготовили выставку «Калмыки и Октябрь» [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 101. Л. 22об.; Д. 235. Л. 10].

Научно-справочная библиотека при Калмыцком областном архивном бюро состояла из дореволюционных и советских изданий по истории и экономике Калмыцкой степи и Астраханского края; также имелись источники по архивному делу. Всего в библиотеке в 1928 г. насчитывалось 4 193 книги и брошюры, 35 комплектов газет, 300 кг неразобранного материала [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 100. Л. 2об.]. К 1939 г. в научно-справочной библиотеке Калмыцкого госархива смогли учесть 2 345 названий. По бюджету 1939 г., на пополнение библиотечного фонда выделили 1 000 руб. Кроме этого, полностью разобрали и взяли на инвентарный учет весь газетный фонд, состоящий из центральных, республиканских и улусных газет в количестве 85 комплектов [НА РК. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 409. Л. 28].

Таким образом, перед первыми калмыцкими архивистами стояли сложные задачи: суметь сохранить ценный архивный фонд Калмыкии и в дальнейшем поставить на должный уровень архивную работу сначала вновь образованной советской автономии, а потом и области. В результате ими была проделана трудоемкая работа по выявлению, концентрации, учету, сохранности и использованию архивов калмыцкого народа. Сложности заключались в нехватке помещений, отсутствии финансов, тяжелой экономической ситуации в Калмыкии, связанной с голодом и бандитизмом. О низ-

кой квалификации кадров, как это было в других региональных архивах, говорить не приходится. Поскольку архивом на протяжении 13 лет руководил ученый-востоковед Н. Н. Пальмов, пусть и беспартийный, но очень уважаемый в Калмыкии. Он по праву считается основоположником архивного дела в Калмыкии. Несмотря на трудности, Н. Н. Пальмову и его последователям удалось сохранить важнейшие фонды Калмыцкого архива, привлечь в архив исследователей, на основе документов выпустить ряд научных работ по истории калмыцкого народа, тем самым наладить работу одного из региональных архивов Нижнего Поволжья.

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Литература

- Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.
Джалаева А. М. К биографии профессора Н. Н. Пальмова // Пальмовские чтения: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Элиста: [б. и.], 2003. С. 54–60.
Джумалиева А. Б. Памяти Н. Н. Пальмова посвящается // Пальмовские чтения: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Элиста: [б. и.], 2003. С. 61–65.
Дякиева Б. Б., Максимов К. Н. Печать // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 492–528.
Жданович Я. Н. Отделы национальной культуры в исторических архивах автономных республик и автономных областей // Архивное дело. Вып. XI–XII. М.: Изд. Центрального архива РСФСР, 1927. С. 83–92.
История административно-территориального деления Сталинградского (Нижне-Волжского) края. 1928–1936 гг.: Справочник. Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во, 2012. 575 с.
Кардонова В. Калмыцкий архив им. Пальмова // Пальмовские чтения: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Элиста: [б. и.], 2003. С. 66–69.
Коженбаева Л. Время, уложенное на полку // Известия Калмыкии. 2008. 28 дек. С. 3.
Коженбаева Л. Живет история в архивах // Калмыкия сегодня. 2014. 8 марта. С. 2.
Лапин Н. Районные архивы и их роль в архивном строительстве // Архивное дело. Вып. 1

- (34). М.: Изд. Центрального архива РСФСР, 1935. С. 22–34.
- Максимов К. Н. Калмыкия в годы форсированного строительства социализма // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 363–405.
- Миндеева Л. Летописец калмыцкой истории // Пальмовские чтения: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Элиста: [б. и.], 2003. С. 82–84.
- Пальмов Николай Николаевич (1872–1934) // Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.): Биобиблиографический указатель / сост. и предисл. П. Э. Алексеевой и Л. Ю. Ланцановой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 172–176.
- Письма Н. Н. Пальмова Х. Б. Канукову / ред. Л. С. Бурчинова, И. И. Орехов. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. 107 с.
- Санджиева Г. С. Роль Н. Н. Пальмова в организации архивного дела // Пальмовские чтения: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Элиста: [б. и.], 2003. С. 261–266.
- Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 гг.). М.: ГАУ при СМ СССР, 1961. 266 с.
- Чернов А. В. История и организация архивного дела в СССР (краткий очерк). М.: ГАУ НКВД СССР, 1940. 267 с.
- Шалданова Л. Б. Роль профессора Н. Н. Пальмова в становлении и развитии архивной службы, музейного дела и исторической науки Калмыкии (к 130-летию со дня рождения) // Пальмовские чтения: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Элиста: [б. и.], 2003. С. 8–12.
- Шалданова Л. Б. Архив — зеркало жизни общества // Новая неделя. 2006. 10 марта. С. 3.
- Dyakieva B. B., Maksimov K. N. *Pechat'* [The seal]. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dnei: v 3 tt. T. 3* [History of Kalmykia from earliest times to the present days. In 3 vol. Vol. 3]. Elista, Gerel Publ., 2009, pp. 528–538 (In Russ.).
- Dzhalaeva A. M. *K biografii professora N. N. Pal'mova* [N. Palmov's biography revisited]. *Pal'movskie chteniya: Mat-ly region. nauch.-prakt. konf.* [Palmov Readings. Proc. of the Regional research and practice conf.]. Elista, 2003, pp. 54–60 (In Russ.).
- Dzhumalieva A. B. *Pamyati N. N. Pal'mova posvyashchaetsya* [In memory of N. Palmov ...]. *Pal'movskie chteniya: Mat-ly region. nauch.-prakt. konf.* [Palmov Readings. Proc. of the Regional research and practice conf.]. Elista, 2003, pp. 61–65 (In Russ.).
- Istoriya administrativno-territorial'nogo deleniya Stalingradskogo (Nizhnevolzhskogo) kraia. 1928–1936 gg.: Spravochnik* [Stalingrad (Nizhnevolzhsky) Krai: a history of administrative division]. Volgograd, Volgograd Science Press, 2012, 575 p. (In Russ.).
- Kardonova V. *Kalmytskiy arkhiv im. Pal'mova* [The Palmov Archive of Kalmykia]. *Pal'movskie chteniya: Mat-ly region. nauch.-prakt. konf.* [Palmov Readings. Proc. of the Regional research and practice conf.]. Elista, 2003, pp. 66–69 (In Russ.).
- Kozhenbaeva L. *Vremya, ulozhennoe na polku* [Time placed on the shelf]. *Izvestiya Kalmykii* (The Kalmykia News newspaper), 2008, 28 December, p. 3 (In Russ.).
- Kozhenbaeva L. *Zhivet istoriya v arkhivakh* [History lives in archives]. *Kalmykiya segodnya* (Kalmykia Today newspaper), 2014, 8 March, p. 2 (In Russ.).
- Lapin N. *Rayonnye arkhivy i ikh rol' v arkhivnom stroitel'stve* [District (municipal) archives and their role in the construction of the national archival network]. *Arkhivnoe delo* (The Archivistics journal), 1935, iss. 1 (34), pp. 22–34 (In Russ.).
- Maksimov K. N. *Kalmykiya v gody forsirovannogo stroitel'stva sotsializma* [Kalmykia in the years of socialist construction]. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dnei: v 3 tt. T. 2* [History of Kalmykia from earliest times to the present days. In 3 vol. Vol. 2]. Elista, Gerel Publ., 2009, pp. 363–405 (In Russ.).
- Mindeeva L. *Letopisets kalmytskoy istorii* [Chronographer of the Kalmyk history]. *Pal'movskie chteniya: Mat-ly region. nauch.-prakt. konf.* [Palmov Readings. Proc. of the Regional research and practice conf.]. Elista, 2003, pp. 82–84 (In Russ.).

Sources

- NA RK — *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [The National Archive of the Republic of Kalmykia].
- GA AO — *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* [The State Archive of Astrakhan Oblast].

References

- Arkhivnaya letopis'. K 85-letiyu arkhivnoy sluzhby Respubliki Kalmykiya* [The archival chronicle. Celebrating the 85th anniversary of Kalmykia's archival service]. Elista, Dzhanger Publ., 2006, 256 p. (In Russ.).
- Chernov A. V. *Istoriya i organizatsiya arkhivnogo dela v SSSR (kratkiy ocherk)* [Archives in the USSR: a history of establishment and development]. Moscow, USSR NKVD's General Department of Archives, 1940, 267 p. (In Russ.).

- Palmov Nikolay Nikolaevich (1872–1934)* [Palmov Nikolay Nikolayevich (1872–1934)]. *Uchenye — issledovateli Kalmykii (XVII — nachalo XX vv.): Biobibliograficheskiy ukazatel' / sost. i predisl. P. E. Alekseevoy i L. Yu. Lantsanovoy* [Scholars — researchers of Kalmykia (the 17th — early 20th cc.): a bibliographical reference. Comp. by P. Alekseeva and L. Lantsanova]. Elista, Kalm. Book Publ., 2006, pp. 172–176 (In Russ.).
- Pis'ma N. N. Pal'mova Kh. B. Kanukovu / red. L. S. Burchinova, I. I. Orekhov* [N. Palmov's letters to Kh. Kanukov. Edit. by L. Burchinova, I. Orekhov]. Elista, Kalmyk Research Institute of History, Language and Literature Press, 1968, 107 p. (In Russ.).
- Sandzhieva G. S. *Rol' N. N. Pal'mova v organizatsii arkhivnogo dela* [N. Palmov's impact in the development of (Kalmykia's) archival affairs]. *Pal'movskie chteniya: Mat-ly region. nauch.-prakt. konf.* [Palmov Readings. Proc. of the Regional research and practice conf.]. Elista, 2003, pp. 261–266 (In Russ.).
- Sbornik rukovodyashchikh materialov po arkhivnomu delu (1917 — iyun' 1941 gg.)* [A collection of instructional materials on the development of the archival service (1917 – June 1941)]. Moscow, General Department of Archives of the Council of Ministers of the USSR, 1961, 266 p. (In Russ.).
- Shaldanova L. B. *Arkhib — zerkalo zhizni obshchestva* [Archive: a mirror of social life]. *Novaya nedelya* (The New Week newspaper), 2006, 10 March, p. 3 (In Russ.).
- Shaldanova L. B. *Rol' professora N. N. Pal'mova v stanovlenii i razvitii arkhivnoy sluzhby, muzeynogo dela i istoricheskoy nauki Kalmykii (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Professor N. Palmov's impact in the establishment and development of Kalmykia's archival service, museum studies and historical science]. *Pal'movskie chteniya: Mat-ly region. nauch.-prakt. konf.* [Palmov Readings. Proc. of the Regional research and practice conf.]. Elista, 2003, pp. 8–12 (In Russ.).
- Zhdanovich Ya. N. *Otdely natsional'noy kul'tury v istoricheskikh arkhivakh avtonomnykh respublik i avtonomnykh oblastey* [Departments of national cultures in historical archives of autonomous republics and oblasts]. *Arkhibnoe delo* (The Archivistics journal), 1927, iss. XI–XII, pp. 83–92 (In Russ.).

УДК 930.25(091)

ИЗ ИСТОРИИ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАБОТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ В 1920–1938 гг.

Мария Сергеевна Бураковская¹

¹ ученый секретарь, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник (Астрахань, Российская Федерация). E-mail: burakovskaya.marya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность одного из региональных архивов Нижне-Волжского региона — Национального архива Республики Калмыкия в период 1920–1938 гг. Представлены его основные направления, такие как комплектование, сохранность и использование; поэтапно прослежены пути поступления фондов в архив; освещены вопросы хранения документов; отмечены печатные издания, выпущенные сотрудниками архива; обозначены важнейшие распорядительные документы центральной и местной властей в отношении региональных архивов в целом и Национального архива Республики Калмыкия в частности. Научная новизна настоящей работы состоит в освещении малоизученных вопросов, связанных с деятельностью архива в 1920–1938 гг.; введении в научный оборот ранее неизвестных документов Национального архива Республики Калмыкия и Государственного архива Астраханской области. В основу статьи положена отчетная документация, имеющаяся на хранении в Национальном архиве Республики Калмыкия и Государственном архиве Астраханской области. В результате исследования на примере регионального архива охарактеризовано формирование новой системы советского архивного дела, прослежено ее формирование и становление на начальном этапе. Значительная роль в работе отведена личности первого руководителя государственной архивной службы Калмыкии — профессора Н. Н. Пальмова.

Ключевые слова: региональный архив, история, Калмыкия, комплектование, сохранность, использование, Н. Н. Пальмов.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 82–92, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-82-92
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 902

Revisiting the Role of the Oka-Sura Interfluve in the Ethnopolitical System of Eastern Europe: the Latter Half of 1st – First Third of the 2nd Millennia AD

Evgeni N. Kemaev¹

¹ Research Associate, Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the role of the Oka and Sura River valleys in the ethnopolitical system of Eastern Europe in the latter half of the 1st – first third of the 2nd millennia AD. With evidence from summarized written sources available, materials of archaeological surveys and historiographic works, the paper highlights the periods in the history of the Mordvins when relatively stable relations in political, economic and ethnocultural spheres prevailed which determined the ways of historical process in the region under consideration.

The Oka and Sura River valleys are historical homelands of the Mordvins. It has been discovered that during the considered period, the Mordvinic tribes were directly or indirectly influenced by most significant political processes of that time. The main events of the Migration Period (up to the 7th–8th centuries AD) took place relatively far away, but the bulk of massive relocations of ancient populations affected trade and economic relations, boosting minor interregional migrations. The analysis of materials of archaeological surveys concludes that there was some activation of migration processes in the Oka-Sura Interfluve.

In the 8th–10th cc. AD, the crucial impact on the life of the region was being made by the Khazar Khaganate, and the Mordvinic tribes were politically subjugated by the state. That was reflected in trade, ethnocultural and supposedly political relations which is confirmed by multiple archaeological data, such as adornments, amulets, weapons, and horse accessories found in Mordvinic burial sites.

In the 11th–13th cc. AD, the Oka-Sura Interfluve became a battlefield for the two major states with opposing political orientations — Russian principalities and Volga Bulgaria — that proved a key factor in the formation of the two Mordvinic sub-ethnic groups — Moksha and Erzya.

In view of frequent armed hostilities in the territory of the region, there appeared regular military units and defensive fortifications, but no independent state with corresponding administrative mechanisms of coercion was developed.

Keywords: Mordvinic tribes, Oka-Sura Interfluve, Migration Period, Khazar Khaganate, Russian principalities, Volga Bulgaria.

Окско-Сурское междуречье является исторической родиной мордвы. Именно на данной территории происходили процессы этногенеза и прошли ранние этапы этнического развития мордвы. Данный период истории мордовского народа крайне скудно освещен в письменных источниках. Основная масса сведений для его научной реконструкции черпается в рамках археологических изысканий. Наряду с этим, как представляется, наиболее перспективным методом исследований в данной области является комплексный подход, основанный на совместном анализе обеих групп источников. В каждой из областей накоплены богатые исследовательские традиции, однако зачастую в отрыве друг от друга они не позволяют охватить должный перечень вопросов, и научные разработки, как правило, фокусируются на весьма локальных тематиках. Исходя из нынешней историографической ситуации назрела необходимость обобщения имеющихся данных по древней и средневековой истории мордвы, определения основных периодов ее истории от происхождения (фиксируется исключительно по археологическим данным) до зарождения предпосылок сложения раннего-сударственных образований (имеется определенный объем нарративных источников), когда естественный ход ее эволюционного развития был прерван монголо-татарским нашествием.

История любого социума всегда определяется условиями, в которых происходит его развитие. Географическая среда, контакты с окружающими народами, степень вовлеченности в глобальные исторические процессы зачастую выступают в роли определяющих векторов этнического, экономического, социального, идеологического генезиса. В данной связи следует обратиться к динамике этнополитического развития Восточноевропейского региона, определить его основные этапы и место в них Окско-Сурского междуречья.

Основные признаки древнемордовской культуры складываются уже к III в. н. э. С этого времени можно говорить о мордве как об этнокультурной общности. Свидетельством этого, к примеру, являются характерные женские украшения (своего рода этнические маркеры — женские височные подвески в виде стержня со спиралькой на одном конце и грузиком на другом). По справедливому замечанию И. В. Белоцер-

ковской, женский головной убор в древности представлял собой явление консервативно-традиционное, связанное с целым спектром идеологических, в том числе религиозных, представлений. Поэтому случайное заимствование отдельных его элементов и включение их в племенной наряд иной группы населения с иными религиозными воззрениями были невозможны [Белоцерковская 1999: 42]. Поэтому наличие данной категории сопроводительного инвентаря позволяет с полной уверенностью определять принадлежность древних погребений.

Картографический анализ позволяет выделить по крайней мере три территориально-хронологические группы древнемордовских могильников, которые располагались в верховьях Суры и Мокши, в бассейне Тешы, в нижнем течении Суры. Обозначенный ареал расселения не претерпевал существенных изменений вплоть до VII в. и рубежа VII–VIII вв. н. э. В низовьях Мокши мордовские племена граничили с родственным финноязычным населением рязано-окской археологической культуры. Восточными соседями были именковские племена (Среднее Посурье), их этническая принадлежность носит дискуссионный характер (угро-мадьяры, тюрки, славяне) [Шитов 2000: 53–54].

На данном хронологическом отрезке рассмотрение археологических материалов позволяет говорить о весьма существенной вариативности форм погребальной обрядности (речь в первую очередь идет о разнообразии вариантов ориентировок погребенных по сторонам света) и определенных отличиях в материальной культуре. Имеются основания утверждать, что на пестроту вариантов обряда совершения захоронений повлияли патронимические (родовые) особенности, которые, несомненно, преобладали над общеплеменными на ранней стадии сложения населения, составившего ранние мордовские могильники. Вместе с тем общность культуры, принадлежность к одному этносу не вызывают возражений исследователей [Вихляев 2008: 75–78; Гришаков 2008: 99–105].

Следует полагать, что племена Сурско-Мокшанского междуречья неслучайно в письменных источниках впервые фиксируются под единым именем *Mordens*. Упоминание данного этнонима готским историком Иорданом приобрело хрестоматийный

характер. Труд «О происхождении и деяниях гетов», написанный в середине VI в. н. э., повествует о событиях эпохи Великого переселения народов. За четыре столетия с IV по VII в. в результате масштабных миграционных процессов, охвативших практически весь Европейский континент, кардинально преобразовавших его этнокультурный и политический облик, сложилась современная система соотношения наиболее крупных этнических массивов.

Германские племена готов, прародиной которых является Скандинавия, в начале нашей эры заняли южное побережье Балтийского моря, в III в. н. э. они мигрировали далее в южном направлении и достигли северного побережья Черного Моря, где к IV в. н. э. смогли подчинить своей власти весьма обширный конгломерат местных племен. Особый интерес представляет включение Иорданом мордвы в перечень народов, подчиненных готскому королю Германариху: «Через некоторое время после кончины готского кроля Гебериха царская власть перешла к знатнейшему представителю анаров Германариху, покорившему много воинственных северных народов и заставившему их подчиняться своим законам. Некоторые из наших предков справедливо сравнивали его с Александром Македонским. Под державою его находились следующие народы: голтескифы, тиудыинаунксис, вазиабронки, меренс, морденс, имнискарнсы, роги, тадзаны, анаулы, навего, бубугены, колды» [Документы ... 1940: 19–20].

Упоминание мордвы демонстрирует то, что данный народ был известен далеко за пределами своего проживания, что в свою очередь косвенно свидетельствует о значительной его численности и, вероятно, об участии в торгово-экономических связях того времени. Довольно сложно судить, знал ли автор «Происхождения и деяний гетов» точную территорию проживания мордвы. Факт подчинения ее Германарихом также является весьма спорным.

Представляет интерес вариант решения данного вопроса, который был предложен В. В. Ставицким. Проанализировав распространение изделий с выемчатыми эмальями (относящихся к кругу западных импортов) на рязано-окских и древнемордовских памятниках, исследователь пришел к выводу о том, что данные находки являются свидетельством весьма тесной связи Окско-Сур-

ского междуречья с общими тенденциями развития народов Восточно-Европейской равнины на рубеже эпохи Великого переселения народов. В частности, М. М. Казанским на базе картографирования находок предметов, характерных для памятников черняховской культуры, носителями которой были готы и другие народы державы Германариха, установлено, что вне основного ареала черняховских памятников — на территории Оки и Волги фиксируется концентрация вещей черняховского типа. Причем она заметно отличается от картины распространения римских импортов, равномерно рассредоточенных по территории лесной полосы. По мнению исследователя, данное обстоятельство может выступать свидетельством связи Окско-Сурского междуречья (вплоть до его центральной части) с районами политической активности Германариха [Ставицкий 2012: 36].

В целом принимая данную гипотезу Н. Казанского, В. В. Ставицкий вносит в нее определенные корректировки. В частности, отмечается, что влияние готского государства с наибольшей степенью вероятности следует ограничить областью верхнего и среднего течения Оки, а предметы «западноевропейского происхождения» на обозначенной территории могли появиться вследствие участия населения данного региона в готских походах в качестве союзников. Этноним *Mordens* у Иордана исследователь относит к родственному мордве финноязычному населению культуры рязано-окских могильников [Ставицкий 2012: 37–38].

Исходя из имеющегося объема письменных источников, невозможно определить, к какой именно группе населения был применен вышеупомянутый этноним. По всей видимости, для иноэтничного населения различия в культуре мордвы и рязано-окского населения были несущественными. Наряду с тем с достаточной долей уверенности можно говорить, что западная часть Окско-Сурского междуречья все же подвергалась влиянию определяющих исторических событий того времени.

Специалисты в области изучения рязано-окских древностей отмечают, что в материалах первой половины IV в. н. э. фиксируется резкое увеличение черняховских импортов (пряжки, лунницы, подвески различных форм, фибулы), а также выделяются комплексы изделий западного происхожде-

ния (поясные наборы, шпоры, гривны с круглым щитком и проволоочной обмоткой концов), причем подобные находки отмечены в отдельных погребениях на могильниках Верхнего Посурья. Аналогии этим предметам обнаруживаются в пшеворских и западнобалтийских древностях. Появление данной категории артефактов И. Р. Ахмедов и И. В. Белоцерковская также связывают с попаданием рязано-окского населения в сферу политического влияния черняховского «союза» — «державы Германариха» и последовавшим за этим походом против герулов, венетов и эстий, закончившимся победой готов. По мнению исследователей, возможно, в этом походе принимали участие и местные воины, принесшие в финскую среду полученные в качестве трофеев западные вещи [Ахмедов, Белоцерковская 2007: 273].

Мы не располагаем достаточным объемом материалов, чтобы принять положение о вхождении всего Окско-Сурского междуречья в состав державы Германариха. Вместе с тем, исходя из имеющихся данных, вполне вероятной представляется возможность военной активности готских отрядов на рассматриваемом направлении в целях установления контроля над торговыми путями.

Склонность германцев к действиям подобного рода зафиксирована древними авторами: «Если племя, в котором они родились, коснеет в долгом мире и праздности, то многие из знатных юношей [*по своему собственному почину*] отправляются к тем племенам, которые в то время ведут какую-нибудь войну, так как этому народу покой противен, да и легче отличиться среди опасностей, а прокормить большую дружину можно только грабежом и войной. Дружинники же от щедрот своего вождя ждут себе и боевого коня, и обогрренное кровью победоносное копье (*framea*), а вместо жалования для них устраиваются пиры, правда, не изысканные, но обильные. Средства для такой щедрости доставляют грабеж и война» [Публий Корнелий Тацит 1937: 63]. Бесспорно делая скидку на тенденциозность античного автора и принимая во внимание хронологический разрыв между написанием данного текста и рассматриваемыми выше событиями, вполне возможно экстраполировать суть описания и на анализируемую проблематику.

Учитывая отдаленность и сравнительно высокую плотность местного населения (о

чем свидетельствует значительное количество могильников, оставленных финноязычным населением), а также отсутствие памятников и отдельных погребений, которые можно было бы доподлинно соотнести с носителями черняховской культуры, следует сделать вывод, что данные военные выплески, скорее всего, не имели особого успеха.

Великое переселение народов началось с движения германских племен из Прибалтики на юг и восток, однако в роли основной движущей силы выступило перемещение огромных масс азиатских кочевников в западном направлении. Наиболее мощным из них было гуннское нашествие второй половины IV в. н. э., коренным образом изменившее облик южной части Восточной Европы. В степной полосе доминирующее положение заняли тюркоязычные племена, которые изгнали, ассимилировали либо физически уничтожили прежнее ираноязычное население, выступавшее на протяжении нескольких столетий южными соседями финно-угорских племен, заселявших лесостепную полосу.

По сообщению Аммиана Марцелина, гунны около 370 г. н. э. сломили сопротивление алан, кочевавших в прикаспийских степях вплоть до Дона, «многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе», тем самым нарастив военную силу. После этого в 371 г. н. э. под удар попали владения готского короля Германариха. Возглавляемый им союз распался, отдельные племена перешли на сторону врагов, готы в значительной части бежали в 376 г. н. э. во владения Римской империи. Подвластные готам области были опустошены, черняховская археологическая культура погибла [Артамонов 1962: 40–46].

Окско-Сурское междуречье не подверглось гуннскому вторжению, кочевники в своем движении на запад прошли гораздо южнее по степной полосе. Вместе с тем столь масштабное изменение этнополитической обстановки бесспорно скорректировало течение исторических процессов и в рассматриваемом регионе.

В частности, весьма показательным является факт резкой смены наборов бус в погребениях населения Среднего Поочья в конце IV – начале V вв. н. э., совпадающей по времени с гуннским нашествием [Румянцева 2007: 232]. Аналогичные процессы зафиксированы при изучении наборов

бус в древнемордовских погребениях. Если в III в. н. э. золоченые бусы составляли от 81 % до 100 % в составе ожерелий, то во второй половине IV – начале V вв. н. э. их число падает до 20 %, а во второй половине V вв. н. э. они окончательно заменяются ожерельями (без золоченых бус), состоявшими в основном из красных непрозрачных стеклянных [Вихляев 1977: 10–11, 44–49]. Данная категория украшений в подавляющем большинстве случаев была представлена импортированными образцами. Таким образом, существовавшие ранее торговые пути лесостепного населения с югом оказались перерезанными, впоследствии экономические связи начали перестраиваться.

Анализ материалов археологических раскопок позволяет сделать заключение об активизации миграционных процессов и на территории Окско-Сурского междуречья во второй половине IV в. н. э., что, по всей вероятности, было обусловлено крупномасштабными перекройками этнополитической карты Восточноевропейского региона, толчком к которым выступило гуннское нашествие. В. И. Вихляев отмечает, что в это время на территории расселения верхнесурских мордовских племен появляются погребальные памятники со своеобразным обрядом захоронения и вещевыми комплексами. Наиболее устойчиво они выделяются по материалам Селикса-Трофимовского могильника. Исследователь полагает, что они были оставлены выходцами из Среднего Поочья и Нижнего Примокшанья. Пришельцы со временем растворились в местной среде, однако двусторонний этнический контакт привел к трансформированию древнемордовской культуры. С конца IV в. н. э. у населения верхнего Посурья формируется новый погребальный обряд, взамен прежней вариативности вырабатывается устойчивая южная и юго-восточная ориентировка покойников головой. Трансформируется и основное этническое украшение: форма грузика височной привески меняется с биконической на бипирамидальную [Вихляев 2000: 94–97].

Исходя из имеющихся в настоящее время данных, можно полагать, что в дальнейшем на протяжении значительного времени политическая обстановка вокруг Окско-Сурского междуречья оставалась относительно стабильной вплоть до VII–VIII вв. н. э. Во второй половине VII вв. н. э. в Предкавказье формируется сильное государственное

формирование — Хазарский каганат. Оно проявляет значительную военную активность, облагает данью многие племена, в том числе проживавшие на значительном удалении. Хазарам удалось нанести ряд поражений Великой Булгарии, в результате чего данный союз племен прекратил свое существование, началась миграция болгар из причерноморских и приазовских степей, одним из направлений которой стало северное — на Волгу [Артамонов 1998: 170–180; Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998].

В сложившейся ситуации происходит существенное изменение территории расселения мордвы. Вследствие перманентной военной угрозы, исходящей с южного направления, верховья Суры и Мокши становятся непригодными для проживания. Прекращают совершаться захоронения на расположенных здесь могильниках. Заканчивают свое существование и памятники именниковской культуры в Среднем Посурье. Серединой — третьей четвертью VII в. н. э. датируется прекращение функционирования основной части памятников рязано-окских финнов [Ахмедов 2010: 7–16]. Мордовские племена переселяются в северо-западном направлении, в относительно более безопасные, лучше защищенные лесами Среднее Примокшанье, бассейн рек Вад и Цна. Данный регион заселяется весьма плотно, известно значительное количество памятников, расположенных не только у крупных рек, но и на водораздельных участках [Вихляев 2013: 163–166].

Северная граница владений Хазарского каганата установилась по верховьям Северского Донца, Оскола и Дона. Эти области были заселены аланскими племенами, мигрировавшими с Северного Кавказа под давлением арабов [Плетнева 1967: 184].

Несмотря на смену региона проживания, как свидетельствуют письменные источники, мордовские племена все же попали под политическую зависимость от каганата. В письме хазарского царя Иосифа (середина X в.) «арису» (эрзя/мордовские племена) указаны в перечне находящихся в даннической зависимости от каганата: «Ты еще настойчиво спрашивал меня касательно моей страны и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что живу у реки, по имени Итиль <...> У (этой) реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных (стенами) городах.

Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Ари-су, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Каждый народ не поддается (точному) исследованию и им нет числа. Все они служат и платят дань» [Коковцов 1932: 98–99].

По оценке специалистов в X в. н. э. Хазарский каганат был еще значительным государством, хотя былая мощь (VIII–X в. н. э.) уже сильно пошатнулась [Артамонов 1962: 385]. Как представляется, имеются все основания доверять сведениям источника о существовании зависимости мордвы от хазар. В пользу данного предположения свидетельствует значительное количество археологического материала, зафиксировавшего наличие устойчивых культурных связей мордвы с племенами Северного Кавказа и Подонья (украшения, амулеты, вооружение, конское снаряжение, появление обряда скорченности в погребениях мордовских могильниках) [Вихляев 1974: 57–69].

В историографии существует точка зрения о том, что мордовское население, проживавшее в бассейне р. Цны, состояло в союзнических отношениях с Хазарским каганатом, прикрывая его северо-восточные границы. Аргументация данного предположения базируется на значительном количестве находок предметов престижного воинского инвентаря (богатые поясные наборы, ряд деталей конской упряжи, дорогие образцы вооружения), а также высокой доле (60 %) вооруженных мужчин среди захоронений на могильниках обозначенного географического ареала, на фоне того, что в условно «внутренних» землях мордвы — на Мокше, Ваде и Теше, в это время процент «воинских погребений» был несколько ниже [Ахмедов, Зеленцова 2016: 19–20].

Освобождение мордвы от хазарской зависимости связано с внешнеполитической деятельностью князя Святослава. В 964–965 гг. киевский князь совершает поход на Оку и Среднюю Волгу. Им было покорено племя вятичей, прежде выплачивавшее дань хазарам, а также нанесено поражение Волжской Булгарии. Далее войска руссов, спустившись по Волге, разгромили Итиль, по Каспийскому морю добрались до Семендера и, опустошив его, двинулись вдоль Кавказа на запад. По всей вероятности, под Итилем было разбито хазарское войско, возглавляемое каганом. По пути к Азовскому морю был взят Саркел [Артамонов 1962: 426–428]. Таким образом, разгром Хазар-

ского каганата был фактически тотальным.

В 966 г. Святослав совершил повторный поход на вятичей, которые, вероятно, попытались выйти из подчинения от Киева. Попытка эта оказалась безуспешной, очаг сепаратизма в Верхнем и Среднем Поочье был подавлен. Возникает вопрос о степени вовлеченности мордвы в данные события. По предположению В. А. Юрчёнкова, мордовские племена в результате договора с князем Святославом получили в его державе особый статус, чем-то напоминающий статус конфедератов в Римской империи [Юрчёнков 2012: 58].

Владимир Святославович дважды (в 981 и 982 гг.) совершал походы на вятичей, в 984 г. им были подчинены радимичи, а в 985 г. состоялся поход против булгар: «Иде Володимер на Болгары с Добрынею, с уем своим, в лодьях, а торки берегом привеле на коних: и победи Булгары» [Повесть ... 1950: 59]. По оценкам исследователей, этот поход не затронул основного ядра мордовских земель. Добрыня с новгородцами спустился в ладьях вниз по Волге, а войско Южной Руси, возглавляемое Владимиром, на конях из Киева в обход вятичей, через степи, подконтрольные временно союзным печенегам, двинулось к Волге, к месту ее сближения с Доном. В обоих случаях два русских войска прошли по окраинным землям мордвы, не встречая сопротивления [Юрчёнков 2015: 5].

Имеются материалы, на основании которых возможна постановка вопроса о существовании даннической зависимости части мордовских земель от киевских князей. Речь в данном случае идет об обнаружении двух подвесок со знаками Рюриковичей на Кельгининском могильнике, расположенном в бассейне р. Вад. По мнению большинства исследователей, подобные подвески выдавались должностным лицам, действовавшим от имени тех князей, чьи знаки изображались на подвесках, и были в ходу на территориях, находившихся в зависимости от великого киевского князя. Одна из подвесок определяется как принадлежавшая Владимиру Вячеславовичу, вторая — одному из его сыновей. Датировка артефактов — не позднее первых двух десятилетий XI в. н. э. [Вихляев 2013: 290–291].

В дальнейшем на протяжении XI–XIII вв. н. э. геополитическая ситуация в Средневолжском регионе определялась противоборством Руси и Волжской Булга-

рии за контроль над торговыми путями с востоком. Окско-Сурское междуречье оказалось в эпицентре этих событий. В условиях внешней военной угрозы происходит выделение прослойки профессиональных воинов-дружинников, появляются городища с мощными фортификационными сооружениями, отчетливо проявляется тенденция консолидации отдельных племен в крупные военные союзы, складываются предпосылки формирования раннегосударственных объединений.

В рассматриваемом хронологическом отрезке происходят изменения в расселении мордвы. Прекращают совершаться захоронения на могильниках, расположенных на Цне. Единственным известным в настоящее время погребальным памятником в бассейне этой реки является Сядемский могильник на р. Выша. Судя по данным археологии, наибольшее количество населения в западной части ареала проживания концентрировалась в Вадско-Мокшанском междуречье. На юге вновь осваивается Верхнее Посурье (Кривозерский могильник). На севере основным районом расселения мордвы являлся бассейн реки Теша. Не выявляются памятники данного времени в низовьях Суры и на правобережье Волги [Вихляев 2013: 166].

Смещение западной границы территории проживания мордовских племен следует связывать с давлением со стороны Рязанского княжества. С XII в. н. э. в Почестье появляются славянские поселения, в том числе городского типа. На левом берегу Цны в районе нынешнего села Темгенево известно городище, которое, по мнению исследователей, соотносится с известным по летописям городом Онузой (Нузлей), где, по всей вероятности, находился главный форпост на восточной границе княжества. Памятник представляет собой крупное поселение городского типа со сложной системой оборонительных укреплений. Общая площадь памятника, включая посад, достигает 10 га. XII–XIII вв. н. э. датируются материалы, полученные при обследовании на территории и в окрестностях города Кадом в Нижнем Примокшанье. Ряд исследователей относят этот город к сфере влияния не Рязанского, а Владимиро-Суздальского княжества [Челяпов, Судаков: 2000: 17–19].

Необходимо отметить, что политические отношения русских княжеств и мордовских племен западной части ареала их

проживания были союзническими. После присоединения плодородных земель в бассейне Цны и Нижней Мокши Рязанское княжество дальнейшей активности не проявляло [Зеленеев, Зеленцова 2013: 6–7]. Согласно сведениям русских летописей, предводитель южномордовского союза племен Пуреш (конец XII – начало XIII вв. н. э.) был «ротником» (вассалом) владимиросуздальского князя Юрия Всеволодовича [Документы ... 1940: 125].

Северо-восточная часть мордовских племен оказалась в орбите доминирования Волжской Булгарии. Согласно точке зрения А. В. Циркина, часть мордвы оказалась в политической и экономической зависимости от этого государства, выплачивала дань в виде воска, меда и пушнины [Циркин 1968: 25]. Однако в источниках особенности взаимоотношений мордовских племен и булгар освещаются крайне скудно, факт выплаты дани не упоминается. Исходя из имеющихся данных, скорее, можно говорить о существовании военного союза, своего рода вассалитете, близком по сути установленному между Пурешем и Юрием Всеволодовичем.

В перманентной череде военных столкновений Руси и Булгарии, согласно данным летописей, предводитель северомордовского союза племен Пургас выступал на стороне булгар, которые в свою очередь также оказывали ему помощь [Лаврентьевская ... 1927: 451]. Очень показателен факт прямого военного столкновения двух мордовских союзов племен, произошедший в 1229 г.: «...Того же лета [1229] победи Пургаса Пурешев сын с половци, и избил мордву всю и русь Пургасову, а Пургас едва вмаде утече...» [Документы ... 1940: 126]. По мнению С. В. Святкина, эта битва произошла в южных областях мордовских земель. В пользу данного предположения свидетельствует упоминание половецкой конницы, которая могла полностью реализовать свой потенциал только на открытых лесных пространствах, а не в покрытых густыми лесами владениях Пургаса. Поход Пургаса мог быть мотивирован мстью за участие «Пурешева сына» на стороне русских в войне с ним. Упомянутый в источнике термин «русь Пургасова» трактуется исследователем как обозначение военной дружины мордовского инязора, состоявшей из разноэтнических наемников [Святкин 2001: 106].

Таким образом, к XII – началу XIII вв. мордва оказалась объединена в два крупных

союза племен с разной политической ориентацией (на ближайший центр политической, экономической и военной силы), что, в свою очередь, выступило определяющим фактором сложения двух субэтносов мордовского народа — мокши и эрзи.

В свете вышеописанных событий встает вопрос о степени развития процессов политогенеза у мордовских племен, равно как и о границах упоминаемой в русских летописях «Пургасовой волости». Он имеет богатую историографию [Беговаткин 2008: 27–37; Юрчёнков 2014: 4–11] и требует отдельного исследования. Наиболее удачным представляется термин «раннефеодальное политическое объединение». В условиях внешней военной опасности родоплеменные отношения начали трансформироваться. Источники фиксируют существование крупных союзов племен, возглавляемых единоличными верховными правителями, частые боевые действия предопределяли необходимость существования постоянных профессиональных военных формирований, известны крупные укрепленные поселенческие памятники, своего рода оборонительные оплоты. Вместе с тем говорить о существовании государства в классическом его понимании с регулярным систематизированным административным аппаратом исходя из объема данных, который имеется в настоящее время, не приходится.

Подводя итог, можно сделать заключение о том, что Окско-Сурское междуречье, историческая область проживания мордвы, на протяжении всего рассматриваемого хронологического периода прямо или косвенно испытывало влияние наиболее значимых политических процессов того времени. Основные события эпохи Великого переселения народов (до рубежа VII–VIII вв. н. э.) проходили сравнительно далеко, однако совокупность масштабных перемещений древнего населения повлияла на торгово-экономические связи, дала импульс микромиграциям внутри региона. В VIII–X вв. н. э. определяющее влияние на рассматриваемую область оказывал Хазарский каганат. Это выражалось в торговых, этнокультурных, вероятно, и политических связях. В XI–XIII вв. н. э. Окско-Сурское междуречье стало ареной борьбы крупных государств — русских княжеств и Волжской Булгарии. Таким образом, из периферийной области оно стало местом важных событий истории Восточной Европы.

Литература

- Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. К реконструкции исторических процессов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Раннеславянский мир. М.: Институт археологии РАН, 2007. Вып. 9. С. 273–275.
- Ахмедов И. Р., Зеленцова О. В. Мордва в эпоху Ибн Фадлана // Мат-лы круглого стола, посвящ. книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 17–26.
- Ахмедов И. Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир. Вып. 13. М.: Институт археологии РАН, 2010. С. 7–16.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: СРФ «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.
- Беговаткин А. А. Проблема Пургасовой волости в историографии // Центр и периферия. 2008. № 2. С. 27–37.
- Белоцерковская И. В. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы в древности и современности. Саранск: Историко-социологическ. ин-т, 1999. С. 37–43.
- Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордовск. гос. ун-т, 1977. 99 с.
- Вихляев В. И. Культурные связи сурско-циннской мордвы с аланскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н. э. // Труды Мордовского научно-исследовательского института язык, литературы, истории и экономики. Вып. 45. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1974. С. 57–69.
- Вихляев В. И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2000. 132 с.
- Вихляев В. И. Политические и культурные взаимоотношения мордвы и Российского государства в X–XVI вв. // В тесном соседстве: мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства. Саранск: тип. изд-ва Мордовск. гос. ун-та, 2013. С. 288–295.
- Вихляев В. И. Расселение мордвы в III – начале XIII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 162–170.

- Гришаков В. В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточноевропейской лесостепи: мат-лы науч. конф. Пенза: [б. и.], 2008. С. 99–105.
- Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I / под ред. Института истории АН СССР. Саранск: Мордовск. гос. изд-во, 1940. 432 с.
- Зеленев Ю. А., Зеленцова О. В. Этапы развития и территория средневековой мордвы по данным археологии // Центр и периферия. 2013. № 1. С. 4–11.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: АН СССР, 1932. XXXVIII, 134 с.
- Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 379 с.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтовомаяцкая культура). М.: Наука, 1967. 200 с.
- Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 407 с.
- Публий Корнелий Тацит. Германия // Древние германцы. Сб. док-тов / сост. Б. Н. Граков, С. П. Моравский и др. М.: Гос. изд-во соц.-экономич. лит-ры, 1937. С. 55–82.
- Румянцев О. С. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: Институт археологии РАН, 2007. С. 213–245.
- Святкин С. В. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н. э. Саранск: лаб. множит. техники Мордовск. гос. пед. ин-та, 2001. 147 с.
- Ставицкий В. В. Изделия с выемчатыми эмальми с древнемордовских и рязано-окских могильников // Центр и периферия. 2012. № 3. С. 30–38.
- Циркин А. В. Русско-мордовские отношения в X–XIV вв. Саранск: [б. и.], 1968. 111 с.
- Челяпов В. П., Судаков В. В. К вопросу о восточной границе Рязанского княжества в XII–XIII вв. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск: [б. и.], 2000. С. 17–29.
- Шитов В. Н. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Мат-лы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2000. С. 53–54.
- Юрчёнков В. А. Начертание мордовской истории. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 611 с.
- Юрчёнков В. А. Пургасова волость: проблемы политогенеза у мордвы в историографии // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 4–11.
- Юрчёнков В. А. Русь и мордва в эпоху князя Владимира (конец X – начало XI в.) // Центр и периферия. 2015. № 1. С. 4–9.

References

- Artamonov M. I. *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. Leningrad, State Hermitage Press, 1962, 523 p. (In Russ.).
- Akhmedov I. R., Belotserkovskaya I. V. *K rekonstruktsii istoricheskikh protsessov* [About reconstructions of historical processes]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. Ranneslavyanskiy mir* (Eastern Europe in the Mid-1st Millennium AD. The Early Slavic World). Moscow, Institute of Archeology (RAS) Press, 2007, iss. 9, pp. 273–275 (In Russ.).
- Akhmedov I. R., Zelentsova O. V. *Mordva v epokhu Ibn Fadlana* [The Mordvins in Ibn Fadlan's era]. *Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo knize Ibn Fadlana, ego epokhe i arkheologicheskim kollektsiyam* (Materials of the round table discussing Ibn Fadlan's book, his epoch and archaeological collections). Kazan, Märcani Institute of History (Acad. of Sc. of the Republic of Tatarstan) Press, 2016, pp. 17–26 (In Russ.).
- Akhmedov I. R. *Problema «final'nogo» perioda kul'tury ryazano-okskikh finnov (k sovremennomu sostoyaniyu voprosa)* [The problem of the 'final' period of Ryazan-Oka Finnish culture (about the current state of the topic)]. *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v I tysyacheletii n. e. Problemy i materialy. Ranneslavyanskiy mir* (Archaeology of Eastern Europe in the mid-1st Millennium AD. Problems and Materials. The Early Slavic World), Moscow, Institute of Archeology (RAS) Press, 2010, iss. 13, pp. 7–16 (In Russ.).
- Bagautdinov R. S., Bogachev A. V., Zubov S. E. *Prabolgary na Sredney Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya)* [Proto-Bulgarians in the Middle Volga (the earliest history of the Volga-Kama Tatars)]. Samara, Polden. XXII vek Publ., 1998, 286 p. (In Russ.).
- Belotserkovskaya I. V. *Verkhneokskie elementy v kul'ture ryazano-okskikh mogil'nikov* [Verkhneoksk elements in the culture of Ryazan-Oka burials]. *Issledovaniya P. D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy v drevnosti i sovremennosti* [P. Stepanov's studies and ethnocultural processes in ancient and present times]. Saransk, History and Sociology Institute Press, 1999, pp. 37–43 (In Russ.).

- Vikhlyaev V. I. *Drevnyaya mordva Posur'ya i Primokshan'ya* [The ancient Mordvins of the Sura and Moksha River valleys]. Saransk, Mord. State Univ. Press, 1977, 99 p. (In Russ.).
- Vikhlyaev V. I. *Kul'turnye svyazi sursko-tsninskoy mordvy s alanskimi plemenami Severnogo Kavkaza i Dona vo vtoroy polovine I tys. n. e.* [Mordvins of the Sura and Tsna River valleys and Alans of the North Caucasus and Don: cultural contacts in the latter half of the 1st millennium AD]. *Trudy MNIIYaLIE* [Transactions of the Mord. Inst. of Language, Literature, History and Economics], Saransk, Mord. Book Publ., 1974, iss. 45, pp. 57–69 (In Russ.).
- Vikhlyaev V. I. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoy kul'tury* [Origins of the ancient Mordvinian culture]. Saransk, Krasnyy Oktyabr Publ., 2000, 132 p. (In Russ.).
- Vikhlyaev V. I. *Politicheskie i kul'turnye vzaimootnosheniya mordvy i Rossiyskogo gosudarstva v X–XVI vv.* [Political and cultural relations between the Mordvins and the Russian state in the 10th–16th cc.]. *V tesnom sosedstve: mordovskiy narod v istorii i kul'ture mnogonatsional'nogo Rossiyskogo gosudarstva* (In Close Neighborhood: the Mordvinian people in the history and culture of the multinational Russian state). Saransk, Mord. State Univ. Press, 2013, pp. 288–295 (In Russ.).
- Vikhlyaev V. I. *Rasselenie mordvy v III – nachale XIII vv.* [Settling of the Mordvians in the 3rd – the early 13th centuries]. *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga Region Archeology), 2013, No. 2 (4), pp. 162–170 (In Russ.).
- Grishakov V. V. *Usloviya i faktory formirovaniya lokal'nykh traditsiy v drevnemordovskoy kul'ture* [Conditions and factors for the formation of local traditions in the ancient Mordovian culture]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: materialy nauch. konf.* (Archaeology of the Eastern European Forest Steppe: proc. of scientif. conf). Penza, 2008, pp. 99–105 (In Russ.).
- Dokumenty i materialy po istorii Mordovskoy ASSR. Tom I. pod red. Instituta istorii AN SSSR* [Documents and materials on the history of the Mordovian ASSR]. Saransk, Mordovian State Univ. Press, 1940, 432 p. (In Russ.).
- Zelenev Yu. A., Zelentsova O. V. *Etapy razvitiya i territoriya srednevekovoy mordvy po dannym arkheologii* [Stages of development and territories inhabited by the medieval Mordvins: evidence from archaeological surveys]. *Tsentr i periferiya* (Center and Periphery), 2013, No. 1, pp. 4–11 (In Russ.).
- Pletneva S. A. *Ot kocheviy k gorodam (saltovomayatskaya kul'tura)* [From nomadic lifestyle to cities (Saltovo-Mayaki culture)]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 200 p. (In Russ.).
- Povest' vremennykh let. Chast' pervaya. Tekst i perevod. pod red. V. P. Adrianovoy-Peretts* [The Tale of Past Years. Chapter 1. Text, transl., edit. by V. Andrianova-Peretz]. Moscow-Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1950, 407 p. (In Russ.).
- Publius Cornelius Tacitus. *Germaniya* [Germany]. *Drevnie germantsy. Sb. dok-tov. Sost. B. N. Grakov, S. P. Moravskiy i dr.* [The Ancient Germans. Collected documents. Comp. by B. Grakov et al.]. Moscow, State Publishing House of Social and Economic Literature, 1937, pp. 55–82 (In Russ.).
- Rumyantseva O. S. *Busy massovykh tipov* [Beads of most popular types]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e. Ranneslavianskiy mir* (Eastern Europe in the Mid-1st Millennium AD. The Early Slavic world). Moscow, Institute of Archaeology (RAS) Press, 2007, iss. 9, pp. 213–245 (In Russ.).
- Kokovtsov P. K. *Evreysko-khazar'skaya perepiska v X veke* [Jewish-Khazar correspondence in the 10th century]. Leningrad, USSR Acad. of Sc. of USSR Press, 1932, XXXVIII, 134 pp. (In Russ.).
- Svyatkin S. V. *Vooruzhenie i voennoe delo mordovskikh plemen v pervoy polovine II tys. n.e.* [Armament and military affairs of the Mordvinian tribes in the first half of the 2nd millennium AD]. Saransk, Mord. State Pedagogical Univ. Press, 2001, 147 p. (In Russ.).
- Begovatkin A. A. *Problema Purgasovoy volosti v istoriografii* [Purgasova volost in historiography]. *Tsentr i periferiya* (Center and Periphery), 2008, No. 2, pp. 27–37 (In Russ.).
- Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 1.* (Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1.). Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1927, Iss. 2, 379 p. (In Russ.).
- Stavitsky V. V. *Izdeliya s vyemchatymi emalyami s drevnemordovskikh i ryazano-oksikh mogil'nikov* [Wares with emarginate enamels from ancient Mordovian and Ryazan-Oka burials]. *Tsentr i periferiya* (Center and Periphery), 2012, No. 3, pp. 30–38 (In Russ.).
- Tsirkin A. V. *Russko-mordovskie otnosheniya v X–XIV vv.* [Russian-Mordovian relations in the 10th–14th cc.]. Saransk, 1968, 111 p. (In Russ.).
- Chelyapov V. P., Sudakov V. V. *K voprosu o vostochnoy granitse Ryazanskogo knyazhestva*

- v XII–XIII vv. [About the eastern frontier of Ryazan Principality in the 12th–13th cc.]. *Povolzhskie finny i ikh sosedi v epokhu srednevekov'ya (problemy khronologii i etnicheskoy istorii)* [The Volga Finns and their neighbors in the Middle Ages]. Saransk, 2000, pp. 17–29 (In Russ.).
- Shitov V. N. *Rasselenie drevney mordvy (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Mordvin-inhabited territories (evidence from burial monuments)]. *Finno-ugorskiy mir: istoriya i sovremennost': materialy II Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* [The Finno-Ugric World: History and Modernity. Proc. of Finn-Ugric Scientif. conf.]. Saransk, Krasnyy Oktyabr Publ., 2000, pp. 53–54 (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Nachertanie mordovskoy istorii* [Outlining the history of Mordovia]. Saransk, Humanities Research Institute Press, 2012, 611 p. (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Purgasova volost': problemy politogeneza u mordvy v istoriografii* [Purgas Volost: politogenesis problems of the Mordvins in historiography]. *Tsentr i periferiya* (Center and Periphery), 2014, No. 1, pp. 4–11 (In Russ.).
- Yurchenkov V. A. *Rus' i mordva v epokhu knyazya Vladimira (konets X – nachalo XI v.)* [Rus' and the Mordvins in the years of Vladimir the Great (the late 10th – early 11th cc.)]. *Tsentr i periferiya* (Center and Periphery), 2015, No. 1, pp. 4–9 (In Russ.).

УДК 902

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ОКСКО-СУРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1-го — ПЕРВОЙ ТРЕТИ 2-го т. н. э.

Евгений Николаевич Кемаев¹

¹ научный сотрудник, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация). E-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется место Окско-Сурского междуречья в этнополитической системе Восточной Европы, исторической области проживания мордвы. На основании обобщения имеющихся данных письменных источников, материалов археологических раскопок и достижений историографии выделяются периоды истории мордвы, на протяжении которых складывались относительно стабильные взаимоотношения политической, экономической и этнокультурной ситуации, определявшие ход исторических процессов в рассматриваемом регионе. Основные события эпохи Великого переселения народов (до рубежа VII–VIII вв. н. э.) проходили сравнительно далеко, однако совокупность масштабных перемещений древнего населения повлияла на торгово-экономические связи, дала импульс микромиграциям внутри региона. В VIII–X вв. н. э. определяющее влияние на рассматриваемую область оказывал Хазарский каганат. Это выражалось в торговых, этнокультурных, вероятно, и политических связях. В XI–XIII вв. н. э. Окско-Сурское междуречье стало ареной борьбы крупных государств — русских княжеств и Волжской Булгарии. Таким образом, из периферийной области оно стало местом важных событий истории Восточной Европы.

Ключевые слова: мордовские племена, Окско-Сурское междуречье, Великое переселение народов, Хазарский каганат, русские княжества, Волжская Булгария.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 93–101, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-93-101
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

Kalmykia's Ethnographic Science during the Rebuilding Period (1960–1970): an Overview of the History of Development

Bair V. Kogdanova ¹

¹ Postgraduate Student, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kbaya@mail.ru

Abstract. Analyzing the earliest collected ethnographic papers, the article aims to study the history of how the source basis of Kalmyk ethnography was formed and compiled during the restoration of the autonomy of Kalmykia in the latter half of the 20th century. It is impossible to understand present-day ethnographic science of Kalmykia, its social and spiritual functions without due critical re-evaluation of the accumulated research experience, which makes the study even more topical. The article used studies on Kalmyk ethnography — including bibliographic data about the latter — implemented after the Kalmyks were allowed to return to their ancestral lands and restore the autonomy. Like all research studies of the Soviet period implemented and published under the Communist rule, the works of the 1960–1970s mirrored the emotional state of the society dramatically influenced by social and political issues. Still, the researchers were able to commit to paper the then ethnic processes and make certain steps on the way towards the establishment of fundamentals for further classification and typology, which are urgent for the creation of a complete and reliable system of ideas about the changes within the Soviet community. The bibliometrical research method was applied for the analysis of historiographic materials, which helped examine the problem in chronological sequence. Special attention was paid to the earliest ethnographic research papers comprising a number of scholarly studies, including some excerpts from theses. The paper concludes that the period under consideration is characterized by vigorous research activities of Kalmykia's scholars, who within a relatively short space of time were able to discover and introduce into scientific discourse new data on the ethnography of the Kalmyk people, and with evidence from a wide range of sources – including own field studies – to systemize and classify them, with due theoretical conclusions. However, many aspects remained understudied, the ethnographic science was only being established. So, the first ethnographers elaborated the themes related to their theses, leaving some issues behind.

During the period the first professional ethnographers were trained — university graduates and *candidates of sciences* ('Ph. D.'). In 1970, the first *doctor-of-sciences* ('Sc. D.') thesis in ethnography was defended in Kalmykia. Despite the monoideological surroundings, Kalmykia's ethnographers attained significant results, which were their contribution to the restoration and rebuilding of the republic.

Keywords: Kalmykia, restoration of the republic, monoideology, ethnography, ethnology, field study.

Как известно, после XX съезда КПСС последовали нормативно-правовые акты высших органов государственной власти о восстановлении национальных автономий ряда народов, в том числе и калмыц-

кого [Восстановление 2004: 17–20]. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» от 9 января 1957 г. ознаменовал в истории калмыцкого

народа XX века первый этап политической реабилитации, в ходе которого была восстановлена государственность в форме автономной области в составе Ставропольского края. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику» от 29 июля 1958 г. калмыцкий народ приобрел статус прежней национальной государственности в форме республики [ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 77. Д. 20. Л. 8].

В ходе реализации государственных программ по восстановлению автономии калмыцкого народа во всех населенных пунктах разворачивалось жилищное строительство, а также строительство школ, детских учреждений, объектов здравоохранения, культуры, дорог и других необходимых социально-культурных объектов [Лиджиева 2007: 172–173].

Восстановление требовалось и в сфере науки. Так, в целях возрождения национальной культуры калмыцкого народа исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся 13 мая 1957 г. направил письмо Председателю Совета Министров РСФСР М. А. Яснову с просьбой «ускорить решение о восстановлении научно-исследовательского института языка, литературы и истории» со штатом 20 человек научных работников, который «в кратчайший срок должен наверстать упущенное за 10–15 лет в разработке важнейших проблем калмыцкого языка, литературы и истории...» [НА РК. Ф.Р-309. Оп. 1. Д. 59а. Л. 15]. В соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР от 12 июня 1957 г. № 2525-р исполком областного Совета депутатов трудящихся Калмыцкой автономной области решил образовать Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории [Ученые КИГИ РАН 2001: 11].

Без критического осмысления накопленного исследовательского опыта в области этнографии народа невозможно осознать и специфику современного положения этнографической науки Калмыкии, ее социальной и духовной функции в обществе, что подтверждает актуальность тематики исследования.

Целью данной статьи является изучение истории накопления и формирования источниковой базы по этнографическому изучению калмыков в период восстановления национальной государственности во второй

половине XX в. на основе анализа первых коллективных сборников по этнографии.

Одним из основных направлений деятельности возобновившего работу в июне 1957 г. научно-исследовательского института, наряду с филологическими исследованиями, стали история и этнография калмыцкого народа. Научные поиски калмыцких ученых проходили в условиях восстановления и развития народного хозяйства Калмыкии. Между тем, одним из первых результатов научных изысканий стало издание уже в 1967 г. в издательстве «Наука» фундаментального исследования «Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период» [Очерки ... 1967]. Этнографическая часть «Очерков...» состоит из раздела «Культура и быт калмыков в XVII – начале XX вв.», авторами которого являются У. Э. Эрдниев и Н. Ш. Ташнинов.

Следующий 1968 год был ознаменован выходом сборника «Этнографические вести» [Этнографические... 1968]. Небольшой по объему, в составе двух статей, он стал первым выпуском в этой серии под редакцией И. И. Орехова. Первая статья написана В. П. Дарбаковой, уже в те годы обучавшейся в аспирантуре Института этнографии АН СССР и ставшей первым исследователем, получившим после восстановления республики послевузовскую специализацию по этнографии, побывавшим на стажировке в Монгольской Народной Республике, где она успешно занималась сбором полевых материалов по теме диссертации «Традиционные домашние промыслы и ремесла монгольских народов МНР». В своей статье, основанной на анализе отечественной и зарубежной историографии, архивных документов и полевых материалов, В. П. Дарбакова рассматривает традиционную обработку металлов у монголов и приходит к выводу о том, что этнографический материал по традиционной обработке металла «свидетельствует о богатстве и высокой развитости материальной культуры монгольских народов» [Дарбакова 1968: 22]. Вторая статья первого калмыцкого этнографического сборника принадлежит перу Д. А. Павлова — языковеда, глубоко интересовавшегося вопросами культуры монгольских народов. Безусловно, учеными-этнографами не могли не быть отражены те изменения, которые произошли в связи со сменой общественно-экономической формации, а также новой политикой государства в области национальных отно-

шений и религии. Так, статья Д. А. Павлова «О внедрении новых обрядов и праздников в Калмыцкой АССР» содержит анализ трансформационных процессов, произошедших в бытовой сфере населения республики в контексте, как пишет автор, «формирования коммунистического мировоззрения» [Павлов 1968: 23]. При этом Д. А. Павлов отмечает, что «калмыки, как и все другие нации и народности, имели свои национальные праздники, обряды, богатые по содержанию, красочные и разнообразные по своей форме, которые отражали культурно-бытовые и экономические условия жизни народа» [Павлов 1968: 23]. Кардинальные перемены в обрядовой жизни общества проводились общественными комиссиями по новым гражданским обрядам и женскими советами в соответствии, в том числе, с подзаконными актами органов исполнительной власти республики. Например, 30 марта 1964 г. Советом Министров Калмыцкой АССР было принято постановление № 156 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». С использованием метода включенного наблюдения Д. А. Павловым была прослежена трансформация обрядов, связанных с рождением детей, бракосочетания, похорон, празднования «Цаган сар», а также появление новых обрядов: проводы на пенсию, в Советскую Армию, вручение паспортов, чествование ветеранов труда, празднование Дня работников сельского хозяйства. В заключение исследователь призывает к внимательному и заботливому отношению к передовым национальным традициям и определяет задачу их изучения и обобщения [Павлов 1968: 46]. Д. А. Павлов, поставив в своей статье цель рассмотреть факты изменения обрядовой стороны жизнедеятельности населения, дал описание процедуры прежних обрядов, а также провел их сравнительно-сопоставительный анализ, что позволяет сделать вывод о том, что исследование, несмотря на определенный ситуацией в стране идеологический характер, выступает также источником по этнографии калмыков дореволюционного периода.

Второй выпуск под редакцией В. П. Дарбаковой, И. И. Орехова, У. Э. Эрдниева из вышеуказанной серии был издан в 1971 г. [Дарбакова, Орехов, Эрдниев 1971: 99], в нем были опубликованы результаты исследований уже пяти авторов: У. Э. Эрдниева, З. Резуненко, Э. Л. Каспарова, В. П. Дарбаковой, а также

видного ученого из Монгольской Народной Республики Б. Ринчена.

Ко времени издания второго сборника этнографической серии трудов КНИИЯЛИ уже вышел в свет первый крупный труд по этнографии калмыков — монография У. Э. Эрдниева «Калмыки. Историко-этнографические очерки», которая является уникальным сводом систематизированных данных о материальной и духовной культуре калмыков [Эрдниев 1970]. На основе этого труда в 1973 г. У. Э. Эрдниев успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Калмыки (Историко-этнографическое исследование)». Будучи археологом, проводившим первые раскопки на территории Калмыкии, и этнографом, У. Э. Эрдниев возглавил созданный в КНИИЯЛИ сектор археологии и этнографии в 1969 г. и проработал на этом посту до 1972 г., когда перешел на преподавательскую работу в университет.

В докторской диссертации ученый исследовал вопросы этнографии калмыков на материалах конца XIX — начал XX вв. Логично, что в статье У. Э. Эрдниева, подготовленной для третьего выпуска этнографических вестей института, появляется тема, продолжающая его исследования. «Изменение быта и материальной культуры населения Калмыкии за годы Советской власти» [Эрдниев 1971: 3–36] изложено в двух частях, разделенных по хронологическому принципу. В первой части «Изменение быта и материальной культуры населения Калмыкии в 20–30 гг.», тематически разделенной на шесть параграфов, рассмотрены вопросы перехода к оседлости, возникновение первых поселков в 20-е гг., города и поселки городского типа, одежда и домашнее производство, пища и напитки, домашняя утварь, а также семейные и общественные отношения. Вторая часть статьи посвящена материальной культуре в послевоенный период. У. Э. Эрдниев показывает, как географическое положение и способ хозяйствования, кочевой или оседлый, имеют непосредственное влияние на материальную культуру народа, иллюстрируя свои выводы на материалах этнографии калмыков, например, проживавших на Дону или в северной, а также восточной частях Калмыцкой степи. Автор, в ходе исследования констатируя изменения в калмыцком обществе в контексте преобразовательной внутренней политики советского государства первой половины XX в. и Великой Отечественной

войны, приходит к выводу о том, что «за двадцать лет в жизни калмыцкого народа произошли качественные изменения», но при этом отмечает, что «были в этой работе изъяны, были неудачи, были перегибы» [Эрдниев 1971: 23].

В. П. Дарбакова в своем исследовании «О некоторых этнических культурно-бытовых процессах у калмыков» [Дарбакова 1971: 83–99], продолжая идею предыдущего автора о влиянии общественно-формационных изменений на этнографию народа, на основе анализа статистических данных по демографическому и экономическому развитию, материалов полевых экспедиций приводит ряд факторов, оказывающих значительное трансформационное влияние на их материальную и духовную культуру. Так, автор констатирует факт процесса аккультурации в Калмыцкой АССР, обусловленного полиэтничностью региона. На материальную культуру калмыков, по мнению автора, непосредственное влияние оказывают процессы миграции и урбанизации, тогда как сохранение этнических особенностей происходит в области духовной культуры, что связано с тем, что «социалистические преобразования органически связаны с усовершенствованием традиционных моральных норм, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий» [Дарбакова 1971: 98]. Автор, к этому времени защитившая кандидатскую диссертацию в Институте этнографии АН СССР по материалам народных ремесел монгольских народов МНР, видела различия в уровне сохранности традиционной культуры у кочевников Монголии и современных ей калмыков, что, несомненно, отразилось на позиции исследователя, констатировавшего аккультурационные процессы у калмыков.

З. Резуненко в своем исследовании рассмотрел элементы духовной культуры калмыков как средство физического и эстетического воспитания учащихся [Резуненко 1971: 37–54].

Третий выпуск этнографической серии трудов института под редакцией Н. Ш. Ташнинова вышел в свет в 1973 г. [Ташнинова 1973: 230]. Сборник включает десять статей, разделенных по четырем разделам: искусствоведческий, историко-этнографический, история городов и сел и археология.

В работах Н. В. Кочешкова [1973: 3–25] и А. Г. Митирова [1973: 25–31] представлена орнаментальная тематика в изучении

народного искусства монголоязычных народов. А. Г. Митиров в это время завершил работу над кандидатской диссертацией по теме «Изобразительное искусство монгольских народов как источник по проблеме их этногенеза». Будучи еще аспирантом, он был направлен по ходатайству профессоров А. П. Окладникова и С. И. Руденко в длительную этнографическую экспедицию в Монголию, по результатам которой им была подготовлена и в ноябре 1966 г. успешно защищена кандидатская диссертация. В 1970-е гг. А. Г. Митировым были предприняты уже самостоятельные экспедиции в Бурятию и Калмыкию, в ходе которых был собран значительный полевой материал по проблемам истории, культуры и искусства монголов, бурят и калмыков. В феврале 1981 г. в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР им была защищена докторская диссертация по теме: «Этнические традиции в декоративном искусстве монголоязычных народов МНР и СССР (XIX – середина XX вв.)».

Комплексное исследование У. Д. Душана «Историко-этнографические заметки об Эркетеновском улусе Калмыцкой АССР» [Душан 1973: 31–107], изложенное в рамках статьи, безусловно, является важным источником по этнографии калмыцкого народа. Несмотря на его критический анализ мировоззрения калмыков, обширная фактологическая база, содержащая описание географического положения, особенностей климата и растительности, родового устройства улуса, жизнедеятельности населения, системы работы улусного и аймачных управлений, приведенная им и собранная в ходе непосредственного контакта с объектом изучения, для современных исследователей является неоценимым источником по этнографии калмыков: «Достоверность этнографических заметок У. Д. Душана основана на его богатой врачебной практике, во время которой он мог собрать немало сведений о традиционной культуре калмыков, так как он был непосредственным свидетелем тех лет, когда традиционный быт калмыков основывался на кочевом образе жизни» [Душан 2016: 7]. К сожалению, материалы У. Д. Душана, ушедшего из жизни ранее, были изданы в 1973 г. в сокращении. И только в 2016 г. его наиболее крупная работа по этнографии калмыцкого народа была издана без купюр [Душан 2016]. Тем не менее, и первая, сокращенная, публикация У. Душана заняла достойное место в

ряду исследований по этнографии калмыков и повлияла на развитие этнографической мысли в республике.

Следующая работа из раздела «История городов и сел Калмыцкой АССР» указанного сборника посвящена Большедербетовскому улусу [Ташнинов 1973: 144–173]. Н. Ш. Ташнинов, отметив, что улус с 1860 г. находился под юрисдикцией администрации Ставропольской губернии, в большей степени посвятил данное исследование экономическому положению населения улуса и связанным с ним вопросам землепользования. Так, автор пишет: «За овладение правом распоряжаться Большедербетовским улусом происходила длительная тяжба между Астраханским и Ставропольским губернаторами» [Ташнинов 1973: 145].

Характеристика этнического состава населения, описание системы этнических делений в быту калмыков, опыт классификации калмыцких этнонимов отражены в статьях Г. О. Авляева [1973: 108–127; 1973: 127–135; 1973: 135–144], начавшего работу в КНИИЯЛИ с 1972 г., после окончания кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова, и работавшего над своей кандидатской диссертацией «Этнический состав и расселение приволжских калмыков в конце XIX – начале XX вв.», которую защитил вскоре, в 1975 г.

Таким образом, изданные в период с 1968 по 1973 г. три выпуска «Этнографических вестей» стали первыми изданиями коллективных сборников статей по этнографии калмыков после возвращения их из мест спецпоселения. Как и все научные исследования советского периода, результаты которых были получены и опубликованы в условиях господства идеологии коммунизма, они отражали эмоциональный настрой населения, находившегося под значительным воздействием общественно-политической атмосферы. Между тем, исследователями были зафиксированы описания этнических процессов и сделаны определенные шаги в выработке основ их классификации, типологии, что является необходимым условием для создания полной и достоверной системы представлений об изменениях, происходивших в советском обществе.

Традиция публикации тематических исследований из области этнографии калмыков была продолжена изданием в 1976 г. «Этнографического сборника», который, как отмечают члены редакции, был «посвящен традиционным обрядам и обычаям

в дореволюционной жизни калмыков, не получившим еще достаточного освещения в исторической науке» [Этнографический сборник 1976: 3]. Например, в сборник была включена еще одна часть исследования У. Д. Душана «Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии» (также в сокращении): одна глава этой публикации посвящена калмыцкой кибитке, а вторая — положению женщин, отношению к детям, одежде, природным явлениям, животным, праздникам, системе врачевания и т. д.

В сборнике также представлены письма польского ученого, профессора Харьковского университета Э. Островского, подготовленные к печати Ф. И. Стекловой, о калмыках [Этнографический сборник 1976: 89–112]. Письма VII «О Калмыках» и VIII «Путешествие по калмыцким степям», представленные в сборнике в переводах, являются результатами исследования методом «включенного наблюдения» и, несмотря на субъективное мнение ученого, являются весьма ценным источником по истории и этнографии калмыков.

В 1977 г. Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР был издан сборник статей «Культура и быт калмыков (Этнографические исследования)». Данное издание показывает, что этнографами республики окончательно избрана специализация в области этнографии калмыков. Так, представленные Д. Д. Шалхаковым две статьи раскрывают проблемы брачно-семейных отношений [Шалхаков 1977: 72–80; 1977: 80–89]. Результаты исследования танцевального искусства калмыков показаны в работах Т. Б. Бадмаевой [Бадмаева 1977: 89–102; 1977: 113–123]. Теоретические проблемы развития этнографической науки находят отражение в исследованиях У. Э. Эрдниева [Эрдниев 1977: 3–17], А. Г. Митирова [Митиров 1977: 40–59]. Кроме того, религиозные верования калмыков рассмотрены в статье Г. Ш. Дорджиевой [Дорджиева 1977: 17–40]. Подавляющая часть статей являются результатами исследований, проведенных в ходе подготовки диссертаций. Так, если к концу первой половины 1970-х гг. уже были защищены кандидатские диссертации В. П. Дарбаковой, А. Г. Митириным и Г. О. Авляевым, то во второй половине 1970-х гг. готовились к защите Д. Д. Шалхаков по проблеме института семьи и брака у калмыков и Т. Б. Бадмаева — по теме калмыцких народных танцев. Интерес к религиозным

верованиям историка Г. Ш. Дорджиевой также был определен ее специализацией: в 1976 г. Г. Ш. Дорджиева успешно защитила кандидатскую диссертацию, посвященную опыту религиозной политики государства в отношении калмыков (буддистов и христиан).

Таким образом, период 60–70-х гг. XX в. характеризуется активной деятельностью ученых республики, которые за относительно короткий отрезок времени смогли выявить и ввести в научный оборот новые данные по этнографии калмыков, а также на основе анализа обширного круга источников, прежде всего полевых материалов, систематизировав и классифицировав их, сделать теоретические выводы. Между тем, многое было не изучено, этнографическая наука находилась на стадии становления. Поэтому первые специалисты по этнографии калмыков исследовали, прежде всего, те темы, которые были избраны ими в качестве квалификационных работ, и отдельные вопросы ими пока не рассматривались.

В этот период были подготовлены первые кадры специалистов по этнографии — выпускников вузов, кандидатов наук. В 1970 г. в Калмыкии была впервые защищена диссертация на соискание ученой степени доктора наук по специальности «этнография». Учеными-этнографами Калмыкии, несмотря на господство моноидеологии в стране, были достигнуты значительные результаты, что явилось их вкладом в дело восстановления республики.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Постановление Президиума ЦК КПСС № П60/24 от 24 ноября 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» // Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа. Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 3. Ч. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 17–20.

Литература

Авляев Г. О. Этнический состав и расселение калмыков Икидохуровского улуса Астраханской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 108–127.

Авляев Г. О. Опыт классификации калмыцких этнонимов // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 127–135.

Авляев Г. О. К вопросу о системе этнических делений в быту калмыков // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 135–144.

Бадмаева Т. Б. Танцы калмыков Астраханской области // Культура и быт калмыков (Этнографические исследования). Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 89–102.

Бадмаева Т. Б. Из истории танцевального искусства Калмыкии // Культура и быт калмыков (Этнографические исследования). Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 113–123.

Дарбакова В. П. Традиционная обработка металлов у монголов // Этнографические вести. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 22.

Дарбакова В. П. О некоторых этнических культурно-бытовых процессах у калмыков // Этнографические вести. Вып. 2. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. С. 83–99.

Дорджиева Г. Ш. Политика самодержавия и православная миссия среди калмыков (конец XVII в. – 1771 г.) // Культура и быт калмыков (Этнографические исследования). Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 17–40.

Душан У. Д. Историко-этнографические заметки об Эркетеновском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 31–107.

Душан У. Д. Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.

Кочешков Н. В. Орнамент монголоязычных народов как исторический источник // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 3–25.

Культура и быт калмыков (Этнографические исследования). Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. 124 с.

Лиджиева И. В. Основные этапы реабилитации репрессированных народов (на материалах Калмыкии): дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2007. 191 с.

Митиров А. Г. К вопросу о культе собаки // Культура и быт калмыков (Этнографические исследования). Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 40–59.

Митиров А. Г. Место орнамента в культуре монголоязычных народов // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 25–31.

От составителей // У. Д. Душан. Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 7–22.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.

- Павлов Д. А. О внедрении новых обрядов и праздников в Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 23.
- Письма Э. Островского о калмыках (Перевод с польского и подготовка к печати Ф. И. Стекловой) // Этнографический сборник. № 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 89–112.
- Резуненко З. Использование элементов калмыцкого народного искусства и элементов национальных видов спорта в физическом и эстетическом воспитании учащихся // Этнографические вести. Вып. 2. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. С. 37–54.
- Ташинов Н. Ш. Большедербетовский улус в конце XVIII – начале XX вв. // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 144–172.
- Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 440 с.
- Шалхаков Д. Д. Семейно-брачные запреты и избегания у калмыков (XIX – начало XX вв.) // Культура и быт калмыков (Этнографические исследования). Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 72–80.
- Шалхаков Д. Д. Наречение имени у калмыков // Культура и быт калмыков (Этнографические исследования). Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 80–89.
- Эрдниева У. Э. К периодизации этнической истории ойратов // Культура и быт калмыков (Этнографические исследования). Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 3–17.
- Эрдниева У. Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.
- Этнографические вести / под ред. И. И. Орехова. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. 48 с.
- Этнографические вести / под ред. В. П. Дарбаковой, И. И. Орехова, У. Э. Эрдниева. Вып. 2. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 99 с.
- Этнографические вести / под ред. Н. Ш. Ташинова. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. 230 с.
- Этнографический сборник. № 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. 173 с.
- Sources**
- GA RF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation].
- NA RK — *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [National Archive of the Republic of Kalmykia].
- Postanovlenie Prezidiuma TsK KPSS № P60/24 ot 24 noyabrya 1956 g. «O vosstanovlenii natsional'noy avtonomii kalmytskogo, karachayevskogo, balkarskogo, chechenskogo i ingushskogo narodov»* [Decree of the Presidium of the CPSU Central Committee of 24 November 1956 'On Restoration of the National Autonomies of the Kalmyk, Karachay, Balkar, Chechen and Ingush Peoples']. *Vosstanovlenie avtonomii i reabilitatsiya kalmytskogo naroda. Sb. dokumentov i materialov. T. 1. Kn. 3. Ch. 1* [Restoration of the autonomy and (political) rehabilitation of the Kalmyk people]. Elista, Kalm. Book Publ., 2004, pp. 17–20 (In Russ.).
- References**
- Avlyayev G. O. *Etnicheskiy sostav i rasselenie kalmykov Ikitsokhurovskogo ulusa Astrakhanskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Ethnic composition and settlements of Kalmyks residing in Ikitsokhurovsky Ulu of Astrakhan Governorate in the late 19th – early the 20th cc.]. *Etnograficheskie vesti. Vyp. 3* (Ethnographic News. Iss. 3). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1973, pp. 108–127 (In Russ.).
- Avlyayev G. O. *Opyt klassifikatsii kalmytskikh etnonimov* [Kalmyk ethnonyms: an effort of classification]. *Etnograficheskie vesti. Vyp. 3* (Ethnographic News. Iss. 3). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1973, pp. 127–135 (In Russ.).
- Avlyayev G. O. *K voprosu o sisteme etnicheskikh deleny v bytu kalmykov* [Revisiting the system of Kalmyk ethnic groups: a household perspective]. *Etnograficheskie vesti. Vyp. 3* (Ethnographic News. Iss. 3). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1973, pp. 135–144 (In Russ.).
- Badmaeva T. B. *Tantsy kalmykov Astrakhanskoy oblasti* [Kalmyks of Astrakhan Oblast: dances]. *Kul'tura i byt kalmykov (Etnograficheskie issledovaniya)* [The Kalmyks: culture and everyday life (ethnographic studies)]. Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1977, pp. 89–102 (In Russ.).
- Badmaeva T. B. *Iz istorii tantseval'nogo iskusstva Kalmykii* [Kalmykia's art of dancing: excerpts from the history]. *Kul'tura i byt kalmykov (Etnograficheskie issledovaniya)* [The Kalmyks: culture and everyday life (ethnographic studies)]. Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1977, pp. 113–123 (In Russ.).
- Darbakova V. P. *Traditsionnaya obrabotka metall-ov u mongolov* [The Mongols: traditional metal processing methods]. *Etnograficheskie vesti.*

- Vyp. 1* (Ethnographic News. Iss. 1). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1968, p. 22 (In Russ.).
- Darbakova V. P. *O nekotorykh etnicheskikh kul'turno-bytovykh protsessakh u kalmykov* [The Kalmyks: some ethno-cultural and social processes revisited]. *Etnograficheskie vesti. Vyp. 2* (Ethnographic News. Iss. 2). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1971, pp. 83–99 (In Russ.).
- Dordzhieva G. Sh. *Politika samoderzhaviya i pravoslavnyaya missiya sredi kalmykov (konets XVII v. – 1771 g.)* [The policy of autocracy and Orthodox Christian mission among the Kalmyks (the late 17th c. — 1771)]. *Kul'tura i byt kalmykov (Etnograficheskie issledovaniya)* [The Kalmyks: culture and everyday life (ethnographic studies)]. Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1977, pp. 17–40 (In Russ.).
- Dushan U. D. *Istoriko-etnograficheskie zametki ob Erketenovskom uluse Kalmytskoy ASSR* [Historical and ethnographic notes on Erketen Ulus of the Kalmyk ASSR]. *Etnograficheskie vesti. Vyp. 3* (Ethnographic News. Iss. 3). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1973, pp. 31–107 (In Russ.).
- Dushan U. D. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2016, 376 p. (In Russ.).
- Kocheshkov N. V. *Ornament mongoloyazychnykh narodov kak istoricheskiy istochnik* [Ornamental patterns of Mongolian peoples as a historical source]. *Etnograficheskie vesti. Vyp. 3* (Ethnographic News. Iss. 3). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1973, pp. 3–25 (In Russ.).
- Kul'tura i byt kalmykov (Etnograficheskie issledovaniya)* [The Kalmyks: culture and everyday life (ethnographic studies)]. Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1977, 124 p. (In Russ.).
- Lidzhieva I. V. *Osnovnye etapy reabilitatsii repressirovannykh narodov (na materialakh Kalmykii). Diss... kand. ist. nauk* [The main stages of rehabilitation of repressed peoples (evidence from Kalmykia). A Ph. D. thesis]. Astrakhan, Astrakhan State Univ. Press, 2007, 191 p. (In Russ.).
- Mitirov A. G. *K voprosu o kul'te sobaki* [The cult of the dog revisited]. *Kul'tura i byt kalmykov. (Etnograficheskie issledovaniya)* [The Kalmyks: culture and everyday life (ethnographic studies)]. Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1977, pp. 40–59 (In Russ.).
- Mitirov A. G. *Mesto ornamenta v kul'ture mongoloyazychnykh narodov* [The role of ornament in the cultures of Mongolic peoples]. *Etnograficheskie vesti. Vyp. 3* (Ethnographic News. Iss. 3). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1973, pp. 25–31 (In Russ.).
- Ot sostaviteley* [A foreword of the compilers]. U. D. Dushan. *Izbrannye Trudy* (Selected works). Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2016, pp. 7–22 (In Russ.).
- Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabr'skiy period* [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. The pre-October period]. Moscow, Nauka publ., 1967, 479 p. (In Russ.).
- Pavlov D. A. *O vnedrenii novykh obryadov i prazdnikov v Kalmytskoy ASSR* [Introduction of new rites and festivals in the Kalmyk ASSR]. *Etnograficheskie vesti. Vyp. 1*. (Ethnographic News. Iss. 1). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1968, p. 23 (In Russ.).
- Pis'ma E. Ostrovskogo o kalmykakh (Perevod s pol'skogo i podgotovka k pechati F. I. Steklovoy) [E. Ostrovsky's letters about Kalmyks ...]. *Etnograficheskiy sbornik. № 1* (Ethnographic Collection. No. 1). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1976, pp. 89–112 (In Russ.).
- Rezunenko Z. *Ispol'zovanie elementov kalmytskogo narodnogo iskusstva i elementov natsional'nykh vidov sporta v fizicheskom i esteticheskom vospitanii uchashchikhsya* [Elements of Kalmyk folk art and elements of national sports as means of physical and aesthetic education of]. *Etnograficheskie vesti. Vyp. 2* (Ethnographic News. Iss. 2). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1971, pp. 37–54 (In Russ.).
- Tashninov N. Sh. *Bol'shederbetovskiy ulus v kontse XVIII — nachale XX vv.* [Bolshederbetovsky Ulus in the late 18th — early 20th cc.]. *Etnograficheskie vesti. Vyp. 3* (Ethnographic News. Iss. 3). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1973, pp. 144–173 (In Russ.).
- Uchenye Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy Rossiyskoy akademii nauk* [Scientists of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences]. Elista, Dzhangar Publ., 2001, 440 p. (In Russ.).
- Shalkhakov D. D. *Semeyno-brachnye zaprety i izbeganiya u kalmykov (XIX — nachalo XX vv.)* [Family-marriage prohibitions and avoidances of the Kalmyks (the 19th – 20th cc.)]. *Kul'tura i*

- byt kalmykov (Etnograficheskie issledovaniya)* [The Kalmyks: culture and everyday life (ethnographic studies)]. Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1977, pp. 72–80 (In Russ.).
- Shalkhakov D. D. *Narechenie imeni u kalmykov* [Name giving practices of the Kalmyks]. *Kul'tura i byt kalmykov (Etnograficheskie issledovaniya)* [The Kalmyks: culture and everyday life (ethnographic studies)]. Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1977, pp. 80–89 (In Russ.).
- Erdniev U. E. *K periodizatsii etnicheskoy istorii oyratov* [The Oirats: periodization of the ethnic history revisited]. *Kul'tura i byt kalmykov (Etnograficheskie issledovaniya)* [The Kalmyks: culture and everyday life (ethnographic studies)]. Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1977, pp. 3–17 (In Russ.).
- Erdniev U. E. *Kalmyki (konets XIX – nachalo XX vv.): istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Kalmyks (late 19th – early 20th cc.): historical and ethnographic essays]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1970, 312 p. (In Russ.).
- Etnograficheskie vesti. Pod red. I. I. Orekhova. Vyp. 1* (Ethnographic News. Ed. by I. Orekhov. Iss. 1.). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1968, 48 p. (In Russ.).
- Etnograficheskie vesti. Pod red. V. P. Darbakovoy, I. I. Orekhova, U. E. Erdnieva. Vyp. 2* (Ethnographic News. Ed. by V. P. Darbakova et al. Iss. 2). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1971, 99 p. (In Russ.).
- Etnograficheskie vesti. Pod red. N. Sh. Tashninova. Vyp. 3* (Ethnographic news. Ed. by N. Sh. Tashninov. Iss. 3). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1973, 230 p. (In Russ.).
- Etnograficheskiy sbornik. № 1* (Ethnographic collection. No. 1). Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1976, 173 p. (In Russ.).

УДК 94

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В КАЛМЫКИИ В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ (1960–1970-е гг.)

Байр Владимировна Когданова¹¹ аспирант, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kbaya@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является изучение истории накопления и формирования базы по этнографическому изучению калмыков в период восстановления национальной государственности во второй половине XX в. Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления накопленного исследовательского опыта в области этнографии народа. Период 60–70-х гг. XX в. в исторической науке Калмыкии характеризуется активной деятельностью ученых-этнографов. Анализ опубликованных результатов исследований показывает, что за относительно короткий отрезок времени они смогли выявить и ввести в научный оборот новые данные по этнографии калмыков, а также на основе анализа обширного круга источников, прежде всего полевых материалов, систематизировав и классифицировав их, сделать теоретические выводы. Как и все научные исследования советского периода, полученные и опубликованные в условиях господства идеологии коммунизма, они отражали эмоциональный настрой населения, находившегося под значительным воздействием общественно-политической атмосферы. Автор делает вывод о том, что учеными-этнографами Калмыкии, несмотря на господство моноидеологии в стране, были достигнуты значительные результаты, что явилось их вкладом в дело восстановления республики.

Ключевые слова: Калмыкия, восстановление республики, моноидеология, этнография, этнографы, полевые исследования.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 102–110, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-102-110
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 397

Buryats in the Area of Influence of the Orthodox Church during the 19th – Early 20th Centuries: Identities Transformed

Bair Z. Nanzatov ¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: nanzatov@yandex.ru

Abstract. Like all the peoples of Siberia, the Buryats were involved in the process of Christianization aiming to complete the spiritual unification of Russia's multinational population in the 19th century. The Christianization was actively implemented out in Irkutsk Governorate. In Transbaikalia, the process was restrained by the solid position of Buddhism.

The Buryats' conversion to Orthodox Christianity was based on a number of social problems. It entailed changes in the economic and cultural life of the baptized Buryats, influencing their self-identity. In Buryat society there was an ambiguous attitude towards different groups of baptized Buryats. Some of the baptized Buryats rejected the society, and others had to put up with it.

The first group consisted of people who had already come into conflict with society. Those were criminals – thieves, robbers. Significantly, a number of newly baptized individuals were married against the will of parents and clan communities. The newlyweds were deprived of ties with their ancestral community after such church marriage. In the 19th century, married women eager to get a divorce got baptized actively. They were pushed for the decision by the arbitrariness and unlimited power of the husband and his relatives.

In the other group, there were people who converted to Orthodoxy for 'objective reasons' – in view of poverty, to get education, or as a matter of duty. The attitudes of society towards the latter were more loyal. However, the change in religious status led to changes of administrative nature – those of property status and place of residence. These changes led to a split in the Buryat society and the breaking of ties between the newly baptized people and their relatives.

At the same time, the process of integration of the newly baptized into Russian society was not that easy. The adoption of Orthodox Christianity by the Buryats not at all meant that they were immediately perceived as 'own people' (i.e. insiders) in the Russian environment. The ambiguous attitude of Russians towards the newly baptized Buryats led to the formation of such an ethnic group as karym.

In general, the act of baptism was formal for most Buryats: newly baptized ones, as a rule, kept professing the faith of their ancestors – shamanism, which contributed to the preservation of their ethnic, gentile identity. And with the adoption of the liberal law on freedom of religion in 1905, the mass separation of the Buryats from Orthodoxy began. Orthodoxy for the Buryats became an instrument that improved the material conditions of the poor, helped officials to build a dialogue with the authorities 'in the right direction', thus destroying the traditional foundations of the Buryat society.

Keywords: Buryats, Orthodox Christianity, Buddhism, shamanism, loyalty, elite, identity, motivation

Введение

Христианизация коренного населения Сибири являлась частью «обрусительно-го» проекта российских имперских властей в азиатской окраине России. Целью этого проекта было также объединение разнородного русского общества, освоение «неизвестной» земли посредством наполнения ее богоданной и освященной православной символикой [Ремнев, Суворова 2008: 198]. Как и все народы Сибири, буряты также были вовлечены в процесс христианизации. Более интенсивно христианизация протекала в Иркутской губернии. В Забайкалье основные позиции в религиозной жизни населения занимал буддизм¹. Принятие православия влекло изменения в экономической и культурной жизни крещеных бурят, что, в свою очередь, оказывало влияние и на самосознание бурят. Как изменялась идентичность крещеных бурят, и изменялась ли вообще? Как складывались их отношения с бурятским обществом, с сородичами? Исследование этих и других вопросов являются целью данной статьи.

Процессам самоидентификации бурят посвящен ряд крупных работ (Т. Д. Скрынникова, П. К. Варнавский, И. Э. Елаева и др.), однако внимание исследователей в основном было сосредоточено на исторических периодах, маркированных процессами социокультурной модернизации (к таким периодам относят конец XIX – первую треть XX вв., конец XX–XXI в.). Особенности религиозной идентичности бурят-буддистов в Забайкалье были рассмотрены Н. В. Цыремпиловым в контексте диалога буддийской церкви с российской властью. Актуальность предпринятого нами исследования обусловлена тем, что идентичность бурят, оказавшихся в зоне влияния православной церкви, все еще не стала темой специального исследования.

Материалы и обсуждение

Временем наибольшей активности христианизации бурят стал XIX в., особенно его вторая половина, когда серьезную трансформацию претерпевает бурятский род. Многие роды оказались раздробленными

ми и расселенными в разных, нередко отдаленных местах. Отбившиеся от своих родов семьи и отдельные люди, которые причислялись к более крупным обществам, стали обычным явлением.

В процессе более близкого знакомства с христианской религией буряты перестали видеть в православии угрозу традиционному укладу своей жизни и стали воспринимать новую веру как эффективный инструмент в упрочении своего политического, социального и материального положения. Хотя царское правительство изначально выступало против шаманизма как идолопоклонства, желая искоренить его [Михайлов 1987: 93], ожесточенной борьбы с шаманизмом православные миссионеры не разворачивали: угрозу для православия они видели в буддизме и сосредоточили свои силы на борьбе с «ламайской верой». В своде законов кударинских бурят 1840 г. отчетливо проявляется влияние властей и миссионеров: закон категорически запрещает переход бурят из шаманской веры в буддийскую. «Каждый бурят, исповедующий шаманскую веру, доколе в оной пребывает, должен обряды ее исполнять в точности без гласности и уклонения, согласно преданиям своего народа, обычаем его и следуя примеру родителей своих. Исповедуя веру сию, не должен уклоняться и переходить в ламайскую веру или другие оной подобные, кроме веры Христианской, принятие которой не только возбраняется, но виновные в удержании принятия оной подлежат суду по законам Российской империи» [Асаланов 1968: 179]. В бурятских преданиях даже сохранились сюжеты о «разрешении шаманам со стороны начальства шаманить» [Жамцарано 2001: 110].

Для бурят Иркутской губернии, исповедовавших шаманизм, решение принять православие облегчалось чрезвычайно важным моментом: крещение не означало конфликта с верой предков, в то время как обращению в буддизм препятствовал страх, что «перемена религии вызовет гнев прежних богов и духов и они будут мстить за отступничество» [Жамцарано 2001: 339–341]. Буддийская вера вызывала у многих западных бурят благоговение, выступала знаком важных перемен на фоне деградации и угасания шаманизма. С буддизмом связывались надежды на улучшение жизни², поскольку ни

¹ С включением территории проживания бурят в состав Российской империи, бурятское население административно было закреплено за двумя генерал-губернаторствами, что способствовало закреплению различий и в религиозной ориентации бурят.

² Ц. Жамцарано в своем путевом дневнике часто фиксирует замечания западных бурят-

шаманизм, ни православие не спасали бурят Иркутской губернии от пьянства, болезней и других социальных проблем.

Принятие бурятами православия обособывалось рядом проблем социального характера, которые будут рассмотрены ниже. Считаем необходимым выделить группы бурят, крещение которых однозначно отторгало их от бурятского общества, и тех бурят, с крещением которых общество вынуждено было мириться.

Крещение практиковали влюбленные пары, брак которых был невозможен в рамках традиционного бурятского рода. Так, церковный брак нередко заключали молодые люди, находящиеся в близкородственных отношениях (двоюродные, троюродные братья и сестры по отцу), что в традиционном бурятском обществе считалось преступным кровосмешением. Наиболее распространенной причиной церковных браков для многих бурят заключалась в несостоятельности семьи молодого человека заплатить калым за невесту. Церковные браки же охранялись законами империи и миссионерами и считались нерасторжимыми.

В XIX в. активно стали креститься замужние женщины, страдавшие в браке от произвола и неограниченной власти мужа и его родственников и желавшие получить развод. В то же время муж, заподозривший жену в планировании бегства и крещения, мог сам проявить инициативу и скреплял свой брак нерасторжимыми узами по православному обычаю. Не всегда следовали

шаманистов об упадке шаманизма и надеждах, возлагаемых на буддизм, который называли по-бурятски *бурханай шажин* ('буддийская вера'), *сагаанай шажин* ('белая вера'), по-русски — «ламайская вера», «шигемуниева вера». У бурят-буддистов строго соблюдались правила и нормы традиционного общества, не было пьянства, сохранялся авторитет старших. Во многом авторитет буддийской церкви был обусловлен успехами тибетской медицины. Для бурятского общества, лишенного медицинских услуг со стороны государства, обнищавшего от многочисленных и бесполезных жертвоприношений шаманским божествам, буддийские лекари-эмчи становились единственной надеждой на исцеление. Объяснения лам, что буддизм не требует отвержения прежних шаманских божеств, что их можно было почитать и «ламайским способом» (т. е. по буддийским обрядам), вероятно, также успокаивало бурят-шаманистов и внушало доверие к буддизму.

примеру мужа жены крестившихся бурят. Часто бурятки отказывались разделять с мужьями новую веру и жить с ними в браке, о чем свидетельствуют различные документы, отражающие бракоразводные процессы.

Святое крещение принимали люди, совершившие преступления, женщины «распутного поведения», больные «плохой» болезнью [ГА РБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1084. Л. 6–8, 11–17] и ставшие изгоями для бурятского общества. Об этих фактах писал М. Татаринов: «немало братских приходит в веру греческого вероисповедания, токмо из доброй воли мало: или заворовавшей или обнищавший, тако ж жена от мужа сбежит не захотя с ним жить...» [цит. по: Бураева 2005: 148]. Позднее то же самое отмечает Ц. Жамцарано, путешествуя среди бурят Иркутской губернии: «Здесь попы-миссионеры крестят всякого преступного бурята. Если успевают окреститься — избегают законной кары. Многие так окрестились. Крещенного нельзя наказывать» [Жамцарано 2001: 61].

Люди, принявшие православие по вышеуказанным причинам, отвергались бурятским обществом. Нарушив его традиции и законы, эти группы бурят бесповоротно рвали связь со своим родом. Разрыв духовных связей отягощался физическим отделением нарушителей от родовой группы. Кто-то по собственной инициативе переходил в другой бурятский административный род, кого-то выдворяли в другой род насильно по решению суда [ГА РБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 281. Л. 28; ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 727. Л. 13]. Так, согласно обычному праву бурят, зафиксированному в первом писаном источнике права — Селенгинском уложении, — лица, совершившие кражу в третий раз, помимо уплаты *яалы* (штрафа), ссылались в другой *булук*¹ внутри *отока* (административного рода). Хищение в четвертый раз наказывалось *яалой*, дополненной ссылкой в другой оток под надзор местных сайтов [Тумурова 2005: 149]. Такие меры наказания применялись в соседней Цинской империи, и бурят-

¹ В Селенгинской степной думе и Закаменской инородной управе булуком называлась территориальная община. Это часть населения, проживавшего в определенной местности, жители которой могли не находиться в кровном родстве, но образовывали группы, объединенные различными хозяйственными работами. Так, население булука могло входить в состав земельной, покосной общины, отбывало подводную повинность [Галданова 1992: 25, 26].

ские сайты также включили в систему уголовных санкций ссылку преступников при издании своего первого писаного источника права¹.

Молодые, вступившие в брак по христианскому обычаю, вынуждены были перебираться в отдаленные районы, спасаясь от гнева родителей, поскольку последние (не так уже редко) могли насильно увести дочь от ее мужа и после венчания [Басаева 1980: 125]. Так, крещенные буряты, оторванные от своих сородичей, пополняли маргинальные сообщества, утрачивали свои традиции, родовую идентичность. Примечательно, что многие крещенные пары своих детей не крестили, так как крещение малолетних сыновей означало утрату льгот, которые были бы нужны ему в будущем, а крещение дочерей означало утрату будущего калыма. Такая позиция крещенных семейных пар подразумевала сохранение ими своей этнической идентичности и надежду на возвращение к своим сородичам.

Понимание со стороны бурятского общества находили те, кто крестился по объективным, с точки зрения бурят, причинам. Среди таких причин было, в частности, желание получить образование. В Иркутской губернии во многие образовательные учреждения (семинарии, гимназии, училища) дорога для исповедовавших шаманизм или буддизм была закрыта. Всем детям, желающим учиться, предлагали креститься. Ситуация не изменилась даже после выхода Манифеста о свободе вероисповедания [Жамцарано 2001: 30].

Очевидно, что сурового осуждения не вызывали случаи добровольного крещения сородичей по практическим соображениям, служебной необходимости. Бедняки могли креститься по несколько раз, получая возможность освобождения от уплаты податей (*ясака*), материальную поддержку в виде одежды, продуктов. В понимании бурят обращение в православие не меняло их прежнего жизненного уклада. Новая вера не оказывала влияния на мировоззрение бу-

рят. Крещение было возможностью, облегчавшей, хотя бы и на короткий срок, жизнь бедняка. Но на административном уровне перемены происходили, и они запускали механизм постепенного отторжения новокрещенных от бурятского общества.

Прежде всего, факт крещения сородичами создавал значительные финансовые неудобства для бурятского общества. Принявшие крещение инородцы освобождались от уплаты налогов на три льготных года. Если первоначально освобожденные по разным причинам от уплаты податей исключались из окладных списков, то с 1763 г. эта практика перестала существовать. Царские власти не могли допустить сокращения налоговых поступлений, поэтому организация сбора податей была выстроена иначе: доля «льготников» раскладывалась на все общество. В каждом бурятском ведомстве числилось определенное количество жителей, освобожденных от уплаты налогов, — родоначальники, буддийские священнослужители, «увечные», дети-сироты, крещенные. Кроме того, в окладных списках значились и умершие, которых исключали из списков только после очередной ревизии. «Так, в Аларской Степной думе в 1854 г. 463 буряты были освобождены от уплаты ясака, как принявшие крещение на три льготных года» [История Аларской степной думы... 2015: 242]. Если с некоторыми категориями освобожденных от уплаты налогов буряты были вынуждены мириться, то платить за крещенных они не желали. В бурятских ведомствах росло недовольство.

Так экономические послабления новокрещенным в родовом сообществе нарушали традиционную социальную справедливость и провоцировали постепенное отторжение обществом бывших сородичей. Необходимо учитывать, что православие принимали люди, находившиеся в определенной конфликтной ситуации с обществом, с его зажиточной верхушкой, родоначальником. Такое положение дела предопределяло раскол в бурятском обществе, усиливавшийся с переходом его членов в православие. Подкреплялся раскол административными изменениями — сменой сословия и места жительства. Новокрещенные, став крестьянами, должны были переселяться в крестьянскую волость, тем самым разрывая связи с сородичами.

Интеграция крещенных бурят в русские сообщества происходила по-разному: так,

¹ Нормативные акты Монголии в маньчжурский период истории гласят, что к неуплатившему *яалу* применялась мера наказания в виде ссылки в отдаленные места, по преимуществу в местности, зараженные оспой [Тумурова 2005: 149]. Лиц, совершивших тяжкие уголовные преступления, высылали в «земли с дурным воздухом» — южные субтропические районы Китая.

например, семейские принимали крещенного бурята, перешедшего в раскол, в свою группу, и он уже считался семейским. Очевидно, что внешнему облику «раскольников» придавалось второстепенное значение, поскольку именно вера определяла статус раскольника как «своего», «русского». Полагаем, что именно семейские, в отличие от старожилов и казаков, своим примером высокой духовной культуры, материальным достатком воздействовали на мировоззрение бурят, «сводя» их в раскол. Так, Ф. Болонев пишет о многочисленных случаях «сращения в раскол инородцев» [Болонев 2000]. Особенно быстро и безболезненно интеграция крещенных бурят в русское общество происходила, если бурят был женат на русской женщине.

Что касается православных групп, то очевидно, что безоговорочного принятия крещенных инородцев в свое сообщество со стороны крестьян не было. «Крестившиеся не только не повышали свой статус в глазах крестьян, но и получали обидные прозвища и выглядели «уродливыми» русскими как в глазах соотечественников, так и среди самих русских» [Ремнев, Суворова 2008: 200]. В этнической Бурятии примером тому служат большие группы карымов¹ — метисного населения, которые жили особняком и от бурят и от русских.

Особые причины для принятия православия были у бурятской элиты. Представители богатых бурятских кланов крестились, ставя своей целью не столько освобождение от уплаты ясака и различных общественных повинностей, сколько получение званий, должностей, земель и других преференций от властей. Первоначально крещение для бурят, занимавших важные посты в управлении степной думы, было добровольным, но со временем региональные власти заменили рекомендательный характер этого акта обязательным условием при получении должностей либо при продлении полномочий должностного лица.

В Иркутской губернии крещение для бурятских родоначальников было очередной и важной ступенью в карьерном росте. Главные родоначальники при вступлении в должность приносили присягу на верность государю императору, а наилучшим выражением лояльности царской власти и ее представителям в регионе было принятие

православия. Став православными, большинство родоначальников впоследствии оказывали всяческое содействие распространению христианской веры среди инородцев. Особенно преуспели на этом поприще тайши Аларской и Кудинской степных дум — Н. В. Матханов², П. П. Баторов, И. И. Пирожков, Н. Н. Самсонов и др. Противоборство за власть в среде крупных известных бурятских кланов Баторовых, Матхановых, Косомовых подстегивало представителей этих семей к принятию христианской веры, так как обращение в православие обеспечивало необходимую поддержку со стороны имперских властей.

Очевидно, что основная масса бурят в Иркутской губернии с пониманием относилась к крещению своего родоначальника, как вынужденному условию, сопутствующему его высокой должности, тем более, что большинство православных родоначальников продолжали почитать веру предков, принимали участие в общественных обрядах. Но терпимо воспринимали этот факт буряты, испытывавшие симпатию и доверие своему тайше. Для оппозиционной группы общества, а такие группы существовали во всех ведомствах, крещение тайши было поводом для конфликтов. Недовольством сородичей пользовались в борьбе за власть кланы тайшей.

С середины XIX в. со стороны имперских властей предпринимаются меры при-

² Важным шагом в деятельности Н. В. Матханова было решение о принятии православия. Это позволило ему заручиться поддержкой православных миссионеров и местной администрации. Как отмечает в своих записках Архиепископ Парфений, Н. Матханов желал «иметь надежнейшую опору в принятии христианства против происков закоренелых ламаитов по делу его служения» [История Аларской степной думы... 2015: 234]. Н. Матханов, его жена и один из родовых старост Аларской степной думы, а также двое других тайшей (Кудинской и Идинской степных дум) были включены в состав делегации, отправляемой в г. Томск для представления Великому князю Владимиру Александровичу. Там Н. В. Матханов принял святое крещение, а крестным отцом его стал Великий князь. Н. В. Матханов построил при Аларской степной думе православный храм во имя святителя Московского Алексея митрополита и был отмечен за усердие Великим князем Александром Александровичем [История Аларской степной думы... 2015: 234].

¹ См. подробнее [Галиндабаева, Карбаинов 2014: 432–442].

нудительного характера в деле крещения бурят. С 1867 г. по рекомендации православного миссионерства в Сибири власти начинают политику продвижения крещеных бурят на административные должности в органах бурятского самоуправления. В наибольшей степени процесс принудительной христианизации проявился в Иркутской губернии, где руководству бурятских степных дум уклонение от крещения подвластного им населения грозило наказанием и лишение должностей.

В Забайкалье энергия православных миссионеров в деле крещения бурятского населения сдерживалась прочной позицией буддизма и осторожной политикой властей в этом граничащем с Цинской империей регионе. Тем не менее активные действия по крещению бурят предпринимались и в Забайкалье, в частности епископом Вениамином. Своих наибольших успехов эта кампания достигала в периоды посещения Сибири сначала императором Александром II (1873 г.), а затем цесаревичем Николаем (1891 г.). Чрезмерная активность православной церкви в Забайкалье привела к ряду серьезных конфликтов¹.

В конце XIX в. – начале XX в. думы прекратили свое существование, в ходе волостной реформы родовые управления сменили волости. Соответственно необходимость в каком-либо административно-территориальном выделении крещеных бурят отпала. Заключившие церковные браки пары могли оставаться в своем роде. Бурятские роды утратили территориальное единство, члены его перемешивались с членами других родов, расселялись по различным местностям.

Заключение

В Иркутской губернии во второй половине XIX в. принятие православия стало распространенным явлением в среде бурят. Православные имена и фамилии встречались повсеместно. Одной из основных при-

чин, побуждавших бурят креститься, было стремление уклониться от выплаты калыма при женитьбе. Освобождение от уплаты ясака, общественных повинностей, возможность в получении образования, лояльность имперских властей побуждали принимать православную веру бедняков и представителей богатых слоев населения. В XIX в. крещение стало в определенной степени формальностью и использовалось как действенный инструмент, способный изменить существующий порядок общественных отношений внутри бурятского общества и выстроить диалог «в правильном русле» с властями. Кроме того, добровольное крещение бурят в конце XIX – начале XX в. можно рассматривать и как форму социального протеста бурятского населения в условиях сложной переходной социально-политической обстановки в империи, когда явление богоискания проявилось в разных уголках Сибири². Можно сказать, что преимущественно в такой форме выразилось приобщение бурят к православию, так осуществлялся один из путей интеграции бурят в российское общество.

Конец первой половины XIX в. исследователи Т. Д. Скрынникова, П. К. Варнавский соотносят с началом процесса сознательного конструирования границ идентичностей у бурят и одной из основных идентичностей определяют родовую [Бурятская этничность... 2003: 25–26]. Род был основой бурятского общества. Не менее важной была племенная принадлежность бурята, так как роды объединялись в племенные союзы, которые и застали первые русские казацкие отряды. Христианизация оказала разрушительное воздействие, прежде всего, на родовые устои бурятского общества, поскольку под сенью православной церкви находили заступничество те, кто нарушил законы и нормы рода. Полагаем, что эти группы людей для бурятского общества были потеряны. Но большинство других принявших православие не утратили родовую и племенную идентичность, одновременно осознавая себя частью более крупной общности — бурят.

² К такому явлению правомерно отнести особую религию алтайского народа — бурханизм. Начало бурханистского движения у алтайцев в 1904 г. характеризуется как специфический очаг межэтнической и общественно-политической нестабильности на Алтае в начале XX в. [Шерстова 2005: 251].

¹ В 70-х г. XIX в. в правление генерал-губернатора Синельникова губернскими властями были предприняты попытки сношения культовых мест бурятских буддистов, причем выполнять эту задачу власти заставили как крещеных бурят, так и ответственных чинов степных дум. Этот самый острый конфликт государства с бурятской буддийской общиной стоил должности и самому Н. П. Синельникову, который был смещен с должности и переведен в Петербург [Цыренпилов 2013: 175].

После выхода в свет высочайшего манифеста о свободе вероисповедания от 17 апреля 1905 г. началось отпадение бурят от православия [Михайлова 1999: 51]. Либеральные законные акты дали крещеным бурятам право свободного выбора вероисповедания, что вызвало их массовый переход из православия в буддизм, шаманизм. Многолетние усилия консервативных кругов империи по христианизации бурят были сведены на нет.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Источники

ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия.

Литература

- Асалханов И. А. Об обычном праве кударинских бурят // Исследования и материалы по истории Бурятии. Вып. 5. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1968. С. 174–176.
- Басаева К. Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX века). Новосибирск: Наука, 1980. 223 с.
- Болонев Ф. Ф. Русско-бурятские этнокультурные контакты и взаимовлияния в Западном Забайкалье в XIX – начале XX века // Этнография народов Сибири и Монголии = Сибирь болон Монголын ард түмний угсаатны зүй. Улан-Батор; Улан-Удэ: [б. и.], 2000. С. 41–63.
- Бураева О. В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 212 с.
- Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 172 с.
- Галиндабаева В. В., Карбаинов Н. И. Карымы и метисы: социокультурные практики метисации // Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. Сибирский сборник-4. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 432–442.
- История Аларской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. док-тов] / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2015. 352 с.

- Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.
- Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 287 с.
- Михайлова В. Т. Православие в духовной культуре бурят (30-е гг. XVII в. – 1917 г.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 1999. 174 с.
- Ремнев А., Суворова Н. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 157–223.
- Тумурова А. Т. Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. гос. ун-та, 2005. 224 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1959. 444 с. Т. 1. – 1958. – 551 с. Т. 2. – 1959. – 444 с. Т. 3. – 1961. – 421 с.
- Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – начало XX в.). М.: PRINTLETO.RU, 2013. 335 с.
- Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 310 с.

Sources

- GARB — *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya* [State Archive of the Republic of Buryatia].

References

- Asalkhanov I.A. *Ob obychnom prave kudarinskikh buryat* [On the customary law of Kudara Buryats]. *Issledovaniya i materialy po istorii Buryatii*. Vyp. 5 (Studies and Materials on the History of Buryatia. Iss. 5). Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1968, pp. 174–176 (In Russ.).
- Basaeva K.D. *Sem'ya i brak u buryat (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [The Buryats: family and marriage (mid-to-late 19th – early 20th cc.)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 223 p. (In Russ.).
- Bolonev F.F. *Russko-buryatskie etnokul'turnye kontakty i vzaimovliyaniya v Zapadnom Zabaykal'e v XIX – nachale XX veka* [Russian-Buryat ethno-cultural contacts and mutual influences in the Western Transbaikalia in the 19th - early 20th cc.]. *Etnografiya narodov Sibiri i Mongolii. Sibir' bolon Mongolyn ard tymniy ugsaatny zuy* [Ethnography of the peoples of Siberia and Mongolia]. Ulaanbaatar, Ulan-Ude, 2000, pp. 41–63 (In Russ. and Mong.).
- Buraeva O.V. *Etnokul'turnoe vzaimodeystvie narodov Baykal'skogo regiona v XVII – nachale XX v* [Ethnocultural interactions between the

- peoples of the Baikal Region: the 17th – early 20th cc.]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center (Siberian Branch of the RAS) Press, 2005, 212 p. (In Russ.).
- Galdanova G.R. *Zakamenskie buryaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (Vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.)* [Zakamensk Buryats. Historical and ethnographic essays (mid-to-late 19th – early-to-mid 20th cc.)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 172 p. (In Russ.).
- Galindabaeva V.V., Karbainov N.I. *Karymy i metisy: sotsiokul'turnye praktiki metisatsii* [Karyms and mestizos: sociocultural practices of miscegenation]. *Grani sotsial'nogo: antropologicheskie perspektivy issledovaniya sotsial'nykh otnosheniy i kul'tury. Sibirskiy sbornik-4* (Social Facets. Anthropological Perspectives for Studies of Social Relations and Culture. Siberian Collection – 4). St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography Press., 2014, pp. 432–442 (In Russ.).
- Istoriya Alarskoy stepnoy dумы v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya (1824–1889 gg.): [sbornik dokumentov]* avt.-sost. B. Ts. Zhalsanova, L. V. Kuras [History of the Alar Steppe Duma in the documents of the State Archive of the Republic of Buryatia (1824-1889). Comp. by B. Zhalsanova, L. Kuras]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2015, 352 p. (In Russ.).
- Zhamtsarano Ts. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg.* [Travel diaries (1903–1907)]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center (Siberian Branch of the RAS) Press, 2001, 380 p. (In Russ.).
- Mikhailov T. M. *Buryatskiy shamanizm: istoriya, struktura, sotsial'nye funktsii* [Buryat Shamanism: history, structure, social functions]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 287 p. (In Russ.).
- Mikhailova V.T. *Pravoslaviye v dukhovnoy kul'ture buryat (30-e gg. XVII v. – 1917 g.)* [Orthodoxy in the spiritual culture of Buryats (1630s - 1917)]. Ulan-Ude, East Siberia State University of Technology and Management Press, 1999, 174 p. (In Russ.).
- Remnev A., Suvorova N. «Russkoe delo» na aziatskikh okrainakh: «russkost'» pod ugrozoy ili «somnitel'nye kul'turtregery» [The 'Russian cause' in the Asian periphery: 'Russianness' endangered, or 'contestable Kulturtraegers']. *Ab Imperio*, 2008, No. 2, pp. 157–223 (In Russ.).
- Tumurova A.T. *Genezis obychnogo prava buryat* [Genesis of the Buryat customary law]. Ulan-Ude, Buryat State Univ. Press, 2005, 224 p. (In Russ.).
- Khangalov M.N. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., vol. 1, 1958, 551 p.; vol. 2, 1959, 444 p.; vol. 3, 1961, 421 p. (In Russ.).
- Tsyrempilov N.V. *Buddizm i imperiya. Buryatskaya buddiyskaya obshchina v Rossii (XVIII – nachalo XX v.)* [Buddhism and the Empire. Russia's Buryat Buddhist community (the 18th – early 20th cc.)]. Moscow, PRINTLETO.RU Publ., 2013, 335 p. (In Russ.).
- Sherstova L.I. *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri* [Turkic peoples and Russians in Southern Siberia]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography (RAS) Press, 2005, 310 p. (In Russ.).

БУРЯТЫ В ЗОНЕ ВЛИЯНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XIX в. – НАЧАЛЕ XX в.: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙБаир Зориктеевич Нанзатов¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: E-mail: nanzatov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мотивации бурят, принявших православие, трансформация идентичностей бурят, оказавшихся в зоне влияния православной церкви, их отношения с сородичами, с бурятским обществом в целом. Автор отмечает, что в Иркутской губернии во второй половине XIX в. принятие православия стало распространенным явлением в среде бурят. Одной из основных причин, побуждавших бурят креститься, было стремление уклониться от выплаты калыма при женитьбе. Освобождение от уплаты ясака, общественных повинностей, возможность в получении образования, лояльность имперских властей побуждали принимать православную веру бедняков и представителей богатых слоев населения. В XIX в. крещение стало в определенной степени формальностью и использовалось как действенный инструмент, способный изменить существующий порядок общественных отношений внутри бурятского общества и выстроить диалог «в правильном русле» с властями. Кроме того, добровольное крещение бурят в конце XIX – начале XX в. можно рассматривать и как форму социального протеста бурятского населения в условиях сложной переходной социально-политической обстановки в империи, когда явление богоискания проявилось в разных уголках Сибири. Преимущественно в такой форме выразилось приобщение бурят к православию, так осуществлялся один из путей интеграции бурят в российское общество. Автор считает, что Христианизация оказала разрушительное воздействие, прежде всего, на родовые устои бурятского общества, поскольку под сенью православной церкви находили заступничество те, кто нарушил законы и нормы рода.

Либеральные законные акты дали крещеным бурятам право свободного выбора вероисповедания, что вызвало их массовый переход из православия в буддизм, шаманизм. Многолетние усилия консервативных кругов империи по христианизации бурят были сведены на нет.

Ключевые слова: буряты, православие, буддизм, шаманизм, лояльность, элита, идентичность, мотивация.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 111–129, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-111-129
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 391

One Object of Worship from the Oirat Monastery of Dechenravjaaling (Uvs Aimag, Mongolia)

Elza P. Bakaeva ¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Associate Professor, Deputy Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: bakaevaep@yandex.ru

Abstract. The article deals with a special object of worship kept in the Oirat monastery of Dechenravjaaling (Uvs Province, Mongolia). The object is a ceremonial robe of the Supreme Lama (Oir., Mong. *Khambo Lama*) Luvsannamkhai who had founded the mentioned monastery in 1736. Following the Buddhist tradition his ceremonial robe has been worshipped as a symbol of the line of transmission of the teaching within the monastery, and before the latter was closed in 1937 every *Khambo Lama* could put the robe — *lavshig* — on only on solemn occasions. The paper concludes that the monastic clothes of the first abbot of Dechenravjaaling monastery are actually a handmade wool wrap coat (the twilled cloth being only 20 cm wide) with a satin silk lining and a special collar that comprises both quilted and velvet elements. The garment is generally designed after South Siberian sewing patterns. However, the asymmetrical wrap sides of the coat, the bias of the collar on the outer wrap side, and the replaceable hoof-like cuffs are typical for the Mongolian tradition. Luvsannamkhai's ceremonial garment meets the requirements introduced by the 1st Bodg Gegeen towards monastic clothes. The home handloom-weaving technology, widespread in the region in the 18th century, predetermined the specific properties of the cloth which corresponds to the early Buddhist tradition of making monastic robes from cloth patches (straps). The hand sewing was also determined by the period when the garment was made and proceeded from the Buddhist tradition prescribing that monastic robes were to be sewn by hand. Still, it is safe to say the sewing pattern and some peculiarities of Luvsannamkhai's robe also mirror ancient Oirat traditions since South Siberian modes of dress were popular enough among the Western Mongols. The garment can be referred to the *lavshig* cluster inherent to Mongolian culture. In general, in terms of proportions its is similar to Kalmyk *lavshigs* dated back to the late 19th century, which may provide evidence of some common origins.

The work covers the issues of traditional Buddhist views on monastic clothes and worship of articles of clothing by the Oirats, reveals some peculiarities of the cloth and sewing pattern of the *Khambo Lama*'s ceremonial robe testifying to its old age and the use of handlooms; one can also learn about definite ideas related to its color symbolism. The conclusion is that within the Oirat Buddhist tradition, ceremonial monastic clothing was similar enough to that of the Mongols and vaguely similar to that of the Kalmyks.

Keywords: Buddhism, objects of worship, monastery, ceremonial robe, Oirats, traditions, Mongolian folk costume, Kalmyk folk costume.

Буддийский монастырь Дэчинравжаалин, расположенный в городе Улангоме Убсунурского аймака Монголии, — центральный монастырь в аймаке. Основанный еще в XVIII в., к началу XX в. он являлся крупным монастырем: так, в 1930 г. в нем числилось свыше 1 600 лам [Сүхбаатар 2000: 43; Бакаева, Орлова и др. 2015: 118]. Но в 1930-е гг. этот монастырь, как и другие, подвергся закрытию и был разрушен; ламы, служившие в нем, подверглись репрессиям. Рубежным стал 1937 год, когда тысячи буддийских священнослужителей были репрессированы [История Монголии 2007: 103], а к началу 1940-х гг. в «МНР ламство как многотысячное могущественное сословие перестало существовать, исчезли сотни монастырей и храмов» [Хишигт 2011: 31]. В 1990-е гг., в период возрождения буддийских институтов в Монголии, началось и возрождение монастыря Дэчинравжаалин. На территории монастыря появились новые культовые объекты, регулярно стали проводиться службы в молельной каменной юрте, являющейся и поныне основным храмом монастыря. В ближайшее время планируется завершение строительства и открытие нового главного храма монастыря, который станет и религиозным, и культурным центром Улангома и всего Убсунурского аймака. Благодаря этому событию появилась уникальная возможность познакомиться с одной из главных святынь монастыря — монашеским одеянием XVIII в.

Город Улангом и его буддийский монастырь научные сотрудники КалмНЦ РАН посещали не раз, в том числе во время экспедиций, проводившихся по проектам, поддержанным в разные годы РГНФ и РНФ. По результатам проведенного сбора материалов и интервью с буддийскими священнослужителями опубликован ряд работ, посвященных культуре ойратов [Бакаева, Орлова и др. 2015; Бакаева 2015а, 2015б; Музраева 2015а; 2015б; Орлова 2015а; 2015б; 2016; Орлова, Бакаева, Музраева 2016; Топалова 2016; Бакаева, Орлова, Музраева и др. 2016; и др.], в числе которых — посвященная и монастырю Дэчинравжаалин [Бакаева, Орлова 2014]. В разных работах освещались особенности архитектуры нового храма, поклонения буддийскому божеству Лхамо как божеству-покровителю монастыря [Бакаева, Орлова и др. 2015], вопросы традиционности одеяния буддийской скульптуры Будды Шакьямуни из монастыря Дэчинрав-

жаалин [Бакаева 2016б]. С монахами этого монастыря, а также его настоятелями (хамбо-ламами, действующим и работавшими на этом посту ранее) состоялись встречи и интервью [Бакаева 2014; и др.]. Однако до настоящего времени нам не удалось познакомиться с одной из главных святынь, которую ныне хранит да-лама Г. Чимэддорж — ученик Хархүүгийн Гаадана (1923–2007), хамбо-ламы (1980–1990) главного монастыря Монголии — Гандантэгчинлин [Орлова 2015б: 34]. В работах монгольских авторов, посвященных буддийским монастырям Монголии [Монголын сүм хийдийн ... 2009; и др.], также не освещалась информация об уникальном предмете, который является объектом поклонения и представляет особый интерес в связи с изучением вопросов истории костюма ойратов и монголов.

Как отмечают монгольские авторы, Дэчинравжаалин располагается на территории, входившей в прошлом кочевья дербетского Далай-хана в хошуне Зорикту хана. В литературе упоминаются разные даты основания храма: 1757, 1754 гг. [Майдар 1970: 215; Бакаева, Орлова 2014]; а также 1747 г. [Сүхбаатар 2014: 92] и 1755 г. [Монголын Сүм Хийдийн Түүхэн Товчоо Төсөл], но основание всегда связывается с личностью монаха, которого в монастыре называли *Лам аав* (лама-отец). В ранее опубликованной нашей статье на основе сведений, записанных от информанта, отмечалось, что Лам аав был тибетцем [Бакаева, Орлова 2014]. Однако другие данные, из монгольских публикаций (также основанных на устной традиции), свидетельствуют о том, что он был ойратом, который совершил паломничество в Тибет и основал монастырь. Так, в сведениях, опубликованных по проекту «Монголын сүм хийдин түүхэн товчоо төсөл», сообщается: «...модон гахай (1755 он) жил энэ газрын Лам аав хэмээх алдартай Лувсаннамхай Баруун Зуугийн газар явж Жиг хийдийн зураг тэг, дэг жаягтай танилцаж буцаж ирээд тэр газрын журам дэглэм бас энэ газрын ёс заншил аль алиныг бодолцож тохируулан Чогчин хурал дуган үүсгэж өөрийн биеэр Ханбо сууж аажимдаа Улаангомд суурьшин „Дэчинравжаалин“ хийд» «в год дерева-свиньи (1755 г.) [происходивший] из этого края называемый Ламой-отцом известный Лувсаннамхай-лама отправился в западный Тибет и ознакомился [там] с уставом, распорядком дацана Чже [монастыря Сэра. — Э. Б.]; вернувшись, по правилам

Рис. 1. Храм монастыря Дэчинравжаалин (2013 г.)

этого монастыря основал Цогчин дуган и стал настоятелем (хамбо-ламой); так постепенно был основан улангомский монастырь Дэчинравжаалин¹ [Монголын Сүм Хийдийн Түүхэн Товчоо Төсөл]. В разделе «Краткой истории монгольских монастырей и храмов», посвященном Убсунурскому аймаку, даются сведения, что в 1755 г. «Дөрвөдийн аав хэмээх Лувсаннамхай Төвдийн Баруун хуугийн газар мөргөл хийж ирээд Сэра Жэ дацангийн дагуу хурлаа үүсгэн байгуулав» 'Дербетский Лувсаннамхай, называвшийся «отцом», совершил паломничество в Западный Тибет основал монастырь по образцу Чже дацана¹ монастыря Сэра'» [Бурханы шашны сүм хийдүүд 2009: 683–696; Монголын сүм хийдин ... 2009: 693]. Постепенно были основаны и другие дацаны этого монастыря: в 1879 г. — Чойра дацан, в 1910 г. — Дуйнхор (Дүйнхор) дацан, в 1918 г. — Джуд (Жүд) дацан, в 1920 г. — Манба дацан и Джанрайсиг (Жанрайсиг) дацан, в 1922 г. — Лайчин дацанг [Бурханы шашны сүм хийдүүд: 693–696]. На. Сухэбаатар приводит монгольские названия семи дацанов монастыря: Цогчин дацан — Дэчинравжаалин,

Цаннид дацан — Дэчинчойхорлин, Дуйнхор дацан — Ивам чойнхордэчиндаржаалин, Джуд дацан — Сангаадаржаалин, Манба дацан — Хүрэгжамбаалин, Джанрайсиг дацан — Гэмпилчойлин, Лайчин дацан — Санчиг-дэжидбичилшавдалин [Сүхбаатар 2014: 92], а также данные о десяти дуганах (включая дуганы, посвященные первому хамбо-ламе Лам аав и собранию Ганджура) и субурга-нах, кроме храмов дацанов.

По сведениям, опубликованным в «Краткой истории монгольских монастырей и храмов», со времени первого хамбо-ламы этого монастыря до 1920 г. в монастыре служили 25 хамбо-лам [Монголын сүм хийдин ... 2009: 693–696]. Согласно же устной традиции, со времени первого настоятеля монастыря и до закрытия последнего в 1937 г. во главе монастыря было 11 хамбо-лам [ПМА: Г. Чимэддорж]; имя первого настоятеля да-лама этого монастыря Г. Чимэддорж произносит так же, как Луузуннамхай [ПМА].

Таким образом, Лувсаннамхай, судя по замечанию «энэ газрын Лам аав хэмээх алдартай Лувсаннамхай» (букв. 'этой земли' прославленный Лувсаннамхай, называвшийся ламой-отцом) [Монголын Сүм

¹ Чже-дацан основан в монастыре Сэра в 1435 г.

Хийдийн Түүхэн Товчоо Төсөл] и прямому указанию «дөрвөдийн аав хэмээх Лувсаннамхай» (дербетский Лувсаннамхай, называвшийся отцом) [Бурханы шашны сүм хийдүүд 2009: 683–696; Монголын сүм хийдин ... 2009: 693], являлся выходцем из ойратов и по происхождению был дербетом. Именование отцом (*аав*) человека особо почитаемого, в том числе как основателя, покровителя своих последователей, характерно традиции ойратов и монголов, этикетные нормы которых включают обращение к другому человеку с использованием терминов родства (*эгч* ‘старшая сестра’, *ах* ‘старший брат’, и т. п.) вне зависимости от того, является этот человек кровным родственником или нет. Так, известного монголоведа А. В. Бурдукова (1883–1941), проведшего многие годы среди ойратов-баитов Монголии, местные жители называли *эцэг* (в переводе — ‘отец, дед’ [БАМРС, IV 2002: 439–440]) [ПМА: На. Сүхбаатар, Ц. Дамдинсүрэн]. При этом *эцэг* — более формальный (или официальный) термин, *аав* — более личностное, прямое обращение (подобно различию в русском языке терминов отец и папа). В «Большом академическом монгольско-русском словаре» дается второе значение слова *аав* — «герой-кумир; властитель дум» [БАМРС, I 2001: 2]. Именно во втором значении, несомненно, используется термин *аав* при именовании первого хамбо-ламы дербетского монастыря Дэчинравжаалин.

До настоящего времени в монастыре в качестве реликвии хранится монашеское одеяние ламы Лувсаннамхая, основателя первого — Цогчин — дацана монастыря Дэчинравжаалин. По преданию, ритуальное облачение «ламы-отца» предавалось от одного хамбо-ламы к другому вплоть до 1937 г., когда монастырь в период атеистической борьбы был закрыт. В это время хамбо-ламой являлся Йондон-лама, который передал реликвию своему ученику Равсалу [ПМА: Г. Чимэддорж¹]. Долгие годы монашеское одеяние Лувсаннамхая хранил скрывавший свое ученичество у хамбо-ламы Йондона и ламское прошлое Равсал, ставший известным деятелем искусств, заслуженным художником Монголии (его кисти принадлежит и картина, на которой изображен дербетский монастырь Дэчинрав-

жаалин). В 1981 г. Х. Гаадан (1923–2007), уроженец сомона Тургэн Убсунурского аймака Монголии, дербет по происхождению (в монастыре Дэчинравжаалин воздвигнут субурган в его честь), служивший в молодости в монастыре Төгсбуянт указанного аймака, был избран хамбо-ламой главного монгольского монастыря *Гандан-тэгчинлин* (на этом посту он прослужил до 1990 г.). Поскольку впервые за долгие годы ойратский священнослужитель стал хамбо-ламой, Б. Равсал преподнес ему ламское одеяние первого настоятеля дербетского монастыря [ПМА: Г. Чимэддорж]. Впоследствии, перед своим уходом из жизни в 2007 г., Х. Гаадан передал эту священную реликвию своему ученику Г. Чимэддоржу, который в течение ряда лет является да-ламой (заместителем хамбо-ламы) улангомского монастыря, а также одним из лидеров общности аймака. Как отмечает Г. Чимэддорж, он принадлежит к роду *бадрахн*, идущему от прадеда по имени Бадрах, сын которого являлся девятым хамбо-ламой Дэчинравжаалин [ПМА: Г. Чимэддорж]. Возможно, последнее обстоятельство явилось одной из причин передачи Х. Гааданом реликвии именно Г. Чимэддоржу.

По словам Г. Чимэддоржа, одеяние первого хамбо-ламы является одной из святынь монастыря, и в новом большом улангомском храме, открытие которого планируется, руководство монастыря намерено выделить отдельное помещение для размещения в нем указанного ламского одеяния. Считается, что в этой одежде сохраняется энергия предыдущих хамбо-лам, и прикосновение к ней подобно получению от них благословения.

Активная деятельность Г. Чимэддоржа по строительству нового улангомского храма началась в том же году, когда ему была передана реликвия: в 2007 г. были налажены связи с Калмыкией, а в следующем, 2008 г., Г. Чимэддорж впервые встретился с верховным ламой Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче, являющимся перерожденцем особо почитаемого в Монголии Дилова-хутухты. Тогда же был проведен ритуал освящения земли под строительство нового храма, а к следующему визиту Тэло Тулку Ринпоче в 2010 г. был уже готов эскиз проекта храма, и во время пребывания хутухты в Монголии — получено его благословение на строи-

¹ Речь идет о заслуженном художнике Монголии Б. Равсале. В беседе Г. Чимэддорж его называл Цэвдийн Равсал.

Рис. 2. Лама монастыря Джэчинравжаалин с картиной Равсала, изображающей этот монастырь (2013 г.)

тельство большого нового храма монастыря Джэчинравжаалин. В 2013 г. заложен фундамент нового пятиэтажного храма, спроектированного в «монгольском стиле». К 2015 г. были возведены стены, а в 2017 г. предполагается завершение основных работ.

В буддийской традиции монашеское одеяние передается при посвящении от учителя к ученику и является символом передачи учения. Как отмечает Е. Н. Старовойтова, «Монашеское одеяние и в современное время является символом Традиции. При посвящении в монахи-буддисты происходит обязательная торжественная передача монашеского одеяния» [Старовойтова 2009]. В этом аспекте одеяние первого хамбо-ламы монастыря Джэчинравжаалин является подлинным символом передачи традиции в монастыре на протяжении XVIII–XXI вв. Таким образом, в 2007 г., согласно буддийским представлениям, состоялась передача не только священной реликвии, но и традиции передачи учения от хамбо-лам монастыря Джэчинравжаалин, переданной самим Хархүүгийн Гааданом — хамбо-ламой монастыря Гандантэгчинлин.

Правила, связанные с монашеским одеянием, содержатся в разделе устава буддий-

ского канона — Винае; они строго регулируют обычаи владения, изготовления и ношения монахами специальных облачений. Монашеское одеяние положено хранить на алтаре в сложенном виде, и строго запрещено его заносить в ритуально нечистое помещение. Процесс ежедневного облачения в монашеское одеяние включает предварительные поклоны головой в сторону одеяния, снятого с алтаря. Кроме того, «в канонических текстах зафиксировано и рекомендовано для монахов особое отношение к монашескому одеянию: 1. Одеяние как символ традиции. <...> 2. Одеяние как предмет поклонения. <...> 3. Одеяние как способ соответствия канону-образу» [Старовойтова 2009: 76–77].

Сакральное отношение к монашескому одеянию ламы-основателя монастыря, которое сшито более 270 лет назад, проявляется в том, что Г. Чимэддорж за все время хранения реликвии (т. е. за 10 лет) облачался в него всего три раза: впервые — в момент передачи ламского халата Х. Гааданом, когда он совершил обход вокруг субургана в монастыре Гандантэгчинлин, во второй раз — в 2016 г. во время крупной религиозной церемонии, в третий раз — во время покло-

нения священной ступе в месте просветления Будды — Бодхгайе (Индия). Каждый раз ритуал облачения сопровождался обходом вокруг субургана (ступы).

Сакральное отношение к одежде Лувсаннамхы определено как личностью ламы, так и самим монашеским одеянием, которую как реликвию перед ее размещением в новом храме Убсунурского аймака (в г. Улангом) было решено освятить таким путем: привезти ее в Индию на ритуал Калачакры, проведенный в Бодхгайе, затем в Калмыкию, где проживают родственные монгольским ойратам калмыки, впервые получившие возможность поклониться и таким образом «получить благословение» от лам традиции монастыря Дэчинравжаалин.

Благодаря Г. Чимэддоржу у специалистов-монголоведов появилась уникальная возможность изучить уникальный предмет ойратской одежды XVIII в., что имеет особое значение в следующих аспектах:

1. Фиксация особенностей кроя ойратского буддийского монашеского одеяния в аспекте изучения народного костюма ойратов.
2. Фиксация традиции одеяния монгольских буддийских монахов XVIII в. на примере ойратского костюма в аспекте анализа соответствия его принципам и правилам монашеского одеяния у буддийской традиции в целом.

Как отмечает Г. Чимэддорж, одеяние изготовлено из ткани, которая была привезена из Индии или Непала, сшито ручным швом, без применения швейной техники. Ламский халат *лавшиг* отличается *ташуу зах* — воротник, выкроенный по косой линии, так называемый *хиаз¹ зах* — шалевый воротник [БАМРС, IV 2002: 74] с оторочкой из ткани типа бархата (или плиса); важно, что бархатная оторочка (бордюр) — черного цвета, что символично: *хар захта* — *му седкл хартха гигэд* ‘с черным воротом, чтобы выходили все плохие [черные] мысли’ [ПМА: Г. Чимэддорж]. По мнению да-ламы, это ламское одеяние типа дэли (монг. *дээл*) сшито по образцу одежды для высших лам, и правила ношения дэли для монахов были

¹ Хиаз — 1) выпушка; кант; оторочка из шёлка, парчи; хөдсөн хиаз меховая выпушка; хиаз зах воротник шалью; 2) бордюр; позумент; алтан хиаз золотой позумент; 3) подзор; хиаз-тай бүтээлэг покрывало с подзором; хиазлах — 1. оторачивать; ханцуй хиазлах оторачивать рукава; хиазлахуй оторочка [БАМРС, IV 2002: 74]

сформулированы самим Джебцун-дамба-хутухтой I Дзанабадзаром (Богдо-гегяном) [ПМА: Г. Чимэддорж]. Одеяние хамбо-ламы — бордового цвета, как принято в странах «северного» буддизма [Старовойтова 2009: 78], с подкладом белого цвета; с составным воротником (из полосы розовой ткани с орнаментальным рисунком сиреневого цвета, простеганной вдоль на расстоянии через 1 см, и полосы из черного бархата (плиса)); с копытообразными манжетами (снаружи голубыми, с внутренней стороны — черными). Вместе с дэли хранится и красный широкий шелковый пояс.

К основным особенностям кроя рассматриваемого ойратского буддийского монашеского одеяния относятся следующие:

- основное полотно (ткань типа шерсти, бордового цвета) изделия составлено из узких (20 см шириной) полос ткани (по наиболее широкой части спинки, по подолу, — 7 полос, по нижней части правого борта — 3 полосы, по нижней части левого борта — 6 полос, в плечевой и рукавной части — всего по 5 полос);

- ткань подклада (тип атласного шелка белого цвета) — большей ширины, имеет особую тканую кромку, что свидетельствует о ее фабричном и более позднем производстве, нежели ткань бордового цвета; вероятно, что подклад был пришит в более позднее время, чем сшита верхняя часть исследуемого монашеского одеяния;

- соединительные швы между полосами ткани шерстяной верхней части одеяния выполнены встык;

- основные швы располагаются по низу рукавов (длиной 62 см) и бокам (длина 104 см);

- отсутствуют швы по линии плеч;

- рукава длинные, от подмышки до манжета — 62 см, в этой части манжет — 8 см длиной (по плечевой части копытообразные манжеты имеют длину 13 см, при этом расстояние от ворота до края манжеты составляет 111 см); ширина рукава в плечевой части — 28 см;

- все одеяние выполнено искусным ручным швом, мельчайшими и практически невидимыми стежками (на 1 см примерно 15 стежков); подклад прикреплен потайными швами к основной ткани по вертикальным линиям, повторяющим швы прикрепа полос основной ткани;

- одеяние имеет запашной характер, левый борт широкий, застегивается на 6

Рис. 3. Одеядие хамбо-ламы монастыря Дэчинравжаалин Лувсаннамхая (XVIII в.)

Рис. 4. Лавшиг хамбо-ламы Лувсаннамхая.
Белым цветом обозначены линии полос основной ткани

Рис. 5. Боковая часть монашеского одеяния лавииг.
Белым цветом обозначены края полос основной шерстяной ткани

Рис. 6. Лавииг хамбо-ламы Лувсаннамхая в сложенном виде

пуговиц: две — в месте соединения двух передних бортов на воротнике по краям отдели (между этими пуговицами — 2,5 см или, в традиционных мерах длины, 2 хуруу (2 пальца шириной); две — на правом боку в области подмышки, расположенные в 10,5 см друг от друга, и еще две — расположенные ниже по краю левого борта (в 34 см от верхней части, где завершается шалевый воротник; в 6 см друг от друга);

— крой асимметричен: левый борт шире правого (по низу изделия — в 2 раза: в нижней части ширина полы составляет 122 см, а ширина правого борта — 58 см) и длиннее его (длина правого борта от плеча до подола — 128,5 см, длина левого борта — 135,5 см, длина спинки — 137 см);

— правый борт более узкий, в боковой части расширен книзу, а по центру имеет прямой край, идущий вниз от воротника; длина этого борта сбоку больше, а по центру его длина на 9 см меньше, чем спинка с этой части;

— левый борт сверху имеет косой срез (по воротнику), завершающийся под правой подмышкой; нижняя часть по размерам соответствует спинке, т. е. ширина подола внизу — 122 см, как и на спинке;

— силуэт расклешенный, по подолу *лавшиг* имеет большую ширину, что обеспечивает свободный ход: общая длина подола составляет 3 м 12 см (по спинке — 122 см, по левой доле — 122 см, по правой доле — 58 см);

— косой воротник шалевого типа, завершающийся под правой подмышкой, состоит из двух частей: полосы из черного бархата/плиса (шириной 7 см, расширенной по левому борту на боку до 10,5 см) и более узкой полосы (4 см) из розовой ткани с крупным орнаментальным рисунком сиреневого цвета (повторяющийся рисунок лотосового типа), простеганной¹ (через 1 см) вдоль всей длины воротника (внутри проложена шерсть);

— воротник составлен из трех частей: шейная и плечевая часть длиной 26 см и шириной от 5 до 6 (по спинной части) см; две нижние части шириной 5 см и длиной по правому борту 34 см, по левому борту — 45,5 см.

— манжеты (из голубой ткани типа атласа с рельефным тканым рисунком в виде

¹ Наличие простеганной с прокладкой натуральной шерсти части воротника обеспечивает сохранение им формы, его твердость.

цветов) съемные (нашиты снаружи на рукава), имеют копытообразную форму, в самой высокой части имеют длину 13 см, в узкой части — 6,5 см, объем (длина) манжета — 38 см.

— *лавшиг* имеет пуговицы ручного плетения из шнура;

— красный шелковый пояс представляет собой полосу ткани шириной 113 см и длиной 315 см, что примерно соответствует монгольской традиции мягких поясов из ткани. Он составлен из кусков ткани прямоугольной формы размером 89х113 см, края сложены втрое и закреплены ручным швом. Размеры этого пояса сопоставимы с размерами ритуальных накидок *оркимджи*: так, у современных «знающих» в Калмыкии *оркимджи* обычно представляет собой отрез ткани шириной около полутора метров и длиной около трех метров [Бакаева 2011: 22].

Традиция изготовления монашеской одежды из узких полосок ткани характерна для буддистов. Так, известна в разных буддийских традициях накидка из полос ткани «кашая» или «кеса», которая, к примеру, у японских дзэн-буддистов могла быть повседневной для каждого монаха (и тогда составлялась из пяти полос) или для учителя (мастера, состояла из семи полос); монах-учитель, дарующий посвящение в монахи, для этой церемонии надевал накидку, состоявшую из девяти полос [Старовойтова 2009: 77]. Кесу шили по определенному образцу будущие монахи вручную, определенными стежками, ритуальное значение монашеской одежды отражалось в наличии определенных обрядовых действий, сопровождавших облачение в одеяние и его снятие. Как отмечает Е. Н. Старовойтова, «В традиции Сото-дзэн элементы монашеского одеяния являются символом линии преемственности патриархов... Ракусу — маленькая походная кеса, также выполняемая вручную. Имеет шелковый подклад, на котором мастер пишет имя посвящения и линию преемственности мастеров от Будды до себя» [Старовойтова 2009: 78]. Традиция изготовления ритуальных облачений (в том числе накидок) из кусков ткани восходит к легендам о жизни Будды, который отказывался принимать в дар новые одежды и шил себе платье из выброшенных одежд, поэтому среди буддистов иногда одеяния в прямом смысле сшивались из кусков использованной ткани.

Лавшиг хамбо-ламы Лувсаннамхая изготвлен из полос шерстяной бордовой ткани, и эта традиция, вероятно, связана с буддийским обычаем изготовления ритуального одеяния из кусков ткани. Вместе с тем особенности кроя связаны не только с обычаями монашеских ограничений, но и с ранними технологиями изготовления тканей. Известно, что ручные ткацкие станки ограничивали ширину ткани шириной размаха руки ткача. Весьма распространены были ткани шириной около 20 см, что определено удобством работы на простейшем ручном станке. Так, В. В. Неелов отмечает, что в Китае, где история ткачества насчитывала тысячелетия, в эпоху централизованных империй ширина многоцветных китайских шелковых тканей не превышала 50 см, «очевидно, эти ткани вырабатывали в императорских мастерских, показатели их свойств регламентировались. Ширина тканей домашнего производства была меньше и достигала даже 20 сантиметров (выделено автором. — Э. П.)» [Неелов 1986]. В коллективной монографии, посвященной культуре китайцев упомянутого периода, авторы также отмечают, что «Ширина ткани зависела от размеров станка, составляя в среднем около 45–50 см. Ширина узорчатых полихромных тканей, производившихся в казенных мастерских, была строго регламентирована и составляла 2 чи и 2 цуня (около 50 см)»; при этом один кусок ткани делали длиной в 4 чжана (около 9 м), и для его изготовления искусной ткачихе требовалось примерно полмесяца [Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров 1983: 160].

Нужно отметить, что техника тканья в принципе не менялась до XVIII в., поскольку во всем мире использовались ручные станки. И лишь в конце XVIII в., в 1780 г., Э. Картрайтом был изобретен механический ткацкий станок. Необходимость ручной работы с челноком, которым на основе прокидываются нити утка, определила то, что обычно ширина полотна в разных регионах распространения ткачества не превышала 50 см, а в домашнем производстве имела меньшую ширину. После изготовления таких узких полос ткани их вручную сшивали, что позволяло изготовить ткань достаточной для пошива ширины. Длина полос ткани после их соединения в одно полотно позволяла свободно кроить наплечную одежду без плечевых швов.

Как отмечает Л. Л. Викторова, ссылаясь на исследование японского ученого С. Умехары, обнаружившего в материалах ноин-улинского могильника ряд вещей, которые имеют «или происхождение, или аналогии с Южной Сибирью, Передней Азией и империей Хань в Китае» [Викторова 1977: 172], «Далекие предки монголов были знакомы и с тканями из шелка и шерсти. Их привозили из Китая и Передней Азии» [Викторова 1980: 32], при этом в XIX в. благодаря интенсивной деятельности китайских торговцев использовались ткани преимущественно китайские [Викторова 1977: 172].

Ткань, из которой сшит ламский лавшиг Лувсаннамхая, — шириной 20 см, что свидетельствует о ее изготовлении на ручном станке и, скорее всего, в домашнем производстве. В процессе изготовления ткани использовано саржевое переплетение, которое дает возможность изготовить плотную и износостойкую ткань. Вероятнее всего, ткань имеет китайское происхождение: в XVIII в. дербеты находились под властью маньчжуров в составе цинского Китая, в 1753 г., накануне основания *Дэчинравжаалин*, они переселились на территорию современного расселения (в район озера Увс, ныне Убсунурский аймак Монголии), где составили население одного сейма (чуулгана) под названием Сайн-заягату [Аюуш 2012: 27; Бакаева 2016а: 44]. Вместе с тем, если исходить из того факта, что Лувсаннамхай совершил паломничество в Тибет накануне основания своего монастыря, можно предположить, что ткань была им привезена из Тибета: традиция преподносить ткань либо монашескую одежду во время церемонии приема была характерна для тибетской традиции. К примеру, побывавший в Тибете калмыцкий паломник Пурдаш Джунгуев упоминает в своем дневнике следующие подарки: «[Панчен-гэгэн] пожаловал [мне]: гашик-тамга¹, епанчу со своего плеча, титим², цанг, цзугийн бадир³, ручную Ямандаку⁴, клеймо

¹ Гашик-тамга — письмо или грамота с официальной печатью.

² Титим (чжодбон) — круглая шапочка, покрытая шелковыми шнурками черного цвета.

³ Цзугийн бадир (т.е. цзуская «бадир аяга») — чаша для сбора подаяния. Обязательный атрибут каждого буддийского монаха.

⁴ Ручная Ямантака — маленькая фигурка Ямандаки, одного из весьма почитаемых божеств буддийского пантеона.

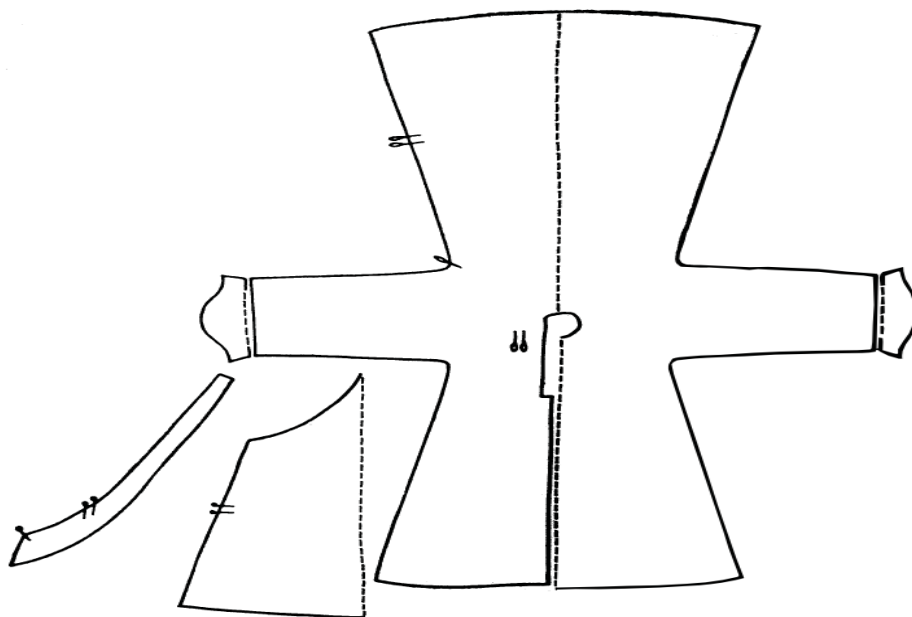

Рис. 7. Схема кроя монгольского ламского одеяния. Слева внизу показана схема дополнительного борта, пришиваемого к левому борту [Викторова 1980: 34]

для скота, рилу шалир¹, один кусок сукна и один хадак. Великий гэбкуй² [монастыря] Даши-лхунбо подарил мне три [вещи]: дагам³, чжогбадэлмэй⁴ и махлай⁵. Гэгэн благословил их и выдал [на них] удостоверение» [Хожение в Тибет 1988: 147].

Учитывая сложность в изготовлении ткани для кроя анализируемого монашеского одеяния (полосы ткани удобнее использовать для одежды прямого кроя), можно сделать вывод о том, что расклешенный силуэт являлся характерным для национальной традиции. Это обусловило необходимость расширения основного полотна ткани в нижней части ламского *лавишиг* путем добавления коротких, уменьшающихся по длине по краям халата, полос ткани.

По мнению Г. Чимэддоржа, ритуальный *дээл* хамбо-ламы изготовлен по канону, ко-

торый был определен монгольским (халхаским) Джебцун-Дамба-хутухтой. Такая одежда имеет сходство с одеждой мирян, отличаясь некоторыми деталями: ламские одеяния должны быть желтого или красного цвета, иметь другую форму воротника и вырез ворота. Так, монгольский ламский *дээл* не имеет характерный прямоугольный выступ на левом борте в области плеча — *энгэр*, а отличается тем, что по линии ворота вырезана по косой плавно почти до талии; внутренний же борт (правый) срезан по прямой линии от ворота, образуя прямоугольный вырез, куда вшивают воротник. Рукава ламской одежды имели обшлага в форме лошадиного копыта, и отвороты на них выполнялись летом из шелка, а зимой из черного бархата [Викторова 1977: 188–189].

В соответствии с монгольской традицией ламское одеяние должно кроиться без плечевых швов, как одежда мирян. Ширина ткани определяет ширину *дэли*, так как из двух полотнищ кроят две части (перед и спинку), а из третьего полотнища — дополнительную часть для левого (верхнего) борта. Такая система кроя характерна для одежды монголов-мирян и монахов. Анализируемый нами ойратский ламский *лавишиг* XVIII в. отличается по особенностям кроя от обычного монгольского: в нем передний левый борт не имеет надставок по центру, а

¹ Рилу шалир (риллу шарил) — пиллюля, в состав которой входит прах (пепел) одного из буддийских святых.

² Гэбкуй — монастырская должность. Гэбкуй обязан был следить за порядком при богослужениях и вообще в монастыре.

³ Дагам — широкий плащ красного или оранжевого цветов, надеваемый монахами при богослужениях.

⁴ Чжогба-дэлмэй — кожаный ремень с украшениями.

⁵ Махлай (малахай) — шапка.

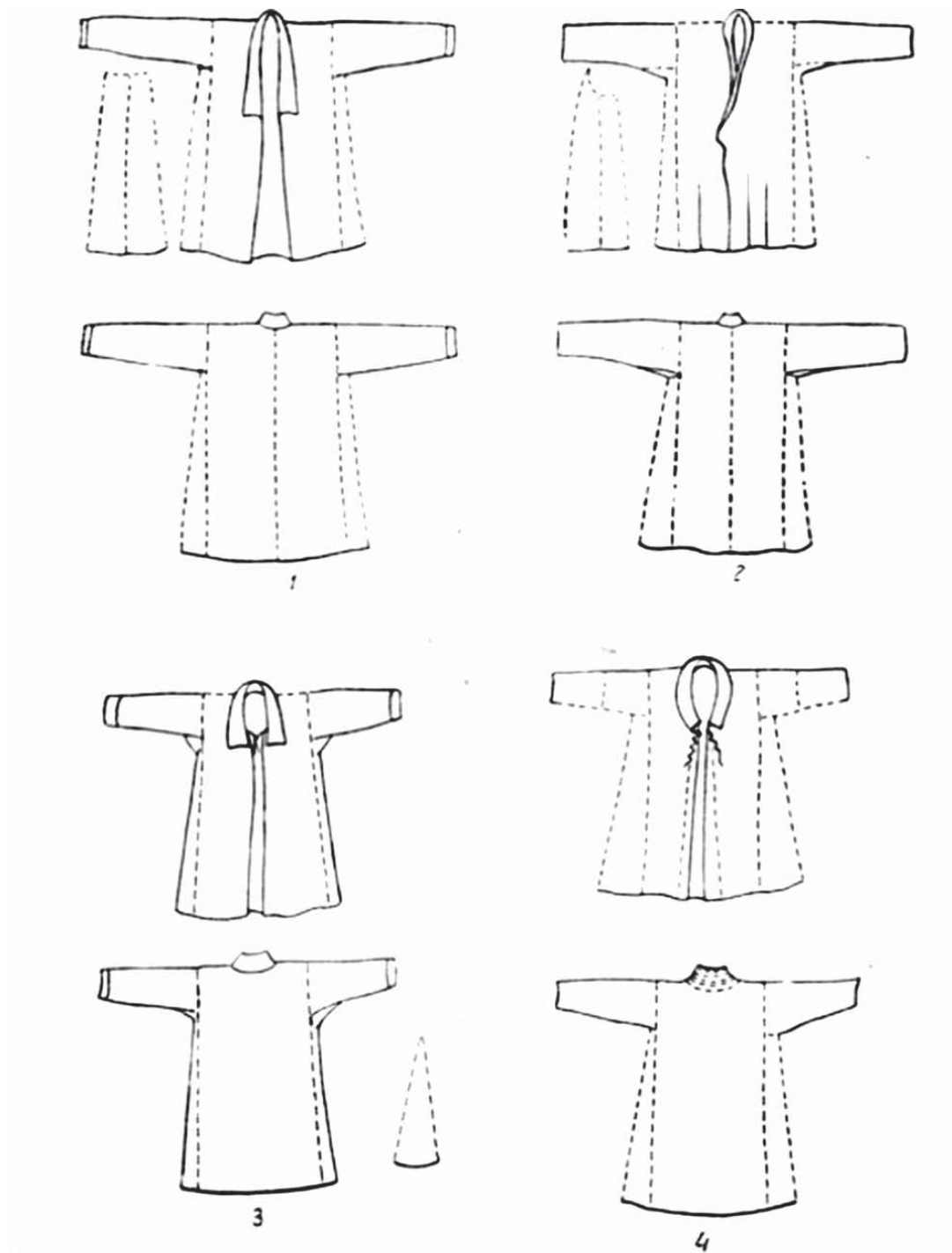

Рис. 8. Иллюстрации из работы Л. П. Потапова [1951: 55]

скроен из соединенного из полос ткани полотна целиком.

Важно отметить: в сравнении с дээл мирян, в иллюстрациях к работам В. В. Викторовой [1977: 189; 1980: 34] одеяние ламы изображено несколько расширенным книзу. По данным этого исследователя, силуэт одеяния монгольского ламы достигается че-

рез соблюдение следующих пропорций: соотношение ширины подола к ширине плеча — 3:1; длина по оси симметрии к ширине плеча — 4:3; длина поперечной оси симметрии к продольной — 2:3; ширина рукава к длине — 1:3 [Викторова 1980: 32].

Общая длина по подолу ламского одеяния дербетского настоятеля монастыря

— 312 см — соотносима с шириной подола калмыцких костюмов. Так, в более ранней работе нами был описан распашной халат калмыцкого буддийского священнослужителя из Российского этнографического музея (инв. №369-5): «Нижний халат монаха сшит из хлопчатобумажной ткани желтого цвета, не имеет плечевых швов, борта симметричны. Рукав довольно длинный, двусоставный, плечевая часть — 68 см, локтевая — 29 см, суживающийся к кисти (объем 20 см). По обоим бортам и вороту вшита полоса ткани шириной 8 см, образующая шалеобразный воротник. Борта халата не прямые, они образованы из двух элементов: основной полы, по линии плеча — прямой, но имеющей с внешней стороны внизу выступ. Сбоку к основным бортам и спинке халата вшиты клинообразные дополнительные элементы, также расширяющиеся книзу, соединенные с применением складок к отдельно скроенному элементу для подмышечной области, с треугольной верхней частью. Длина халата — 152 см, ширина подола со стороны спины — 136 см., ширина подола по борту — 102 см (всего длина по подолу — 340 см, что не удивительно, ведь общая длина по подолу юбки *маиг* монаха инв. №190-1 из этой же коллекции — 4 м), ширина плеча — 18 см, длина рукава, немного суживающегося книзу (на уровне локтя — 25 см, у кисти — 20 см), — 97 см. Столь значительная длина рукава известна также и по фотографиям духовенства» [Бакаева 2008: 28].

Пропорциональное соотношение ширины подола и плечевой части, а также особенности кроя распашной одежды с боковыми клинообразными вставками характерны для одежды южносибирских народов (см., например, [Потапов 1951:55]). Крой воротника по косой линии от шейной части к правой подмышке — черта, которая была, по мнению ряда ученых, характерна для раннего типа монгольского костюма, до заимствования от маньчжуров прямоугольного выступа *энгэр* на верхнем борте дэли.

В целом силуэт одеяния дербетского хамбо-ламы Луваннамхая, датируемый XVIII в., имеет сходство с силуэтом упоминавшегося выше ритуального халата калмыцкого священнослужителя из Российского этнографического музея, а также с зафиксированными на фотографиях конца XIX — начала XX в. одеяниями калмыцких монахов. Это свидетельствует о единой ой-

ратской традиции в одежде, восходящей к общему периоду истории западных монголов. Различие состоит в наличии на одеянии Луваннамхая косого разреза на левом борте (и в соответственной форме шалевого воротника), а также в наличии съемных (нашивных) манжет копытообразной формы. В ритуальных одеяниях распашного типа калмыцких монахов воротник прямой, борта имеют одинаковую ширину (симметричны), а манжеты в форме копыт отсутствуют.

Рис. 9. Багши Цаган Ильязтиев
в монашеской одежде

Анализируя особенности воротника на изучаемой нами одежде, следует отметить, что прокладка шерсти и стеганая часть воротника на *лавшиг* дают возможность сделать его более твердым и предупреждают сворачивание или сминание воротника. Вместе с тем обычай обшивать воротник черным простроченным бархатом в Монголии являлся характерным для одежды лам высших степеней, связанных с маньчжурской администрацией [Викторова 1977: 190]. Такая связь первого настоятеля дербетского монастыря с маньчжурской администрацией, о которой свидетельствует отделка черным бархатом воротника его одеяния, на современном этапе не является актуальной, и наличие черного воротника

объясняется исходя из традиционных народных представлений ('черный воротник избавляет от черных мыслей'). Однако известно, что в китайской (и маньчжурской) традиции представителям высших ступеней монашества вменялись некоторые административные обязанности. Переселение же ойратов-дербетов в 1753 г. с территории Джунгарского ханства, оказывавшего сопротивление маньчжурскому Китаю до его разгрома в 1758 г., происходило на территории, уже входившие в Цинскую империю, и потому именно в начале 1750-х гг. имели место тесные контакты дербетской аристократии с маньчжурскими властями. К аристократии этой примыкал и настоятель первого монастыря, открытого на новых территориях, подвластных Цинам.

Одеяние хамбо-ламы Лувсаннамхая Г. Чимэддорж называет в соответствии с монгольской традицией *дээл*. Такого типа монашеское одеяние в калмыцкой традиции называется *лавишиг*, и оно отличается от ойратской одежды мирян, называемой *лавишиг* [Бакаева 2016б]. Особенностью *лавишиг* как церемониального монашеского одеяния, согласно трактовке в словарях, является отсутствие воротника и пояса: «1. захгүй ёст дээл; төвд хэлнээ нөмгөн өмсдөг гадур хувцаасны нэг зүйл; 2. тэрлэг, эрэгтэй хүний зуны дээл» '1. парадное одеяние без воротника; в тибетском языке один из видов верхней одежды, носимый без пояса; 2. тэрлэг, летний мужской халат' [Сүхбаатар 1997: 119]; «la-pa-sha, la-pa-shag — род верхней одежды без пояса» [Рерих 1987: 134–135]. В свете особенностей монгольского костюма, в котором обязательно присутствует воротник-стойка, одеяние Лувсаннамхая можно признать таковым, так как в нем присутствует только *хиаз зах* (воротник шалеобразного типа, оформляющий края бортов); согласно Большому академическому монгольско-русскому словарю, «Лавшиг Lebsi (хуучир. — дэли без стойки (церемониальное)» [БАМРС, II 2001: 297]. Если ойратские монахи придерживались традиции ношения *лавишиг* без пояса, то хранимый вместе с реликвией широкий и длинный кусок красного шелка может быть атрибутирован как ритуальная накидка *оркимджи*, хотя размеры ткани соответствуют и традиционному монгольскому мягкому поясу, и последние хранители монашеского одеяния считают его именно таковым.

Таким образом, монашеское одеяние первого хамбо-ламы монастыря Дэчинравжаалин представляет собой западного типа теплую одежду из шерстяной ткани ручного производства (узкой, всего 20 см, по ширине, с саржевым переплетением), с подкладом из атласного шелка, с особым воротником, сочетающим простеганную и бархатную части. Для силуэта и общего кроя этого одеяния характерно соответствие южносибирскому типу одежды. Вместе с тем асимметричные борта одеяния, косая линия воротника на верхнем борте, наличие съемных манжет в форме копыт — характеристики, которые восходят к монгольской традиции. Ламское одеяние Лувсаннамхая соответствует правилам, введенным первым Богдо-гэгэном для одежды монахов. Технология изготовления тканей на ручных домашних станках, широко распространенная в регионе в XVIII в., обусловила специфику ткани, которая соответствует ранней буддийской традиции шитья монашеских одежд из кусков (полос) ткани. Ручное шитье также определено временем изготовления предмета одежды и соответствует буддийской традиции шитья одеяния монахов ручным швом. Однако силуэт и особенности кроя одеяния Лувсаннамхая отражают и древние ойратские традиции, обусловленные распространенностью среди западных монголов южносибирского типа одежды. Можно отнести это одеяние к одежде типа *лавишиг*, которая была характерна для культуры монголов. В целом оно по пропорциям имеет сходство с калмыцкими *лавишиг*, датирующимися концом XIX в., и это свидетельствует об общих традициях.

Одеяние почитаемого ламы, основателя монастыря, ставшего сакральным центром новых кочевьев дербетов, которые переселились в 1753 г. на территорию нынешнего Убсунурского аймака Монголии с территории Джунгарского ханства, является предметом поклонения на протяжении 2,5 столетий. Оно является реликвией для буддистов и являет собой предмет, который свидетельствует о традиции культуры одежды у ойратов XVIII в.

Полевые материалы автора (ПМА)

Дээшин Балдорж, 1973 г. р., баит (борлуд овогта), уроженец сомона Тэс Убсунурского аймака Монголии. Ныне хамбо-лама монастыря Дэчинравжаалин (г. Улангом).

Галдаа Чимэддорж (Чимдээ Отгоо), 1981 г. р., дербет (тугтун овогта, их тугтун, сегтрихн,

- бадрах), уроженец Давст сомона Убсунурского аймака Монголии. Да-лама монастыря Дэчинравжаалин (г.Улангом).
- Надмидын Сүхбаатар, дербет (таргад овогта), уроженец сомона Сагил Убсунурского аймака Монголии. Ph.D., доцент Монгольского государственного педагогического университета (г.Улан-Батор).
- Цэрэнгийн Дамдинсүрэн, 1939 г. р., баит (ик цаган тайджи овогта), уроженец сомона Малчин Убсунурского аймака.
- Литература**
- Аюуш Ц. Дөрвөөд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 27–106.
- Бакаева Э. П. Об этнических группах дербетов Монголии и калмыков-дербетов // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016а. С. 44–54.
- Бакаева Э. П. К вопросу о традиционности одежды типа лавшиг и бешмет в культуре калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 4. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016б. С. 174–186.
- Бакаева Э. П. К проблеме изучения состава ойратских этнических групп и тюрко-монгольских взаимосвязей // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2015а. Ч. 2. С. 114–122.
- Бакаева Э. П. Международная научная экспедиция, посвященная 130-летию со дня рождения А. В. Бурдукова // Восток (Oriens). 2014. № 2. С. 170–172.
- Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 189 с.
- Бакаева Э. П. Этническая специфика калмыцкого буддизма // Новый исторический вестник. 2011. № 29. С. 16–24.
- Бакаева Э. П. Этническая специфика образа божества Белый старец у ойратов Монголии и калмыков России и современные тенденции в иконографии монгольского буддизма (по материалам полевой экспедиции по Убсунурскому аймаку Монголии) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015б. С. 43–78.
- Бакаева Э. П., Орлова К. В. Буддийский монастырь в Улангоме (по материалам экспедиции в Западную Монголию в 2013 г.) // Бааза-багши — буддист, паломник, просветитель, общественный деятель. Материалы «Круглого стола». Элиста: КалмГУ, 2014. С. 89–98.
- Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций калмыков и западных монголов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 456 с.
- Бакаева Э. П., Орлова К. В., Хишигт Н, Энхчимэг Ц. Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 238 с.
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ё–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001; Т. 4. Х–Я. 532 с. М.: Academia, 2002.
- Бурханы шашны сүм хийдүүд: өнгөрсөн ба одоо. Увс // Монголын сүм хийдин түүхэгн товчон. Улаанбаатар: Адмон Пресс, 2009. Х. 683–696.
- Викторова Л. Л. Монгольская одежда // Сборник Музея антропологии и этнографии. Одежда народов Зарубежной Азии. Вып. XXXII. Л.: Наука, Ленинградск. отд., 1977. С. 109–197.
- Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
- Гедеева Д. Б. Сведения о калмыцкой одежде XVIII в. по материалам архивных документов // Монголоведение. Вып. 1. Элиста: АПП «Джангар». 2002. С. 131–134.
- Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 416 с.
- Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии: очерки по истории. М.: Стройиздат, 1971. 243 с.
- Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон. Улаанбаатар: Адмон, 2009. 888 х.
- Монголын Сүм Хийдийн Түүхэн Товчоо Төсөл [электронный ресурс] // <http://www.mongoliantemples.org/index.php/en/component/dommm/1739?view=oldtempleen> (дата обращения: 01.09.2017).
- Музраева Д. Н. Лексические материалы к изучению традиционного быта ойратов Западной Монголии (по итогам экспедиции в Убсунурский аймак Монголии в 2015 г.) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015а. С. 8–31.

- Музраева Д. Н. Текст культа Амитаюса из коллекции ламы Мижддоржа, настоятеля монастыря Намирын хийд (Убсунурский аймак Монголии) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015б. С. 96–123.
- Неелов В. В. Ткачество: от плетельных рам до многозвенных машин. М.: Легпромбытиздат, 1986. 176 с.
- Орлова К. В., Бакаева Э. П., Музраева Д. Н. О пяти божествах-покровителях олётов сомона Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 107–108.
- Орлова К. В. К исследованию этнических маркеров дербетов Монголии: текст воскурения «духам-хозяевам» кочевий // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015а. С. 79–95.
- Орлова К. В. Монастырские комплексы Убсунурского аймака (из материалов экспедиции в 2015 г.) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015б. С. 32–42.
- Орлова К. В. Воскурение нутуку дербетов Монголии // Восток (Oriens). 2016. № 6. С. 132–141.
- Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. 9. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. 296 с.
- Старовойтова Е. Н. Буддийские монашеские одеяния // Буддизм России. Вып. 42. 2009. С. 72–83.
- Сүхбаатар На. Дөрвөдін Зоригт ханы хошуны Улаангомын хүрээний Дэчинравжаалин хийд // Төгс Буянт монгол зурхайн цаг тоны бичиг. Улаанбаатар: Акспойнт, 2014. 92 х.
- Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар: Адмон ХХК, 1997. 233 х.
- Топалова Д. Ю. О дербетской народной песне «Два алтайских нутука» // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 4. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 92–101.
- Хишигт Н. Монгольские монастыри: история и современность // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 ноября 2010 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 26–32.
- Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурташ Джунгуева. Часть II. У святынь Тибета / Пер. А. Д. Руднева (Ред. перевода и примеч. А. Г. Сазыкина) // Проблемы монгольской филологии: сб. ст. Элиста: КНИИИФЭ, 1988. С. 135–153.
- Author's field data**
- Deeshin Baldorzh, a Bayad (Oirat) of the Borlud ovog (clan), born 1973 in Tes District of Uvs Province (Mongolia); the current Khambo Lama of Dechenravjaaling monastery (Ulaangom).
- Galdaa Chimeddorzh (Chimdee Otgo), a Dörbet (Oirat) of the Tugtun ovog (Ikhtugtun, Segtrikh, Badrakhn), born 1981 in Davst District of Uvs Province (Mongolia); the *Da-Lama* (Mong. 'deputy abbot') of Dechenravjaaling monastery (Ulaangom).
- Nadmidyn Sükhbaatar, a Dörbet (Oirat) of the Targad ovog, born in Sagil District of Uvs Province (Mongolia); Ph.D., Associate Professor at Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar).
- Tserengiyn Damdinsüren, a Bayad (Oirat) of the Ik Tsagan Taydzhi ovog, born 1939 in Malchin District of Uvs Province (Mongolia).
- References**
- Bol'shoyakademicheskijmongol'sko-russkiyslovar' (BARMS). V 4 tomakh / red. Luvsandendev A., Pyurbeev G. Ts., Tsedendamba Ts. [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary (BAMRS). In 4 vol. Edit. by A. Luvsandendev, G. Ts. Pyurbeev, Ts. Tsedendamba]. Moscow, Academia Publ., 2001, vol. 1. 'A–G', 520 p.; vol. 2 'D–O', 536 p.; vol. 3 'Ö–F', 440 p.; 2001–2002, vol. 4. 'Kh–Ya', 532 p. (In Russ. and Mong.).
- Ayuush Ts. Dörvööd [The Dorbet people]. *Mongol ulsyn ugsaatny zүй. II bot'* [Mongolian Ethnography. Vol. 2]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2012, pp. 27–106 (In Mong.).
- Bakaeva E. P. *Etnicheskaya spetsifika kalmytskogo buddizma* [Ethnic specifics of Kalmyk Buddhism]. *Novyy istoricheskiy vestnik* (The New Historical Bulletin), 2011, No. 29, pp. 16–24 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Etnicheskaya spetsifika obraza bozhestva Belyy starets u oyratov Mongolii i kalmykov Rossii i sovremennye tendentsii v ikonografii mongol'skogo buddizma (po materialam polevoy ekspeditsii po Ubsunurskomu aymaku Mongolii)* [The White Old Man: ethnic specificity of the image among Mongolia's Oirats and Russia's Kalmyks in the context of present-day trends within Mongolian Buddhist iconography (evidence from the field expedition to Uvs Province of Mongolia)].

- Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 3. Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015b, pp. 43–78 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Glava 2. Etnicheskie gruppy oyратov Mongolii i kalmykov Rossii, subetnicheskie gruppy altaytsev i tuvintsev: k probleme etnogeneticheskikh svyazey. § 1. Ob etnicheskikh gruppakh derbetov Mongolii i kalmykov-derbetov* [Part 2. Ethnic groups of Mongolia's Oirats and Russia's Kalmyks, sub-ethnic groups of Altaians and Tuvans: revisiting the ethno-genetic relations. § 1. The ethnic groups of Dörbets in Mongolia and Kalmykia (Russia)]. Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N., Sharaeva T. I., Balinova N. V., Khomyakova T. A., Mirzaeva S. V. *Transgranichnaya kul'tura: ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya traditsiy zapadnykh mongolov i kalmykov* [E. P. Bakaeva et al. The trans-border culture: comparative sketches of traditions among the Western Mongols and Kalmyks]. Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016a, pp. 44–54 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *K probleme izucheniya sostava oyратskikh etnicheskikh grupp i tyurko-mongol'skikh vzaimosvyazey* [Studies on the structure of Oirat ethnic groups and Turco-Mongolian interrelations revisited]. *Mongolovedenie v nachale XXI veka: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu B. Kh. Todaevoy* (g. Elista. 23–26 aprelya 2015 g.) [Mongol Studies in the Early 21st Century: the Current Status and Development Prospects. Proc. of the Internat. research conf. celebrating the 100th anniversary of professor B. Todaeva's birth (Elista, 23–26 April 2015)]. Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015a, part 2, pp. 114–122 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *K voprosu o traditsionnosti odezhdy tipa lavshig i beshmet v kul'ture kalmykov* [Revisiting the traditional nature of such garments as *lavshig* and *beshmet* in Kalmyk culture]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture], iss. 4, Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016b, pp. 174–186. (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Mezhdunarodnaya nauchnaya ekspeditsiya, posvyashchennaya 130-letiyu co dnya rozhdeniya A. V. Burdukova* [The International research expedition dedicated to the 130th anniversary of A. Burdukov's birth]. *Vostok (Oriens)* (journal), 2014, No. 2, pp. 170–172 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Odezhda v kul'ture kalmykov: traditsii i simbolika* [Clothes in Kalmyk culture: traditions and symbolism]. Elista, Gerel Publ., 2008, 189 p. (In Russ.).
- Bakaeva E. P., Orlova K. V. *Buddiyskiy monastyr' v Ulangome (po materialam ekspeditsii v Zapadnyuyu Mongoliyu v 2013 g.)* [The Buddhist monastery of Ulaangom (evidence from the 2013 expedition to Western Mongolia)]. *Baaza-bagshi — buddist, palomnik, prosvetitel', obshchestvennyy deyatel'. Materialy «Kruglogo stola»* [Baaza Bagshi — a Buddhist, Pilgrim, Educator and Public Character. Proc. of the round-table conference]. Elista, Kalmyk State University Press, 2014, pp. 89–98 (In Russ.).
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Khishigt N., Enkhchimeg Ts. *Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii i Zapadnoy Mongolii: sakral'nye ob'ekty* [The Buddhist tradition in Kalmykia and Western Mongolia: sacral objects]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 2015, 238 p. (In Russ.).
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N., Sharaeva T. I., Balinova N. V., Khomyakova I. A., Mirzaeva S. V. *Transgranichnaya kul'tura: ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya traditsiy zapadnykh mongolov i kalmykov* [The trans-border culture: comparative sketches of traditions among the Western Mongols and Kalmyks]. Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016, 456 p. (In Russ.).
- Burkhany shashny süm khiydüüd: öngörsön ba odoo. *Uvs* [Buddhist monasteries: the past and present]. *Mongolyn süm khiydin tüükhhegn tovchon* [The Mongolian monastery]. Ulaanbaatar, Admon Press, 2009, pp. 683–696 (In Mong.).
- Gedeeva D. B. *Svedeniya o kalmytskoy odezhde XVIII av. po materialam arkhivnykh dokumentov* [Data about the 18th century Kalmyk garments: evidence from archival materials]. *Mongolovedenie* (Mongol Studies. Collected scholarly papers), No. 1, Elista, Dzhangar Publ., 2002, pp. 131–134 (In Russ.).
- Khishigt N. *Mongol'skie monastyri: istoriya i sovremennost'* [Mongolian monasteries: history and contemporaneity]. *Pamyat' mira: istoriko-dokumental'noe nasledie buddizma. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Moskva. 25–26 noyabrya 2010 g.) [Memory of the World: Historical

- and Documentary Heritage of Buddhism. Proc. of the Internat. research and practice conf. (Moscow, 25–26 November 2010)]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2011, pp. 26–32 (In Russ.).
- Khozhdenie v Tibet kalmytskogo bakshi Purtash Dzhungruueva. Chast' II. U svyatyn' Tibeta. Perevod A. D. Rudneva (Redaktsiya perevoda i primechaniya A. G. Sazykina)* [Kalmyk Bagshi Purdash Dzhungruuev's pilgrimage to Tibet]. *Problemy mongol'skoy filologii* [Questions of Mongolian philology], 1988, Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, pp. 135–153 (In Russ.).
- Kryukov M. V., Perelomov L. S., Sofronov M. V., Chebokarov N. N. *Drevnie kitaytsy v epokhu tsentralizovannykh imperiy* [The ancient Chinese in the age of centralized empires]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 1983, 416 p. (In Russ.).
- Maydar D. *Arkhitectura i gradostroitel'stvo Mongolii* [Mongolia: architecture and urban construction]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1971, 243 p. (In Russ.).
- Mongolyn Süm Khiydiyn Tüükhen Tovchoo Tösöl* [A project of a Mongolian monastery]. Available at: <http://www.mongoliantemples.org/index.php/en/component/domm/1739?view=oldtempleen> (In Mong.).
- Mongolyn süm khiydin tüükhegn tovchon* [The Mongolian monastery]. Ulaanbaatar, Admon Press, 2009, 888 p. (In Mong.).
- Muzraeva D. N. *Leksicheskie materialy k izucheniyu traditsionnogo byta oyratov Zapadnoy Mongolii (po itogam ekspeditsii v Ubsunurskiy aymak Mongolii v 2015 g.)* [Lexical materials for studies of the traditional life of Western Mongolia's Oirats ...]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 3, Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015a, pp. 8–31 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *Tekst kul'ta Amitayusa iz kollektsii lamy Mizhiddorzh, nastoyatelya monastyrnya Namiryn khiyd (Ubsunurskiy aymak Mongolii)* [A text of the Avalokiteshvara cult from the collection of Lama Mizhiddorji, the abbot of Namiryn Khiyd monastery]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 3, Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015b, pp. 96–123 (In Russ.).
- Neelov V. V. *Tkachestvo: ot pletel'nykh ram do mnogozvennykh mashin* [Weaving: from wattled frames to multi-sectional mechanisms]. Moscow, 1986. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/nee/lov/tka/che/stvo/index.htm> (In Russ.).
- Orlova K. V. *K issledovaniyu etnicheskikh markerov derbetov Mongolii: tekst voskureniya «dukham-khozyaevam» kocheviy* [Revisiting the ethnic markers of Mongolia's Dörbets: text of the incensing ritual for master spirits of nomadic areas]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 3, Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015a, pp. 79–95 (In Russ.).
- Orlova K. V., Bakaeva E. P., Muzraeva D. N. *O pyati bozhestvakh-pokrovitelyakh oletov somona Erdenebüren Kobdoskogo aymaka Mongolii* [About the five protector deities of the Olots residing in Erdeniburen District of Khovd Province (Mongolia)]. *Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii: mezhdunarodnoy i regional'noe vzaimodeystvie»* [Humanities in Southern Russian: International and Regional Cooperation. Proc. of the 2nd Internat. research conf.]. Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016, pp. 107–108 (In Russ.).
- Orlova K. V. *Monastyrskie komplekсы Ubsunurskogo aymaka (iz materialov ekspeditsii v 2015 g.)* [Monastery complexes in Uvs Province ...]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 3, Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015b, pp. 32–42 (In Russ.).
- Orlova K. V. *Voskurenje nutuku derbetov Mongolii* [Dörbets of Mongolia: incense offering to the nutuk (the nomadic territory)]. *Vostok (Oriens)* (journal), 2016, No. 6, pp. 132–141 (In Russ.).
- Rerikh Yu. N. *Tibetsko-russko-angliyskiy slovar' s sanskritskimi parallelyami. Vyp. 9* [The Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels. Vol. 9]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 1987, 296 p. (In Tib., Russ., Eng.).
- Starovoytova E. N. *Buddiyskie monasheskie odevaniya* [Buddhist monastic garments]. *Buddizm Rossii* (Buddhism of Russia journal), iss. 42, 2009, pp. 72–83 (In Russ.).

- Sükhbaatar Na. *Dörvödin Zorigt khany khoshuny Ulaangomyn khüreeniy Dechinravzhaalin khiyd* [Dechenravjaaling monastery ...]. *Tögs Buyant mongol zurkhayn tsag tony bichig* [Mongolian astrology ...]. Ulaanbaatar, Akspoynt Publ., 2014, 92 p. (In Mong.).
- Sükhbaatar O. *Mongol khelniy khar' ügiyn tol'* [The mirror of the Mongolian word]. Ulaanbaatar, Admon Publ. Ltd., 1997, 233 p. (In Mong.).
- Topalova D. Yu. *O derbetskoy narodnoy pesne «Dva altayskikh nutuka»* [About the Dörbet folk song 'Two Altaian Nutuks']. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 4, Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016, pp. 92–101 (In Russ.).
- Viktorova L. L. *Mongol'skaya odezhda* [Mongolian garments]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. Odezhda narodov Zarubezhnoy Azii. Vyp. XXXII* [Bulletin of the Museum of Anthropology and Ethnography. Garments of foreign Asian peoples. Iss. XXXII]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 109–197 (In Russ.).
- Viktorova L. L. *Mongoly. Proiskhozhdenie naroda i istoki kul'tury* [The Mongols. Origins of the ethnos and culture]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 224 p. (In Russ.).

УДК 391

ОБ ОДНОМ ПРЕДМЕТЕ ПОКЛОНЕНИЯ ИЗ ОЙРАТСКОГО МОНАСТЫРЯ ДЭЧИНРАВЖААЛИН (Убсунурский аймак Монголии)

Эльза Петровна Бакаева¹

¹ доктор исторических наук, заместитель директора, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bakaevaep@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена особому предмету почитания, хранящемуся в буддийском ойратском монастыре Дэчинравжаалин в Убсунурском аймаке Монголии. Предмет представляет собой ритуальное облачение верховного ламы (хамбо-ламы) по имени Лувсаннамхай, которым был основан указанный монастырь в 1736 г. Согласно буддийской традиции, его ритуальное одеяние стало почитаться как символ традиции передачи учения в качестве одной из святынь монастыря, и каждый из хамбо-лам, служивших в нем до закрытия монастыря в 1937 г., мог лишь в особо торжественные моменты облачаться в ритуальный халат лавшиг.

В работе освещаются вопросы, связанные с традиционными буддийскими воззрениями на облачение монахов, почитанием предмета одежды ойратами. Выявляются особенности материала и кроя ритуального халата хамбо-ламы, которые свидетельствуют о его раннем происхождении, использовании ручного ткацкого станка при изготовлении ткани, из которой он сшит, а также об особых представлениях, связанных с его цветовой символикой. Сделан вывод о том, что в буддийской традиции ойратов ритуальное облачение монахов имело сходство костюмом монгольских лам и некоторое сходство с калмыцкой традицией одежды.

Ключевые слова: буддизм, предметы культа, монастырь, ритуальная одежда, ойраты, традиции, монгольский костюм, калмыцкий костюм.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 130–140, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-130-140
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 392

One Hyphen – One Hundred: Revisiting the Issue of Livestock Count among the Turko-Mongolian Peoples

Svetlana P. Tyukhteneva ¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kerel63@mail.ru

Abstract. According to archaic beliefs of Central Asian nomads, there are things that may be counted and those that may not. The latter includes livestock. However, socio-economic requirements of the authorities – the *Khan, zaisan* (Kalm. ‘prince’) or any other ruler – that needed money for social amenities (i.e. taxes), and practices of customary law within a community (e.g. *kalym*, Turk. ‘payment for the bride’) forced nomads to count their livestock.

Since earliest times to the present days Central Asian livestock breeders have been using the term *bodo* – denoting one big animal – for livestock count. *Bodo* is both an economic and financial term acting as universal equivalent. With evidence from diverse scholarly studies it may be concluded that the *bodo*-based count system had taken shape before the emergence of the Mongol Empire and evolved from the customary law of Central Asian peoples. It was the Great Yassa (Mong. *Ikh Zasag* ‘great code of laws’) introduced by Genghis Khan at the 1206 Kurultai (Mong. ‘assembly’) which proved a codified version of the ancient customary law of Turko-Mongols. Thus, ever since one can trace the quantity equivalent of one *bodo* in both written and oral Mongolian codes of laws. Throughout centuries the size of *bodo* varied which is understandable enough when viewed from the perspective of its position as universal equivalent, i.e. exactly like the case of floating exchange rates of modern supranational currencies.

The article attempts to define the principle for the formation of *bodo*. The main conclusion is that a *bodo* comprises a number of small ruminants which are cheaper both in terms of marketable value and reproduction (this year’s lambs shall breed in just one year), and are equivalent to one cow, (saddle-)horse or (pack-)camel. Judging by the fact one camel stood for two *bodos*, camels were most valued due to the longest reproduction period. In other words, the *bodo*-based universal estimation system of medieval Turko-Mongols can be well compared to the present day universal equivalent – money: one ruble (sheep) – one hundred rubles (horse).

Keywords: livestock breeders, Altaians, Kalmyks, Mongols, livestock, livestock count, *bodo*.

Определить точное количество скота у владельца скотовода внешнему наблюдателю достаточно сложно. Точную численность своего стада знает лишь он сам. Или пасущий это стадо — ибо они знают «в лицо» каждое животное, будь то корова, лошадь, як или овца. На прямой вопрос «Сколько у тебя скота?» всегда следует ответ «Мне хватает» [у шведских саами о численности домашних северных оленей, ПМА 1998] или «Две-три головы» или «Одно стадо / один табун» [у алтайцев и калмыков, ПМА 2007]. У калмыков по сей день, как и у многих других скотоводов, бытует традиционное представление о запрете считать поголовье скота. Счет, по представлениям калмыков, означает, что нечто считаемое может закончиться, и потому считать можно одежду, обувь, посуду — но не пищу, не людей, не звезды и не скот [Бакаева 2009: 15]. Вот как об этом запрете, приводя данные по численности семейств (или кибиток) и наличию у них скота по состоянию на конец XVIII — самое начало XIX в. пишет главный пристав калмыцкого народа с 1802 по 1804 гг. Н. И. Страхов: «Означенное число кибиток и скота неверно, потому что калмыки от суеверия почитают за грех объявлять настоящее число имения, а из опасения, чтобы не подпасть счету людей и по них налогам, скрывают рачительно свое народосчисление» [Страхов 1810: 18]. За краткое время пребывания в калмыцкой степи Н. И. Страхов, будучи наделенным талантом литератора и тонкого аналитика, сумел точно отметить и роль традиционных верований калмыков, и увидеть прагматическую роль сокрытия численности и людей, и скота. В статье о Страхове-литераторе Людмила Зайонц [Зайонц 2008: 25–42] пишет, что он прожил в Астраханской губернии с 1797 г., а на должность главного пристава его назначили «просьбе калмыцкого наместника Чучея Тундутова, аттестовавшего Н. Страхова как чиновника, сумевшего „приобрести доверенность“ калмыков, а также „достаточное о пользах и нравах их познание“». Убедительность сделанных им в работе «О калмыках» выводов — к примеру, что количество скота может быть вдвое больше учтенного и что указание точной его численности приведет к росту налога, представляется мне вполне достоверной, поскольку это актуальная проблема и применяемая практика дня сегодняшнего. Так, 16 марта 2000 г. правительство Республики

Калмыкия приняло Постановление №76 «О мерах по упорядочению учета поголовья скота и продукции в личных подсобных хозяйствах граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Калмыкия». В тексте Постановления описана ситуация, целиком подтверждающая выводы Страхова. Приведу выдержку из него: «Существующий учет скота не в полной мере отражает действительную картину. По данным Госкомстата Республики Калмыкия по состоянию на 1 января 2000 года в личных подсобных хозяйствах граждан числилось крупного рогатого скота 56 тыс. голов, овец 184 тыс. голов, а по материалам пересчета сельскохозяйственных животных, проведенного согласно распоряжения Правительства Республики Калмыкия от 4 ноября 1999 года № 446-р, численность поголовья значительно больше (крупного рогатого скота — 70 тыс. голов, овец — 293 тыс. голов)» [Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации]. Аналогичная ситуация описана в газете «Хальмг үнн»: «КФХ (крестьянские фермерские хозяйства. — С. Т.) понемногу меняют свой статус, ибо работать легально становится невыгодно. Душат налоги. Расходы большие, а от государства помощи почти никакой, и поэтому многие фермеры ушли в „единоличники“, то есть в ЛПХ (личное подсобное хозяйство. — С. Т.). <...> И вот последние неприятные новости для села пришли из Центра. Премьер-министр Дмитрий Медведев поручил Минсельхозу проработать ограничения поголовья скота и птицы в личных подсобных хозяйствах. Инициатива принадлежит ставропольскому губернатору — он обнаружил личные хозяйства, в которых десятки тысяч овец, и предложил ограничить поголовье пятью коровами и 20 овцами» [5 коров и 20 овец — хватит ли для жизни?]. Описанная ситуация характерна для всей страны по сей день — неподъемные налоги вынуждают людей «рачительно скрывать» численность скота, несмотря даже на комплекс «антисанкционных» мер, в рамках которых производятся и дотации, и компенсации за каждую голову скота.

Говоря об отсутствии сведений о количестве скота у населения Калмыцкого ханства (середина 1600–1771 гг.), историк М. М. Батмаев иронично цитирует текст указа Коллегии иностранных дел от 26.03.1765 г., в котором сказано, что, дескать,

богатые скотовладельцы уклоняются знать о точном количестве своего скота, опасаясь «от того претерпеть нещастия падежом онаго, а считают лошадей своих косяками», который может состоять из жеребца и десяти и более кобылиц, в связи с чем «о точном числе скота и ведать не могут» [Батмаев 1993: 111].

Из цитируемого текста можно сделать вывод, что для указанного периода это была культурная норма, обусловленная представлениями калмыков XVII–XVIII вв. о том, что если что-то посчитать, оно может закончиться. Чтобы подкрепить эту мысль о древности традиции не считать скот и «не ведать о его числе», приведу описание высшей степени благоденствия героя в алтайском героическом эпосе: во владениях героя проживало столько много разных людей, живших так далеко друг от друга, что они не общались между собой и не знали языка друг друга; столько много животных, которые никогда они не встречались, не обнюхивали друг друга, что не знали запаха шерсти друг друга [Алтай чорчоктор 2016: 64].

Болеетого, даже если есть необходимость назвать количество скота, скотовод к числу наличных животных отнесет лишь взрослый скот, не учитывая молодняк первого и второго года жизни. Так, С. Ч. Донгак в своем диссертационном исследовании, посвященном скотоводству у тувинцев, ссылаясь на дореволюционных авторов — А. К. Беннигсена, В. Юдина, Н. Леонова, пишет, что они «делали также попытки вычислить количество всего тувинского скота», чему «мешал своеобразный подсчет скота у тувинцев, когда молодняк не считался <...> традиционно тувинцы не считали животных до 2-х летнего возраста» [Донгак 2011: 6]. Следовательно, когда центральноазиатский скотовод говорит, что у него десять коров, в реальности это будет означать, что у него десять коров, не менее десяти телят этого года отела, не менее десяти бычков второго года жизни, один бык, итого не менее тридцати голов крупного рогатого скота.

Считать скот можно лишь тогда, когда речь идет о выплате калыма, исчислении приданого невесты или штрафа. Этот способ подсчета скота, однако, не шел вразрез с традиционной общей тюрко-монгольской нормой — сумма штрафа, приданого или калыма исчислялась в условной единице,

называемой *бодо* [БАМРС, 1 2001: 252]. *Бодо* является термином, обозначающим одну голову крупного животного [БАМРС, 1 2001: 252]. Эквивалентом одного *бодо* или одной лошади как наиболее ценного как в хозяйственном, так и в статусном и символическом отношении животного могли считаться: один бык или вол, одна корова, половина верблюда, пять или семь овец и десять или четырнадцать коз. То есть, к примеру, при наделении девушки по выходу замуж приданым в виде скота родители могли озвучить его размер числом голов скота в десять *бодо*. Это не означает, что обязательно будут даны десять лошадей или десять коров. Исходя из наличия видов и численности скота в домохозяйстве, родители могут выделить пятьдесят овец [10 *бодо* 5 овец] или сто коз (10 *бодо* · 10 коз).

Бодо

Судя по исследованиям специалистов разных отраслей науки, система исчисления, в основе которой лежит всеобщий эквивалент *бодо*, сложилась до времени образования Монгольской империи на основе обычного права народов Центральной Азии. Результатом кодификации норм древнего обычного права тюрков и монголов явилась «Великая Яса» [Их Засаг], представленная Чингис-ханом на курултае в 1206 г. [Мухаметов 2006: 64–71; Почекаев 2009: 298–312; Тумурова 2010: 31; Комаров 2016: 57–61]. Как указывает Ц. П. Ванчикова, в первом письменном своде монгольских законов XIII в. «Белая история» [Чаган тэуке] один *боді[о]/бода/боду/* [Ванчикова 2013: 116, прим. 2] был приравнен одной лошади или одной корове или быку, или половине верблюда, или семи овцам или четырнадцати козам. По более поздним сведениям, содержащимся в своде законов 1640 г., средневековом монголо-ойратском юридическом документе «Их цааз» [Великое уложение], один *бодо* равен одной лошади или одной корове, или пяти овцам, а один верблюд был равен двум *бодо* [Ванчикова 2013: 116, прим. 2]. У калмыков один *бодо* в XVII в. был равен или одному коню, или одной корове, или пяти овцам. Один верблюд равен был двум *бодо* [Сарангов 2007: 127, прим. 50]. По материалам Андраша Рона-Таша середины XX в., в Монголии один *бодо* считали равным также семи овцам или четырнадцати козам, одной корове или од-

ному быку или одному яку, или половине верблюда [Рона-Таш 1964: 200]. В 1925–1926 гг. в Тувинской народной республике один *бодо* был эквивалентен одной голове крупного рогатого скота, либо одной лошади, либо десяти головам мелкого рогатого скота [Дабиев 2014: 109–113]. По данным Б. Энхтувшина и др., один *бодо* в Монголии в 2013 г. был равен одной лошади или голове крупного рогатого скота, или шести овцам или восьми козам. Один верблюд — полтора *бодо* [Энхтувшин, Курас, Цыбе-нов 2013: 216].

Если судить по этим сведениям, на протяжении многих столетий размер *бодо* менялся, что вполне объяснимо, имея в виду его характер всеобщего эквивалента (по аналогии с плавающими курсами национальных валют современности). Очевидно, что у разных народов тюрко-монгольского мира, проживавших в различных природно-климатических условиях, видовой состав скота и его количество существенно отличались. Кроме того, в кухне у многих центральноазиатских номадов баранина предпочтительнее мяса коз. Поэтому, вероятно, эквивалентом одного *бодо* было в разное время и у разных народов пять / шесть / семь овец или, в полтора-два раза больше, восемь / десять / четырнадцать коз. Неизменным был и остается сам принцип: *бодо* составляют несколько голов мелкого рогатого скота, более дешевого как с точки зрения товарности, так и воспроизводства (ягнята этого года рождения могут через год уже дать приплод), равноценные одной голове более ценного крупного рогатого скота, или одной голове транспортных животных — лошади [под седло] или верблюда [под вьюк]. Дороже всего оценивался верблюд — судя по тому, что один верблюд приравнивался к двум *бодо* — как дольше всего воспроизводящееся животное (у верблюдов половая зрелость наступает в двух-пятилетнем возрасте, а беременность длится более года) [Биология 2007: 34]. Или, говоря иными словами, соотношение животных, оцениваемых в *бодо* как всеобщем эквиваленте у тюрков и монголов в средние века, можно сравнить с соотношением современного всеобщего эквивалента, денег: один рубль (овца) к ста рублям (лошадь).

По сей день у тюрко- и монголызычных народов скот традиционно делится на имеющих длинные ноги и большое

туловище (крупный скот): *бод мал* (монг., калм.) или *жоон мал* (алт.), куда относятся лошади, верблюды, крупный рогатый скот, в том числе яки, и на имеющих короткие ноги и небольшое туловище (мелкий скот): *бог мал* (монг., калм.) или *оок мал* (алт.) — овцы и козы. К примеру, в толковом словаре монгольского языка значение слова *бод* объясняется и иллюстрируется следующим образом: 1. *Адуу, тэмээ, үхрийн ерөнхийлсөн нэр; урт хөлийн мал: бод мал [адуу, үхэр, тэмээ зэрэг урт хөлийн мал] — Бод, бог малыг чийгтэй өвс бүхий бэлчээрт хариулах нь тохиромжтой. Ж. Самбуу, «Мал маллагааны арга туршилага».* ‘1. Наименования лошади, верблюда, коровы; с длинными ногами крупный скот [лошадь, корова, верблюд животные с длинными ногами]. ‘Мелкий и крупный скот полезно пасти в дельте реки, там, где есть трава’. Ж. Самбуу, «О способах ухода за скотом». 2. *Малыг үнэ хаялцуулан бодох нэгж; адуу, үхэр нь тус тус нэгжгээд, тэмээ 1,5–2, 5–7 хонь, 7–10 ямааг тус тус нэгжгээд бод гэнэ — Тэд цөм зуу хүрэхгүй бод хөрөнгөтэй боловч өнөө хүртэл хамтралд ороогүй. Ц. Уламбаяр, «Зовлон жаргал»* ‘2. Цена единицы крупного скота при продаже; соответствует цене лошади, коровы, /а/ верблюд /стоит дороже их/ в 1,5–2 /раза/, 5–7 овец, 7–10 коз меняют на единицу крупного скота. ‘Пока крупный скот не подрастет до определенного времени, он не входит в оборот (не идет в продажу)’. Ц. Уламбаяр, «Страдание и счастье»¹. [Монгол хэлний их тайлбар толь].

Аналогично в тувинском языке *бода* имеет значение: ‘1. бодо, единица подсчёта скота в переводе на голову крупного скота, историческое экономическое; 2. лёгкая фигура, шахматное; 3. крупный [о скоте, о зерне]: *мыйыстыг бода мал* ‘рогатый крупный скот’; *бода тараа* ‘крупное зерно’ [напр. зёрна пшеницы в отличие от проса] [ТРС]. В калмыцком языке *бод* означает: ‘1. крупный скот [верблюды, лошади, коровы]; 2. истинная сущность, реальность, материя, вещество в философском смысле’; иллюстрируется пословицей *Бийэн бурхнд бичэ бод, үүрэн нохала бичэ дүңцүл* ‘Себя богом /бурханом/ не считай, товарища с собакой не сравнивай’ [КРС 1977: 103].

В соответствии с тем, что исходным для термина *бодо* послужило слово *бод* ‘круп-

¹ Благодарю за перевод с монгольского языка на русский д-ра филол. наук Т. Г. Басангову.

ный', можно с высокой долей вероятности предположить, что в основе этимологии и эволюции термина *бодо* лежат представления и практики, связанные с конем: один *бодо*, собственно, это одна лошадь. О значении лошади в культуре центральноазиатских народов написано достаточно (см., к примеру: [Манджиева 2015: 1189], попутно замечу, что ни в одном эпосе нет оды, посвященной овце, роль которой столь велика в обрядовой жизни тюрко-монгольских народов), и, чтобы не повторяться, я лишь подчеркну, что описываемая система могла сложиться именно в связи с универсальностью лошади: ее приспособленностью обитать в разных экологических нишах, ее ролью ездового и гужевого животного, а также издавна известным у воинов тюрко-монгольских народов способом пить кровь в случае отсутствия возможности найти пищу. Далее, значение «крупный», возможно, семантически связано с существительным *бой* в значении '1. сам, 2. рост, возраст' [ОРС 1947: 32]. Ойротско-русский словарь был опубликован в 1947 г., до переименования Ойротской автономной области в Горно-Алтайскую автономную область в 1948 г., и, соответственно, является словарем языка тюркоязычных современных алтайцев, жителей Республики Алтай, с глаголом *бодо*— 'решать, оценивать что-либо' [ОРС 1947: 32] в алтайском языке; в тувинском с местоимением *бот* в значении '1. сам: *бодум* 'я/ сам'; *бодуң* 'ты/ сам'; *боду* 'он/ сам'; *бодувус*, *боттарывыс* 'мы/ сами'; *аът-даа*, *бот-даатурупкан* 'и конь, и сам /я/ устали'; 2. холостой, одинокий'. Это местоимение, *боду*, образует сложные слова в сочетании с глагольными формами, которые соответствуют сложным словам в русском языке с приставкой *само*—: *боду бижиш херексел* 'самопишущий прибор'; *боду чоруур* 'самоходный'; *боду өөрөнгөн* 'самоучка'» [ТувРС].

Исходя из всего множества лексических значений, можно предположить, что в термине *бодо*, помимо значения «крупный», имманентно присутствуют такие смыслы, как «сам», «целый» и «полноценный». В толковом словаре традиционного быта калмыков для обозначения понятия «крупный скот», верблюды, лошади, коровы, дано и *бод мал*, и *бүдүн мал* [Пюрбеев 1996: 19]. Аналогичное слово — *бүдүн* — в алтайском языке означает 'полноценный', 'целый', 'целостный'. К примеру, о мальчике-под-

ростке, включенном в процесс хозяйственной жизни семьи, говорят: *Бүдүн эр болуп калган* 'Целым / полноценным мужчиной стал'. Или о новорожденном, по прошествии трех-четырех месяцев: *Бүдүн кижил болуп калган* 'Целым / полноценным человеком стал'. Следовательно, *бүдүн* в значении 'крупный' может означать также 'полноценный' и относиться не только к животному, но и к человеку, и означать не только 'крупный', но и 'взрослый', т. е. социально полноценный. На мысль о многослойности смыслов и значений, входящих в семантический ряд термина *бодо*, наталкивают также значения слова *бой* в казахском: '1. рост [в основном человека]; 2. тело; плоть; организм' [КазРС].

В совокупности указанных выше значений и смыслов термин *бодо* как экономическое и правовое понятие мог выражать, как представляется, следующие важные моменты: лошадь взрослая, физически здоровая, целая [нормальное телосложение, хвост и грива] старше трех лет и моложе семи лет, уже обученная ходить под седлом или которую можно научить, которая в последующем должна стать *alter ego* седока, в идеале составив с хозяином единое целое, единый организм, поскольку, согласно представлениям тюрко-монголов, человек без коня и не человек вовсе.

Бодо и штраф

В *бодо* оценивались и учитывались не только приданое или калым, но и штраф. В Ясе, как и в последующих правовых документах, предусмотрены штрафы, налагаемые на провинившегося. Как полагает А. Т. Тумурова, изучающая обычное право бурят, скот, домашние животные для них — это «главный источник благосостояния, поэтому они выступают главным объектом имущественных отношений», и *бодо* также является объектом подобных отношений [Тумурова 2010: 31]. Этот феномен, выступающий в качестве всеобщего эквивалента, и его «соотношение с «девяткой», распространенной мерой материального возмещения в монгольском праве, позволяет сделать вывод о более древнем происхождении первого [Тумурова 2010: 31]. Совершенно правомерно, что в обычном праве кочевников штрафы взыскивались животными. Вместе с тем штрафы в количественном выражении отличались и зависели от тяжести проступка и преступления. Штраф в размере одного

девятка мог включать два коня, две коровы, пять овец или коз. Наиболее легким для выплаты был штраф в один *бодо*, не конкретизированный по виду скота, поскольку вместо одной лошади можно было отдать пять овец, наиболее тяжелым — штраф в девять *бодо* верблюдов. Ю. В. Хармаев, изучавший специфику наказаний в средневековой Монголии, указывает, что наиболее распространенный вид наказания — это штраф скотом [Хармаев 2015: 73–79]. При этом, пишет он, наиболее часто в средневековом монгольском законодательстве указан штраф двумя самыми ценными видами транспортных животных — верблюдами и лошадьми, реже — овцами и коровами [Хармаев 2015: 73–79]. Штраф в этот период «в основном исчислялся девятками и пятками. <...> Один девяток традиционно состоял из четырех голов крупного скота и пяти мелкого. Пятток состоял из коня, быка и трех баранов» [Хармаев 2015: 73–79]. Эта норма санкции за проступок или преступление сохранялась и в калмыцком обычном праве. Ц. А. Сарангов, описывая нормы калмыцкого Цааджин Бичиг, пишет: «Девяток — основная единица штрафа скотом. В состав одного девятка входили, как правило, четыре *бодо* и пять овец, которые в случае необходимости могли заменяться другими видами скота» [Сарангов 2007: 127, прим. 50]. Эта же система функционировала на территории Тувы в период нахождения ее в составе Цинской империи: А. А. Самдан указывает, что в основе системы наказаний также был штраф девятком, состоящим из четырех крупных и пяти мелких животных [Самдан 2014: 40, прим. 1]. При этом маньчжуры допускали замену одного вида скота другим [Самдан 2014: 38–43] и скотом же собирали местные налоги, шедшие на содержание аппарата: «выплаты жалования чиновникам, служащим канцелярии амбын-нойона, хошунов и уртонов, на разные канцелярские и хозяйственные товары, а также на содержание уртонов» в установленном размере — один баран с количества поголовья овец от пяти до двадцати, два барана с поголовья численностью сорок овец и более [Самдан 2014: 40].

Штрафы заключались в выплате одной, пяти или девяти голов скота, причем в соотношении не менее половины штрафа крупными животными и не более половины размера — мелкими животными. Один девяток означает девять голов, пять девятков

— сорок пять голов, десять — девяносто. Чтобы понять логику, почему именно таковым было количество скота, следует обратиться к традиционной скотоводческой технологии и соотношению в стаде крупного и мелкого скота.

В своей работе о средневековых монголах Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова, используя различные документы и материалы исследований, указывают, что для монголов было нормой соотношение один к шести — одна лошадь и шесть овец [Крадин, Скрынникова 2006: 69]. Эта норма обусловлена свойством монгольских лошадей: при образовании зимой наста только лошади могут разбивать его копытами и таким образом обнажать траву на пастбище. Умение лошадей тебеневать лежит в основе скотоводческой технологии у всех народов Центральной Азии. Первыми на заснеженное пастбище пускают лошадей и только за ними овец. Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова, описывая технологию пастбищного выпаса скота в условиях зимы у средневековых монголов, ссылаются на Плано Карпини и Мэн-да бэй-лу [Крадин, Скрынникова 2006: 69]. В последнем источнике прямо указано, что при наличии ста лошадей у скотовладельца непременно должно быть не менее шестисот овец [Крадин, Скрынникова 2006: 69].

Следовательно, опираясь на все вышеуказанные сведения, можно заключить, что размер штрафа был установлен именно на основе этого соотношения, плюс корова или ячиха, и верблюд. Кочевое скотоводство предполагает высокую мобильность и высокую степень адаптации к экологическим условиям места обитания. В отношении монголов (а также средневековых ойратов и их потомков калмыков, сохранявших и в условиях Поволжья традиционные технологии и навыки), территория обитания которых состояла в том числе из пустынь и полупустынь, Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова отмечают, что они разводили «скот пяти видов» — *таван хошуу мал* — включая овец, лошадей, коров, верблюдов и собак [Крадин, Скрынникова 2006: 69, ссылка на рукописи средневековых южносунских дипломатов Пэн Дая и Сюй Тина]. Верблюд как транспортное и грузовое животное, могущее перевозить в два раза больше груза, чем лошадь, играл незаменимую роль в кочевой экономике в условиях аридного ландшафта и климата. И, таким образом, штраф девяткой состоял из минимального

числа животных, необходимых для жизнеобеспечения одного человека, из которого тот мог вырастить стадо. Один верблюд необходим для перевозки юрты, одна лошадь — для езды, шесть овец — для пропитания и получения шерсти и шкур, и одна корова или ячixa — для получения молока. В случае экологической обусловленности разведения в большем количестве коз одна овца приравнивалась к двум козам. Анализ, проведенный Н. Н. Крадиным и Т. Д. Скрынниковой в вышеуказанной работе, согласующийся с мнением других нomaдологов, показывает, что минимальное количество скота для обеспечения нормального питания одного человека у монголов средневековья составляло не менее семнадцати-девятнадцати голов скота всех видов [Крадин, Скрынникова 2006: 72–73].

Таким образом, к XX в. устоялось общепринятое количество поголовья в девять голов разных животных, приплод от которого на следующий год мог дать не менее пятнадцати [в норме одна матка один детеныш — не менее восемнадцати животных], с чем и может быть связан упоминаемый Э. П. Бакаевой способ счета животных девятками [Бакаева 2009: 15]. То есть, это примерно то самое количество скота, достаточное для нормального пропитания одного человека. Пяток как размер штрафа включает два крупных и три мелких животных, что, вероятно, является минимальным количеством животных, необходимых для разведения и пропитания одного человека.

Бодо и налог

Как можно судить по цитированному выше отрывку из работы Н. И. Страхова, «рачительное сокрытие» истинного количества подданных и поголовья скота позволяло в XVIII–XIX вв. состоятельным калмыкам избегать соответствующего налогообложения. Об этом же пишет У. Э. Эрдниев: «Официальные данные не отражали действительного количества скота, которым располагали калмыки, <...> ибо богатые калмыки всегда скрывали количество своего скота, стремясь уменьшить сумму налога и число повинностей, исчислявшихся тогда, исходя из количества скота» [Эрдниев 1985: 36].

Интересные сведения о *бодо* и налогах приводит автор статьи «О социально-экономическом развитии Тувинской народной республики» (1911–1944 гг.) Д. Ф. Дабиев.

Так, в период становления республики «до 1925 г. аграрный налог имел пропорциональный характер и для него были установлены относительно тяжелые налоговые ставки: 2 лана с одного *бодо* скота, что было равносильно 10–15% рыночной стоимости скота [Дабиев 2014: 109–113]. После 1925 г. вместо пропорционального налога использовали прогрессивную систему сельскохозяйственного налога, при котором с хозяйства, где численность скота была до десяти *бодо*, брали налог в размере 60 коп. с *бодо*, при численности от десяти до 20 *бодо* — 90 коп. с одной головы крупного животного, от двадцати до пятидесяти *бодо* — 1 руб. 30 коп. с *бодо*, от пятидесяти до ста — 1 руб. 50 коп. с *бодо* и свыше ста — 1 руб. 80 коп. с *бодо* [Дабиев 2014: 109–113]. Целью реформирования было уменьшение налога для бедных аратов и увеличение его для богатых, в связи с чем в 1927 г. была принята ставка налога в размере 30 коп. для бедных, 50 коп. — для середняков и 75 коп. — 1 руб. 60 коп. для богатых. В основе расчета ставки налога все так же использовался *бодо*.

Приведенные примеры иллюстрируют устойчивость применения *бодо* как традиционного понятия, означающего одну голову крупного скота, сложившегося в раннем средневековье и продолжающегося использования его как всеобщего эквивалента, наряду с деньгами.

Сегодня *бодо* как условная единица, применяемая для подсчета скота при проведении различного рода частных и общественных расчетов, продолжает бытовать в Монголии и в Туве.

Как можно считать то, что нельзя считать?

В советское время численность всего скота в Калмыкии насчитывала более пяти миллионов. Это было государственное стадо, и потому учет его был неизбежен. Для этого чабаны использовали ситуации, связанные с необходимостью контакта с каждым животным: это были такие обязательные процедуры, как купание овец перед стрижкой шерсти, метка ушей овец надрезанием, отбивка от маточного стада подросших ягнят самцов, таврение лошадей и вакцинация. Во всех этих работах было занято достаточно много людей, и потому два-три человека, стоявшие у ворот изгороди, в котором находилось стадо овец, могли считать их, выпуская по одному [ПМА,

информант И. Б., 1957 г. р.]. Как правило, счет вел старший чабан [«хозяин» стада], используя мел — одна черта, нанесенная на изгородь, означала одну сотню голов овец. Точно так же, по одному, загонялись в так называемый раскол крупные животные, подлежащие вакцинации, и тут находился человек, ведший подсчет животных [ПМА, информант И. Б., 1957 г. р.].

Суть подобного подсчета заключается, по сей день, в том, что учет поголовья ведется параллельно другой хозяйственной операции, и, таким образом, поскольку подсчет не ведется явным образом и никак не артикулируется, то он как будто бы и не производится. В результате и овцы подсчитаны, и древняя норма не нарушена.

Запрет считать скот, вне всякого сомнения, связан с традиционными верованиями и практиками предков современных тюрко-монгольских народов. В его основе лежат магические представления, категоризирующие окружающий человека мир, выделяя в нем те предметы и явления, от которых непосредственно зависит благополучие и жизнь человека. Вместе с тем, в этом запрете проявлены рациональность и практицизм собственника, единые как для средневекового, так и современного скотовода.

Полевые материалы автора (ПМА)

- 1998 — полевые наблюдения в г. Стокгольм, Швеция, во время конференции по проблемам коренных народов, информант К. Л., саами, 1959 г. р.
- 2007 — полевые материалы экспедиции автора в село Каракол Усть-Канского р-на Республики Алтай, июнь 2007 (блокнот 1).
- 2017 — полевые материалы экспедиции автора в села Яконур Усть-Канского, Бичикту-Бом Онгудайского, Каспа Шебалинского р-нов Республики Алтай, июль 2017 (тетрадь 1).

Литература

- 5 коров и 20 овец — хватит ли для жизни? / Хальмг үнн. 19 августа 2015 г. (раздел «Экономика») [электронный ресурс] // URL: <http://halmgynn.ru> (дата обращения: 25.01.2017).
- Алтай чорчоктор ло соојындар. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. тип., 2016. 80 с. [электронный ресурс] // URL: http://azatpai.ru/d/559662/d/altay_chorchoktor_2016_0.pdf (дата обращения: 28.06.2017).
- Бакаева Э. П. Двадцать копеек — это семьдесят денег // Этнографическое обозрение. № 2. 2009. С. 13–16.

Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.

Биология. Современная иллюстрированная энциклопедия / гл. ред. А. П. Горкин. М.: Изд-во Росмэн, 2007. 560 с.

БАРМС — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. М.: Academia, 2001. 520 с. [электронный ресурс] // URL: <https://is.muni.cz/el/1421/podzim2015/OJ561/um/bamrs.pdf> (дата обращения: 30.01.2017).

Ванчикова Ц. П. К вопросу о возникновении культа Чингис-хана по материалам «Белой истории» // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2013. № 2 [49]. С. 112–119.

Дабиев Д. Ф. О социально-экономическом развитии Тувинской народной республики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 9–3. С. 109–113 [электронный ресурс] // URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5880> (дата обращения: 15.06.2017).

Зайонц Л. Две судьбы Николая Ивановича Страхова // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI [Новая серия]: К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008. С. 25–42.

КазРС — Казахско-русский словарь онлайн [электронный ресурс] // URL: <http://www.classes.ru/all-kazakh/dictionary-kazakh-russian-term-4787.htm> (дата обращения: 22.06.2017).

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.

Команджаев Е. А. Законодательные акты как основа формирования правового сознания калмыков в XVII–XVIII веках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 93–96.

Комаров С. Ю. «Великая Яса» Чингисхана в исследованиях западных авторов // Вестник научных конференций. 2016. № 6–2 [10]. С. 57–61.

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.

Манджиева Б. Б. Конь героя в калмыцкой богатырской сказке и в героическом эпосе «Джангар» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1189.

Монгол хэлний их тайлбар толь [электронный ресурс] // URL: <https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/14052> (дата обращения: 22.06.2017).

Мухаметов Ф. Ф. «Яса» Чингисхана и ее роль в монгольской правовой системе // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 3. С. 64–71.

- ОРС 1947 — Ойротско-русский словарь. М.: ОГИЗ, 1947. 312 с. [электронный ресурс] // URL: <http://www.booksshare.net/index.php?id1=4&category=linguistics&author=askatov-na&book=1947> (дата обращения: 29.06.2017).
- Почекаев Р. Ю. Особенности формирования правовых воззрений кочевников Центральной Азии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2009. № 3. С. 298–312.
- Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Рона-Таиш А. По следам кочевников. Монголия глазами этнографа. М.: Прогресс, 1964. 388 с.
- Самдан А. А. Система налогообложения в Туве в период нахождения в составе Цинской империи // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 38–43.
- Сарангов Ц. А. Цааджин Бичиг — кодекс феодального права калмыков XVII века // Право и политика. 2007. № 5. С. 121–131.
- Страхов Н. О калмыках. Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни савардин». СПб.: Тип. Шнора, 1810. 99 с.
- ТРС — Тувинско-русский словарь онлайн [электронный ресурс] // URL: <http://www.classes.ru/all-tuva/dictionary-tuva-russian-term-2244.htm> (дата обращения: 21.06.2017).
- ТувРС — Тувинско-русский словарь онлайн [электронный ресурс] // URL: <http://www.dicipedia.com/dic-tu-ru-term-2266.htm> (дата обращения: 21.06.2017).
- Тумурова А. Т. Обычное право бурят: историко-теоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 38 с.
- Хармаев Ю. В. Особенности института уголовных наказаний в средневековой Монголии // Социология уголовного права. Сб. ст. М.: Юриспруденция, 2015. С. 73–79.
- Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: Постановление № 76 правительства Республики Калмыкия от 16 марта 2000 г. «О мерах по упорядочению учета поголовья скота и продукции в личных подсобных хозяйствах граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Калмыкия» [электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/460203286> (дата обращения: 07.05.2017).
- Энхтувшин Б., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Традиционное скотоводство монгольских кочевников в условиях глобализации // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4. С. 208–223.
- Эрднеев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.
- PMA — Polevye materialy avtora**
[Author's field data]
- 1998 — observations at the Conference on Indigenous Peoples (Stockholm, Sweden). Informant — K. L., Saami, born 1959.
- 2007 — field data summarizing the results the author's expedition to Karakol village of Ust-Kansky District (Altai Republic, Russia), June 2007 (notebook 1).
- 2017 — field data summarizing the results the author's expedition to Yakonur village of Ust-Kansky District, Bichiktu-Bom village of Ongudaysky District, Kaspа village of Shebalinsky District (Altai Republic, Russia), July 2017 (writing book 1).
- References**
- 5 korov i 20 ovets — khvatit li dlya zhizni? [5 cows and 20 sheep — is that enough for a decent living?]. *Khal'mg ünn* (The Kalmyk Truth newspaper), 19 August 2015. Available at: <http://halmgynn.ru> (accessed: 25 January 2017) (In Russ.).
- Altay chorchoktor lo soojyndar [Altai folk tales]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk Publ. House, 2016, 80 p. Available at: http://azatpai.ru/d/559662/d/altay_chorchoktor_2016_0.pdf (accessed: 28 June 2017) (In Altaian).
- Bakaeva E. P. *Dvadsat' kopeek — eto sem'desyat deneg* [Twenty kopecks are equal to seventy tenga]. *Etnograficheskoe Obozrenie* (The Ethnographic Review journal), No. 2, 2009, pp. 13–16 (In Russ.).
- Batmaev M. M. *Kalmyki v XVII–XVIII vekakh. Sobytiya, lyudi, byt. V 2-kh kn.* [Kalmyks in the 17th–18th cc.: events, people, everyday life. In 2 vol.]. Elista, Kalm. Book Publ., 1993, 382 p. (In Russ.).
- Biologiya. Sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya / gl. red. A. P. Gorkin* [Biology. A modern illustrated encyclopedia. Ed. by A. Gorkin]. Moscow, Rosmen Publ., 2007, 560 p. (In Russ.).
- Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' / otv. red. G. Ts. Pyurbeev. T. 1* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Ed. by G. Pyurbeev. Vol. 1]. Moscow, Academia Publ., 2001, 520 p. Available at: <https://is.muni.cz/el/1421/podzim2015/OJ561/um/bamrs.pdf> (accessed: 30 January 2017) (In Russ. and Mong.).
- Dabiev D. F. *O sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Tuvinskoj narodnoy respubliky* [On the socio-economic development of the

- Tuvan People's Republic]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* (International Journal of Applied and Fundamental Research), 2014, No. 9–3, pp. 109–113. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5880> (accessed: 15 June 2017) (In Russ.).
- Elektronnyy fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii: Postanovlenie № 76 pravitel'stva Respubliki Kalmykiya ot 16 marta 2000 g. «O merakh po uporyadocheniyu ucheta pogolov'ya skota i produktsii v lichnykh podsobnykh khozyaystvakh grazhdan Rossiyskoy Federatsii, prozhivayushchikh na territorii Respubliki Kalmykiya»* [The Digital Library of Legislative and Technical Reference Documentation: Decree No. 76 of the Government of the Republic of Kalmykia dated 16 March 2000 'On Measures for the Regulation of Livestock and Agricultural Production Records Management in Household Plots ...']. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/460203286> (accessed: 7 May 2017) (In Russ.).
- Enkhtuvshin B., Kuras L. V., Tsybenov B. D. *Traditsionnoe skotovodstvo mongol'skikh kochevnikov v usloviyakh globalizatsii* [Traditional cattle-breeding of the Mongolian nomads in the conditions of globalization]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* (Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS), 2013, No. 4, pp. 208–223 (In Russ.).
- Erdniev U. E. *Kalmyki: Istoriko-etnograficheskie ocherki. 3-e izd., pererab. i dop.* [The Kalmyks: historical and ethnographic sketches. 3rd ed., rev. and suppl.]. Elista, Kalm. Book Publ., 1985, 282 p. (In Russ.).
- Kalmytsko-russkiy slovar' onlayn* [Online Kalmyk-Russian Dictionary]. Available at: <https://www.multitran.ru/c/m.exe?a=3&s=%E1%EE%E4&sc=310&l1=35&l2> (accessed: 21 June 2017) (In Kalm. and Russ.).
- Kazakhsko-russkiy slovar' onlayn* [Online Kalmyk-Russian Dictionary]. Available at: <http://www.classes.ru/all-kazakh/dictionary-kazakh-russian-term-4787.htm> (accessed: 22 June 2017) (In Kaz. And Russ.).
- Kharmayev Yu. V. *Osobennosti instituta ugolovnykh nakazaniy v srednevekovoy Mongolii* [Medieval Mongolia: peculiarities of the criminal penalty system]. *Sotsiologiya ugolovnogo prava. Sb. st.* [Sociology of criminal law. Collected articles]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2015, pp. 73–79 (In Russ.).
- Komandzhaev E. A. *Zakonodatel'nye akty kak osnova formirovaniya pravovogo soznaniya kalmykov v XVII–XVIII vekakh* [Legislative acts as the basis for the legal awareness of the Kalmyks: the 17th–18th cc.]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2011, No. 1, pp. 93–96 (In Russ.).
- Komarov S. Yu. «Velikaya Yasa» Chingiskhana v issledovaniyakh zapadnykh avtorov [Genghis Khan's Great Yassa in works of western researchers]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy* (Bulletin of Scientific Conferences), 2016, No. 6–2 [10], pp. 57–61 (In Russ.).
- Kradin N. N., Skrynnikova T. D. *Imperiya Chingiskhana* [Genghis Khan's Empire]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2006, 557 p. (In Russ.).
- Mandzhieva B. B. *Kon' geroya v kalmytskoy bogatyrskoy skazke i v geroicheskom epose «Dzhangar»* [The hero's horse in the Kalmyk heroic tale and the epic of Jangar]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* (Modern Problems of Science and Education), 2015, No. 1–1 (In Russ.).
- Mongol khelnyy ikh taylbar tol'* [A definition dictionary of the Mongolian language]. Available at: <https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/14052> (accessed: 22 June 2017) (In Mong.).
- Mukhametov F. F. «Yasa» Chingiskhana i ee rol' v mongol'skoy pravovoy sisteme [Genghis Khan's Yassa and its role in the Mongol legal framework]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Chelyabinsk State University), 2006, No. 3, pp. 64–71 (In Russ.).
- Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oirot-Russian dictionary]. Moscow, OGIZ Publ., 1947, 312 p. Available at: <http://www.bookshare.net/index.php?id1=4&category=linguistics&author=baskatov-na&book=1947> (accessed: 29 June 2017) (In Oir. and Russ.).
- Pochekaev R. Yu. *Osobennosti formirovaniya pravovykh vozzreniy kochevnikov Tsentral'noy Azii* [The legal worldview of Central Asian nomads: peculiarities of formation]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* [The worldviews of South Siberian and Central Asian populations: a historical perspective]. 2009, No. 3, pp. 298–312 (In Russ.).
- Pyurbayev G. Ts. *Tolkovy slovar' traditsionnogo byta kalmykov* [A definition dictionary of traditional household activities and utensils of the Kalmyks]. Elista, Kalm. Book Publ., 1996, 176 p. (In Russ.).
- Rona-Tash A. *Po sledam kochevnikov. Mongoliya glazami etnografa* [On the trail of nomads: Mongolia through the eyes of an ethnographer]. Moscow, Progress Publ., 1964, 388 p. (In Russ.).
- Samdan A.A. *Sistema nalogooblozheniya v Tuve v period nakhozhdeniya v sostave Tsinskoy imperii* [Tuva under the Qing rule: the tax system]. *Vestnik KIGI RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2014, No. 4, pp. 38–43 (In Russ.).

- Sarangov Ts. A. *Tsaadzhin Bichig — kodeks feodal'nogo prava kalmykov XVII veka* [Tsaajin Bichig — the 17th century Kalmyk code of feudal laws]. *Pravo i politika* (Law and Politics journal), 2007, No. 5, pp. 121–131 (In Russ.).
- Strakhov N. *O kalmykakh. Nyneshnee sostoyanie kalmytskogo naroda, s prisovokupleniem kalmytskikh zakonov i sudoproizvodstva, desyati pravil ikh very, molitvy, nravouchitel'noy povesti, skazki, poslovits i pesni savardin* [About the Kalmyks. The current conditions of the Kalmyk people ...]. St. Petersburg, Shnor Print. House, 1810, 99 p. (In Russ.).
- Tumurova A. T. *Obychnoe pravo buryat: istoriko-teoreticheskoe issledovanie. Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Buryat customary law: a perspective from history and theory. A Ph.D. thesis abstract]. Moscow, 2010, 38 p. (In Russ.).
- Tuvinsko-russkiy slovar' onlayn* [Online Tuvan-Russian dictionary]. Available at: <http://www.classes.ru/all-tuva/dictionary-tuva-russian-term-2244.htm> (accessed: 21 June 2017) (In Tuv. and Russ.).
- Tuvinsko-russkiy slovar' onlayn* [Online Tuvan-Russian dictionary]. Available at: <http://www.diclopedia.com/dic-tu-ru-term-2266.htm> (accessed: 21 June 2017) (In Tuv. and Russ.).
- Vanchikova Ts. P. *K voprosu o vozniknovenii kul'ta Chingis-khана po materialam «Beloy istorii»* [To the question of Genghis Khan veneration: based on *The White Story*]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie* (Scholarly Notes of Transbaikalian State University), 2013, No. 2 [49], pp. 112–119 (In Russ.).
- Zayonts L. *Dve sud'by Nikolaya Ivanovicha Strakhova* [Nikolay I. Strakhov: the two destinies]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie. VI [Novaya seriya]: K 85-letiyu Pavla Semenovicha Reyfmana* [Writings in Russian and Slavic philology. Literary studies. VI (a new series): celebrating P.S. Reifman's 85th anniversary]. Tartu, Tartu University Press, 2008, pp. 25–42 (In Russ.).

УДК 39

ОДНА ЧЕРТОЧКА — ОДНА СОТНЯ: К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ПОДСЧЕТА СКОТА У ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Светлана Петровна Тюхтенева¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kerel63@mail.ru

Аннотация. Согласно архаическим представлениям скотоводов Центральной Азии, существуют вещи, которые можно посчитать, и те — которые нельзя. К числу того, что нельзя считать, относится и скот. И, тем не менее, социально-экономические требования, предъявляемые скотоводам властями, будь то хан или зайсанг или любой другой правитель, которым нужны средства на общественные нужды (налоги), а также обычно-правовые практики самого социума (калым), вынуждают считать поголовье.

Для счета скота издревле и по современности центральноазиатские скотоводы используют термин *бодо*, обозначающий одну голову крупного животного. *Бодо* — это и экономический, и финансовый термин, служащий всеобщим эквивалентом. На протяжении многих столетий размер *бодо* менялся, что вполне объяснимо, имея в виду его характер всеобщего эквивалента, как и плавающие курсы наднациональных валют современности.

В статье сделана попытка определить принцип формирования *бодо*. автор пришел к выводу, что соотношение животных, оцениваемых в *бодо* как всеобщем эквиваленте у тюрков и монголов в средние века, можно сравнить с соотношением современного всеобщего эквивалента, денег: один рубль [овца] к ста рублям [лошадь].

Ключевые слова: скотоводы, алтайцы, калмыки, монголы, скот, подсчет скота, *бодо*.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 141–154, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-141-154
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 394(517)

Infectious Diseases in the Life of Mongolian Peoples: Beliefs and Healing Practices

Marina M. Sodnompilova ¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Abstract. The 19th century health studies among the indigenous populations of Siberia and Central Asia show that the infectious diseases were caused by specific economic activities (hunting, livestock breeding), peculiarities of lifestyle and nutrition. Since ancient times, Mongolian peoples had been aware of smallpox, anthrax, animal plague, rabies, tuberculosis, and leprosy. Smallpox was periodically brought to the nomadic environment by the peoples of neighboring China. The source of plague, rabies and anthrax were animals, both domestic and wild ones. Many diseases were introduced into the nomadic environment during the colonization of Siberia from the western regions (typhus, diphtheria, measles, venereal diseases), the rest having been brought from other territories (smallpox, typhoid, diphtheria, venereal diseases).

The traditional world view reduces the origin of epidemic and contagious diseases to the harmful activity of deities and spirits of disease. For this reason, the practice of treatment took the form of ritual, magical actions. A common practice of treating infected rabies-infected individuals was bathing in reservoirs with healing waters, staying in sacred caves. Some infectious diseases were reported to be of 'heavenly' origin. So, it was believed such actions as exorcism of the spirit of the disease, use of fire, or shooting of firearms could get help rid of them. Such irrational healing practices were necessarily accompanied by rituals. The rituals were addressed to the deity-culprits of diseases and were committed by shamans or lamas. Deities and spirits were asked not to harm people, or they were thanked for healing the disease.

Measures to prevent and stop epidemics were rational actions in the struggle against epidemics that are relevant in different historical periods. Since ancient times, some warning signs to inform about the presence of a dangerous disease have been used by nomads. So, rapid resettlements of a healthy population from dangerous areas saved multiple lives. Isolation of the sick was another effective measure. Over time, these measures got introduced into the legal system of nomads. Thus, the dispersion of nomads did not facilitate the spread of epidemics. In addition, the condition for the resistance of the nomads' immune system to many diseases was their motion related lifestyle, healthy food (dairy and meat products). Mare's milk — *airag* (*koumiss*) was especially efficient for the prevention and healing of tuberculosis.

Traditional beliefs and ideas of the Mongolian peoples about diseases are part of the general mythopoietic picture once formed throughout Central Asia. In this connection, such beliefs of the Mongols, Buryats, Khakass, and Tuvans show a certain similarity.

Keywords: Mongolian peoples, world outlook, infectious diseases, healing.

Исследования здоровья коренного населения Сибири, Центральной Азии (бурят, якутов, эвенков) в XIX в. показывают, что болезни, распространенные в среде населения рассматриваемого региона, были обусловлены в большей степени спецификой хозяйственных занятий, особенностями быта и питания. Многие болезни были привнесены в среду кочевников в процессе колонизации из других регионов (в частности, оспа, тиф, венерические заболевания). В целом физико-географические и климатические особенности региона исследования располагают к тому, чтобы люди были здоровы. В частности, о бурятах Г. М. Осокин пишет следующее: «В сравнении с русскими местные буряты легче переносят непостоянство климата и потому менее подвержены различным заболеваниям. Закаленность и отсутствие излишеств дают им возможность более противостоять даже эпидемиям, которые посещают край» [Осокин 1906: 210].

Традиционный образ жизни кочевников-скотоводов не способствовал распространению эпидемических заболеваний. Тем не менее вспышки эпидемических заболеваний случались среди населения и уносили множество жизней. В XIX в. монгольским народам были известны оспа, сибирская язва, чума животных (диких и домашних), бешенство, дизентерия, тиф, туберкулез (чахотка), проказа. Основная масса эпидемических заболеваний распространилась в Сибири среди ее коренного населения с началом освоения Сибири, крайне обостряясь во время вспышки эпидемий в западной части Российской империи, в периоды политической нестабильности¹ (Революция 1917 г., Гражданская война). Так, с 1823 по 1914 гг. Россия пережила несколько крупных эпидемий холеры, одна из которых — дальний отголосок пятой пандемии холеры — пришла и в Восточную Сибирь в 1892–1893 гг. В период Гражданской войны начала XX в. местное население подвергалось серьезным эпидемическим угрозам, исходившим от массово перемещавшихся по региону войск, беженцев и других временных мигрантов [Башкуев 2015: 77–79]. Такие заболевания,

¹ Только осенью 1919 г. в одном маленьком Хайтольском улусе, где насчитывалось не более 15 дворов, умерло от сыпного тифа 17 человек, в Ертагаевском улусе столько же, в Твороговском улусе — 39, что составило 13 % населения всего улуса.

как скарлатина, тиф, «дали о себе знать» в конце XIX в. Так, в 1894 г. в Баргузинском ведомстве «в разных концах появилась на детях горловая болезнь, известно несколько случаев смертельных <...>» [История Баргузинской степной думы 2012: 237].

С таким заболеванием, как оспа, монгольские народы «познакомились» гораздо раньше — это заболевание периодически заносили в среду кочевников народы соседнего Китая. Источником распространения большинства эпидемических заболеваний были и животные, как домашние, так и дикие. Заражение происходило в результате контактов с больными животными, либо вследствие употребления в пищу мяса заболевших животных. Именно с этими заболеваниями, известными в среде монгольских народов с древности, связан корпус разных мифологических представлений, представляющих интерес для исследования, принимаемого в данной статье.

Традиционное мировоззрение сводит происхождение эпидемических и заразных заболеваний к вредоносной деятельности сверхъестественных существ, в окружении которых проживает человек. «Духи болезней делились на ранги и имели разные титулы: тэнгри, нойон, бурхан, хатан и т. д. <...> У хори-бурят эжином чумы считался Боомо-махачи тэнгри, оспы — *хурэгэй бурхан*, сибирской язвы у иркутских бурят — Болот Сагаан нойон» [Михайлов 1987: 20–21]. Согласно верованиям западных бурят-шаманистов, болезни преимущественно распространяют на людей представители группы злых восточных небожителей *тэнгри*, восточных *хатов*, которую возглавляет Эрленхан, глава загробного мира. Большинство же *эжинов* (хозяев) болезней — это умершие неестественной смертью шаманы, шаманки или «души» людей, умерших от каких-либо болезней преждевременно или испытывших в жизни трудности и лишения.

Распространению болезней по земле способствуют некоторые ветра и туманы, отнесенные традиционным мировоззрением бурят к негативным явлениям природы [Содномпилова 2007: 185].

Вместе с тем малые жанры монгольского фольклора содержат сведения о том, что кочевники понимали, каким образом возможно заражение опасными заболеваниями

ями. Они полагали, что заразные болезни можно вдохнуть с воздухом:

Алах овчин аалиар орох

Халдах овчин хамраар орох

[Ринчингийн Чултэмсүрэн 2015: 19].

Смертельная болезнь незаметно проникает,

Заразная болезнь через нос проникает

[перевод автора].

Также заразные болезни могли распространяться по воде вниз по течению реки. Эти представления, в отличие приведенных выше примеров, содержат уже некий практический опыт.

Обычными заболеваниями, сопутствующими кочевой культуре, были заболевания домашних и диких животных — сибирская язва, чума, бешенство, чесотка.

Бешенство. М. Н. Хангалов зафиксировал разные виды бешенства — *шөдөр-ганзу* (от *шөдөр* 'пути'), когда больное животное кружится на месте, как спутанное, и *нохой-ганзу* 'собачье бешенство', когда заболевают собаки¹. Бешенство насылают на людей и животных суровое божество Ганзу-тэнгэри. Лечение заболевания обычно сводилось к магическим приемам, хотя есть данные, что лечили (и успешно) пострадавших от укусов бешеных животных ламы. В народе также были известны сведения, что излечить заболевание может особое растение, его корни [Хангалов 1958: 416].

Предпринимая лечение, прежде всего, совершали особые религиозные обряды и жертвоприношения для умиловления Ганзу-тэнгэри. Обращались к заянам Ганзу-шинам, которые, по мнению бурят, находились под покровительством Ганзу-тэнгэри. Буряты полагали, что бешенство, как и ряд других заболеваний, имеет небесное происхождение, поэтому считали возможным прервать его шествие по земле и отправить обратно на небо. Если бешенством заболел домашний скот и собаки, то заболевших животных следовало немедленно застрелить — тогда *ганзу* может подняться обратно на небо [Хангалов 1958: 416].

¹ Согласно воззрениям хакасов, у собачье-го бешенства был свой дух-хозяин (*адай алин ээзи*), который забирал душу больного, когда его кусала бешеная собака. К нему обращался шаман, собрав предварительно для обряда 40 черных собак, которых он привязывал вокруг юрты. Вероятно, что и в мировоззрении бурят имели место представления об особом духе-хозяине собачьего бешенства, в связи с чем это заболевание и выделено в отдельный вид.

Если бешенством заражался человек, то предпринимали особые меры для его излечения. Согласно верованиям бурят, существуют водоемы — озера с особенной, исцеляющей, водой. Такие озера известны во многих местностях этнической Бурятии. Как уже говорилось выше, в число магических водоемов входили озеро Байкал, озеро Алят в Аларском ведомстве, озеро Харанур в Идинской степной думе. Больных бешенством везли к таким озерам и купали в воде. Предварительно совершали обряд, обращаясь к духу-хозяину озера и прося о помощи. Лечение проводили и зимой.

Озеро Алят в свое время было описано Ц. Жамцарано в Алари. Происхождение озера *Алят*, согласно легенде, связано с молодой женщиной, покинувшей своего не любимого мужа. Женщина, умиравшая от жажды, увидела глубокий котлован и стала спускаться. Шла она весь день и на самом дне обнаружила немного воды. Это была вода жизни *мунку уһан*. Испив ее, женщина сделалась бессмертной. На том месте в котловане образовалось озеро, в котором купают больных, укушенных бешеным волком или собакой. «Оно к таким всегда *хайртай юм*, т. е. спасительно» [Жамцарано 2001: 34].

Ольхонские буряты, пострадавшие от нападения бешеного волка, обращались за помощью к озеру Байкал. В архивных материалах о бурятах Ольхонского ведомства есть следующие данные: после нападений бешеного волка у пострадавших «раны оказались неопасны, по искупании же оных братских в Байкале раны совсем затянуло <...> поелику через многократные опыты ольхонскими инородцами узно, что купание в Байкале людей, укушенных бешеными животными, всегда сопровождалось выздоровлением» [Жамбалова 2000: 164].

Интересный способ лечения укушенного бешеным животным человека существовал у осинских бурят. Больного привозили на озеро *Хара Нур*, желательно на второй день после травмы, разводили огонь и совершали брызганье хозяину озера. Во льду озера прорубали две проруби. Больного привязывали за правую руку и ногу, спускали в одну прорубь, а из другой вытаскивали. После этой процедуры больного следовало немедленно укутать в доху и как можно быстрее доставить в дом [Жамбалова 2000: 164]. Символика этой магической процедуры содержит несколько важных аспектов, в

частности, идею перенесения, оставления зла, болезни в *ином* пространстве, каким в данном случае выступает вода. Привлекает внимание и актуализация категории пространства в данном действии: возможность выздоровления больного связана с *правой* половиной тела. Важное значение придается понятию «входа-выхода» из этого пространства, что выражается в обязательном наличии двух прорубей. Человек входит в воду через одну прорубь больным, а через другую, уже в *своем* пространстве появляется обновленным, здоровым. Символическое содержание данной процедуры имеет сходство с основной идеей китайской церемонии «прохода через дверь», подробно рассмотренной Арнольдом Ван Геннепом [1999: 57].

Зачастую вода таких озер помогала и при лечении душевнобольных. Вода известного озера *Хушын нуур* (небольшое озеро находится в горах) в местности Мэлэ Закаменского района, по поверьям закаменских бурят, способна излечивать, помимо бешенства, и тяжелые душевные болезни. Очевидно, что такому восприятию больных бешенством и душевнобольных способствовало сходство внешних проявлений заболеваний. Больного человека (*дэмырээн хун*) купали в озере, предварительно закрепив веревками. Иногда аналогичные меры принимались и для лечения больных бешенством животных.

Укушенных бешеными животными лечили также и в особых пещерах способом «продергивания». Одна из таких пещер находилась у берега Байкала в Баргузинском округе, другая — вблизи деревни Киреть, недалеко от г. Верхнеудинска. Мистические пещеры имели особое строение: они имели два выхода, один из которых вертикально поднимался на высоту 4–5 саженей и заканчивался вверху узким отверстием. Лечение состояло в троекратном опускании больного до самого дна пещеры — так называемом «продергивании». С больного снимали одежду, обвязывали веревкой или сажали на доску. Больные, веря в свое исцеление, терпеливо выносили такое сложное испытание. Лечение проводили под наблюдением ламы, который после процедуры получал и плату, и одежду больного [Осокин 1906: 122–123].

Интересный способ лечения собаки, укушенной бешеной собакой, зафиксировал М.Н. Хангалов: «Если бешеная собака уку-

сит здоровую собаку, то буряты укушенной собаке дают девять маленьких кусков чугуна съесть с хлебом, будто это помогает» [Хангалов 1958: 416]. Этот способ, на наш взгляд, является отражением воззрений, свидетельствующих о былой общности тюрко-монгольских народов. В среде тюрков лечение больного бешенством сводилось к посещению им 40 жилищ, где он получал кусок хлеба (собрав 40 кусков, больной должен был есть по одному куску хлеба в день¹), либо кусал ушки чугунных котлов. В. Я. Бутанаев и Ч. В. Монгуш склонны видеть в этом ритуале и числе 40 (сакральное число) отголоски основной формы деления родственных групп в древнетюркскую эпоху [Бутанаев, Монгуш 2005: 115]. Очевидно, что выздоровлению больного должна была способствовать вся родственная группа, огонь родового очага и его элементы — чугунные котлы, пища (хлеб).

В числе способов лечения бешенства, который, возможно, имеет рациональные элементы, следует привести способ лечения, описанный тайшой Баргузинской степной думы Сахаром Хамнаевым в записке, направленной в редакцию Забайкальского листка от 22 ноября 1861 г. Он пишет, что лама вылечил больную женщину, пострадавшую от укуса бешеного волка в течение 7 процедур:

После приема 7 задач женка эта на третий день пришла в чувство и вслед за тем не в долгое время совершенно выздоровела, она и ныне находится в числе живых. Лама же по прибытию к больной, прежде всего обратил внимание [,] осматривал самую вершину ее головы, здесь он нашел выросшие красные два волоса, которые следил за ними и приказал, как только явятся такие волосы, выдергивать их, для этого нарочно сбрил волосы на том месте. Лекарство было составлено из двух предметов: ларза (кабарожья струя), бужик (небольшие, весьма тонкие в роде раковины, они находятся в озерах и тенистых речках; к одной оконечности острокопечная в виде буравчиков, а с другой отверстие — шире <...> Лекарства конечно по примеру выше прописанного правила по мере надобности увеличиваются <...> Я удивился, что дей-

¹ В. Я. Бутанаев и Ч. В. Монгуш подробно описали обряд лечения пострадавшего от укуса бешеной собаки у хакасов и отметили, что сходное лечение бытовало у казанских татар, кыргызов [Бутанаев, Монгуш 2005: 115].

ствие лекарства, состоящего из ничтожных почти предметов, в столь короткое время послужило с пользой против такой жестокой болезни какое есть укушение бешенных животных, почему я долгом своим поставил себе довести о сем до всеобщего сведения... [История Баргузинской степной думы 2012: 88–89].

Сибирская язва. Другим распространенным заболеванием домашних животных была сибирская язва *боомо*. Люди заражались сибирской язвой, употребляя в пищу мясо больных или павших животных. Божеством, насылающим на домашний скот сибирскую язву, считался Бомон-Хара-тэнгэри, по другой версии — Болот-Сагаан-нойон. Известен даже образ заболевания: «боомо представляет собой большой каток из всевозможных гадостей, который бежит по росе, заражает траву, а от травы заражается скотина» [Жамцарано 2001: 64]. Духа-хозяина болезни могли видеть некоторые люди, обычно шаманы, которые вели борьбу с этим злом. В число известных шаманов, не раз одерживавших победу над болезнями, входил шаман Барлаг (*Гавани хубун*). В старину шаман Барлаг изловил в местности Хажин Хара *боомо*, привязал его к торокам и два дня пьянствовал по улусам. *Боомо* дал клятву не вредить одноулусникам шамана [Жамцарано 2001: 64]. Другой легендарный шаман Бохон, уроженец Идинской долины, одержал победу над божеством сибирской язвы Болот-Сагаан-нойоном, и тот дал шаману клятву никогда не посещать долину реки Иды.

В связи с этим отметим, что бытовали представления: сибирскую язву можно было вылечить только в определенной местности, которая выделялась как место, где была одержана победа над божеством-хозяином болезни. Это Приольхонье и Идинская долина. Земля и вода здесь считались целебными, помогающими при заболевании сибирской язвой. Буряты верили, что любой захворавший, как только вступит в пределы спасительного места, сразу же выздоравливает. Можно было поступить иначе: «Если же у балаганских бурят кто-нибудь заболит сибирской язвой, то не медля, посылает нарочного в эту местность за водою и камнем. Если больной выпьет привезенную воду и приложит камень к своему телу, он выздоровеет. Иногда сибирскую язву просто выжигают раскаленной докрасна красной медью» [Хангалов 1958: 455].

Чума. В кочевой культуре были известны несколько видов чумы диких и домашних животных. Из диких животных опасность как источник чумы представляли сурки *тарбаганы*, которые составляли важную часть рациона кочевников — сурок, запеченный в шкуре, представлял любимое блюдо монголов и бурят *боодог*. Среди заболеваний домашних животных различали чуму крупного рогатого скота *мылзан тахал* (монг.), *мила* (бур.), чуму овец *хорхиро*.

Буряты представляли духа-хозяина болезни Мила чудовищем, на голове которого было бесчисленное, как звезды, количество глаз. Этого духа, также как и духа-хозяина сибирской язвы, в давние времена победил большой ольхонский шаман [Нацов 1995: 90]. С той поры болезнь по левую сторону Ангары не появлялась, но от того, что одна из дочерей Милы осталась на правом берегу Ангары, там и на острове Ольхон иногда случались болезни. Очевидно, буряты полагали, что водные источники, особенно реки, представляют непреодолимую преграду для эпидемических заболеваний. Кроме того, согласно верованиям бурят, предотвращал болезнь и огонь: скот, прошедший процедуру очищения огнем, якобы не болел.

Закаменские буряты считали, что заразная болезнь *хорхироо* (чума овец) передавалась домашнему скоту от диких животных и насылалась с небес. Пытаясь избавиться от «небесных» заболеваний, буряты предпринимали действия, направленные на возвращение болезни обратно на небо. Так, чтобы избавиться от *хорхироо*, разжигали щепки от дерева, разбитого молнией (*тэнгэрийн залидһаа*), и с наступлением сумерек обходили вокруг дома с криками *Хорхироо дэгдэ* ‘Хорхироо вознесись’. Болезнь «небесного» происхождения можно было осквернить, и тогда она возвращалась на небо: в этих целях закаменские буряты сжигали носовую часть мордочки лисы (полагая, что лиса — нечистое животное) и окуривали дымом больного [Галданова 1992: 49]. Хакасские шаманы также считали, что некоторые болезни можно было изгнать на небо. Так, например, они убеждали бронхиальную астму покинуть тело больного, убеждая духа болезни, что грязное человеческое тело — не место для пребывания его «белой светлости»:

*Человеческое тело бывает грязным,
Твоя белая светлость всегда чистая!*

*Превратившись в белую птичку,
Поднимись в белое небо!
Притяни свою голубую пену!
Отпусти свои держащие руки,
Развяжи свои крепкие путы!*

[Бурнаков 2006: 81].

Оспа. Оспа входила в число наиболее хорошо известных монгольским кочевникам опасных эпидемических заболеваний, которая унесла множество жизней. Монголы издавна знали, что оспа распространяется от оседлого населения Китая. С освоением русскими Сибири появился и западный путь распространения оспы среди коренного населения этого края. «Оспа, появившаяся с приходом «белых», была названа белым божеством (сагаан бурхан), ибо внесенные в среду автохтонов в процессе колонизации эпидемические заболевания, особенно оспа, производили в XVII–XVIII вв. страшные опустошения» [Галданова 1992а: 91]. Тункинские буряты полагали, что оспа *сагаан бурхан* насылается древним божеством, покровительствующим скотоводству Белым старцем Цагаан ебугеном. Это божество, согласно верованиям бурят, могло как помогать людям и животным, так и вредить им [Нацов 1995: 101].

В монгольском языке были известные и другие названия оспы — *цэцэг өвчин* ('цветочная болезнь'), *бодоо*, *салхни цэцэг* ('ветряная оспа'). У западных бурят оспа получила название *хахай*. Известно, что калмыцкие врачи выделяли 9 видов оспы [Калмыки 2010: 306]. Эти представления разделяли и другие монгольские народы. Полагаем, что в число заболеваний, относящихся к оспе, включались заболевания, имевшие общие черты, прежде всего, во внешнем проявлении заболевания, в его анамнезе. Свидетельством этому служат сходные обозначения таких заболеваний как оспа, корь, ветряная оспа: *хар цэцэг* (черный цветок) — оспа, *улаан цэцэг* (красный цветок) — корь, *салхни цэцэг* (ветряной цветок), *цаһан ахлц* — ветряная оспа. Самой опасной считалась черная оспа, т.е. натуральная оспа.

В XVII в. оспа была опасной эпидемией с высокой вероятностью летального исхода для заболевшего. В Цинской империи предпринимались особые меры, чтобы болезнь не распространялась среди монголов — подданных империи. Поскольку подданные, и в частности сановники, должны были по долгу службы посещать императорский двор, был принят закон, согласно которому

монгольские князья, отправляющиеся на ежегодный поклон к императору в Пекин, обязательно должны были быть из числа переболевших оспой. Те же, кто не болел оспой, отправлялись вместо Пекина в Жэхэ на облавную охоту с императором [Оюун-жаргал 2015: 24].

В местах распространения эпидемических заболеваний принято было устанавливать специальные знаки, которые оповещали людей о наличии в поселении заболевания. У монголов XIII в. в случае смертельной болезни человека в его юрте выставляли копье, которое обвивали черным войлоком [Галданова 1992б: 81].

Монгольским народам было неведомо лечение оспы. Они не знали лекарств, действенных против этой болезни. Буряты, согласно сведениям С.П. Крашенинникова, «Воспы так боятся, что ежели, кто из них занеможет, все сродники его оставляют и прочь на иное место откочевывают, чтоб и к ним не пришла. Ею очень много татар умирают, и разве сотой встанет, на которого она придет» [Описание брацких мужиков Иркутского ведомства 1966: 67]. Калмыки также были беспомощны против этой страшной болезни. Однако они пытались поддержать больного организацией особого питания: больному давали козлятину и просо, сваренное в виде жидкой каши [Калмыки 2010: 308].

В среде монгольских народов сложились определенные представления о природе этого заболевания и его происхождении. Западные буряты верили, что оспа посылалась на землю восточными небожителями (*тэнгри*) в целях получения подати душами людей. *хурэгэй бурхан* был божеством, насылающим оспу. Каждый улус или семья должны были выплатить восточным небожителям *албан* «подать» жизнью своих одноулусников или членов семьи. И если в доме находился больной оспой, то про него говорили *албанда хэбтэ* 'лежит в подати, *улаан хуби аба* 'получил красный пай' [Хангалов 1958: 457]. «Когда оспа бывает на людей, то по улусам разъезжают маленькие люди, «тело их величиной с локоть, а лошади их величиной с зайца» [Хангалов 1958: 458].

Традиционные представления бурят о заболеваниях являются частью общей мифопоэтической картины, которая формировалась на всем пространстве Центральной Азии. В связи с этим отмечаются компонен-

ты в мировоззрении монголов, бурят, хакасов, тувинцев, обнаруживающие сходство между собой и определенную связь. Так, образы маленьких, невидимых глазу человечков подобны «маленьким гостям», приносящим ветряную оспу, невидимым гостям из страны Оспы в представлениях тюрков Южной Сибири. В мифологии хакасов довольно точно выражено географическое положение мест, откуда стала распространяться оспа, и даже климатические особенности этой местности. Согласно преданию, оспа (по-хакасски *улуг аалыи* 'большие гости') пришла на землю хакасов из страны, расположенной за Восточными Саянами. Она пришла из другого мира, где травы не вянут и реки не замерзают [т. е. там, где тепло, — М. С.], где находятся пестрые горы и пасется пестрый скот. Народ оспы очень похож на людей Солнечного мира, но только светлый и белоглазый [т. е. глаза без радужной оболочки. — М. С.] [Бутанаев, Монгуш 2005: 117]. В. Я. Бутанаев склонен видеть в этих образах реальных жителей Прибайкалья — алатов, разводивших пегих лошадей в средневековье, сведения о которых фиксируются в китайских летописях.

Связь оспы с пестрым скотом, а точнее с чубарой мастью лошадей, обнаруживается и в воззрениях монголов. В XX в. среди монгольских народов фиксируются приметы, согласно которым, пегой и чубарой лошади, особенно с тусклыми невыраженными пятнами, мелкими пятнами, сопутствует несчастье. Если кто-либо из гостей приезжал на монгольскую свадьбу на лошади пестрой масти, то это считалось плохой приметой, поскольку тогда жизнь молодых может сложиться неудачно [Содномпилова, Нанзатов 2014: 107]. Полагаем, что чубарая масть лошади с мелкими бурыми или рыжими пятнами вызывала ассоциации с некоторыми видами тяжелых заболеваний и прежде всего — с оспой. Перечень негативных примет, сопутствующих лошадям с неблагоприятной мастью, продолжают пестрые копыта, заостренный хвост и прозрачные *ценхер* ('сорочьи') глаза. Примечательно, что такие же «белые» глаза были свойственны людям страны Оспы из хакасских преданий.

Корь. Корь внешне и по некоторым общим признакам течения болезни вызывала ассоциации с оспой. Поэтому и названия заболеваний имеют сходство: корь называли *улаан бурхан* ('красный бог') или *улаан цэцэг* ('красный цветок'). Корь и ветряная

оспа были менее опасными, и переболеть ими считалось даже полезным. Очевидно, что люди осознавали, что иммунитет, приобретенный во время болезни, сохранится на всю жизнь. Процесс вырабатывания иммунитета ассоциировался традиционным сознанием с понятными ему в быту действиями — приготовлением пищи / варкой. Так, народы Алтая считали, что корь как бы «переваривала» тело ребенка, делала его новым. Заболевание корью рассматривалось в качестве своего рода инициации. Выздоровевший воспринимался родными как иное, вновь рожденное существо. Обращаясь к незримо явившейся в дом *Корь-яне* (Матери-кори), телеуты говорили:

*Много раз варившая,
Много раз творившая,
будучи творцом,
как соболю, распустивший хвост,
Ходишь спокойно по белым дорогам...*

[Традиционное мировоззрение...1988: 141].

Хакасы даже специально посещали дома с больными ветряной оспой и приглашали «маленьких гостей» посетить и их жилище, говоря при этом «Дорогие гости, приходите и к нам домой. Мы все сырые, надо и нам созреть» [Бутанаев, Монгуш 2005: 116]. Вероятно, что аналогичные взгляды разделяли и монголы.

Отражением заболевания кори в материальной культуре монголов считалась игра домино, появление которой связывается с чужой землей, с Китаем. Возникновение игры, согласно преданию, связывается с неожиданной смертью двенадцатилетнего сына человека, создавшего домино: несчастный отец делает пластинки домино из костей мальчика, чтобы помнить его всегда, чтобы игра напоминала ему его любимого сынишку. Иногда в легенде четко указывается причина смерти сына — болезнь корь. По поверьям скотоводов, обозначения очков на пластинках домино напоминают признаки, характерные для этой болезни. В связи с этим многие монголы считали игру в домино опасной: ойраты боялись, что игра может вызвать заболевание корью. Халха-монголы, наоборот, играют в домино во время эпидемий, чтобы изгнать болезнь [Кабзиньска-Ставаж 1992: 103].

При заболевании оспой или подобной ей болезнью соблюдались некоторые ограничения в хозяйственной деятельности. Тувинцы и хакасы опасались, напри-

мер, повредить / «уколоть» болезнь (т. е. пузырьки на теле больного), в связи с чем запрещали женщинам выполнять работу с использованием острых предметов — иглы, шила¹. «Маленькие гости», которые приносят ветряную оспу, также «не любят», когда в доме моют, подметают, не любят запах гари. Специально для них в доме расстилали шелковые одежды [Бутанаев, Монгуш 2005: 116].

Человек, переболевший оспой, «отмеченный» следами болезни, считался в какой-то степени ущербным, не соответствуя более понятиям о совершенстве и красоте человека. В связи с этим переболевший оспой не мог принимать участие в некоторых важных обрядовых действиях жизненного цикла. Так, у тувинцев, по наблюдениям Ф. Кона, отливать украшения из олова для свадебного покрывала невесты баштангы не мог человек, болевший и обезображенный оспой — украшение могло выйти неудачно [Потапов 1969: 252].

Большинство инфекционных заболеваний сопровождалось высокой температурой тела. Зачастую несведущие люди жар, вызываемый тем или иным заболеванием, относили к отдельной группе болезней *дотор гем* ‘внутренняя болезнь’. Буряты различали *мангар* / *шара-өбөшөн* и *халун-өбөшөн* (лихорадка и горячки) и очень боялись этих заболеваний, так как считали их очень заразными. Какое заболевание могло скрываться за названием *шара-өбөшөн* (‘желтая болезнь’), неизвестно. Судя по определению *шара* ‘желтый’ и характеру распространения (инфекционная/заразная), можно полагать, что это желтуха/гепатит. Возможно, что к этой группе заболеваний относили и заболевания желчного пузыря.

Считалось, что эти заболевания также насылали на людей восточные *тэнгэрины* и черные *заяны*. По описанию бурят, *заяны*, т. е. *эжины* (духи-хозяева) этих болезней — очень могущественные черные духи,

¹ Л. П. Потапов писал: «В Монгун-тайге тувинка назвала нам три вида болезни, при которых религия запрещала женщинам шить одежды: первый вид — *хаван* и *ыжык* (опухоль на любом месте), считалось, что если при этом заболевании женщина шьет иглой и шилом, то болезнь можно уколоть; второй — *уланут* (корь). При этой болезни также нельзя держать в руках иглу или шило; третий — *пыжаар тума* (оспа), эта болезнь тоже «не любит» острых предметов» [Потапов 1969: 203].

они ездят в черных повозках, запряженных лошадьми черной масти, половина лица у них черная, а другая половина белая (*хэлтэ-гэ малан морьтон; хужу хара повозхотон* ‘с хромыми лошадьми с белым пятном на лбу; с черной повозкой’). Они разъезжают по улусам и распространяют смертельные болезни. Лечение, очевидно, не осуществлялось. Традиционно в период эпидемии буряты делали умиловительные обряды, посвященные только *эжинам* этих болезней (духам других заболеваний обрядов не делали). Обращались к ним через черного шамана; во время обряда говорили тихо, шёпотом произносили слова молитвы, так как духи этих болезней не любят громкий говор. Обращаются к ним следующим образом:

Шибэнжи хэлэшин
Шёпотом говорящие
Шимхэлэжи идешин...
Щипками едящие...

[Хангалов 1958: 456].

Из слов молитв ясно, что духи, насылающие *шара-өбөшөн* и *халун-өбөшөн*, имеют происхождение от грозных 13 Асарангуйских тэнгриев, входящих в группу восточных злых небожителей.

Проказа. Проказа, или лепра, относится к числу заболеваний, с древности сопутствующих человеческой цивилизации. Основными ареалами распространения этого заболевания были субтропические и тропические зоны Евразии и Африки. Древнейшие цивилизации Китая, Индии, Египта были знакомы с этой болезнью и очень боялись ее — она считалась неизлечимой. Проникновение этого заболевания с юга в Центральную Азию и дальше на север способствовали миграции населения. Какому этапу миграции соответствуют появление и распространение проказы среди монгольских народов и якутов, у которых эта болезнь также встречалась, точно неизвестно. В этнической Бурятии местом, где была официально зафиксирована проказа, является остров Ольхон и Приольхонье. Как пишет П. Е. Кулаков, о существовании проказы среди бурят Еланцинского ведомства ничего не было известно до исследований 1805 г. Однако старики утверждали, что проказа издавна распространена на острове Ольхон и в прилегающей к нему материковой части. Есть сведения, что Больше-Куркутский улус выселился на новое место, так как на старом часто бывали случаи за-

ражения и смерти людей от проказы. Проказу буряты называли *муу убэиэн* 'скверная болезнь'. Прокаженные сразу же при выявлении признаков заболевания выселялись в специально отведенные для них места — отдельные юрты или зимовье, построенные где-нибудь за улусом или скотным двором. Больные не покидали своего места проживания, им не помогали шаманы, и только родственники снабжали их пищей. Ольхонские буряты выявляли проказу по следующим признакам: тело больных покрывается сыпью, шелушится, чернеет; выпадают ресницы, брови, волосы на бороде, усах и голове; руки и ноги начинают отекают и пухнуть; голос делается хриплым; движения затрудняются; от больного исходит запах гниющего и разлагающегося мяса. Никакой медицинской помощи прокаженные до 1895 г. не получали. После того, как про существование проказы в бывшем Ольхонском ведомстве стало известно в Иркутске, в ведомство был командирован врач, который оказал помощь больным, а двух тяжело больных перевез в Иркутск [Кулаков 1898: 41–42].

В Якутии проказа, по наблюдению В. Л. Серошевского, встречалась «в местах болотистых, сырых, среди озер, где народонаселение питается по преимуществу худшими сортами рыб». Распространение этой болезни среди якутов, по мнению исследователя, было преувеличенным. Дело оказалось в том, что «население смешивает эту болезнь с некоторыми формами застарелого сифилиса, проявляющегося в здешнем суровом климате с ужасающей силой: тело и кости гниют, и больной разлагается заживо, как и при проказе <...> Население страшно боится обеих болезней, и раз они проявились, больных безжалостно удаляют: сифилитиков — в окружные больницы, подзреваемых в проказе — в леса, где у них есть дома, для них выстроенные и куда в определенные сроки им доставляют пищу. Когда такая колония вымрет, якуты сжигают строение со всем имуществом» [Серошевский 1993: 248].

Буряты, как уже говорилось выше, распознавали признаки проказы и отличали это заболевание от сифилиса, который они называли «купороской». Сифилис считался незаразной болезнью, и в связи с этим больные им могли оставаться в обществе, пользоваться общей посудой и постелью. Однако не всегда общество могло верно

распознать признаки той или иной болезни, поэтому чаще всего в категорию лиц, заболевших проказой, включались и больные сифилисом, оспой и другими заболеваниями, внешние признаки которых напоминали проявления проказы. Свидетельство этому мы обнаруживаем в воспоминаниях старожилов этнической Бурятии. Так, К. М. Махатов, описывая историю и быт кударинских бурят, приводит сообщение одного из своих информантов, детство и молодость которого пришлось на начало XX в. Его постигло большое несчастье — заболела мать. *В народе говорили про ее болезнь «муу убэиэн» («дурная» или «плохая» болезнь). Соседи объявили бойкот, никто не стал заходить к нам. Все стали чуждаться нас. Даже невеста под угрозой своих родителей отказалась выйти за меня замуж <...> Пришлось опять ездить к шаманам. Медицинская помощь, как известно, в то время отсутствовала. Некуда было больше обращаться. Больной зуб и то некому было удалить. Много жертвоприношений я приносил во время болезни матери. «Муу эбэиэн» в то время считалась неизлечимой. Кое-кто из соседей предлагал матери удавиться. К счастью однажды приехал в наш улус австрийский военнопленный врач (это был 1916 г.). Я обратился к нему и он дал хорошее лекарство. Через месяц мать выздоровела» [Махатов 1964: 59]. Этот пример показывает, что под признаками проказы несведущие буряты могли понимать проявления разных заболеваний.*

По отношению к прокаженным общество сразу принимало незамедлительные и довольно суровые меры. Их выселяли за пределы улуса, в специально отведенные места, где для них строилось небольшое жилье. Больные не смели показываться людям на глаза и проводили остаток жизни в тесноте и зловонии своих крошечных жилищ. С непокорными больными, не желавшими подчиняться приговору улуса, жестко расправлялись: их напоявали допьяна, а затем сжигали вместе с юртой, одеждой и имуществом [Кулаков 1898: 41–42].

Туберкулез. Чохотка, или туберкулез, является одним из древнейших заболеваний. Это заболевание *унжиг* 'чахотка', *уушигны ханиад* 'лёгочный кашель' было довольно распространено и у кочевников. Как отмечают врачи, проводившие исследования бурятского сельского населения в начале XX в., буряты знают и понимают термин

«туберкулез легких» [Гранат, Згоржельская 1931: 69].

Как известно, туберкулезная инфекция поражает не только легкие, она атакует лимфатическую систему, кости. Однако население относилось к проявлениям туберкулезной инфекции на иных частях тела к другим заболеваниям. Как отмечают медики, лимфатические железы наиболее тонко реагируют на туберкулезную инфекцию, вызывая увеличение и изменение лимфатических желез. Чаще всего поражаются шейные и подчелюстные железы [Гранат, Згоржельская 1931: 75]. Такие изменения в человеческом организме замечали и кочевники. Так, например увеличенные лимфатические железы под челюстью буряты называли *хулгана убэиэн* 'мышинная болезнь'. Эта болезнь чаще отмечалась среди западных бурят, в некоторых местах этнической Бурятии, в частности, в Закаменском аймаке эта болезнь встречалась, напротив, редко. Заболевали ею главным образом молодые, старики не болели. Для исцеления прибегали к магическому приему: похищали у роженицы послед и прикасались им к больному месту, полагая, что причина заболевания — *хулгана* 'мышь', оскверненная «нечистым» предметом, — покинет больного [Галданова 1992а: 98].

Врачи, проводившие исследования бурятских детей в Агинском бурятском округе в 1931 г., выявили, что большинство детей бурятских улусов инфицированы туберкулезом. Согласно проведенному исследованию, буряты отличались в иммунологическом отношении от русских, давая большую чувствительность к туберкулину, однако в то же время они хорошо справлялись в обычных условиях с туберкулезной инфекцией, поскольку заболевает теми или иными формами туберкулеза небольшой процент населения. Медики отмечали, что единственным моментом в быте бурятского ребенка, помогающим ему справляться с туберкулезным процессом, является свежий степной воздух, хорошая вентиляция традиционного жилища бурят — юрты [Гранат, Згоржельская 1931: 87]. Современные же исследования показывают эффективность традиционного питания, особенно молочных продуктов, изобилие которых характеризует кухню кочевников. Особенно при туберкулезе легких полезен кумыс, который рекомендуют пить три раза в день и более. «Кумыс не только лечит болезнь, но и

укрепляет организм в целом, делает его невосприимчивым к разным недугам» [Галданова 1992а: 94]. Может быть, в этом кроется секрет особой устойчивости организма бурят и монголов к туберкулезной инфекции?

Таким образом, эпидемических заболеваний, с которыми были знакомы монгольские народы, было не так много. Сам образ жизни кочевников предотвращал и появление, и распространение множества эпидемических заболеваний. Ряд заболеваний имеет древнее происхождение и распространился по центральноазиатской степи и далее — на север — с южных территорий, сопутствуя древним и средневековым миграциям. Большая часть эпидемических заболеваний, в частности тиф, корь, гепатит, скарлатина, холера и др., появилась в среде кочевников в XVII–XIX вв. Некоторые заболевания были неотъемлемой частью и негативным следствием традиционных хозяйственных занятий кочевников — скотоводства и охоты.

Кочевники были беспомощны в ситуации эпидемий и эпизоотий. Они не владели рациональными знаниями о заболеваниях, не имели лекарственных средств, эффективных в борьбе с эпидемиями и эпизоотиями. Лечение, как правило, сводилось к разнообразным магическим приемам, оказывающим положительное воздействие, возможно, лишь на психологическом уровне. Непонимание природы инфекционных заболеваний вызывало неверные действия, приводившие к быстрому распространению инфекционных заболеваний, которые нередко приобретали характер эпидемий. К числу таких «лечебных приемов» относились традиционные камлания шаманов с приглашением большого количества людей в дом больного.

Полагаем, что рациональными действиями в борьбе с эпидемиями, предпринимаемыми в разные исторические периоды, были меры по оповещению и купированию эпидемий, которые со временем облекаются в форму законодательных мер, и изоляция больных. Так, в XVIII–XIX вв. органами местного самоуправления бурят предпринимались следующие меры по купированию эпидемий: согласно пунктам 108, 115 Уложения 1823 г. одиннадцати хоринских родов, эти меры в основном сводились к ограничению контактов больных людей с населением других *отоков* (поселений); требовалось немедленное оповещение на-

селения, начальства; также к больным приглашали ученых лам-лекарей. Нарушителей этих предписаний строго наказывали [Обычное право 1992: 72, 79, 105]. Царские власти слабо проявляли заботу о коренных народах Сибири, вошедших в состав Российской империи. Туберкулез, венерические и эпидемические заболевания были постоянными спутниками бурят. Более действенные меры предпринимались в отношении таких страшных заболеваний, как оспа. Постепенно развивались практики оспопрививания среди населения. Проходили обучение оспенные ученики из числа представителей коренного населения. Некоторые оспенные ученики за усердное исполнение ими своих обязанностей награждались серебряными медалями, а нерадивые — наказывались [Жамбалова 2000: 314–317].

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Российской Федерации в рамках гранта № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Литература

- Арнольд Ван Геннеп. Обряды перехода. М.: Вост. лит., 1999. 198 с.
- Бурнаков В. А. Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. 208 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакасск. гос. ун-та, 2005. 196 с.
- Баикуев В. Ю. Геомедицинская ситуация в Байкальском регионе (конец XIX – первая половина XX в.) в документах архивов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 1(17). С. 74–90.
- Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 172 с.
- Галданова Г. Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, СО, 1992. С. 71–89.
- Гранат Е., Згоржельская Е. Бурятские дети. Труды научной экспедиции наркомздрава и деткомиссии ВЦИКа по изучению состояния здоровья и заболеваемости детей Бурят-Монгольской АССР / под ред. и предисловие А. А. Киселя, В. Н. Иванова М.: ОГИЗ-Молодая гвардия, 1931. 159 с.
- Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.
- Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.) Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.
- История Баргузинской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903 гг.): [сб. док-тов, перечень док-тов] / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2012. 321 с.
- Кабзінська-Ставаж И. Сезонные игры монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, СО РАН, 1992. С. 100–112.
- Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Кулаков П. Е. Остров Ольхон: хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств (бывшего Ольхонского ведомства) Верхотурского округа Иркутской губернии // Записки РГО по отделению статистики. СПб., 1898. Т. 8. Вып. 1. 245 с.
- Махатов К. М. Страницы из жизни бурят Кударинской степи. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 59 с.
- Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 287 с.
- Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I. Введение, перевод и примечания Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 156 с.
- Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности: пер. с монг. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1992. 312 с.
- Описание братских мужиков Иркутского ведомства // С. П. Крашенинников в Сибири. Непубликованные материалы. М.; Л.: Наука, 1966. 241 с.
- Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 304 с.
- Оюунжаргал О. Ойраты в политике маньчжурской династии Цин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 238 с.
- Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1969. 401 с.
- Ринчингийн Чултэмсурэн. Эрүүл амьдрах ухаан. Монгол аман билигт. Улаанбаатар: Сэлэнгэ-пресс ХХК, 2015. 231 с.
- Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Московск. тип. № 2, 1993. 736 с.

- Содномпилова М. М. Атмосферные явления в концептуальной и языковой версиях картины мира монгольских народов // В мире традиционной культуры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. С. 152–202.
- Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Зөв зүс или «правильная» масть лошади в коневодческой культуре монгольских народов: символика масти // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 3(15). С. 100–116.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек и общество / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. I. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1958. 550 с.
- References**
- Arnold van Gennep. *Obryady perekhoda* [The Rites of Passage]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1999, 198 p. (In Russ.).
- Burnakov V. A. *Dukhi srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov* [The traditional worldview of the Khakass people: spirits of the middle world]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography (Sib. Branch of the RAS) Press, 2006, 208 p. (In Russ.).
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. *Arkhaicheskie obychai i obryady sayanskikh tyurkov* [Turkic peoples of the Sayan Mountains: archaic customs and ceremonies]. Abakan, Khakass State Univ. Press, 2005, 196 p. (In Russ.).
- Bashkuev V. Yu. *Geomeditsinskaya situatsiya v Baykal'skom regione (konets XIX – pervaya polovina XX v.) v dokumentakh arkhivov* [The geomedical situation in the Baikal Region (late 19th - first half of the 20th centuries)]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* (Bulletin of the Buryat Scientific Center of the RAS), 2015, No. 1 (17), pp. 74–90 (In Russ.).
- Galdanova G. R. *Zakamenskije buryaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (Vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XXv.)* [Zakamensk Buryats. Historical and ethnographic essays (mid-to-late 19th – early-to-mid 20th cc.)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 172 p. (In Russ.).
- Galdanova G. R. *Semantika arkhaichnykh elementov svad'by u tyurko-mongolov. Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov* [The Turko-Mongols: semantics of archaic wedding elements]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, pp. 71–89 (In Russ.).
- Granat E., Zgorzhel'skaya E. *Buryatskie deti. Trudy nauchnoy ekspeditsii narkomzdrava i detkomissii VTsIKA po izucheniyu sostoyaniya zdorov'ya i zabolevaemosti detey Buryat-Mongol'skoy ASSR. Pod red. i predislovie A. A. Kiselya, V. N. Ivanova* [Buryat children. Proceedings of the scientific expedition of the People's Childcare Commissariat and Childcare Commission of the Central Executive Committee for the investigation of children's health conditions and disease rate in the Buryat-Mongolian ASSR. Edit. and foreword by A. Kisel, V. Ivanov]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1931, 159 p. (In Russ.).
- Zhamtsarano Ts. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg.* [Travel diaries (1903–1907)]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center (Sib. Branch of the RAS) Press, 2001, 380 p. (In Russ.).
- Zhambalova S. G. *Profannyi i sakral'nyy miry ol'khonskikh buryat (XIX–XX vv.)* [Olkhon Buryats: the profane and sacred worlds (19th–20th cc.)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, 400 p. (In Russ.).
- Istoriya Barguzinskoy stepnoy dумы v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya (1824–1903 gg.) [sb. dokumentov, perechen' dokumentov]. avt.-sost. B. Ts. Zhalsanova, L. V. Kuras* [History of the Barguzin Steppe Duma: evidence from the State Archive of the Republic of Buryatia. Collected documents. Comp. by B. Zhalsanova et al.]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2012, 321 p. (In Russ.).
- Kabzinska-Stavazh I. *Sezonnye igry mongolov* [Seasonal games of the Mongols]. *Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov* [Traditional rites of the Mongolic peoples]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, pp. 100–112 (In Russ.).
- Kalmyki. otv. red. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya* [The Kalmyks. Edit. By E. Bakaeva, N. Zhukovskaya]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 568 p. (In Russ.).
- Khangalov M. N. *Sobranie sochineniy. T. I.* [Collected Works. Vol. 1.]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1958, 550 p. (In Russ.).
- Kulakov P. E. *Ostrov Ol'khon: khozyaystvo i byt buryat Elantsinskogo i Kutul'skogo vedomstv (byvshego Ol'khonskogo vedomstva) Verkhenskogo okruga Irkutskoy gubernii* [Olkhon Island: the economy and everyday life of the Buryats residing in Elantsinskoe and Kutulskoe Municipalities (ex-Olkhonskoe Municipality) of Verkhensky District of Irkutsk Governoarte]. *Zapiski RGO po otdeleniyu statistiki* [Notes of the Russian Geo. Society. Department of Statistics]. St. Petersburg, 1898, vol. 8, iss. 1, 245 p. (In Russ.).
- Makhatov K. M. *Stranitsy iz zhizni buryat Kudarinskoy stepi* [Buryats of the Kudarinskaya

- Steppe: glimpses of life]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1964, 59 p. (In Russ.).
- Mikhailov T.M. *Buryatskiy shamanizm: istoriya, struktura, sotsial'nye funktsii* [Buryat shamanism: history, structure, social functions]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 287 p. (In Russ.).
- Natsov G.-D. *Materialy po istorii i kul'ture buryat. Chast' I. Vvedenie, perevod i primechaniya G.R. Galdanovoy* [Materials on the history and culture of the Buryats. Part I. Intr., transl. and notes by G. Galdanova]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center (Sib. Branch of the RAS) Press, 1995, 156 p. (In Russ.).
- Obychnoe pravo khorinskikh buryat: Pamyatniki staromongol'skoy pis'mennosti: Per. s mong.* [Customary law of the Khori Buryats ...]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 312 p. (In Russ.).
- Opisanie bratskikh muzhikov Irkutskogo vedomstva* [A description of Buryat males subordinate to Irkutsk Administration]. S. P. Krasheninnikov v Sibiri. *Neopublikovannye materialy* [S. P. Krasheninnikov in Siberia. The unpublished materials]. Moscow, Leningrad; Nauka Publ., 1966, 241 p. (In Russ.).
- Osokin G. M. *Na granitse Mongolii. Ocherki i materialy k etnografii yugo-zapadnogo Zabaykal'ya* [On the Russian-Mongolian border. Essays and materials on the ethnography of Southwestern Transbaikalia]. St. Petersburg, A. Suvorin Publ., 1906, 304 p. (In Russ.).
- Oyuunzhargal O. *Oyraty v politike man'chzhurskoy dinastii Tsin* [The Oirats in policies of the Manchu Qing dynasty]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center (Sib. Branch of the RAS) Press, 2015, 238 p. (In Russ.).
- Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [The Tuvans: sketches of everyday life]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 401 p. (In Russ.).
- Rinchingiyn Chultemsuren. *Eruul am'drakh ukhaan mongol aman biligt* [Healthy lifestyle: evidence from Mongolian folklore]. Ulaanbaatar, Selenge Publ. Ltd., 2015, 231 p. (In Mong.).
- Seroshevsky V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya. 2-e izdanie* [The Yakuts. An effort of ethnographic research. 2nd ed.]. Moscow, Moskovskaya Tipografiya No. 2 Publ., 1993, 736 p. (In Russ.).
- Sodnompilova M.M. *Atmosfernye yavleniya v kontseptual'noy i yazykovoy versiyakh kartiny mira mongol'skikh narodov* [Atmospheric phenomena in the conceptual and language world images of the Mongolic peoples]. *V mire traditsionnoy kul'tury buryat* [In the world of traditional culture of the Buryats]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center (Sib. Branch of the RAS) Press, 2007, pp. 152–202 (In Russ.).
- Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. *Zov zus ili «pravil'naya» mast' loshadi v konevodcheskoy kul'ture mongol'skikh narodov: simbolika masti* [Zov zus — or the 'right' coat colors in the horse breeding culture of Mongolic peoples: coat color symbolism]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* (Bulletin of the Buryat Scientific Center of the RAS). 2014, No. 3(15), pp. 100–116 (In Russ.).
- Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Chelovek i obshchestvo. E. L. L'vova, I. V. Oktyabr'skaya, A. M. Sagalaev, M. S. Usmanova* [Turkic peoples of Southern Siberia: the traditional worldview. The man and society. E. Lvova et al.]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988, 225 p. (In Russ.).

УДК 394(517)

**ИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ В ЖИЗНИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКИ БОРЬБЫ С НИМИ**Марина Михайловна Содномпилова¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Аннотация. Изучение здоровья коренного населения Сибири, Центральной Азии в XIX в. показывают, что инфекционные заболевания населения региона вызваны спецификой экономической деятельности (охота, животноводство), особенностями жизни и питания. С древних времен монгольские народы знают оспу, сибирскую язву, чуму, бешенство, туберкулез, проказу. Оспу периодически привозили в кочевую среду народы соседнего Китая. Источником распространения чумы, бешенства, сибирской язвы были животные, как домашние, так и дикие. Многие заболевания были ввезены в кочевую среду во время миграций Сибири из западных регионов (тиф, дифтерия, корь, венерические заболевания). Ряд заболеваний появился в кочевой среде в период миграции из других регионов (оспа, тиф, дифтерия, венерические заболевания).

Согласно традиционному мировоззрению, происхождение эпидемий и заразных болезней видится коренному населению Сибири и Центральной Азии во вредной деятельности божеств и духов болезни. По этой причине практика лечения носила ритуальный характер. Общей практикой лечения инфицированных вирусом бешенства было купание в водоемах с целебной водой, пребывание в священных пещерах. Некоторые инфекционные заболевания считались «небесными». Верили, что такие действия, как осквернение духа болезни, использование огня, стрельба из огнестрельного оружия, могут избавить от них. Такие нерациональные методы лечения обязательно сопровождалась ритуалами. Ритуалы были адресованы богам-виновникам болезней и совершались шаманами или ламами.

Традиционные представления монгольских народов о болезнях являются частью общей мифопоэтической картины, которая сформировалась во всем пространстве Центральной Азии. В связи с этим представления монголов, бурят, хакасов, тувинцев свидетельствуют об определенном их сходстве.

Ключевые слова: монгольские народы, мировоззрение, инфекционные заболевания, лечение.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 155–179, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-155-179
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.3

Mongolian Analytical Constructions: a Quantitative Perspective*

Sergey A. Krylov¹

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: krylov-58@mail.ru

Abstract. The article attempts to measure the frequency use of analytical word forms in Mongolian. One of the difficulties is that the boundaries of the framework for such analytical constructions are unclear enough. Evidently, the scope is of diffusive nature, i.e. the boundaries are vague. However, those can be investigated by quite precise methods, given that the latter essentially comply with a real object, i.e. be quantitative. This requires that at some initial stage of research it should be settled which formally detected characteristics are typical for analytical constructions.

Heuristically, it is admitted that the ‘wide’ approach towards analytical forms represented within the so called theory of grammaticalization (or grammatization) is most fruitful; but the approach should be supplemented with quantitative methods developed in corpus linguistics. With evidence from the General Corpus of Mongolian (GCM / GKMYa-1a), the paper identifies most frequently used analytical word forms. The materials are represented in the form of statistical tables, the word forms being arranged in direct alphabetical order of corresponding lexemes.

The ranking list comprises not all structural analytical models of Mongolian syntactic molecules, but rather — the most commonly used ones. The threshold requirement for an analytical word form to be included in the list is 312 instances within the GCM-1a, or 275 ipm. The work shows most commonly used analytical word forms with an absolute frequency of over 10 instances, a relative one of theirs being 9 ipm. The GCM-1a contains 1 818 such word forms.

Keywords: Mongolian, corpus linguistics, quantitative methods in linguistics, analytical constructions, analytical forms.

В настоящей работе ставится задача измерить употребительность аналитических конструкций монгольского языка. Одна из главных трудностей такого исследования заключается в том, что границы самого инвентаря аналитических конструкций не вполне ясны. По-видимому, это множество имеет диффузную природу, т. е. его границы расплывчаты. Тем не менее они поддаются исследованию достаточно точными методами, если эти методы будут иметь характер, адекватный своему реальному объекту, т. е. количественный характер. Для

этого необходимо на некотором первичном этапе исследования условиться, какие именно формально диагностируемые признаки имеются у аналитических конструкций.

Представляется, что эвристически наиболее плодотворный подход к аналитическим конструкциям — так называемый «широкий» подход, представленный в так называемой теории «грамматикализации» (А. Мейе, 1912¹) а также «грамматизации»

¹ См. также работы Б. Хайне, Кр. Лемана, Дж. Байби (1980-х гг.), а в XXI в. — работы Н. Р. Сумбатовой, Т. А. Майсака и др.

(в отечественном языкознании), представленный, например, работами В. В. Виноградова [1947], С. Д. Кацнельсона [1948], В. М. Жирмунского [1963], В. Г. Гака [1965], Ю. С. Маслова [1975, 1978] и других авторов. Однако эти авторы при выделении аналитических конструкций (и аналитических форм) не прибегают к количественным (статистическим, квантитативным) методам, ограничиваясь характеристикой семантической и синтаксической специфики этих конструкций. Целью настоящей работы является первичная квантитативная систематизация материала монгольского языка на материале специально разработанного автором Генерального корпуса современного монгольского языка (ГКМЯ-1а), представленного в ряде предшествующих публикаций автора (см. [Крылов 2014] и указанную там литературу).

Изложение материала будет наиболее наглядным, если мы представим его в табличной форме. В ранговый список включены не все аналитические структурные модели синтаксических молекул монгольского

языка, а лишь наиболее употребительные. Пороговое значение для включения в список составляет 312 вхождений в корпус ГКМЯ-1а, или 275 ipm.

В I столбце приводится сама аналитическая структурная модель синтаксической молекулы. Она состоит из знаменательного и строевого компонентов. Символ C_0 обозначает знаменательную часть модели.

В составе одной (единственной) модели (она же и является наиболее употребительной) строевой компонент — нулевой, он не обозначен никаким особым символом; тем не менее она включена в таблицу по соображениям системности как «нулевой» (немаркированный) член системы. Такая модель может быть названа «нулевой» моделью. Во II столбце приводится абсолютная встречаемость аналитических структурных моделей в ГКМЯ-1а. В III столбце приводится относительная частотность аналитических структурных моделей в ГКМЯ-1а, измеренная в ipm. В IV столбце приводится ранг аналитических структурных моделей в ГКМЯ-1а.

Таблица 1а. Аналитические структурные модели синтаксических молекул монгольского языка. Ранговый список

I	II	III	IV
C_0	548851	482949	1
C_0 нь	18870	16604	2
гэж C_0	9800	8623	3
C_0 ч	6331	5571	4
энэ C_0	3961	3485	6
C_0 минь	3873	3408	7
тэр C_0	3570	3141	8
C_0 юм	3507	3086	9
нэг C_0	3053	2686	10
C_0 шиг	2878	2532	11
би C_0	2770	2437	12
C_0 чинь	2528	2224	13
C_0 байна	2414	2124	14
C_0 бол	2322	2043	15
C_0 дээр	2272	1999	16
гээд C_0	1961	1726	17
C_0 байлаа	1715	1509	18
их C_0	1692	1489	19
миний C_0	1419	1249	20
C_0 билээ	1379	1213	21
C_0 байгаа	1362	1198	22
C_0 мэт	1246	1096	23
C_0 байсан	1227	1080	24

бас C_0	1207	1062	25
C_0 вэ	1191	1048	26
чи C_0	1155	1016	27
C_0 болж	1138	1001	28
хэдэн C_0	1133	997	29
олон C_0	1119	985	30
C_0 бөгөөд	1091	960	31
гэсэн C_0	1063	935	32
C_0 боловч	1054	927	33
C_0 биш	1039	914	34
C_0 нар	1000	880	35
бид C_0	1000	880	36
C_0 байв	980	862	37
C_0 авч	976	859	38
нэгэн C_0	962	846	39
түүний C_0	908	799	40
C_0 дээ	877	772	41
гэдэг C_0	848	746	42
C_0 үү	838	737	43
C_0 болсон	829	729	44
гэтэл C_0	817	719	45
та C_0	817	719	46
C_0 өмнө	802	706	47
C_0 ээ	768	676	48

харин C_0	766	674	49
манай C_0	759	668	50
C_0 шүү	708	623	51
гэвч C_0	703	619	52
C_0 ажээ	664	584	53
C_0 тул	658	579	54
намайг C_0	647	569	55
C_0 уу	626	551	56
C_0 руу	622	547	57
C_0 гарч	617	543	58
ийм C_0	612	539	59
C_0 болов	611	538	60
C_0 тухай	610	537	61
C_0 дунд	609	536	62
C_0 орж	609	536	63
C_0 байж	607	534	64
гэхэд C_0	595	524	65
C_0 даа	592	521	66
C_0 аваад	585	515	67
C_0 байх	581	511	68
C_0 дээрээ	580	510	69
түүнийг C_0	578	509	70
C_0 дотор	552	486	71
нөгөө C_0	542	477	72
C_0 хийж	525	462	73
өөр C_0	524	461	74
C_0 болно	522	459	75
C_0 явсан	518	456	76
C_0 байжээ	515	453	77
ганц C_0	515	453	78
C_0 юм шиг	496	436	79
C_0 байхад	485	427	80
C_0 ирж	485	427	81
бүр C_0	485	427	82
C_0 болжээ	484	426	83
C_0 хойш	480	422	84
C_0 байдаг	475	418	85
C_0 хүртэл	472	415	86
бүх C_0	472	415	87
C_0 болоод	467	411	88
C_0 болохоор	465	409	89
C_0 шүү дээ	457	402	90
энд C_0	457	402	91
C_0 харж	443	390	92
C_0 яваа	443	390	93
C_0 адил	442	389	94
C_0 хамт	438	385	95
ингээж C_0	436	384	96
C_0 удаа	432	380	97
C_0 байгаад	428	377	98
C_0 аа	422	371	99
C_0 болон	418	368	100
C_0 бий	417	367	101

C_0 гуай	404	355	102
C_0 ирсэн	401	353	103
C_0 ч үгүй	399	351	104
ямар C_0	393	346	105
C_0 гаргаж	376	331	106
аль C_0	376	331	107
C_0 учир	365	321	108
C_0 барьж	364	320	109
C_0 байтал	358	315	110
бор C_0	358	315	111
C_0 боллоо	352	310	112
C_0 ирээд	352	310	113
C_0 бололтой	349	307	114
C_0 дараа	349	307	115
өнөөх C_0	342	301	116
C_0 болох	338	297	117
тийм C_0	338	297	118
ба C_0	334	294	119
C_0 олж	333	293	120
C_0 явлаа	331	291	121
хэд C_0	326	287	122
C_0 очиж	323	284	123
C_0 хэлэв	323	284	124
C_0 нь ч	318	280	125
бүү C_0	316	278	126
C_0 байна уу	314	276	127
C_0 сууж	312	275	128
надад C_0	312	275	129

Аналитические структурные модели синтаксических молекул монгольского языка.

Прямой алфавитный список

В прямой алфавитный список включены не все аналитические структурные модели синтаксических молекул (АМСМ) монгольского языка, а лишь наиболее употребительные. Пороговое значение для включения в список составляет 11 вхождений в корпус ГКМЯ-1а, или 10 ipm. Таких моделей оказалось 1 064.

В I столбце приводится сама модель (АМСМ). Она состоит из знаменательного и строевого компонентов. Символ C_0 обозначает знаменательную часть модели.

В составе одной (единственной) АМСМ (она же и является наиболее употребительной) строевой компонент — нулевой, он не обозначен никаким особым символом; тем не менее, она включена в таблицу по соображениям системности как «нулевой» (немаркированный) член системы. Такая АМСМ может быть названа «нулевой».

Во II столбце приводится абсолютная встречаемость АМСМ в ГКМЯ-1а (минимум 11).

В III столбце приводится относительная

частотность АМСМ в ГКМЯ-1а, измеренная в ipm (минимум 10).

В IV столбце приводится ранг этой АМСМ в ГКМЯ-1а (максимум 1064).

Таблица 16. Аналитические структурные модели синтаксических молекул монгольского языка. Прямой алфавитный список

I	II	III	IV
C_0	548851	482949	1
C_0 үү	838	737	43
C_0 үгүй	186	164	208
C_0 үзэж	169	149	229
C_0 үзээд	156	137	247
C_0 үзсэн	96	84	297
C_0 үү дээ	38	33	431
C_0 өмнө	802	706	47
C_0 өөд	242	213	162
C_0 өгсөн	212	187	188
C_0 өгч	198	174	198
C_0 өгнө	132	116	267
C_0 өгөх	123	108	273
C_0 өмнө нь	58	51	358
C_0 өөд нь	23	20	582
C_0 өгсөн юм	20	18	641
C_0 өмнө очиж	15	13	790
C_0 өгнө үү	14	12	831
C_0 өгсөн билээ	12	11	913
C_0 өгч байна	12	11	914
C_0 аа	422	371	99
C_0 аваад	585	515	67
C_0 авах	191	168	203
C_0 авах нь	14	12	832
C_0 авсан	213	187	186
C_0 авсан нь	11	10	984
C_0 авсан юм	12	11	915
C_0 авч	976	859	38
C_0 авч байна	11	10	985
C_0 адил	442	389	94
C_0 ажээ	664	584	53
C_0 алга	305	268	132
C_0 алга болов	37	33	438
C_0 алга болжээ	29	26	491
C_0 алга болж	16	14	753
C_0 алга болно	11	10	986
C_0 алга болсон	11	10	987
C_0 алдан	236	208	169
C_0 аль нь	15	13	791
C_0 бүхэн нь	12	11	916
C_0 бөгөөд	1091	960	31
C_0 бай	129	114	269

C_0 байв	980	862	37
C_0 байвал	168	148	230
C_0 байгаа	1362	1198	22
C_0 байгаа нь	207	182	191
C_0 байгаа юм	154	136	250
C_0 байгаа юм шиг	87	77	306
C_0 байгаа бололтой	61	54	347
C_0 байгаа даа	43	38	406
C_0 байгаа юм бэ	42	37	412
C_0 байгаа бол	38	33	432
C_0 байгаа билээ	30	26	478
C_0 байгаа мэт	25	22	550
C_0 байгаа биз	24	21	570
C_0 байгаа ажээ	22	19	601
C_0 байгаа боловч	22	19	602
C_0 байгаа юм байна	22	19	603
C_0 байгаа бөгөөд	21	18	617
C_0 байгаа биш	21	18	618
C_0 байгаа шүү дээ	20	18	642
C_0 байгаа шиг	20	18	643
C_0 байгаа байх	18	16	694
C_0 байгаа болов уу	18	16	695
C_0 байгаа болохоор	18	16	696
C_0 байгаа тул	17	15	720
C_0 байгаа юм уу	17	15	721
C_0 байгаа биз дээ	15	13	792
C_0 байгаа юм бол	13	11	866
C_0 байгаа минь	12	11	917
C_0 байгаа чинь	12	11	918
C_0 байгааг	251	221	158
C_0 байгааг хараад	15	13	793
C_0 байгаад	428	377	98
C_0 байдаг	475	418	85
C_0 байдаг юм	160	141	241
C_0 байдаг билээ	50	44	379
C_0 байдаг бол	25	22	551
C_0 байдаг нь	25	22	552
C_0 байдаг юм бэ	19	17	668
C_0 байдаг болохоор	17	15	722
C_0 байдаг болов уу	15	13	794
C_0 байдаг бөгөөд	14	12	833
C_0 байдаг шүү	14	12	834
C_0 байдаг аа	11	10	988
C_0 байдаг байжээ	11	10	989
C_0 байдаг байлаа	11	10	990

<i>C₀ байдаг тул</i>	11	10	991
<i>C₀ байж</i>	607	534	64
<i>C₀ байж билээ</i>	78	69	318
<i>C₀ байж болно</i>	24	21	571
<i>C₀ байж болох юм</i>	11	10	992
<i>C₀ байж дээ</i>	33	29	461
<i>C₀ байж л дээ</i>	12	11	919
<i>C₀ байж мэднэ</i>	25	22	553
<i>C₀ байжээ</i>	515	453	77
<i>C₀ байлаа</i>	1715	1509	18
<i>C₀ байлаа ч</i>	23	20	583
<i>C₀ байн</i>	29	26	492
<i>C₀ байн байн</i>	124	109	272
<i>C₀ байна</i>	2414	2124	14
<i>C₀ байна аа</i>	11	10	993
<i>C₀ байна билээ</i>	15	13	795
<i>C₀ байна вэ</i>	59	52	353
<i>C₀ байна даа</i>	120	106	276
<i>C₀ байна уу</i>	314	276	127
<i>C₀ байна уу даа</i>	19	17	669
<i>C₀ байна шүү</i>	82	72	313
<i>C₀ байна шүү дээ</i>	43	38	407
<i>C₀ байсан</i>	1227	1080	24
<i>C₀ байсан юм</i>	198	174	199
<i>C₀ байсан бол</i>	89	78	304
<i>C₀ байсан нь</i>	83	73	310
<i>C₀ байсан бөгөөд</i>	56	49	361
<i>C₀ байсан боловч</i>	47	41	387
<i>C₀ байсан ч</i>	34	30	457
<i>C₀ байсан болохоор</i>	33	29	462
<i>C₀ байсан билээ</i>	29	26	493
<i>C₀ байсан тул</i>	29	26	494
<i>C₀ байсан даа</i>	23	20	584
<i>C₀ байсан учир</i>	19	17	670
<i>C₀ байсан байх</i>	17	15	723
<i>C₀ байсан авч</i>	16	14	754
<i>C₀ байсан биз</i>	16	14	755
<i>C₀ байсан шүү</i>	16	14	756
<i>C₀ байсан уу</i>	14	12	835
<i>C₀ байсан ажээ</i>	13	11	867
<i>C₀ байсан шүү дээ</i>	12	11	920
<i>C₀ байсан юм уу</i>	12	11	921
<i>C₀ байснаа</i>	269	237	152
<i>C₀ байтал</i>	358	315	110
<i>C₀ байтугай</i>	214	188	184
<i>C₀ байх</i>	581	511	68
<i>C₀ байх аа</i>	47	41	388
<i>C₀ байх ажээ</i>	14	12	836
<i>C₀ байх бөгөөд</i>	66	58	339
<i>C₀ байх билээ</i>	66	58	340
<i>C₀ байх боловч</i>	27	24	522
<i>C₀ байх вэ</i>	83	73	311
<i>C₀ байх даа</i>	50	44	380

<i>C₀ байх нь</i>	126	111	270
<i>C₀ байх нь ээ</i>	27	24	523
<i>C₀ байх тул</i>	38	33	433
<i>C₀ байх уу</i>	25	22	554
<i>C₀ байх шүү</i>	15	13	796
<i>C₀ байх шиг</i>	106	93	289
<i>C₀ байх шиг байна</i>	21	18	619
<i>C₀ байх юм</i>	108	95	287
<i>C₀ байхад</i>	485	427	80
<i>C₀ байхад нь</i>	67	59	337
<i>C₀ байхгүй</i>	238	209	166
<i>C₀ байхгүй болохоор</i>	11	10	994
<i>C₀ байхдаа</i>	155	136	248
<i>C₀ барин</i>	237	209	167
<i>C₀ барьж</i>	364	320	109
<i>C₀ барьж аваад</i>	20	18	644
<i>C₀ барьсан</i>	201	177	197
<i>C₀ бас л</i>	20	18	645
<i>C₀ би</i>	12	11	922
<i>C₀ биз</i>	285	251	141
<i>C₀ биз дээ</i>	159	140	243
<i>C₀ биз ээ</i>	27	24	524
<i>C₀ бий</i>	417	367	101
<i>C₀ билээ</i>	1379	1213	21
<i>C₀ билээ дээ</i>	42	37	413
<i>C₀ биш</i>	1039	914	34
<i>C₀ биш үү</i>	59	52	354
<i>C₀ биш байлаа</i>	17	15	724
<i>C₀ биш боловч</i>	16	14	757
<i>C₀ биш дээ</i>	33	29	463
<i>C₀ биш ээ</i>	19	17	671
<i>C₀ бодож</i>	212	187	189
<i>C₀ бодоод</i>	56	49	362
<i>C₀ бодох</i>	73	64	329
<i>C₀ бол</i>	2322	2043	15
<i>C₀ бол доо</i>	21	18	620
<i>C₀ бол уу</i>	44	39	400
<i>C₀ бол ч</i>	25	22	555
<i>C₀ болж</i>	1138	1001	28
<i>C₀ болж байна</i>	56	49	363
<i>C₀ болж байгааг</i>	35	31	453
<i>C₀ болж байгаа</i>	26	23	533
<i>C₀ болж байлаа</i>	25	22	556
<i>C₀ болж байсан</i>	16	14	758
<i>C₀ болж байхад</i>	16	14	759
<i>C₀ болж байв</i>	11	10	995
<i>C₀ болж билээ</i>	11	10	996
<i>C₀ болж дээ</i>	29	26	495
<i>C₀ болжээ</i>	484	426	83
<i>C₀ боллоо</i>	352	310	112
<i>C₀ болно</i>	522	459	75
<i>C₀ болно доо</i>	18	16	697
<i>C₀ болно шүү дээ</i>	11	10	997

C_0 болов	611	538	60
C_0 болов уу	171	150	224
C_0 боловч	1054	927	33
C_0 бололтой	349	307	114
C_0 болон	418	368	100
C_0 болоод	467	411	88
C_0 болоод л	17	15	725
C_0 болоод ч	14	12	837
C_0 болоод байна	12	11	923
C_0 болох	338	297	117
C_0 болох билээ	13	11	868
C_0 болох байх	11	10	998
C_0 болох вэ	28	25	509
C_0 болох нь	88	77	305
C_0 болох тул	36	32	445
C_0 болох уу	20	18	646
C_0 болох юм	26	23	534
C_0 болохгүй	241	212	163
C_0 болохгүй шуу	13	11	869
C_0 болоход	160	141	242
C_0 болоход нь	13	11	870
C_0 болохоор	465	409	89
C_0 болохоор нь	13	11	871
C_0 болохыг	196	172	201
C_0 болсон	829	729	44
C_0 болсон юм	53	47	370
C_0 болсон бөгөөд	46	40	391
C_0 болсон нь	44	39	401
C_0 болсон тул	36	32	446
C_0 болсон хойно	31	27	475
C_0 болсон байлаа	22	19	604
C_0 болсон билээ	20	18	647
C_0 болсон ч	19	17	672
C_0 болсон ажээ	17	15	726
C_0 болсон учир	14	12	838
C_0 болсон боловч	12	11	924
C_0 болсон шиг	12	11	925
C_0 болсон байна	11	10	999
C_0 бэ	236	208	170
C_0 вэ	1191	1048	26
C_0 вэ дээ	46	40	392
C_0 гадаа	111	98	282
C_0 гадна	181	159	210
C_0 гараад	187	165	207
C_0 гарах	146	128	258
C_0 гарах нь	20	18	648
C_0 гаргаж	376	331	106
C_0 гарган	222	195	176
C_0 гарсан	310	273	131
C_0 гарсан нь	12	11	926
C_0 гарч	617	543	58
C_0 гарч байгаа	22	19	605
C_0 гарч байна	17	15	727

C_0 гарч ирээд	67	59	338
C_0 гарч ирлээ	53	47	371
C_0 гарч ирэв	49	43	381
C_0 гарч ирэхэд	29	26	496
C_0 гарч ирсэн	23	20	585
C_0 гарч ирэх нь	12	11	927
C_0 гуай	404	355	102
C_0 гуай минь	30	26	479
C_0 гуай ч	14	12	839
C_0 гэнэ	25	22	557
C_0 гэх вэ	16	14	760
C_0 даа	592	521	66
C_0 дараа	349	307	115
C_0 дараа нь	75	66	325
C_0 доо	136	120	263
C_0 дор	260	229	156
C_0 дор нь	29	26	497
C_0 дотор	552	486	71
C_0 дотор нь	75	66	326
C_0 дотроо	154	136	251
C_0 дунд	609	536	62
C_0 дунд нь	19	17	673
C_0 дуртай	120	106	277
C_0 дэргэд	294	259	137
C_0 дэргэд нь	48	42	386
C_0 дэргэд очиж	22	19	606
C_0 дэргэд ирж	19	17	674
C_0 дээ	877	772	41
C_0 дээгүүр	217	191	182
C_0 дээгүүр нь	38	33	434
C_0 дээр	2272	1999	16
C_0 дээр байсан	18	16	698
C_0 дээр байгаа	12	11	928
C_0 дээр гарч	39	34	428
C_0 дээр гараад	21	18	621
C_0 дээр ирж	16	14	761
C_0 дээр ирээд	11	10	1000
C_0 дээр минь	24	21	572
C_0 дээр нь	283	249	145
C_0 дээр очиж	32	28	471
C_0 дээр очоод	14	12	840
C_0 дээр сууж	17	15	728
C_0 дээр ч	11	10	1001
C_0 дээр чинь	21	18	622
C_0 дээрээ	580	510	69
C_0 дээрээс	172	151	222
C_0 дээрээс нь	36	32	447
C_0 ирж	485	427	81
C_0 ирж байгаа	15	13	797
C_0 ирж яваа	16	14	762
C_0 ирж явлаа	11	10	1002
C_0 ирж явна	11	10	1003
C_0 ирлээ	285	251	142

<i>C₀ ирнэ</i>	136	120	264
<i>C₀ ирсэн</i>	401	353	103
<i>C₀ ирсэн байлаа</i>	11	10	1004
<i>C₀ ирсэн нь</i>	20	18	649
<i>C₀ ирсэн юм</i>	19	17	675
<i>C₀ ирэв</i>	220	194	179
<i>C₀ ирэв үү</i>	21	18	623
<i>C₀ ирэх</i>	181	159	211
<i>C₀ ирэх нь</i>	26	23	535
<i>C₀ ирэх шиг</i>	12	11	929
<i>C₀ ирэх юм</i>	12	11	930
<i>C₀ ирэхэд</i>	171	150	225
<i>C₀ ирэхэд нь</i>	39	34	429
<i>C₀ ирээд</i>	352	310	113
<i>C₀ их</i>	19	17	676
<i>C₀ их л</i>	27	24	525
<i>C₀ л</i>	4423	3892	5
<i>C₀ л байв</i>	29	26	498
<i>C₀ л байвал</i>	16	14	763
<i>C₀ л байгаа</i>	13	11	872
<i>C₀ л байдаг</i>	16	14	764
<i>C₀ л байж</i>	20	18	650
<i>C₀ л байлаа</i>	42	37	414
<i>C₀ л байна</i>	102	90	294
<i>C₀ л байсан</i>	19	17	677
<i>C₀ л байх</i>	30	26	480
<i>C₀ л биз</i>	23	20	586
<i>C₀ л биш</i>	15	13	798
<i>C₀ л бол</i>	47	41	389
<i>C₀ л болж</i>	11	10	1005
<i>C₀ л даа</i>	81	71	315
<i>C₀ л доо</i>	24	21	573
<i>C₀ л дээ</i>	125	110	271
<i>C₀ л юм</i>	53	47	372
<i>C₀ минь</i>	3873	3408	7
<i>C₀ минь дээ</i>	12	11	931
<i>C₀ минь л</i>	14	12	841
<i>C₀ минь ч</i>	19	17	678
<i>C₀ минь ээ</i>	59	52	355
<i>C₀ мэднэ</i>	167	147	232
<i>C₀ мэдэж</i>	97	85	295
<i>C₀ мэдэж байлаа</i>	13	11	873
<i>C₀ мэдэж байна</i>	11	10	1006
<i>C₀ мэдэх</i>	103	91	293
<i>C₀ мэдэх үү</i>	15	13	799
<i>C₀ мэдэх билээ</i>	25	22	558
<i>C₀ мэдэх тул</i>	16	14	765
<i>C₀ мэдэхгүй</i>	189	166	204
<i>C₀ мэт</i>	1246	1096	23
<i>C₀ мэт ажээ</i>	17	15	729
<i>C₀ мэт болж</i>	17	15	730
<i>C₀ мэт болоод</i>	13	11	874
<i>C₀ мэт боловч</i>	12	11	932

<i>C₀ нар</i>	1000	880	35
<i>C₀ нар аа</i>	17	15	731
<i>C₀ нар бол</i>	13	11	875
<i>C₀ нар л</i>	11	10	1007
<i>C₀ нар минь</i>	46	40	393
<i>C₀ нар нь</i>	25	22	559
<i>C₀ нар ч</i>	16	14	766
<i>C₀ нар чинь</i>	29	26	499
<i>C₀ нар шиг</i>	33	29	464
<i>C₀ нарын</i>	218	192	181
<i>C₀ нь</i>	18870	16604	2
<i>C₀ нь үгүй</i>	63	55	341
<i>C₀ нь өмнө</i>	27	24	526
<i>C₀ нь үү</i>	11	10	1008
<i>C₀ нь үзээд</i>	11	10	1009
<i>C₀ нь аваад</i>	23	20	587
<i>C₀ нь авч</i>	43	38	408
<i>C₀ нь алга</i>	13	11	876
<i>C₀ нь байгаа</i>	21	18	624
<i>C₀ нь байн байн</i>	17	15	732
<i>C₀ нь байна</i>	15	13	800
<i>C₀ нь байсан</i>	12	11	933
<i>C₀ нь байтугай</i>	11	10	1010
<i>C₀ нь барин</i>	15	13	801
<i>C₀ нь барьж</i>	30	26	481
<i>C₀ нь бий</i>	20	18	651
<i>C₀ нь биш</i>	18	16	699
<i>C₀ нь бол</i>	37	33	439
<i>C₀ нь болж</i>	25	22	560
<i>C₀ нь боловч</i>	17	15	733
<i>C₀ нь бололтой</i>	14	12	842
<i>C₀ нь болсон</i>	17	15	734
<i>C₀ нь вэ</i>	20	18	652
<i>C₀ нь гарч</i>	17	15	735
<i>C₀ нь дээ</i>	17	15	736
<i>C₀ нь дээр</i>	29	26	500
<i>C₀ нь ирж</i>	13	11	877
<i>C₀ нь ирээд</i>	11	10	1011
<i>C₀ нь л</i>	49	43	382
<i>C₀ нь мэдэхгүй</i>	13	11	878
<i>C₀ нь мэдэх</i>	12	11	934
<i>C₀ нь олж</i>	27	24	527
<i>C₀ нь орж</i>	26	23	536
<i>C₀ нь очиж</i>	14	12	843
<i>C₀ нь урьд</i>	11	10	1012
<i>C₀ нь уу</i>	28	25	510
<i>C₀ нь хуртэл</i>	95	84	298
<i>C₀ нь хурч</i>	41	36	418
<i>C₀ нь хүрэн</i>	12	11	935
<i>C₀ нь хамт</i>	14	12	844
<i>C₀ нь хараад</i>	28	25	511
<i>C₀ нь хийж</i>	12	11	936
<i>C₀ нь хойш</i>	18	16	700

C_0 нь хувьд	26	23	537
C_0 нь ч	318	280	125
C_0 нь ээ	31	27	476
C_0 нь юм	34	30	458
C_0 нь яаж	13	11	879
C_0 нь яваа	18	16	701
C_0 нэг л	35	31	454
C_0 нэг нь	75	66	327
C_0 нэг удаа	11	10	1013
C_0 нэг юм	30	26	482
C_0 нэгэн юм	15	13	802
C_0 олж	333	293	120
C_0 олж аваад	11	10	1014
C_0 олж авсан	11	10	1015
C_0 ор	136	120	265
C_0 орж	609	536	63
C_0 орж байгаа	14	12	845
C_0 орж ирж	21	18	625
C_0 орж ирлээ	63	55	342
C_0 орж ирсэн	42	37	415
C_0 орж ирээд	104	92	292
C_0 орж ирэв	85	75	308
C_0 орж ирэхэд	46	40	394
C_0 орж ирэх	21	18	626
C_0 орох	148	130	255
C_0 орох нь	11	10	1016
C_0 орсон	192	169	202
C_0 очиж	323	284	123
C_0 очоод	171	150	226
C_0 руу	294	259	138
C_0 руу нь	53	47	373
C_0 руу	622	547	57
C_0 руу нь	58	51	359
C_0 руу орж	15	13	803
C_0 руу харж	18	16	702
C_0 руу явлаа	14	12	846
C_0 суугаад	173	152	218
C_0 сууж	312	275	128
C_0 сууж байгаа	25	22	561
C_0 сууж байсан	24	21	574
C_0 сууж байлаа	18	16	703
C_0 сууж байв	15	13	804
C_0 сууж байна	15	13	805
C_0 сууж байтал	13	11	880
C_0 суусан	164	144	235
C_0 та нар	22	19	607
C_0 тал	257	226	157
C_0 тал нь	26	23	538
C_0 тал руу	13	11	881
C_0 талаар	107	94	288
C_0 талд	173	152	219
C_0 талд нь	49	43	383
C_0 талын	272	239	149

C_0 тийм ч	11	10	1017
C_0 тийш	214	188	185
C_0 тийш нь	28	25	512
C_0 тул	658	579	54
C_0 тун ч	13	11	882
C_0 тухай	610	537	61
C_0 тухай ярьж	21	18	627
C_0 тухай яриа	12	11	937
C_0 тэр нь	22	19	608
C_0 удаа	432	380	97
C_0 удаа ч	17	15	737
C_0 урьд	141	124	260
C_0 урьд өмнө	24	21	575
C_0 уу	626	551	56
C_0 уу даа	55	48	365
C_0 учир	365	321	108
C_0 учир бол	11	10	1018
C_0 учир нь	12	11	938
C_0 хүртэл	472	415	86
C_0 хүрэн	270	238	150
C_0 хүрч	221	194	178
C_0 хүрээ	86	76	307
C_0 хүрч ирээд	37	33	440
C_0 хүрч ирлээ	21	18	628
C_0 хүрч ирэв	21	18	629
C_0 хүрээ рүү	17	15	738
C_0 хамт	438	385	95
C_0 хараад	297	261	136
C_0 харан	167	147	233
C_0 харахад	159	140	244
C_0 харвал	155	136	249
C_0 харж	443	390	92
C_0 харж байснаа	25	22	562
C_0 харж байсан	14	12	847
C_0 харж байв	13	11	883
C_0 харж байгаа	12	11	939
C_0 харж байлаа	11	10	1019
C_0 харж байна	11	10	1020
C_0 харсан	117	103	279
C_0 хийгээд	197	173	200
C_0 хийж	525	462	73
C_0 хийж өгсөн	11	10	1021
C_0 хийж байгаа	28	25	513
C_0 хийсэн	216	190	183
C_0 хийсэн юм	12	11	940
C_0 хийх	176	155	214
C_0 хийх вэ	15	13	806
C_0 хийх нь	20	18	653
C_0 хоёр чинь	18	16	704
C_0 хоёр нь	12	11	941
C_0 хоёр ч	12	11	942
C_0 хойно	207	182	192
C_0 хойно доо	11	10	1022

C_0 хойно нь	13	11	884
C_0 хойноос	164	144	236
C_0 хойноос нь	69	61	334
C_0 хойш	480	422	84
C_0 хойш нь	11	10	1023
C_0 хувь	163	143	238
C_0 хувьд	173	152	220
C_0 хувьд бол	12	11	943
C_0 хэвтэж	57	50	360
C_0 хэвтэж байгаа	30	26	483
C_0 хэвтэж байлаа	19	17	679
C_0 хэвтэж байв	15	13	807
C_0 хэвтэж байсан	11	10	1024
C_0 хэдэн удаа	13	11	885
C_0 хэлж	164	144	237
C_0 хэлж байна	27	24	528
C_0 хэлсэн	90	79	303
C_0 хэлсэн нь	25	22	563
C_0 хэлэв	323	284	124
C_0 хэлэх	109	96	286
C_0 хэлэх үү	63	55	343
C_0 хэлэхэд	161	142	240
C_0 хэлэхэд нь	12	11	944
C_0 хэлээд	168	148	231
C_0 хэн бэ	21	18	630
C_0 хэн нь	16	14	767
C_0 хэн ч	23	20	588
C_0 ч	6331	5571	4
C_0 ч үгүй	399	351	104
C_0 ч алга	70	62	333
C_0 ч бай	26	23	539
C_0 ч байж мэднэ	26	23	540
C_0 ч байж	19	17	680
C_0 ч байж болно	14	12	848
C_0 ч байна	11	10	1025
C_0 ч байсан	30	26	484
C_0 ч байтугай	42	37	416
C_0 ч байх шиг	12	11	945
C_0 ч байхгүй	40	35	422
C_0 ч бий	23	20	589
C_0 ч биш	71	62	331
C_0 ч бол	12	11	946
C_0 ч болж	14	12	849
C_0 ч болно	20	18	654
C_0 ч болов	29	26	501
C_0 ч болохгүй	11	10	1026
C_0 ч болсон	30	26	485
C_0 ч дээ	15	13	808
C_0 ч л	32	28	472
C_0 ч мэднэ	13	11	886
C_0 ч мэдэхгүй	40	35	423
C_0 ч удаа	18	16	705
C_0 ч хэлж	11	10	1027

C_0 ч чадахгүй	16	14	768
C_0 ч шиг	17	15	739
C_0 ч юм	84	74	309
C_0 ч юм бэ	15	13	809
C_0 ч юм уу	112	99	281
C_0 ч юм шиг	55	48	366
C_0 ч яах вэ	21	18	631
C_0 ч яахав	73	64	330
C_0 чадахгүй	118	104	278
C_0 чинь	2528	2224	13
C_0 чинь л	16	14	769
C_0 чинь ч	22	19	609
C_0 шүү	708	623	51
C_0 шүү дээ	457	402	90
C_0 шиг	2878	2532	11
C_0 шиг байна	20	18	655
C_0 шиг болов	76	67	319
C_0 шиг боллоо	51	45	377
C_0 шиг болж	43	38	409
C_0 шиг болно	23	20	590
C_0 шиг болжээ	21	18	632
C_0 шиг болсон	16	14	770
C_0 шиг болоод	15	13	810
C_0 шиг болоход	12	11	947
C_0 шиг л	36	32	448
C_0 шиг нь	25	22	564
C_0 шиг юм	37	33	441
C_0 энэ бол	16	14	771
C_0 энэ дээ	13	11	887
C_0 энэ нь	13	11	888
C_0 энэ удаа	22	19	610
C_0 эргэж	228	201	173
C_0 эргэж харвал	12	11	948
C_0 эргэн	151	133	252
C_0 ээ	768	676	48
C_0 ээ дээ	13	11	889
C_0 юм	3507	3086	9
C_0 юм аа	44	39	402
C_0 юм алга	71	62	332
C_0 юм байж	16	14	772
C_0 юм байна	150	132	253
C_0 юм байхгүй	25	22	565
C_0 юм байх	24	21	576
C_0 юм биз дээ	12	11	949
C_0 юм бий	18	16	706
C_0 юм билээ	46	40	395
C_0 юм биш	36	32	449
C_0 юм биш үү	15	13	811
C_0 юм биш байгаа	14	12	850
C_0 юм бодож	15	13	812
C_0 юм бол	165	145	234
C_0 юм бол доо	20	18	656
C_0 юм боллоо	13	11	890

C_0 юм болов уу	33	29	465
C_0 юм болов	12	11	950
C_0 юм бэ	233	205	172
C_0 юм бэ дээ	16	14	773
C_0 юм даа	203	179	195
C_0 юм л	12	11	951
C_0 юм нь	28	25	514
C_0 юм уу	246	216	159
C_0 юм уу даа	16	14	774
C_0 юм чинь	59	52	356
C_0 юм шүү	111	98	283
C_0 юм шүү дээ	29	26	502
C_0 юм шиг	496	436	79
C_0 юм ярих	11	10	1028
C_0 юм ярьж	16	14	775
C_0 яагаад	76	67	320
C_0 яагаад ч юм	14	12	851
C_0 яаж	208	183	190
C_0 яаж мэдэх вэ	18	16	707
C_0 яаж ч	23	20	591
C_0 яасан	94	83	300
C_0 яасан бэ	15	13	813
C_0 яасан ч	20	18	657
C_0 яасан юм бэ	26	23	541
C_0 яах	81	71	316
C_0 яах билээ	22	19	611
C_0 яах бол	13	11	891
C_0 яах вэ	135	119	266
C_0 яах нь вэ	20	18	658
C_0 яах ч	23	20	592
C_0 яах юм бэ	28	25	515
C_0 яах юм	12	11	952
C_0 яахав	227	200	174
C_0 яахав дээ	23	20	593
C_0 яваа	443	390	93
C_0 яваа нь	38	33	435
C_0 яваа юм	12	11	953
C_0 яваад	206	181	194
C_0 явах	285	251	143
C_0 явах бөгөөд	19	17	681
C_0 явах вэ	12	11	954
C_0 явах нь	38	33	436
C_0 явах уу	13	11	892
C_0 явах юм	13	11	893
C_0 явахад	207	182	193
C_0 явахад нь	27	24	529
C_0 явдаг	140	123	261
C_0 явдаг юм	19	17	682
C_0 явж	291	256	140
C_0 явж байна	46	40	396
C_0 явж байтал	29	26	503
C_0 явж байгаа	24	21	577
C_0 явж байхдаа	21	18	633

C_0 явж байхад	18	16	708
C_0 явж байгаад	14	12	852
C_0 явж байлаа	11	10	1029
C_0 явж байна уу	11	10	1030
C_0 явж байсан	11	10	1031
C_0 явлаа	331	291	121
C_0 явна	311	274	130
C_0 явна даа	15	13	814
C_0 явсаар	222	195	177
C_0 явсан	518	456	76
C_0 явсан билээ	20	18	659
C_0 явсан нь	18	16	709
C_0 явсан юм	41	36	419
C_0 ямар ч	35	31	455
C_0 яриа	146	128	259
C_0 ярих	61	54	348
C_0 ярьж	189	166	205
C_0 ярьж байна	12	11	955
үүнийг C_0	175	154	216
өөр C_0	524	461	74
өөрийгөө C_0	122	107	274
өөр C_0 ч	34	30	459
өөр нэг C_0	25	22	566
өөр C_0 болов	18	16	710
өөр C_0 алга	14	12	853
өөр C_0 болжээ	13	11	894
өөр нэгэн C_0	12	11	956
өнөөх C_0	342	301	116
аль C_0	376	331	107
аль C_0 нь	52	46	375
аль нэг C_0	18	16	711
аль нэгэн C_0	19	17	683
бүү C_0	316	278	126
бүр C_0	485	427	82
бүрэн C_0	172	151	223
бүр C_0 нь	27	24	530
бүр нэг C_0	14	12	854
бүх C_0	472	415	87
бүхэн C_0	213	187	187
бүхнийг C_0	176	155	215
бүх C_0 нь	60	53	350
ба C_0	334	294	119
ба түүний C_0	15	13	815
бага C_0	300	264	134
бага C_0 минь	11	10	1032
бага C_0 нь	12	11	957
бас C_0	1207	1062	25
бас C_0 нь	29	26	504
бас нэг C_0	97	85	296
бас нэгэн C_0	19	17	684
бас тэр C_0	20	18	660
бас хэдэн C_0	11	10	1033
бас энэ C_0	17	15	740

би C_0	2770	2437	12
би C_0 байна	76	67	321
би C_0 байсан	12	11	958
би C_0 биш	13	11	895
би C_0 бол	12	11	959
би C_0 л	30	26	486
би C_0 нь	82	72	314
би C_0 ч	54	48	369
би C_0 чинь	12	11	960
би C_0 шиг	11	10	1034
би C_0 юм	33	29	466
би бүр C_0	13	11	896
би бас C_0	23	20	594
би гэдэг C_0	28	25	516
би зөвхөн C_0	11	10	1035
би ийм C_0	14	12	855
би ингэж C_0	11	10	1036
би их C_0	12	11	961
би нөгөө C_0	12	11	962
би нэг C_0	35	31	456
би түүний C_0	28	25	517
би түүнийг C_0	26	23	542
би та C_0	23	20	595
би таны C_0	19	17	685
би тэр C_0	69	61	335
би чамайг C_0	55	48	367
би чамд C_0	43	38	410
би чиний C_0	19	17	686
би энд C_0	11	10	1037
би энэ C_0	76	67	322
би ямар C_0	18	16	712
бид C_0	1000	880	36
бид C_0 ч	12	11	963
бид нэг C_0	13	11	897
бидний C_0	241	212	164
битгий C_0	270	238	151
болгон C_0	171	150	227
бор C_0	358	315	111
бор C_0 нь	20	18	661
буй C_0	227	200	175
бус C_0	76	67	323
бусад C_0	137	121	262
ганц C_0	515	453	78
ганц C_0 минь	12	11	964
ганц C_0 нь	26	23	543
ганц C_0 юм	13	11	898
ганц нэг C_0	36	32	450
гэв C_0	29	26	505
гэвч C_0	703	619	52
гэвч C_0 нь	40	35	424
гэвч би C_0	25	22	567
гэвч түүний C_0	13	11	899
гэвч тэр C_0	36	32	451

гэвч энэ C_0	42	37	417
гэвэл C_0	298	262	135
гэгч C_0	150	132	254
гэдгийг C_0	189	166	206
гэдэг C_0	848	746	42
гэдэг C_0 нь	17	15	741
гэдэг C_0 ч	21	18	634
гэдэг C_0 юм	11	10	1038
гэдэг их C_0	12	11	965
гээж C_0	9800	8623	3
гээж C_0 авч	12	11	966
гээж C_0 ажээ	18	16	713
гээж C_0 алдан	44	39	403
гээж C_0 бөгөөд	29	26	506
гээж C_0 байна	106	93	290
гээж C_0 байлаа	74	65	328
гээж C_0 байсан	51	45	378
гээж C_0 байв	49	43	384
гээж C_0 байжээ	24	21	578
гээж C_0 байна уу	23	20	596
гээж C_0 байсан юм	21	18	635
гээж C_0 байтал	20	18	662
гээж C_0 байгаа	18	16	714
гээж C_0 байдаг	17	15	742
гээж C_0 байх	13	11	900
гээж C_0 байхад	11	10	1039
гээж C_0 бий	12	11	967
гээж C_0 билээ	55	48	368
гээж C_0 биш	16	14	776
гээж C_0 бодоод	23	20	597
гээж C_0 болов	80	70	317
гээж C_0 боловч	46	40	397
гээж C_0 бол	22	19	612
гээж C_0 бололтой	19	17	687
гээж C_0 болжээ	16	14	777
гээж C_0 болно	16	14	778
гээж C_0 вэ	36	32	452
гээж C_0 гуай	18	16	715
гээж C_0 даа	11	10	1040
гээж C_0 дотроо	33	29	467
гээж C_0 дээр	16	14	779
гээж C_0 л	60	53	351
гээж C_0 минь	22	19	613
гээж C_0 нь	284	250	144
гээж C_0 тул	18	16	716
гээж C_0 уу	30	26	487
гээж C_0 хэлэв	186	164	209
гээж C_0 хэлэхэд	148	130	256
гээж C_0 хэлээд	92	81	301
гээж C_0 ч	59	52	357
гээж C_0 ч үгүй	11	10	1041
гээж C_0 чинь	14	12	856
гээж C_0 шүү	25	22	568

гэж C_0 шүү дээ	16	14	780
гэж C_0 ииг	17	15	743
гэж C_0 юм	122	107	275
гэж C_0 явлаа	21	18	636
гэж C_0 явсан	22	19	614
гэж өөрийгөө C_0	17	15	744
гэж бас C_0	14	12	857
гэж би C_0	111	98	284
гэж битгий C_0	11	10	1042
гэж их C_0	15	13	816
гэж манай C_0	14	12	858
гэж миний C_0	19	17	688
гэж нөгөө C_0	21	18	637
гэж намайг C_0	33	29	468
гэж нэг C_0	62	55	345
гэж олон C_0	13	11	901
гэж тэр C_0	69	61	336
гэж хэд C_0	11	10	1043
гэж хэдэн C_0	15	13	817
гэж хэн C_0	13	11	902
гэж энэ C_0	15	13	818
гэлээ C_0	18	16	717
гэнэ C_0	49	43	385
гэнэ гэж C_0	15	13	819
гэсэн C_0	1063	935	32
гэсэн C_0 вэ	33	29	469
гэсэн C_0 нь	31	27	477
гэсэн C_0 юм	12	11	968
гэсэн нэг C_0	14	12	859
гэсэн тэр C_0	11	10	1044
гэсэн энэ C_0	17	15	745
гэтэл C_0	817	719	45
гэтэл C_0 нь	95	84	299
гэтэл бас C_0	38	33	437
гэтэл би C_0	11	10	1045
гэтэл нэг C_0	37	33	442
гэтэл тэр C_0	39	34	430
гэтэл энэ C_0	46	40	398
гэх C_0	282	248	147
гэхдээ C_0	158	139	245
гэхдээ C_0 нь	11	10	1046
гэхдээ би C_0	14	12	860
гэхэд C_0	595	524	65
гэхэд C_0 нь	37	33	443
гээд C_0	1961	1726	17
гээд C_0 нь	105	92	291
гээд C_0 юм	13	11	903
гээд нэг C_0	12	11	969
гээд тэр C_0	12	11	970
зөвхөн C_0	240	211	165
зөвхөн C_0 нь	13	11	904
зарим C_0	162	143	239
зарим C_0 нь	11	10	1047

зарим нэгэн C_0	13	11	905
ийм C_0	612	539	59
ийм нэг C_0	13	11	906
ийм нэгэн C_0	17	15	746
ингээж C_0	436	384	96
ингээж C_0 нь	22	19	615
ингээд C_0	235	207	171
ингээд тэр C_0	12	11	971
их C_0	1692	1489	19
их C_0 байлаа	11	10	1048
их C_0 байна	17	15	747
их C_0 нь	20	18	663
их C_0 чинь	12	11	972
их C_0 юм	13	11	907
их бага C_0	40	35	425
манай C_0	759	668	50
манай C_0 ч	28	25	518
манай энэ C_0	17	15	748
маш C_0	264	232	155
маш их C_0	30	26	488
миний C_0	1419	1249	20
миний C_0 бол	14	12	861
миний C_0 дээр	11	10	1049
миний C_0 ч	20	18	664
миний энэ C_0	23	20	598
нөгөө C_0	542	477	72
нөгөө C_0 нь	47	41	390
надад C_0	312	275	129
надад C_0 юм	20	18	665
намайг C_0	647	569	55
намайг C_0 байна	12	11	973
намайг C_0 л	11	10	1050
нэг C_0	3053	2686	10
нэг C_0 аваад	12	11	974
нэг C_0 бий	12	11	975
нэг C_0 болж	16	14	781
нэг C_0 дээр	11	10	1051
нэг C_0 ирж	11	10	1052
нэг C_0 л	16	14	782
нэг C_0 нь	92	81	302
нэг C_0 ч	15	13	820
нэг C_0 чинь	15	13	821
нэг C_0 юм	23	20	599
нэг их C_0	76	67	324
нэг нэг C_0	41	36	420
нэгэн C_0	962	846	39
нэгэн C_0 дээр	15	13	822
нэгэнт C_0	173	152	221
олны C_0	178	157	212
олон C_0	1119	985	30
олон C_0 өмнө	12	11	976
олон C_0 дунд	11	10	1053
олон C_0 нь	16	14	783

сая C_0	203	179	196
т C_0 эр	15	13	823
түүний C_0	908	799	40
түүнийг C_0	578	509	70
түүнээс C_0	177	156	213
түүнд C_0	175	154	217
түүний C_0 нь	21	18	638
та C_0	817	719	46
та C_0 байна уу	16	14	784
та бүхэн C_0	26	23	544
та бид C_0	11	10	1054
та битгий C_0	13	11	908
та миний C_0	13	11	909
та намайг C_0	27	24	531
та энэ C_0	16	14	785
таны C_0	157	138	246
таны энэ C_0	12	11	977
тас C_0	283	249	146
тас тас C_0	24	21	579
тийм C_0	338	297	118
тун C_0	268	236	153
тун их C_0	12	11	978
тэд C_0	267	235	154
тэдний C_0	244	215	161
тэр C_0	3570	3141	8
тэр C_0 байгаа	14	12	862
тэр C_0 бол	11	10	1055
тэр C_0 вэ	11	10	1056
тэр C_0 дээр	26	23	545
тэр C_0 л	23	20	600
тэр C_0 нь	111	98	285
тэр C_0 тухай	11	10	1057
тэр C_0 хойш	32	28	473
тэр C_0 ч	26	23	546
тэр C_0 чинь	44	39	404
тэр бүхнийг C_0	27	24	532
тэр бүхэн C_0	12	11	979
тэр их C_0	21	18	639
тэр нэг C_0	15	13	824
тэр нэгэн C_0	26	23	547
тэр олон C_0	19	17	689
тэр хэдэн C_0	13	11	910
хамаг C_0	246	216	160
хамаг C_0 нь	52	46	376
хамгийн C_0	304	267	133
хамгийн C_0 нь	44	39	405
харин C_0	766	674	49
харин C_0 бол	16	14	786
харин C_0 л	15	13	825
харин C_0 нь	63	55	344
харин би C_0	20	18	666
харин манай C_0	12	11	980
харин миний C_0	11	10	1058

харин нэг C_0	11	10	1059
харин та C_0	11	10	1060
харин тэр C_0	22	19	616
харин чи C_0	24	21	580
харин энэ C_0	26	23	548
хэд C_0	326	287	122
хэд C_0 дараа	18	16	718
хэд хэдэн C_0	60	53	352
хэдэн C_0	1133	997	29
хэдэн C_0 өмнө	53	47	374
хэдэн C_0 дараа	56	49	364
хэдэн C_0 нь	15	13	826
хэдэн C_0 ч	12	11	981
хэн C_0	293	258	139
хэн C_0 билээ	17	15	749
хэн C_0 вэ	32	28	474
хэн C_0 нь	17	15	750
хэн нэгэн C_0	24	21	581
чамайг C_0	219	193	180
чамд C_0	171	150	228
чи C_0	1155	1016	27
чи C_0 үү	17	15	751
чи C_0 бай	11	10	1061
чи C_0 байна	29	26	507
чи C_0 байна уу	19	17	690
чи C_0 л	19	17	691
чи C_0 нь	41	36	421
чи C_0 уу	19	17	692
чи C_0 ч	11	10	1062
чи бас C_0	15	13	827
чи бид C_0	83	73	312
чи битгий C_0	15	13	828
чи миний C_0	34	30	460
чи надад C_0	17	15	752
чи намайг C_0	40	35	426
чи тэр C_0	21	18	640
чи энэ C_0	37	33	444
чи ямар C_0	16	14	787
чиний C_0	273	240	148
эд C_0	148	130	257
эд C_0 нь	12	11	982
энд C_0	457	402	91
энд C_0 нь	19	17	693
энд C_0 юм	15	13	829
энд намайг C_0	14	12	863
энэ C_0	3961	3485	6
энэ C_0 үү	13	11	911
энэ C_0 бол	62	55	346
энэ C_0 вэ	11	10	1063
энэ C_0 дээр	40	35	427
энэ C_0 л	28	25	519
энэ C_0 минь	28	25	520
энэ C_0 нь	45	40	399

энэ C_0 хойш	16	14	788
энэ C_0 ч	29	26	508
энэ C_0 чинь	43	38	411
энэ бүхнийг C_0	61	54	349
энэ бүхэн C_0	30	26	489
энэ бүх C_0	15	13	830
энэ гэж C_0	14	12	864
энэ их C_0	33	29	470
энэ миний C_0	18	16	719
энэ олон C_0	25	22	569
энэ тэр C_0	26	23	549
энэ хэдэн C_0	20	18	667

Аналитические структурные модели синтаксических молекул монгольского языка.

Инверсионный алфавитный список

В инверсионный алфавитный список включены не все аналитические структурные модели синтаксических молекул (АМСМ) монгольского языка, а лишь наиболее употребительные. Пороговое значение для включения в список составляет 11 вхождений в корпус ГКМЯ-1а, или 10 ipm. Таких моделей оказалось 1 064.

В I столбце приводится сама модель (АМСМ). Она состоит из знаменательного и строевого компонентов. Символ C_0 обозначает знаменательную часть модели.

эс C_0	237	209	168
эс C_0 билээ	12	11	983
ямар C_0	393	346	105
ямар C_0 байна	16	14	789
ямар C_0 биш	13	11	912
ямар C_0 вэ	28	25	521
ямар C_0 юм бэ	30	26	490
ямар C_0 юм	11	10	1064
ямар их C_0	14	12	865
ямар нэг C_0	131	115	268
ямар нэгэн C_0	115	101	280

В составе одной (единственной) АМСМ (она же и является наиболее употребительной) строевой компонент — нулевой, он не обозначен никаким особым символом; тем не менее, она включена в таблицу по соображениям системности как «нулевой» (немаркированный) член системы. Такая АМСМ может быть названа «нулевой».

Во II столбце приводится абсолютная встречаемость АМСМ в ГКМЯ-1а (минимум 11).

В III столбце приводится относительная частотность АМСМ в ГКМЯ-1а, измеренная в ipm (минимум 10).

В IV столбце приводится ранг АМСМ в ГКМЯ-1а (максимум 1064).

Таблица 1в. Аналитические структурные модели синтаксических молекул монгольского языка. Инверсионный алфавитный список

Табл. 1в

I	II	III	IV	
	C_0	548851	482949	1
	нөгөө C_0	542	477	72
	өөрийгөө C_0	122	107	274
	гэж нөгөө C_0	21	18	637
	гэж өөрийгөө C_0	17	15	744
	би нөгөө C_0	12	11	962
	бүү C_0	316	278	126
	ба C_0	334	294	119
	бага C_0	300	264	134
	их бага C_0	40	35	425
	та C_0	817	719	46
	би та C_0	23	20	595
	харин та C_0	11	10	1060
	гэв C_0	29	26	505
	хамаг C_0	246	216	160
	намайг C_0	647	569	55
	чи намайг C_0	40	35	426
	гэж намайг C_0	33	29	468
	та намайг C_0	27	24	531

энд намайг C_0	14	12	863
чамайг C_0	219	193	180
би чамайг C_0	55	48	367
гэдгийг C_0	189	166	206
түүнийг C_0	578	509	70
үүнийг C_0	175	154	216
би түүнийг C_0	26	23	542
бүхнийг C_0	176	155	215
энэ бүхнийг C_0	61	54	349
тэр бүхнийг C_0	27	24	532
гэдэг C_0	848	746	42
би гэдэг C_0	28	25	516
нэг C_0	3053	2686	10
нэг нэг C_0	41	36	420
бид нэг C_0	13	11	897
гээд нэг C_0	12	11	969
гэж нэг C_0	62	55	345
би нэг C_0	35	31	456
гэтэл нэг C_0	37	33	442
ийм нэг C_0	13	11	906
харин нэг C_0	11	10	1059
гэсэн нэг C_0	14	12	859

өөр нэг C_0	25	22	566
бүр нэг C_0	14	12	854
ямар нэг C_0	131	115	268
тэр нэг C_0	15	13	824
бас нэг C_0	97	85	296
ганц нэг C_0	36	32	450
аль нэг C_0	18	16	711
надад C_0	312	275	129
чи надад C_0	17	15	752
бусад C_0	137	121	262
бид C_0	1000	880	36
та бид C_0	11	10	1054
чи бид C_0	83	73	312
чамд C_0	171	150	228
би чамд C_0	43	38	410
түүнд C_0	175	154	217
энд C_0	457	402	91
би энд C_0	11	10	1037
эд C_0	148	130	257
тэд C_0	267	235	154
хэд C_0	326	287	122
гэж хэд C_0	11	10	1043
гэхэд C_0	595	524	65
гээд C_0	1961	1726	17
ингээд C_0	235	207	171
гэж C_0	9800	8623	3
гэнэ гэж C_0	15	13	819
энэ гэж C_0	14	12	864
ингэж C_0	436	384	96
би ингэж C_0	11	10	1036
би C_0	2770	2437	12
гэж би C_0	111	98	284
гэтэл би C_0	11	10	1045
харин би C_0	20	18	666
гэвч би C_0	25	22	567
гэхдээ би C_0	14	12	860
чи C_0	1155	1016	27
харин чи C_0	24	21	580
манай C_0	759	668	50
гэж манай C_0	14	12	858
харин манай C_0	12	11	980
битгий C_0	270	238	151
чи битгий C_0	15	13	828
та битгий C_0	13	11	908
гэж битгий C_0	11	10	1042
түүний C_0	908	799	40
би түүний C_0	28	25	517
ба түүний C_0	15	13	815
гэвч түүний C_0	13	11	899
бидний C_0	241	212	164
тэдний C_0	244	215	161
миний C_0	1419	1249	20
та миний C_0	13	11	909

гэж миний C_0	19	17	688
чи миний C_0	34	30	460
харин миний C_0	11	10	1058
энэ миний C_0	18	16	719
чиний C_0	273	240	148
би чиний C_0	19	17	686
буй C_0	227	200	175
гэвэл C_0	298	262	135
гэтэл C_0	817	719	45
зарим C_0	162	143	239
ийм C_0	612	539	59
би ийм C_0	14	12	855
тийм C_0	338	297	118
зөвхөн C_0	240	211	165
би зөвхөн C_0	11	10	1035
харин C_0	766	674	49
хамгийн C_0	304	267	133
болгон C_0	171	150	227
олон C_0	1119	985	30
гэж олон C_0	13	11	901
тэр олон C_0	19	17	689
энэ олон C_0	25	22	569
тун C_0	268	236	153
нэгэн C_0	962	846	39
ийм нэгэн C_0	17	15	746
зарим нэгэн C_0	13	11	905
хэн нэгэн C_0	24	21	581
ямар нэгэн C_0	115	101	280
тэр нэгэн C_0	26	23	547
өөр нэгэн C_0	12	11	956
бас нэгэн C_0	19	17	684
аль нэгэн C_0	19	17	683
хэдэн C_0	1133	997	29
хэд хэдэн C_0	60	53	352
гэж хэдэн C_0	15	13	817
тэр хэдэн C_0	13	11	910
бас хэдэн C_0	11	10	1033
энэ хэдэн C_0	20	18	667
бүрэн C_0	172	151	223
гэсэн C_0	1063	935	32
хэн C_0	293	258	139
гэж хэн C_0	13	11	902
бүхэн C_0	213	187	187
энэ бүхэн C_0	30	26	489
та бүхэн C_0	26	23	544
тэр бүхэн C_0	12	11	979
өөр C_0	524	461	74
бүр C_0	485	427	82
би бүр C_0	13	11	896
ямар C_0	393	346	105
би ямар C_0	18	16	712
чи ямар C_0	16	14	787
бор C_0	358	315	111

<i>тэр</i> C_0	3570	3141	8
<i>гээд тэр</i> C_0	12	11	970
<i>ингээд тэр</i> C_0	12	11	971
<i>гэж тэр</i> C_0	69	61	336
<i>би тэр</i> C_0	69	61	335
<i>чи тэр</i> C_0	21	18	640
<i>гэтэл тэр</i> C_0	39	34	430
<i>харин тэр</i> C_0	22	19	616
<i>гэсэн тэр</i> C_0	11	10	1044
<i>бас тэр</i> C_0	20	18	660
<i>гэвч тэр</i> C_0	36	32	451
<i>энэ тэр</i> C_0	26	23	549
<i>бас</i> C_0	1207	1062	25
<i>гэж бас</i> C_0	14	12	857
<i>би бас</i> C_0	23	20	594
<i>чи бас</i> C_0	15	13	827
<i>гэтэл бас</i> C_0	38	33	437
<i>тас</i> C_0	283	249	146
<i>тас тас</i> C_0	24	21	579
<i>бус</i> C_0	76	67	323
<i>эс</i> C_0	237	209	168
<i>түүнээс</i> C_0	177	156	213
<i>нэгэнт</i> C_0	173	152	221
<i>өнөөх</i> C_0	342	301	116
<i>бүх</i> C_0	472	415	87
<i>энэ бүх</i> C_0	15	13	830
<i>их</i> C_0	1692	1489	19
<i>гэдэг их</i> C_0	12	11	965
<i>нэг их</i> C_0	76	67	324
<i>гэж их</i> C_0	15	13	816
<i>би их</i> C_0	12	11	961
<i>тун их</i> C_0	12	11	978
<i>ямар их</i> C_0	14	12	865
<i>тэр их</i> C_0	21	18	639
<i>маш их</i> C_0	30	26	488
<i>энэ их</i> C_0	33	29	470
<i>гэх</i> C_0	282	248	147
<i>ганц</i> C_0	515	453	78
<i>гэвч</i> C_0	703	619	52
<i>гэгч</i> C_0	150	132	254
<i>маш</i> C_0	264	232	155
<i>таны</i> C_0	157	138	246
<i>би таны</i> C_0	19	17	685
<i>олны</i> C_0	178	157	212
<i>аль</i> C_0	376	331	107
<i>энэ</i> C_0	3961	3485	6
<i>та энэ</i> C_0	16	14	785
<i>гэж энэ</i> C_0	15	13	818
<i>би энэ</i> C_0	76	67	322
<i>чи энэ</i> C_0	37	33	444
<i>манай энэ</i> C_0	17	15	748
<i>миний энэ</i> C_0	23	20	598
<i>гэтэл энэ</i> C_0	46	40	398
<i>харин энэ</i> C_0	26	23	548
<i>гэсэн энэ</i> C_0	17	15	745
<i>бас энэ</i> C_0	17	15	740
<i>гэвч энэ</i> C_0	42	37	417
<i>таны энэ</i> C_0	12	11	977
<i>гэнэ</i> C_0	49	43	385
<i>гэхдээ</i> C_0	158	139	245
<i>гэлээ</i> C_0	18	16	717
<i>сая</i> C_0	203	179	196
<i>C_0 өгнө</i>	132	116	267
<i>C_0 өмнө</i>	802	706	47
<i>хэдэн C_0 өмнө</i>	53	47	374
<i>C_0 нь өмнө</i>	27	24	526
<i>C_0 урьд өмнө</i>	24	21	575
<i>олон C_0 өмнө</i>	12	11	976
<i>C_0 үү</i>	838	737	43
<i>C_0 шүү</i>	708	623	51
<i>C_0 рүү</i>	294	259	138
<i>C_0 юм шүү</i>	111	98	283
<i>C_0 байна шүү</i>	82	72	313
<i>C_0 хэлэх үү</i>	63	55	343
<i>C_0 биш үү</i>	59	52	354
<i>гэж C_0 шүү</i>	25	22	568
<i>C_0 ирэв үү</i>	21	18	623
<i>C_0 хүрээ рүү</i>	17	15	738
<i>чи C_0 үү</i>	17	15	751
<i>C_0 байсан шүү</i>	16	14	756
<i>C_0 байх шүү</i>	15	13	796
<i>C_0 мэдэх үү</i>	15	13	799
<i>C_0 юм биш үү</i>	15	13	811
<i>C_0 өгнө үү</i>	14	12	831
<i>C_0 байдаг шүү</i>	14	12	834
<i>C_0 болохгүй шүү</i>	13	11	869
<i>энэ C_0 үү</i>	13	11	911
<i>C_0 нь үү</i>	11	10	1008
<i>C_0 аа</i>	422	371	99
<i>C_0 байна аа</i>	11	10	993
<i>C_0 байдаг аа</i>	11	10	988
<i>C_0 юм аа</i>	44	39	402
<i>C_0 нар аа</i>	17	15	731
<i>C_0 байх аа</i>	47	41	388
<i>C_0 яваа</i>	443	390	93
<i>C_0 ирж яваа</i>	16	14	762
<i>C_0 нь яваа</i>	18	16	701
<i>C_0 байгаа</i>	1362	1198	22
<i>гэж C_0 байгаа</i>	18	16	714
<i>тэр C_0 байгаа</i>	14	12	862
<i>C_0 явж байгаа</i>	24	21	577
<i>C_0 хийж байгаа</i>	28	25	513
<i>C_0 болж байгаа</i>	26	23	533
<i>C_0 харж байгаа</i>	12	11	939
<i>C_0 ирж байгаа</i>	15	13	797
<i>C_0 орж байгаа</i>	14	12	845

C_0 сууж байгаа	25	22	561
C_0 хэвтэж байгаа	30	26	483
C_0 л байгаа	13	11	872
C_0 дээр байгаа	12	11	928
C_0 гарч байгаа	22	19	605
C_0 юм биш байгаа	14	12	850
C_0 нь байгаа	21	18	624
C_0 даа	592	521	66
гэж C_0 даа	11	10	1040
C_0 байгаа даа	43	38	406
C_0 явна даа	15	13	814
C_0 байна даа	120	106	276
C_0 л даа	81	71	315
C_0 юм даа	203	179	195
C_0 байсан даа	23	20	584
C_0 уу даа	55	48	365
C_0 байна уу даа	19	17	669
C_0 юм уу даа	16	14	774
C_0 байх даа	50	44	380
C_0 гадаа	111	98	282
C_0 удаа	432	380	97
C_0 нэг удаа	11	10	1013
C_0 хэдэн удаа	13	11	885
C_0 ч удаа	18	16	705
C_0 энэ удаа	22	19	610
C_0 байхдаа	155	136	248
C_0 явж байхдаа	21	18	633
C_0 явлаа	331	291	121
гэж C_0 явлаа	21	18	636
C_0 ирж явлаа	11	10	1002
C_0 руу явлаа	14	12	846
C_0 байлаа	1715	1509	18
гэж C_0 байлаа	74	65	328
их C_0 байлаа	11	10	1048
C_0 байдаг байлаа	11	10	990
C_0 явж байлаа	11	10	1029
C_0 болж байлаа	25	22	556
C_0 харж байлаа	11	10	1019
C_0 сууж байлаа	18	16	703
C_0 мэдэж байлаа	13	11	873
C_0 хэвтэж байлаа	19	17	679
C_0 л байлаа	42	37	414
C_0 болсон байлаа	22	19	604
C_0 ирсэн байлаа	11	10	1004
C_0 биш байлаа	17	15	724
C_0 байснаа	269	237	152
C_0 харж байснаа	25	22	562
C_0 дараа	349	307	115
хэд C_0 дараа	18	16	718
хэдэн C_0 дараа	56	49	364
C_0 алга	305	268	132
өөр C_0 алга	14	12	853
C_0 юм алга	71	62	332

C_0 ч алга	70	62	333
C_0 нь алга	13	11	876
C_0 яриа	146	128	259
C_0 тухай яриа	12	11	937
C_0 явна	311	274	130
C_0 ирж явна	11	10	1003
C_0 гадна	181	159	210
C_0 байна	2414	2124	14
намайг C_0 байна	12	11	973
гэж C_0 байна	106	93	290
би C_0 байна	76	67	321
чи C_0 байна	29	26	507
ямар C_0 байна	16	14	789
их C_0 байна	17	15	747
C_0 байх шиг байна	21	18	619
C_0 шиг байна	20	18	655
C_0 болоод байна	12	11	923
C_0 явж байна	46	40	396
C_0 болж байна	56	49	363
C_0 хэлж байна	27	24	528
C_0 харж байна	11	10	1020
C_0 сууж байна	15	13	805
C_0 ярьж байна	12	11	955
C_0 мэдэж байна	11	10	1006
C_0 л байна	102	90	294
C_0 юм байна	150	132	253
C_0 байгаа юм байна	22	19	603
C_0 болсон байна	11	10	999
C_0 ч байна	11	10	1025
C_0 авч байна	11	10	985
C_0 өгч байна	12	11	914
C_0 гарч байна	17	15	727
C_0 нь байна	15	13	800
C_0 яахав	227	200	174
C_0 ч яахав	73	64	330
C_0 байв	980	862	37
гэж C_0 байв	49	43	384
C_0 болж байв	11	10	995
C_0 харж байв	13	11	883
C_0 сууж байв	15	13	804
C_0 хэвтэж байв	15	13	807
C_0 л байв	29	26	498
C_0 болов	611	538	60
гэж C_0 болов	80	70	317
өөр C_0 болов	18	16	710
C_0 алга болов	37	33	438
C_0 шиг болов	76	67	319
C_0 юм болов	12	11	950
C_0 ч болов	29	26	501
C_0 хэлэв	323	284	124
гэж C_0 хэлэв	186	164	209
C_0 ирэв	220	194	179
C_0 орж ирэв	85	75	308

C_0 хурч ирэв	21	18	629
C_0 гарч ирэв	49	43	381
C_0 байгааг	251	221	158
C_0 болж байгааг	35	31	453
C_0 явдаг	140	123	261
C_0 байдаг	475	418	85
гэж C_0 байдаг	17	15	742
C_0 л байдаг	16	14	764
C_0 шиг	2878	2532	11
гэж C_0 шиг	17	15	743
би C_0 шиг	11	10	1034
C_0 байгаа шиг	20	18	643
C_0 юм шиг	496	436	79
C_0 байгаа юм шиг	87	77	306
C_0 ч юм шиг	55	48	366
C_0 болсон шиг	12	11	925
C_0 нар шиг	33	29	464
C_0 байх шиг	106	93	289
C_0 ч байх шиг	12	11	945
C_0 ирэх шиг	12	11	929
C_0 ч шиг	17	15	739
C_0 болохыг	196	172	201
C_0 бөгөөд	1091	960	31
C_0 өөд	242	213	162
C_0 байх бөгөөд	66	58	339
C_0 байсан бөгөөд	56	49	361
C_0 болсон бөгөөд	46	40	391
гэж C_0 бөгөөд	29	26	506
C_0 байгаа бөгөөд	21	18	617
C_0 явах бөгөөд	19	17	681
C_0 байдаг бөгөөд	14	12	833
C_0 аваад	585	515	67
нэг C_0 аваад	12	11	974
C_0 олж аваад	11	10	1014
C_0 барьж аваад	20	18	644
C_0 нь аваад	23	20	587
C_0 яваад	206	181	194
C_0 яагаад	76	67	320
C_0 байгаад	428	377	98
C_0 явж байгаад	14	12	852
C_0 суугаад	173	152	218
C_0 гараад	187	165	207
C_0 дээр гараад	21	18	621
C_0 хараад	297	261	136
C_0 байгааг хараад	15	13	793
C_0 нь хараад	28	25	511
C_0 явахад	207	182	193
C_0 харахад	159	140	244
C_0 байхад	485	427	80
гэж C_0 байхад	11	10	1039
C_0 явж байхад	18	16	708
C_0 болж байхад	16	14	759
C_0 талд	173	152	219
C_0 дунд	609	536	62
олон C_0 дунд	11	10	1053
C_0 бодоод	56	49	362
гэж C_0 бодоод	23	20	597
C_0 болоод	467	411	88
C_0 шиг болоод	15	13	810
C_0 мэт болоод	13	11	874
C_0 очоод	171	150	226
C_0 дээр очоод	14	12	840
C_0 болоход	160	141	242
C_0 шиг болоход	12	11	947
C_0 хувьд	173	152	220
C_0 нь хувьд	26	23	537
C_0 урьд	141	124	260
C_0 нь урьд	11	10	1012
C_0 дэргэд	294	259	137
C_0 хэлэхэд	161	142	240
гэж C_0 хэлэхэд	148	130	256
C_0 ирэхэд	171	150	225
C_0 орж ирэхэд	46	40	394
C_0 гарч ирэхэд	29	26	496
C_0 хийгээд	197	173	200
C_0 үзээд	156	137	247
C_0 нь үзээд	11	10	1009
C_0 хэлээд	168	148	231
гэж C_0 хэлээд	92	81	301
C_0 ирээд	352	310	113
C_0 орж ирээд	104	92	292
C_0 дээр ирээд	11	10	1000
C_0 хурч ирээд	37	33	440
C_0 гарч ирээд	67	59	338
C_0 нь ирээд	11	10	1011
C_0 гаргаж	376	331	106
C_0 яаж	208	183	190
C_0 нь яаж	13	11	879
C_0 явж	291	256	140
C_0 очиж	323	284	123
C_0 өмнө очиж	15	13	790
C_0 дэргэд очиж	22	19	606
C_0 дээр очиж	32	28	471
C_0 нь очиж	14	12	843
C_0 байж	607	534	64
C_0 л байж	20	18	650
C_0 юм байж	16	14	772
C_0 ч байж	19	17	680
C_0 хийж	525	462	73
C_0 нь хийж	12	11	936
C_0 олж	333	293	120
C_0 нь олж	27	24	527
C_0 болж	1138	1001	28
нэг C_0 болж	16	14	781
C_0 алга болж	16	14	753
C_0 шиг болж	43	38	409

<i>C₀ л болж</i>	11	10	1005	<i>C₀ ч байтугай</i>	42	37	416
<i>C₀ мэт болж</i>	17	15	730	<i>C₀ нь байтугай</i>	11	10	1010
<i>C₀ ч болж</i>	14	12	849	<i>C₀ дуртай</i>	120	106	277
<i>C₀ нь болж</i>	25	22	560	<i>C₀ гуай</i>	404	355	102
<i>C₀ хэлж</i>	164	144	237	<i>гэж C₀ гуай</i>	18	16	715
<i>C₀ ч хэлж</i>	11	10	1027	<i>C₀ тухай</i>	610	537	61
<i>C₀ бодож</i>	212	187	189	<i>тэр C₀ тухай</i>	11	10	1057
<i>C₀ юм бодож</i>	15	13	812	<i>C₀ бий</i>	417	367	101
<i>C₀ харж</i>	443	390	92	<i>нэг C₀ бий</i>	12	11	975
<i>C₀ руу харж</i>	18	16	702	<i>гэж C₀ бий</i>	12	11	967
<i>C₀ ирж</i>	485	427	81	<i>C₀ юм бий</i>	18	16	706
<i>нэг C₀ ирж</i>	11	10	1052	<i>C₀ ч бий</i>	23	20	589
<i>C₀ дэргэд ирж</i>	19	17	674	<i>C₀ нь бий</i>	20	18	651
<i>C₀ орж ирж</i>	21	18	625	<i>C₀ бололтой</i>	349	307	114
<i>C₀ дээр ирж</i>	16	14	761	<i>гэж C₀ бололтой</i>	19	17	687
<i>C₀ нь ирж</i>	13	11	877	<i>C₀ байгаа бололтой</i>	61	54	347
<i>C₀ орж</i>	609	536	63	<i>C₀ нь бололтой</i>	14	12	842
<i>C₀ руу орж</i>	15	13	803	<i>C₀ л</i>	4423	3892	5
<i>C₀ нь орж</i>	26	23	536	<i>намайг C₀ л</i>	11	10	1050
<i>C₀ сууж</i>	312	275	128	<i>нэг C₀ л</i>	16	14	782
<i>C₀ дээр сууж</i>	17	15	728	<i>гэж C₀ л</i>	60	53	351
<i>C₀ барьж</i>	364	320	109	<i>би C₀ л</i>	30	26	486
<i>C₀ нь барьж</i>	30	26	481	<i>чи C₀ л</i>	19	17	691
<i>C₀ ярьж</i>	189	166	205	<i>харин C₀ л</i>	15	13	825
<i>C₀ тухай ярьж</i>	21	18	627	<i>тэр C₀ л</i>	23	20	600
<i>C₀ юм ярьж</i>	16	14	775	<i>энэ C₀ л</i>	28	25	519
<i>C₀ эргэж</i>	228	201	173	<i>C₀ шиг л</i>	36	32	448
<i>C₀ мэдэж</i>	97	85	295	<i>C₀ нэг л</i>	35	31	454
<i>C₀ үзэж</i>	169	149	229	<i>C₀ болоод л</i>	17	15	725
<i>C₀ хэвтэж</i>	57	50	360	<i>C₀ юм л</i>	12	11	951
<i>C₀ биз</i>	285	251	141	<i>C₀ нар л</i>	11	10	1007
<i>C₀ байгаа биз</i>	24	21	570	<i>C₀ бас л</i>	20	18	645
<i>C₀ л биз</i>	23	20	586	<i>C₀ их л</i>	27	24	525
<i>C₀ байсан биз</i>	16	14	755	<i>C₀ ч л</i>	32	28	472
<i>C₀ би</i>	12	11	922	<i>C₀ нь л</i>	49	43	382
<i>C₀ ч үгүй</i>	399	351	104	<i>C₀ минь л</i>	14	12	841
<i>C₀ болохгүй</i>	241	212	163	<i>C₀ чинь л</i>	16	14	769
<i>C₀ байхгүй</i>	238	209	166	<i>C₀ байвал</i>	168	148	230
<i>C₀ мэдэхгүй</i>	189	166	204	<i>C₀ л байвал</i>	16	14	763
<i>C₀ үгүй</i>	186	164	208	<i>C₀ харвал</i>	155	136	249
<i>C₀ чадахгүй</i>	118	104	278	<i>C₀ эргэж харвал</i>	12	11	948
<i>C₀ нь үгүй</i>	63	55	341	<i>C₀ тал</i>	257	226	157
<i>C₀ ч байхгүй</i>	40	35	422	<i>C₀ байтал</i>	358	315	110
<i>C₀ ч мэдэхгүй</i>	40	35	423	<i>гэж C₀ байтал</i>	20	18	662
<i>C₀ юм байхгүй</i>	25	22	565	<i>C₀ явж байтал</i>	29	26	503
<i>C₀ ч чадахгүй</i>	16	14	768	<i>C₀ сууж байтал</i>	13	11	880
<i>C₀ нь мэдэхгүй</i>	13	11	878	<i>C₀ адил</i>	442	389	94
<i>C₀ ч болохгүй</i>	11	10	1026	<i>C₀ бол</i>	2322	2043	15
<i>гэж C₀ ч үгүй</i>	11	10	1041	<i>гэж C₀ бол</i>	22	19	612
<i>C₀ бай</i>	129	114	269	<i>би C₀ бол</i>	12	11	959
<i>чи C₀ бай</i>	11	10	1061	<i>миний C₀ бол</i>	14	12	861
<i>C₀ ч бай</i>	26	23	539	<i>харин C₀ бол</i>	16	14	786
<i>C₀ байтугай</i>	214	188	184	<i>тэр C₀ бол</i>	11	10	1055

энэ C_0 бол	62	55	346	C_0 явах юм	13	11	893
C_0 байгаа бол	38	33	432	C_0 яах юм	12	11	952
C_0 байдаг бол	25	22	551	C_0 байх юм	108	95	287
C_0 хувьд бол	12	11	943	C_0 болох юм	26	23	534
C_0 л бол	47	41	389	C_0 байж болох юм	11	10	992
C_0 юм бол	165	145	234	C_0 ирэх юм	12	11	930
C_0 байгаа юм бол	13	11	866	C_0 ч юм	84	74	309
C_0 байсан бол	89	78	304	C_0 яагаад ч юм	14	12	851
C_0 нар бол	13	11	875	C_0 нь юм	34	30	458
C_0 учир бол	11	10	1018	C_0 өгсөн	212	187	188
C_0 яах бол	13	11	891	C_0 хийж өгсөн	11	10	1021
C_0 ч бол	12	11	946	C_0 гарган	222	195	176
C_0 нь бол	37	33	439	C_0 алдан	236	208	169
C_0 энэ бол	16	14	771	гэж C_0 алдан	44	39	403
C_0 тул	658	579	54	C_0 харан	167	147	233
гэж C_0 тул	18	16	716	C_0 яасан	94	83	300
C_0 байгаа тул	17	15	720	C_0 авсан	213	187	186
C_0 байдаг тул	11	10	991	C_0 олж авсан	11	10	1015
C_0 байсан тул	29	26	494	C_0 явсан	518	456	76
C_0 болсон тул	36	32	446	гэж C_0 явсан	22	19	614
C_0 байх тул	38	33	433	C_0 байсан	1227	1080	24
C_0 болох тул	36	32	445	гэж C_0 байсан	51	45	378
C_0 мэдэх тул	16	14	765	би C_0 байсан	12	11	958
C_0 хүртэл	472	415	86	C_0 явж байсан	11	10	1031
C_0 нь хүртэл	95	84	298	C_0 болж байсан	16	14	758
C_0 юм	3507	3086	9	C_0 харж байсан	14	12	847
гэдэг C_0 юм	11	10	1038	C_0 сууж байсан	24	21	574
нэг C_0 юм	23	20	599	C_0 хэвтэж байсан	11	10	1024
надад C_0 юм	20	18	665	C_0 л байсан	19	17	677
энд C_0 юм	15	13	829	C_0 дээр байсан	18	16	698
гээд C_0 юм	13	11	903	C_0 ч байсан	30	26	484
гэж C_0 юм	122	107	275	C_0 нь байсан	12	11	933
би C_0 юм	33	29	466	C_0 гарсан	310	273	131
гэсэн C_0 юм	12	11	968	C_0 харсан	117	103	279
ямар C_0 юм	11	10	1064	C_0 суусан	164	144	235
их C_0 юм	13	11	907	C_0 барьсан	201	177	197
ганц C_0 юм	13	11	898	C_0 барин	237	209	167
C_0 яваа юм	12	11	953	C_0 нь барин	15	13	801
C_0 байгаа юм	154	136	250	C_0 байн	29	26	492
C_0 явдаг юм	19	17	682	C_0 байн байн	124	109	272
C_0 байдаг юм	160	141	241	C_0 нь байн байн	17	15	732
C_0 шиг юм	37	33	441	C_0 болон	418	368	100
C_0 нэг юм	30	26	482	C_0 болсон	829	729	44
C_0 л юм	53	47	372	C_0 алга болсон	11	10	987
C_0 өгсөн юм	20	18	641	C_0 шиг болсон	16	14	770
C_0 авсан юм	12	11	915	C_0 ч болсон	30	26	485
C_0 явсан юм	41	36	419	C_0 нь болсон	17	15	734
C_0 байсан юм	198	174	199	C_0 орсон	192	169	202
гэж C_0 байсан юм	21	18	635	C_0 талын	272	239	149
C_0 болсон юм	53	47	370	C_0 нарын	218	192	181
C_0 нэгэн юм	15	13	802	C_0 эргэн	151	133	252
C_0 хийсэн юм	12	11	940	C_0 хүрэн	270	238	150
C_0 ирсэн юм	19	17	675	C_0 нь хүрэн	12	11	935

<i>C₀ үзсэн</i>	96	84	297	<i>C₀ хамт</i>	438	385	95
<i>C₀ хийсэн</i>	216	190	183	<i>C₀ нь хамт</i>	14	12	844
<i>C₀ хэлсэн</i>	90	79	303	<i>C₀ мэт</i>	1246	1096	23
<i>C₀ ирсэн</i>	401	353	103	<i>C₀ байгаа мэт</i>	25	22	550
<i>C₀ орж ирсэн</i>	42	37	415	<i>C₀ уу</i>	626	551	56
<i>C₀ гарч ирсэн</i>	23	20	585	<i>гээж C₀ уу</i>	30	26	487
<i>C₀ хойно</i>	207	182	192	<i>чи C₀ уу</i>	19	17	692
<i>C₀ болсон хойно</i>	31	27	475	<i>C₀ байна уу</i>	314	276	127
<i>C₀ болно</i>	522	459	75	<i>гээж C₀ байна уу</i>	23	20	596
<i>гээж C₀ болно</i>	16	14	778	<i>чи C₀ байна уу</i>	19	17	690
<i>C₀ алга болно</i>	11	10	986	<i>та C₀ байна уу</i>	16	14	784
<i>C₀ шиг болно</i>	23	20	590	<i>C₀ явж байна уу</i>	11	10	1030
<i>C₀ байж болно</i>	24	21	571	<i>C₀ болов уу</i>	171	150	224
<i>C₀ ч байж болно</i>	14	12	848	<i>C₀ байгаа болов уу</i>	18	16	695
<i>C₀ ч болно</i>	20	18	654	<i>C₀ байдаг болов уу</i>	15	13	794
<i>C₀ доо</i>	136	120	263	<i>C₀ юм болов уу</i>	33	29	465
<i>C₀ л доо</i>	24	21	573	<i>C₀ бол уу</i>	44	39	400
<i>C₀ бол доо</i>	21	18	620	<i>C₀ юм уу</i>	246	216	159
<i>C₀ юм бол доо</i>	20	18	656	<i>C₀ байгаа юм уу</i>	17	15	721
<i>C₀ хойно доо</i>	11	10	1022	<i>C₀ байсан юм уу</i>	12	11	921
<i>C₀ болно доо</i>	18	16	697	<i>C₀ ч юм уу</i>	112	99	281
<i>C₀ боллоо</i>	352	310	112	<i>C₀ байсан уу</i>	14	12	835
<i>C₀ шиг боллоо</i>	51	45	377	<i>C₀ явах уу</i>	13	11	892
<i>C₀ юм боллоо</i>	13	11	890	<i>C₀ байх уу</i>	25	22	554
<i>C₀ дотроо</i>	154	136	251	<i>C₀ болох уу</i>	20	18	646
<i>гээж C₀ дотроо</i>	33	29	467	<i>C₀ нь уу</i>	28	25	510
<i>C₀ дээгүүр</i>	217	191	182	<i>C₀ руу</i>	622	547	57
<i>C₀ талаар</i>	107	94	288	<i>C₀ тал руу</i>	13	11	881
<i>C₀ явсаар</i>	222	195	177	<i>C₀ өгөх</i>	123	108	273
<i>C₀ нар</i>	1000	880	35	<i>C₀ авах</i>	191	168	203
<i>C₀ та нар</i>	22	19	607	<i>C₀ явах</i>	285	251	143
<i>C₀ учир</i>	365	321	108	<i>C₀ гарах</i>	146	128	258
<i>C₀ байсан учир</i>	19	17	670	<i>C₀ яах</i>	81	71	316
<i>C₀ болсон учир</i>	14	12	838	<i>C₀ их</i>	19	17	676
<i>C₀ ор</i>	136	120	265	<i>C₀ ярих</i>	61	54	348
<i>C₀ дор</i>	260	229	156	<i>C₀ юм ярих</i>	11	10	1028
<i>C₀ болохоор</i>	465	409	89	<i>C₀ байх</i>	581	511	68
<i>C₀ байгаа болохоор</i>	18	16	696	<i>гээж C₀ байх</i>	13	11	900
<i>C₀ байдаг болохоор</i>	17	15	722	<i>C₀ байгаа байх</i>	18	16	694
<i>C₀ байхгүй болохоор</i>	11	10	994	<i>C₀ л байх</i>	30	26	480
<i>C₀ байсан болохоор</i>	33	29	462	<i>C₀ юм байх</i>	24	21	576
<i>C₀ дотор</i>	552	486	71	<i>C₀ байсан байх</i>	17	15	723
<i>тC₀ эр</i>	15	13	823	<i>C₀ болох байх</i>	11	10	998
<i>C₀ дээр</i>	2272	1999	16	<i>C₀ хийх</i>	176	155	214
<i>нэг C₀ дээр</i>	11	10	1051	<i>C₀ бодох</i>	73	64	329
<i>гээж C₀ дээр</i>	16	14	779	<i>C₀ болох</i>	338	297	117
<i>миний C₀ дээр</i>	11	10	1049	<i>C₀ орох</i>	148	130	255
<i>нэгэн C₀ дээр</i>	15	13	822	<i>C₀ мэдэх</i>	103	91	293
<i>тэр C₀ дээр</i>	26	23	545	<i>C₀ нь мэдэх</i>	12	11	934
<i>энэ C₀ дээр</i>	40	35	427	<i>C₀ хэлэх</i>	109	96	286
<i>C₀ нь дээр</i>	29	26	500	<i>C₀ ирэх</i>	181	159	211
<i>C₀ хойноос</i>	164	144	236	<i>C₀ орж ирэх</i>	21	18	626
<i>C₀ дээрээс</i>	172	151	222	<i>C₀ ч</i>	6331	5571	4

гэдэг C_0 ч	21	18	634	би C_0 биш	13	11	895
нэг C_0 ч	15	13	820	ямар C_0 биш	13	11	912
бид C_0 ч	12	11	963	C_0 байгаа биш	21	18	618
гэж C_0 ч	59	52	357	C_0 л биш	15	13	798
би C_0 ч	54	48	369	C_0 юм биш	36	32	449
чи C_0 ч	11	10	1062	C_0 ч биш	71	62	331
манай C_0 ч	28	25	518	C_0 нь биш	18	16	699
миний C_0 ч	20	18	664	C_0 тийш	214	188	185
хэдэн C_0 ч	12	11	981	C_0 хойш	480	422	84
өөр C_0 ч	34	30	459	тэр C_0 хойш	32	28	473
тэр C_0 ч	26	23	546	энэ C_0 хойш	16	14	788
энэ C_0 ч	29	26	508	C_0 нь хойш	18	16	700
C_0 удаа ч	17	15	737	C_0 хувь	163	143	238
C_0 байлаа ч	23	20	583	C_0 нь	18870	16604	2
C_0 болоод ч	14	12	837	нөгөө C_0 нь	47	41	390
C_0 яаж ч	23	20	591	бага C_0 нь	12	11	957
C_0 гуай ч	14	12	839	хамаг C_0 нь	52	46	376
C_0 бол ч	25	22	555	гэдэг C_0 нь	17	15	741
C_0 тийм ч	11	10	1017	нэг C_0 нь	92	81	302
C_0 яасан ч	20	18	657	энд C_0 нь	19	17	693
C_0 байсан ч	34	30	457	эд C_0 нь	12	11	982
C_0 болсон ч	19	17	672	гэхэд C_0 нь	37	33	443
C_0 тун ч	13	11	882	гээд C_0 нь	105	92	291
C_0 хэн ч	23	20	588	гэж C_0 нь	284	250	144
C_0 хоёр ч	12	11	942	ингэж C_0 нь	22	19	615
C_0 ямар ч	35	31	455	би C_0 нь	82	72	314
C_0 нар ч	16	14	766	чи C_0 нь	41	36	421
C_0 дээр ч	11	10	1001	түүний C_0 нь	21	18	638
C_0 яах ч	23	20	592	гэтэл C_0 нь	95	84	299
C_0 нь ч	318	280	125	зарим C_0 нь	11	10	1047
C_0 минь ч	19	17	678	зөвхөн C_0 нь	13	11	904
C_0 чинь ч	22	19	609	харин C_0 нь	63	55	344
C_0 авч	976	859	38	хамгийн C_0 нь	44	39	405
гэж C_0 авч	12	11	966	олон C_0 нь	16	14	783
C_0 байсан авч	16	14	754	хэдэн C_0 нь	15	13	826
C_0 нь авч	43	38	408	гэсэн C_0 нь	31	27	477
C_0 боловч	1054	927	33	хэн C_0 нь	17	15	750
гэж C_0 боловч	46	40	397	бүр C_0 нь	27	24	530
C_0 байгаа боловч	22	19	602	бор C_0 нь	20	18	661
C_0 байсан боловч	47	41	387	тэр C_0 нь	111	98	285
C_0 болсон боловч	12	11	924	бас C_0 нь	29	26	504
C_0 мэт боловч	12	11	932	бүх C_0 нь	60	53	350
C_0 байх боловч	27	24	522	их C_0 нь	20	18	663
C_0 биш боловч	16	14	757	ганц C_0 нь	26	23	543
C_0 нь боловч	17	15	733	гэвч C_0 нь	40	35	424
C_0 өгч	198	174	198	аль C_0 нь	52	46	375
C_0 хурч	221	194	178	энэ C_0 нь	45	40	399
C_0 нь хурч	41	36	418	гэхдээ C_0 нь	11	10	1046
C_0 гарч	617	543	58	C_0 өмнө нь	58	51	358
C_0 дээр гарч	39	34	428	C_0 рүү нь	53	47	373
C_0 нь гарч	17	15	735	C_0 яваа нь	38	33	435
C_0 биш	1039	914	34	C_0 байгаа нь	207	182	191
гэж C_0 биш	16	14	776	C_0 дараа нь	75	66	325

C_0 байдаг нь	25	22	552	энэ C_0 минь	28	25	520
C_0 шиг нь	25	22	564	C_0 байгаа минь	12	11	917
C_0 нэг нь	75	66	327	C_0 гуай минь	30	26	479
C_0 өөд нь	23	20	582	C_0 нар минь	46	40	393
C_0 явахад нь	27	24	529	C_0 дээр минь	24	21	572
C_0 байхад нь	67	59	337	C_0 чинь	2528	2224	13
C_0 талд нь	49	43	383	нэг C_0 чинь	15	13	821
C_0 дунд нь	19	17	673	гэж C_0 чинь	14	12	856
C_0 болоход нь	13	11	870	би C_0 чинь	12	11	960
C_0 дэргэд нь	48	42	386	тэр C_0 чинь	44	39	404
C_0 хэлэхэд нь	12	11	944	их C_0 чинь	12	11	972
C_0 ирэхэд нь	39	34	429	энэ C_0 чинь	43	38	411
C_0 тал нь	26	23	538	C_0 байгаа чинь	12	11	918
C_0 юм нь	28	25	514	C_0 юм чинь	59	52	356
C_0 авсан нь	11	10	984	C_0 хоёр чинь	18	16	704
C_0 явсан нь	18	16	709	C_0 нар чинь	29	26	499
C_0 байсан нь	83	73	310	C_0 дээр чинь	21	18	622
C_0 гарсан нь	12	11	926	C_0 бэ	236	208	170
C_0 болсон нь	44	39	401	C_0 юм бэ	233	205	172
C_0 хэлсэн нь	25	22	563	ямар C_0 юм бэ	30	26	490
C_0 ирсэн нь	20	18	649	C_0 байгаа юм бэ	42	37	412
C_0 хэн нь	16	14	767	C_0 байдаг юм бэ	19	17	668
C_0 бүхэн нь	12	11	916	C_0 яасан юм бэ	26	23	541
C_0 хойно нь	13	11	884	C_0 яах юм бэ	28	25	515
C_0 хоёр нь	12	11	941	C_0 ч юм бэ	15	13	809
C_0 дээгүүр нь	38	33	434	C_0 яасан бэ	15	13	813
C_0 нар нь	25	22	559	C_0 хэн бэ	21	18	630
C_0 учир нь	12	11	938	C_0 вэ	1191	1048	26
C_0 дор нь	29	26	497	гэж C_0 вэ	36	32	452
C_0 болохоор нь	13	11	871	гэсэн C_0 вэ	33	29	469
C_0 дотор нь	75	66	326	хэн C_0 вэ	32	28	474
C_0 тэр нь	22	19	608	ямар C_0 вэ	28	25	521
C_0 дээр нь	283	249	145	тэр C_0 вэ	11	10	1056
C_0 хойноос нь	69	61	334	энэ C_0 вэ	11	10	1063
C_0 дээрээс нь	36	32	447	C_0 байна вэ	59	52	353
C_0 руу нь	58	51	359	C_0 явах вэ	12	11	954
C_0 авах нь	14	12	832	C_0 яах вэ	135	119	266
C_0 явах нь	38	33	436	C_0 ч яах вэ	21	18	631
C_0 гарах нь	20	18	648	C_0 байх вэ	83	73	311
C_0 байх нь	126	111	270	C_0 хийх вэ	15	13	806
C_0 хийх нь	20	18	653	C_0 болох вэ	28	25	509
C_0 болох нь	88	77	305	C_0 гэх вэ	16	14	760
C_0 орох нь	11	10	1016	C_0 яаж мэдэх вэ	18	16	707
C_0 ирэх нь	26	23	535	C_0 нь вэ	20	18	652
C_0 гарч ирэх нь	12	11	927	C_0 яах нь вэ	20	18	658
C_0 тийш нь	28	25	512	C_0 мэднэ	167	147	232
C_0 хойш нь	11	10	1023	C_0 ч байж мэднэ	26	23	540
C_0 аль нь	15	13	791	C_0 байж мэднэ	25	22	553
C_0 энэ нь	13	11	888	C_0 ч мэднэ	13	11	886
C_0 минь	3873	3408	7	C_0 ирнэ	136	120	264
бага C_0 минь	11	10	1032	C_0 гэнэ	25	22	557
гэж C_0 минь	22	19	613	C_0 ээ	768	676	48
ганц C_0 минь	12	11	964	C_0 биз ээ	27	24	524

C_0 биш ээ	19	17	671
C_0 нь ээ	31	27	476
C_0 байх нь ээ	27	24	523
C_0 минь ээ	59	52	355
C_0 дээ	877	772	41
C_0 шүү дээ	457	402	90
C_0 байна шүү дээ	43	38	407
C_0 үү дээ	38	33	431
C_0 юм шүү дээ	29	26	502
C_0 байгаа шүү дээ	20	18	642
гээж C_0 шүү дээ	16	14	780
C_0 байсан шүү дээ	12	11	920
C_0 болно шүү дээ	11	10	997
C_0 яахав дээ	23	20	593
C_0 байж дээ	33	29	461
C_0 болж дээ	29	26	495
C_0 биз дээ	159	140	243
C_0 байгаа биз дээ	15	13	792
C_0 юм биз дээ	12	11	949
C_0 л дээ	125	110	271
C_0 байж л дээ	12	11	919
C_0 ч дээ	15	13	808
C_0 биш дээ	33	29	463
C_0 нь дээ	17	15	736
C_0 минь дээ	12	11	931
C_0 юм бэ дээ	16	14	773
C_0 вэ дээ	46	40	392
C_0 энэ дээ	13	11	887
C_0 ээ дээ	13	11	889
C_0 билээ дээ	42	37	413
C_0 ажээ	664	584	53
гээж C_0 ажээ	18	16	713
C_0 байгаа ажээ	22	19	601
C_0 байсан ажээ	13	11	867
C_0 болсон ажээ	17	15	726

C_0 мэт ажээ	17	15	729
C_0 байх ажээ	14	12	836
C_0 байжээ	515	453	77
гээж C_0 байжээ	24	21	578
C_0 байдаг байжээ	11	10	989
C_0 болжээ	484	426	83
гээж C_0 болжээ	16	14	777
өөр C_0 болжээ	13	11	894
C_0 алга болжээ	29	26	491
C_0 шиг болжээ	21	18	632
C_0 билээ	1379	1213	21
гээж C_0 билээ	55	48	368
хэн C_0 билээ	17	15	749
эс C_0 билээ	12	11	983
C_0 байгаа билээ	30	26	478
C_0 байна билээ	15	13	795
C_0 байдаг билээ	50	44	379
C_0 байж билээ	78	69	318
C_0 болж билээ	11	10	996
C_0 юм билээ	46	40	395
C_0 өгсөн билээ	12	11	913
C_0 явсан билээ	20	18	659
C_0 байсан билээ	29	26	493
C_0 болсон билээ	20	18	647
C_0 яах билээ	22	19	611
C_0 байх билээ	66	58	340
C_0 болох билээ	13	11	868
C_0 мэдэх билээ	25	22	558
C_0 ирлээ	285	251	142
C_0 орж ирлээ	63	55	342
C_0 хурч ирлээ	21	18	628
C_0 гарч ирлээ	53	47	371
C_0 хүрээ	86	76	307
C_0 дээрээ	580	510	69

Благодарности

Настоящее исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 15-04-00553 «Структурно-вероятностный синтаксис монгольских языков»), комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы», направление «Создание версии «3» генерального корпуса современного монгольского языка», и РФФИ (грант № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков»).

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
Гак В. Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // Аналитические конструкции в языках различных

типов. М.; Л.: Наука, Ленингр. отд., 1965. С. 129–143.

Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях (1963) // Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1976. С. 82–125.

Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестник Ленинградского государственного университета. 1948. № 2. С. 114–134.

Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание / отв. ред. А. В. Десницкая. Предисл. Ю. С. Маслова. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1986. 297 с.

Крылов С. А. Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики: (в 6 ч.) Ч. 2. Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на базе Генерального

- корпуса современного монгольского языка). М.: Наука, Вост. лит., 2014. 637 с.
- Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. 328 с.
- References**
- Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. A grammatical science about the Word]. Moscow; Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1947, 784 p. (In Russ.).
- Gak V. G. *Desemantizatsiya yazykovogo znaka v analiticheskikh strukturakh sintaksisa* [Desemanticization of a language sign in syntactic analytical structures]. *Analiticheskie konstruktssii v yazykakh razlichnykh tipov* [Analytical constructions in languages of different types]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 129–143 (In Russ.).
- Zhirmunsky V. M. *Ob analiticheskikh konstruktssiyakh (1963)* [About analytical constructions (1963)]. *Zhirmunskiy V. M. Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [... General and German linguistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 82–125 (In Russ.).
- Katsnelson S. D. *O grammaticheskoy kategorii* [About the grammatical category]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Leningrad State University), 1948, No. 2, pp. 114–134 (In Russ.).
- Katsnelson S. D. *Obshchee i tipologicheskoe yazykoznanie / otv. red. A. V. Desnitskaya. Predisl. Yu. S. Maslova* [General and typological linguistics. Edit. by A. Desnitskaya, foreword by Yu. Maslov]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 297 p. (In Russ.).
- Krylov S. A. *Teoreticheskaya grammatika mongol'skogo yazyka i smezhnye problemy obshchey lingvistiki: (v 6 ch.) Ch. 2. Strukturno-veroyatnostnaya model' sovremennogo mongol'skogo yazyka (na baze General'nogo korpusa sovremennogo mongol'skogo yazyka)* [Theoretical grammar of the Mongolian language and related problems of general linguistics: in 6 vol. Vol. 2 The structural-probabilistic model of modern Mongolian]. Moscow, Nauka – Vost. Lit. Publ., 2014, 637 p. (In Russ.).
- Maslov Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1975, 328 p. (In Russ.).

УДК 811.512.3

МОНГОЛЬСКИЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В КОЛИЧЕСТВЕННОМ АСПЕКТЕ

Сергей Александрович Крылов¹

¹ доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: krylov-58@mail.ru

Аннотация. Сделана попытка измерить употребительность аналитических словоформ монгольского языка. Одна из главных трудностей такого исследования заключается в том, что границы самого инвентаря аналитических конструкций не вполне ясны. По-видимому, это множество имеет диффузную природу, то есть его границы расплывчаты. Тем не менее, они поддаются исследованию достаточно точными методами, если эти методы будут иметь характер, адекватный своему реальному объекту, то есть количественный характер. Для этого необходимо на некотором первичном этапе исследования условиться, какие именно формально диагностируемые признаки есть у аналитических конструкций.

Эвристически наиболее плодотворным признаётся «широкий» подход к аналитическим формам, представленный в так называемой теории «грамматикализации», или «грамматизации»; но этот подход должен быть дополнен количественными методами, разработанными в корпусной лингвистике. На материале Генерального корпуса монгольского языка (ГКМЯ-1a) выделены наиболее употребительные аналитические словоформы. Изложение материала представлено в форме статистических таблиц. Словоформы представлены в прямом алфавитном порядке соответствующих лексем.

В ранговый список включены не все аналитические структурные модели синтаксических молекул монгольского языка, а лишь наиболее употребительные. Пороговое значение для включения в список составляет 312 вхождений в корпус ГКМЯ-1a, или 275 ipm. Приведены наиболее употребительные аналитические словоформы, абсолютная частотность которых превышает 10 вхождений, а относительная — 9 ipm. Таких словоформ в корпусе ГКМЯ-1a насчитывается 1 818.

Ключевые слова: монгольский язык, корпусная лингвистика, количественные методы в лингвистике, аналитические конструкции, аналитические формы.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 180–189, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-180-189
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.3

The Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk Languages: Common Clothes and Footwear Denoting Lexis

Anna V. Mazarchuk ¹

¹ Postgraduate Student, Department of Languages of Russia, Institute for Linguistic Studies of the RAS (Saint Petersburg). E-mail: anja_av@rambler.ru

Abstract. The article deals with the lexis denoting pieces of clothing and footwear in the major Mongolic languages, such as Khalkha, Buryat, and Kalmyk. The research into the historical background and semantics of the lexis in question has shown that the basic notions, e.g. *qubčasun* ‘clothes’, *debel* ‘traditional Mongolian garment’, *γutul* ‘boots’, *terlig* ‘summer robe’, etc., are common for most of the Mongolic languages. However, semantics of these lexical units may vary, because native speakers of every Mongolic language have had contacts with different nationalities, and, for instance, inhabitants of Inner Mongolia are more likely to use Chinese loanwords for a wider range of things than Khalkha, Buryat or Kalmyk speakers. Thus, in Inner Mongolia the word *dašinja* (< chin. 大裙子 *dà qúnzi*, literally ‘big skirt’) refers to all kinds of ‘long clothes without lining’, including doctor’s white coats, while in Khalkha the word *даашинз* is reserved mainly for the items resembling Chinese and European-style dresses. For bathrobes, dressing gowns and white coats, Khalkha speakers use the Russian borrowing *халат/халад/халаад*. A similar situation can be observed in Kalmyk — the Kalmyks and Oirats have their typical *бишмүд* (< turk. **bāšmāt* ‘long frockcoat’), along with *девл*, which, unlike Khalkha *дээл*, denotes mostly items resembling fur coats. The semantic field of the Khalkha *дээл*, sometimes meaning even ‘clothes’, is much wider. As for the boots, Mongols have numerous footwear types — for men, women, children, lamas, and shamans — but, speaking about the most common one, Khalkha and Buryat speakers denote it with the word *γутал* ‘boots’ (< **gutul*), while Kalmyks prefer to use the word *һосч* (< **gutusun*) with the same meaning. These two words have the same root, which, probably meant ‘hide from wild animal legs’. In Khalkha and Buryat the both words are used — the word *γутал* denotes the traditional Mongolian boots, whereas the Khalkha *зодос* and Buryat *зодоһон* denote ‘high fur boots, mukluks’. In Kalmyk, the word *γутал* is not used; they use the word *һосч* as a common term denoting the most widely spread traditional Kalmyk footwear. The reason is, probably, that traditional Oirat and Kalmyk boots had more resemblance to the ancient footwear made of soft hide from a wild animal’s legs.

Keywords: Mongolic languages, Khalkha, Buryat, Kalmyk, lexis, clothes, footwear.

Лексикология — одна из наиболее популярных областей исследования в монгольском языкознании. В библиографиях работ по монгольскому языку раздел «Лексикология» обычно самый объемный. О тех или иных лексических единицах и пластах лексики в монгольских языках написано множество трудов. Поэтому не может не удивлять тот факт, что найти лингвистический анализ монгольских лексических единиц, обозначающих предметы одежды, обуви, головные уборы и украшения, довольно трудно. Этнографы много пишут об этих реалиях повседневного быта халха-монголов, калмыков и бурят. Изданы целые энциклопедии монгольской материальной культуры. Но по какой-то причине сами слова, обозначающие то, что постоянно окружает человека и буквально соприкасается с его телом, остаются почти без внимания языковедов.

В статье собраны воедино лексикографические сведения о некоторых наиболее часто встречающихся халха-монгольских, бурятских и калмыцких терминах, обозначающих предметы одежды и обуви. Слова даны либо в оригинальном написании (как они приведены в словарях), либо, если словарь составлен на старой графике, в традиционной транскрипции (соответствие знаков уйгуро-монгольского письма знакам латиницы см., например, в [Tserenpil 2008: 4–5]). Когда речь идет о явлениях, общих для халха-монгольского, калмыцкого и бурятского языков, для краткости мы используем слово из письменного монгольского языка. Так, фразу «семантическое поле слова *debel*» следует понимать как «семантическое поле слова, имеющего формы *debel*, *debil*, *degel* в письменном монгольском языке, форму *дээл* в современном халха-монгольском, *девл* в калмыцком и *дэгэл* в бурятском».

Основными словарями, на которые мы опирались, были «Монгольско-русско-французский словарь» О. Ковалевского [Ковалевский 1844] для письменного монгольского языка, «Большой академический монгольско-русский словарь» [БАМРС] для халха-монгольского языка, «Бурят-монгольско-русский словарь» К. М. Черемисова под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева [Черемисов 1951] для бурятского языка, «Калмыцко-русский словарь» под редакцией Б. Д. Муниева [КРС 1977] для калмыцкого языка. Если в тексте статьи дополнительно

не указано, где зарегистрировано слово, то оно было найдено в одном из этих словарей (письм.-монг. — [Ковалевский 1844], халх. — [БАМРС], бур. — [Черемисов 1951], калм. — [КРС 1977]).

Одновременно с настоящей статьей публикуется работа «Общемонгольская лексика по разделу «Головные уборы и украшения» в халхаском, бурятском, калмыцком языках». Обе статьи созданы в рамках исследовательского проекта «Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков, сравнительно-исторический аспект)».

Итак, рассмотрим некоторые лексические единицы, обозначающие предметы одежды и виды обуви в монгольских языках. Начнем с гиперонима «одежда» — письм.-монг. *qubčasu(n)*. По определению «Толкового словаря монгольского языка», это «общий термин, обозначающий вещи, которые человек надевает на тело (*хүний биедээ өмсч хэрэглэх эдийн ерөнхий нэр*)» [МХТТ 2011: 1529].

Слово *qubčasu(n)* универсально для большинства монгольских языков и диалектов¹. В них оно представлено в следующих фонетических вариантах:

- ✓ халх. *хувцас(ан)*; эл. *хувтас*, *убтас*; мянг. *хувтас*, *хубдасан*; гоб., зап.х. *губчас*;
- ✓ бур. *хубсаһа(н)*; хори, аг., тунк., сан. *хубсаһа(н)*; цонг. *хубцасо*; барг. *хубсуһу*;
- ✓ калм. *хувц(н)*; зах., торг., баят., ол., ур. *хубдас*; торг. *ховцн* ([Multitran] и косвенно [Ramstedt 1935: 186]²), дерб. *хувцун*, *хув-*

¹ Судя по имеющимся материалам, оно отсутствует в дагурском, могольском и всех широнгольских (баоаньском, монгульском, мангуэр, дунсянском, канцзя) языках. Так, в словаре баоаньского языка, составленном Б. Х. Тодаевой, зафиксировано только одно слово со значением «одежда» — *мэсгу* < *мэсэ* — «надевать» [Тодаева 1964: 143]. В халха-монгольском, калмыцком и бурятском языках есть аналогичные слова: халх. *өмсгөл* «одеяние, наряд, одежда» < *өмсөх* «надевать»; калм. *өмскүл* «наряд» < *өмсх* «одеваться, наряжаться»; бур. *үмэдхэл* «одеяние» < *үмэдхэ* «надевать».

² Помета «торгут.» стоит в электронном словаре Мультитран (Русско-калмыцкий словарь), поисковый запрос «одежда»: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=2&l2=35&s=%EE%E4%E5%E6%E4%E0>. В [Ramstedt 1935: 186] слово *χoptsn* отмечено как слово из дербетского диалекта («D.»).

цан; зах. хубдас, хувиун, хубдасан, ур. хубдас, хувиун, хувицан; баят. хувицан, хубдас;

✓ хорч. ховтос, ховишос; джал.-дерб. хувишад; архорч.-бар. ховчис; бар. хусу; харч.-тум. ховчис; тум. ховицис; шгол., чах. гувчас; орд. гувчасун [Тодаева 1981: 242; Цолоо 1991: 96–97].

Как отмечает Ж. Цолоо, слово *qubčasu(n)* встречается в одном из самых древних из известных письменных памятников средне-монгольского языка — «Тайной истории монголов» [Цолоо 1991: 96]. Действительно, эти словоформы мы видим в следующих параграфах памятника (транскрипция И. де Рахевильца (1972), перевод выполнен с опорой на переводы С. А. Козина и Ф. В. Кливза):

§ 136 — *qubčan*(Pl)

(1) *a'uru'ut-tur qocoruqsan-i jürkin tabin haran-u qu[b]can tonaju'ui* [Rachewiltz 1972: 58].

‘Из оставленных в тыловом лагере, чжуркинцы похитили **одежду** пятидесяти человек ([Козин]: «донага обобрали»).’

§ 145 — *qubčasun-iyen* (PossRefl), *qubčasun* (2 раза)

(2) *tendece jelme maqalai qudusun de'el qubcasun-iyen bügüde-yi talju...* [Rachewiltz 1972: 63].

‘Затем Джелме, сбросив всё: шапку, сапоги и **одежду** (PossRefl), <...>’

(3) <...> *qu[b]casun minu bügüde-yi talju* <...> [Rachewiltz 1972: 64].

‘<...> сняв всю мою **одежду** <...>’

(4) *namayi ünen bolqaju qubcasun nada ökju asaraqı büle'e* [Rachewiltz 1972: 64].

‘Поверив мне, отдали бы мне **одежду** и позаботились бы обо мне.’

§ 189 — *qubčasu*

(5) *tede'er-i mongqol irgen hünür mawutan qubcasu baratutan büle'ei* [Rachewiltz 1972: 98].

‘Тот монгольский народ запахом неприятен и **одеждой** тёмной.’

§ 229 — *qubčasun*

(6) *to'a asaquqsan gü'ün-i kebte'ül tere gü'ün-i tere-gü üdür-ün unuqsan aqta eme'eltü qadārtu-yi emüsüksen qubcasun selte kebte'ül abtuqai* <...> [Rachewiltz 1972: 132].

‘Человека, спросившего [их] число, пусть ночная стража хватает [и отбирает у него] скакуна, на котором он скакал в тот день, и уздечку с седлом, а также **одежду**, надетую [на него] <...>’

§ 278 — *qubčasun*

(7) *kebte'ül-ün to'a asaqu gü'ün-ü tere*

üdür-ün unuqsan aqta eme'eltü qada'artu-yi emüsüksen qubcasun salte kebte'ül abtuqai [Rachewiltz 1972: 168].

‘Пусть ночная стража хватает скакуна, на котором был человек, спросивший число ночной стражи, и [отбирает] уздечку с седлом, а также **одежду**, которая была надета [на человека].’

Считается, что «Тайная история монголов» была закончена к периоду между началом 1250-х и серединой 1260-х гг. Таким образом, перечисленные старые формы слова *qubčasu(n)* были в употреблении в XIII в.

Ф. Лессинг записал форму множественного числа для *xubcasu(n)* — *xubcad* [Lessing 1960: 976].

Кроме перечисленных форм, мы встречаем словоформу *qubča*¹ в глоссарии Ибн-Муханны (начало XIV в.), а также в самом конце словарной статьи слова *χoptsv* в «Калмыцком словаре» Г. Рамstedта, где автор указывает, как слово *χoptsv* выглядит в письменном монгольском языке: «[*qubča*, *qubča sun*]» [Ramstedt 1935: 186]. Г. Рамstedт пишет, что слово *χoptsv* употребляется в сочетании со словом *χonr* и так же, как и *χoptsvsn*, имеет значение ‘одежда’. Ученый фиксирует в словаре не только формы с гласным -o-: *χonr*, *χoptsv*, *χoptsv*, *χoptsvsn*, *χoptsvsn* [Ramstedt 1935: 186], но и аналогичные формы с гласным -u-: *χuptsn*, *χuptsn*, *χunr*, *χuptsn*, *χuptsn* [Ramstedt 1935: 197]. Варианты с гласным -o- *χonr*, *χoptsv*, *χoptsvsn* отмечены как дербетские, а варианты с гласным -u- *χunr* и *χuptsn* — как олётские. Принадлежность остальных вариантов (*χoptsv*, *χoptsvsn*, *χuptsn*, *χuptsn*, *χuptsn*) к тому или иному диалекту эксплицитно не отмечена. Любопытно, что в качестве исходной формы из старописьменного монгольского языка Г. Рамstedт указывает не только форму *qunar*, но и *qonar*. В других словарях такой формы не нашлось. В монгольско-английском словаре Ф. Лессинга есть форма *xunir*. К сожалению, единственное, что указывает автор в словарной статье, — «See xunar» ‘См. xunar’. Однако в словарной статье слова *xubcasu(n)*, к написанному Г. Рамstedтом (см. выше), А. Мо-стартом (*qub'is'as xunar* ‘одежда’) [Mostaert 1968: 310a] и многими другими, Ф. Лессинг добавляет сочетание *xubcad xunar*, где использована форма множественного числа слова *xubcasu*.

¹ Н. Н. Поппе указывает для этого слова перевод «одетый» [Поппе 1938: 445].

Стоит сказать, что упомянутое сочетание, записанное Г. Рамstedтом в вариантах *χοpts χοnr*, *χοptsν χοnr* и *χιptsν χунr*. О. Ковалевским в виде *qunar qubcasun* 'платье, убранство', А. Мостартом как *qub'ts'as χunar* 'одежда', Ф. Лессингом как *xubcasu xunar* и *xubcad xunar* 'платье, одежда, наряд', представляет собой довольно распространенное в монгольских языках явление, а именно: парные слова, или биномы. В современном халха-монгольском языке это парное слово звучит как *хувцас хунар* 'одежда, платье', в калмыцком — *хувц-хунр* 'одежда', в бурятском — *хубсаһа хунар* 'одежда, платье'. Парные слова бывают разных видов. Э. У. Омакаева и Н. Б. Бадгаев объединяют их в три группы: «1. Парные слова, в которых оба компонента обладают самостоятельным лексическим значением; 2. Парные слова, в которых второй компонент не имеет самостоятельного лексического значения, в силу чего вне парного слова не употребляется; 3. Парные слова, в которых оба компонента не имеют самостоятельного значения, поэтому употребляются вместе как парное слово. Компоненты 1-й группы парных слов связаны синонимичными, антонимичными и ассоциативными отношениями. <...> При характеристике биномов, состоящих из синонимов, следует иметь в виду, что второй компонент может оказаться архаичным словом» [Омакаева, Бадгаев 1990: 163–164]. Интересно, что в качестве примера бинорма первого типа авторы приводят рассматриваемое нами сочетание — *хувцас хунар* (халх.). Они считают, что парное слово *хувцас хунар*, в отличие от одиночного *хувцас*, «выражает идею собирательности» [Омакаева, Бадгаев 1990: 164]. Если говорить о более точной классификации этого бинорма, то Э. У. Омакаева и Н. Б. Бадгаев относят его в группу, где один из синонимов — архаизм. У одиночного слова *χοnr* действительно стоит помета «устаревшее» (veraltet) уже в «Калмыцком словаре» Г. Рамstedта [Ramstedt 1935: 185], то есть оно стало архаизмом не позднее 30-х гг. XX в. Примечательно, что в БАМРС и Монгольском корпусе нет ни одного примера, в котором слово *хунар* употреблялось бы как одиночное. Оно встречается только в паре со словами *хувцас* (*хувцас хунар* 'одежда') и *айл* (*айл хунар* 'соседи, знакомые, население'). В Калмыцком и Бурятском корпусах прослеживается похожая картина. В Калмыцком корпусе сло-

во *хунр* зафиксировано только в сочетании со словом *хувц* (*хувц-хунр*), в Бурятском — слово *хунар* можно видеть в сочетании со словами *хубсаһа* (*хубсаһа хунар*), *айл* (*айл хунар*) и *хубсар* 'подстилка в виде коврика'. Сочетание *хубсар хунар* приведено из сводного варианта бурятского «Гэсэр», составленного Н. Балдано. Вероятно, *хубсар хунар* следует считать не парным словом, а обычным словосочетанием, состоящим из двух равноценных лексем, соединенных сочинительной связью, поскольку эти лексемы не являются синонимами или антонимами и при их сочетании не возникает новое значение; в сочетании слов *хубсар* 'подстилка в виде коврика' и *хунар* 'одеяние' можно усмотреть аллитерацию, но явления редупликации не наблюдается. На основании этого мы можем предположить, что перед нами единственный зарегистрированный в Корпусе пример употребления слова *хунар* как самостоятельного слова (без слова *хубсаһа*). Такое употребление объясняется поэтичностью и архаичностью эпического языка «Гэсэра»¹.

Слова *qubcasu* и *qunar* и их варианты встречаются в письменном монгольском языке, современных халха-монгольском, калмыцком, бурятском языках и их диалектах, а также в ордосском, дагурском и других монгольских языках. По всей видимости, это исконно монгольские слова. По крайней мере, праформа **kubcasun* отмечена в [Nugteren 2011: 429].

Базовым предметом одежды большинства монгольских народов является запашной халат, называемый в старописьменном монгольском языке *debel*, *debil* или *degel*, а в современных — халх. *дээл*, калм. *девл* (<dewl [Ramstedt 1935: 90]), бур. *дэгэл*. Русское слово *халат* не самый удачный эквивалент для монгольского слова *debel*, поскольку семантические поля этих слов не идентичны (хотя пересекаются и имеют схожие элементы). «Толковый словарь монгольского языка» дает довольно лаконичное определение халха-монгольскому слову *дээл*: «Верхняя одежда, имеющая борта (*энгэр*) и воротник (*зах*)» [МХТТ 2011: 449]. В «Энциклопедии кочевого быта» дано более красочное определение дэли: «Проверенная испытаниями кочевой монгольской

¹ Также, возможно, форма *хубсар* вместо *хубсад* заимствована из какого-то ротацирующего монгольского идиома вроде дагурского или возникла по аналогии с последующим *хунар*.

жизни, чрезвычайно приспособленная к быту, повседневной жизни, суровому климату, удобная, негромоздкая, не стесняющая движений верхняя одежда, имеющая двойной борт (*давхар энгэр*), воротник (*зах*) и полы (*хормой*), называется дэли» [МНТТ 2014: 276]. Здесь в качестве ключевых элементов дэли указаны не только борта и воротник, но и полы. Определение для калмыцкого слова *девл* в «Толковом словаре калмыцкого языка»: «Одежда, сшитая из кожи, тёплая верхняя одежда; шуба» [Манджикова 2002: 39]. В «Калмыцком словаре» Г. Рамштедта для *dewl* указаны значения (нем.) *pelz*, *kaftan*, *langer rock* 'тулуп, кафтан, длинный сюртук' [Ramstedt 1935: 90]. В «Бурят-монгольско-русском словаре» слово *дэгэл* переводится как 'шуба, пальто' [Черемисов 1951: 231]. На самом деле, как пишет Ё. Баярсайхан, понятие *debel* объединяет обозначения верхней одежды, предназначенной для разных времен года и изготовленной из различных материалов. От всех остальных видов одежды *debel* отличается особый крой, по типу запашного халата. Но, если сочетания вроде халх. *үстэй дээл*, бур. *үхэтэй дэгэл*, калм. *арсн девл* считаются нормативными и имеют значения 'шуба, тулуп', то словосочетание «меховой халат» вызывает в воображении носителя русского языка довольно экстравагантный наряд (домашний халат, отороченный мехом), но никак не шубу и не тулуп. Подробно это различие между семантическими полями монгольского слова *debel* и русского слова *халат* описано в [Баярсайхан 2002: 66]. Таким образом, отличительной чертой одежды, называемой *debel*, является особый крой, а материал, из которого она изготовлена, и её назначение не влияют на идентификацию.

Слово *debel* одинаково звучит в хорчинском, джалайтском, баринском, оннютском, найманском, хешиктенском, харчинском, туметском, шилингольском, уланцабском, чахарском и ордосском диалектах — *дёл* [Тодаева 1981: 148]. Арухорчины, по материалам Б. Тодаевой, не используют это слово, а обозначают дэли словом «одежда» — *ховчис*. То же можно сказать про горлосцев: слово *ховиис* для них это и одежда в целом, и дэли в частности. У дербетов есть слово *дёл*, но для обозначения этого вида одежды они могут использовать и гипероним *ховиит* 'одежда' [Тодаева 1981: 148]. В современном халха-монгольском языке встречается парное слово *дээл хувцас*, си-

нонимичное рассмотренному выше *хувцас хунар*. Произношение *dél* зафиксировано в монгольской части словаря «Мукаддимат ал-Адаб», отражающей среднемонгольский язык XIV–XV вв. [Поппе 1938: 141]. Ойраты Синьцзяна, по-видимому, употребляют то же слово, что и калмыки. Б. Х. Тодаева записала его как *девел* (*дебел*) [Тодаева 2001: 120]. Автор объясняет такую запись следующим образом: «<...> все ойратские слова даются в транскрипции на русском алфавите. При этом автор стремится достаточно строго придерживаться норм ойратского литературного произношения, допускающих стечения не более двух согласных на стыках слогов и на границах морфем вообще. Подобная транскрипция может показаться тем, кто привык к стечениям в калмыцком слове от трех до семи-восьми согласных подряд, неудовлетворительной. К сожалению, иного способа ознакомления с богатой лексикой языка ойратов Синьцзяна пока нет. <...> используется приём транслитерации слов с *тодо бичиг* посредством русских букв, для чего в круглых скобках приводятся слова в транслитерации. Это дает возможность проследить, как передается слово в письменном языке ойратов» [Тодаева 2001: 10]. Поэтому можно считать, что волжские калмыки и синьцзянские ойраты используют одно и то же слово или его фонетически близкие варианты, различиями в которых можно пренебречь.

В монгольской историко-этнографической литературе принято считать, что корень *deb-* имеет семантику, присутствующую в словах *дэвших* 'подниматься', *дээгүүр* 'поверх', *дээр* 'на, над', и означает 'то, что накидывают сверху' [МХТ 2002: 267].

Существуют различные виды дэли. Например, легкий летний халат: письм.-монг. *terlig* 'кафтан на вате' [Ковалевский 1844: 1774], 'армяк, халат' [Schmidt 1835: 244], халх. *тэрлэг* 'летний халат', калм. *терлг* 'платье (женское без рукавов¹)', *terlig* 'женский сюртук, халат' [Ramstedt 1935: 393], бур. *тэрлиг* 'летний халат'. Это слово пришло из тюркских языков. Древнетюркский корень *tär* означает 'пот' [Ramstedt 1935: 393]; - *lig* — древнетюркский аффикс, с помощью которого образуются прилагатель-

¹ Данный перевод мы видим в словаре [KPC 1977: 495]. В действительности же, калмыки обозначали словом *терлг* женское платье с особым рукавом, пышным сверху и узким внизу.

ные от существительных, он обозначает наличие того, что выражено исходной основой [Кондратьев 1970: 19]. Таким образом, изначально слово *terlig*, судя по его внутренней форме, имело значение ‘потник’. В «Словаре тюркских наречий» Махмуда Кашгарского (XI в.) указано именно это значение: ‘потник, который стелют под седло’ [ДТС 1969: 555; ДЛТ 2005: 442, № 2838].

У ойратов есть особый вид одежды калм. *бишмүд*, *бүшмүд* ‘бешмет (калмыцкий халат)’, *bišmäd*, *büšmäd*, *bešmäd* ‘кафтан; обтягивающий сюртук’ [Ramstedt 1935: 43, 46], ойр.С. *бишмүүд* ‘бешмет (верхний халат)’ [Тодаева 2001: 68]. В культуре других монгольских народов такой одежды нет, поэтому, например, в халха-монгольских толковых словарях этот термин объясняют с помощью имеющихся в халхаской культуре понятий: *бишмүүд* ‘короткая борцовская куртка (*цээжмэг*)’ [МХТТ 2011: 142], *бишмүүт* ‘одежда, похожая на плащ (*цув*)’ [МХИТТ¹]. В бурятских словарях подобного слова найти не удалось. Однако среди тюркских народов такой вид одежды и обозначающее его слово довольно распространены. По-видимому, общетюркский корень выглядит как **bāšmāt* ‘длинный сюртук’; на казахском языке он имеет форму *bišmät*, на языке казанских татар — *bespät* [Räsänen 1969: 72]. В [ЭСТЯ 1978] указано, что элемент *-mät* — деривационный суффикс, аналогичный тому, что можно выделить в слове *qoimat* ‘пастух’ <*qoi* ‘овца’. Что означает элемент *bäs-* пока что не ясно. Неясна и история происхождения этого слова, поскольку некоторые факты указывают на то, что это не исконно тюркское слово, а заимствование [ЭСТЯ 1978: 123–124].

В Монголии и автономном районе Китая Внутренняя Монголия бытует слово, заимствованное из китайского языка — халх. *даашинз* ‘сарафан, лёгкое платье, летний тонкий лёгкий дэли’, монг.Вн.М. *dašinja* < кит. 大裙子 *dà qúnzi* ‘большая юбка’ [Мөнхсайхан 2014: 167]. Значения монгольского слова *даашинз* примерно одинаково сформулированы в толковых словарях, изданных в Монголии и в Китае (АР Внутренняя Монголия): халх. — «дэли из тонкой ткани, без подкладки» [МХТТ 2011: 323]; монг.Вн.М. — «одежда без подкладки с длинным подолом» [Monggol 1999: 2535].

¹ https://mongoltoli.mn/search.php?ug_id=13812&opt=1&word=%D0%91%D0%98%D0%A8%D0%9C%D2%AE%D2%AE%D0%A2.

По всей видимости, заимствование этого слова в халха-монгольский язык произошло довольно поздно, вероятно, в XX в., поскольку оно начинает появляться только в современных словарях и используется для обозначения нетрадиционной для монголов одежды: вечернего платья (*гоёлын даашинз*), домашнего халата (*гэрийн даашинз*), ночной рубашки (*унтлагын даашинз*) и т. д. Во Внутренней Монголии слово *dašinja* может означать в том числе и белый медицинский халат (*emnelge-yin-ken-ü čayan dašinja*), в то время как в Монголии этот предмет обозначается русским заимствованием *халат* / *халаад* (<рус. *халат* < тур. *hılat* ‘кафтан’ < араб. *ḥil’at* ‘почетное платье’ [Фасмер 1987: 217]).

Что касается названий обуви, то у разных монгольских племен были свои особенные виды сапог, которые назывались по-своему, но базовым термином для большинства стали формы, соответствующие письм.-монг. *yutul* ‘сапоги’ [Ковалевский 1844: 1020]. Формы этого слова в современных халха-монгольском и бурятском языках совпадают — *гутал*. Так же обувь называют на многих диалектах монгольских племен и народов, проживающих на территории Внутренней Монголии: хорчинском, джалайтском, дербетском, горлосском, арухорчинском, баринском, оннютском, найманском, хешиктенском, шилингольском, уланчабском, чахарском, ордосском [Тодаева 1981: 136]. Особенное слово используют ойраты: калм. *hosn*, *g.osn* [Ramstedt 1935: 152], ойр.С. *hoson* [Тодаева 2001: 106]. Монгольские этимологи считают, что халх., бур. *гутал* и калм. *hosn* происходят от монгольского одного слова — *год(он)* ‘кожа со щиколоток (животного, зверя)’: «В древности люди снимали с голени животного кожу (*год*), засовывали в неё ноги — так получалась обувь. Её называли *гутусун*. В дальнейшем суффикс *-сун* был отброшен, и в разных языках и диалектах остались формы *годул*, *готул*, *гутал*» [МХТ 2002: 268]. Слово *yutusun* ‘обувь, сапог, башмак’ мы можем найти в словаре [Ковалевский 1844: 1020]. Там оно соседствует с *yutul* ‘обувь, сапог’. В современном халха-монгольском языке есть слова *годос*² ‘унты из кожи (сня-

² Слово довольно редко употребляется в современном халха-монгольском языке. Оно есть в [БАМРС], но отсутствует в толковом словаре [МХТТ 2011]. В Монгольском корпусе оно встречается 2 раза (ср. *гутал* — 129 раз), причем

той с ног коня или крупного рогатого скота) и *гутал* 'обувь, сапоги, унты, башмаки'. В бурятском языке тоже существует эта пара *гутал* 'унты, сапоги, обувь' — *годоһон* 'унты'. В калмыцких и ойратских словарях есть (в том или ином виде) слово *һосн* 'сапоги', но *гутал* (или похожего на него слова) нет. Вероятно, это связано с тем, что традиционная ойратская обувь в большей степени сохранила сходство с обувью древних монголов (по крайней мере, так считают авторы [МНТТ 2014: 336]). Обувь бурят и халха-монголов эволюционировала сильнее, поэтому бурятам и монголам нужно слово для обозначения сапог, похожих на «древние», в то время как ойратам скорее понадобилось бы отдельное слово для монгольских и бурятских гутулов, но ойратские племена обходятся словом *һосн*. Общее понятие «обувь» в калмыцком языке передает парное слово *һосн-баһмг*, состоящее из калмыцкого слова *һосн* и пришедшего из русского тюркизма *баһмг* (<рус. *башмак* <тюрк. *bašmaq* 'обувь').

Итак, в данной статье мы рассмотрели слова *qubčasun*, *qunar*, *debel*, *terlig*, калм. *бишмүд*, халх. *дааһинз*, халх. *халаад*, *yutul*, *yutusun*. Это лишь малая часть терминов, обозначающих одежду и обувь в монгольских языках, но уже на их примере мы можем наблюдать некоторые закономерности: 1) названия базовых предметов одежды и обуви чаще всего являются исконно монгольскими — *qubčasun*, *qunar*, *debel*, *yutul*, *yutusun*; 2) монгольским народам требовалось заимствовать иноязычные слова для обозначения новых, нетрадиционных предметов одежды, которые появлялись в их жизни (например, халх. *халаад*); 3) заимствование названий предметов одежды шло из языков народов, с которыми монголы контактировали: тюрков, русских, китайцев, тибетцев; 4) по мере того как новые виды одежды вытесняли прежние, в каждом языке происходило изменение семантики исконных слов: из-за наличия в калмыцком языке тюркского заимствования *бишмүд* семантическое поле калмыцкого слова *девл* не равняется семантическому полю халха-монгольского слова *дээл* и т. п.

Изучение процессов сложения пластов лексики предполагает публикацию трудов более объемных, чем статья. Кроме того, в одном предложении; в первом случае слово *годос* употреблено в словосочетании *годос гэдэг гутал* 'обувь под названием унты'.

материал из словарей требуется проверять в полевых условиях. Дополнительная трудность заключается в том, что язык — живой организм, значения и коннотации слов меняются очень быстро, и все эти изменения невозможно оперативно фиксировать в словаре. Тем не менее работа со словарным материалом — первая ступень в исследовании, которую необходимо пройти. Предстоит проанализировать еще сотни словарных единиц, но хочется верить, что проделанная работа послужит отправной точкой для дальнейших исследований.

Сокращения

Аг. — говор агинских бурят¹; архорч. — арухорчинский говор; архорч.-бар. — арухорчин-баринский говор; бар. — баринский говор; барг. — баргутский говор; баят. — баятский говор; бур. — бурятский язык; гоб. — говор гобийских халха-монголов; горл. — горлосский говор; дерб. — дербетский диалект; джал.-дерб. — джалайт-дербетский² говор; зап.х. — говор западных халха-монголов (*баруун халх* в [Цолоо 1991: 103]); зах. — захчинский диалект; калм. — калмыцкий язык; монг.Вн.М. — язык монголов Внутренней Монголии (КНР); мянг. — мянгатский говор; ойр.С. — язык ойратов Синьцзяна; ол. — олётский диалект; онн. — оннотский говор; орд. — ордосский диалект; сан. — санагинский говор; совр. — современные языки; письм.-монг. — письменный монгольский язык; торг. — торгутский диалект; тум. — тумэтский говор; тунк. — тункинский говор; ур. — урянхайский диалект; харч.-тум. — харчин-туметский³ говор; халх. — халха-монгольский язык; хори — хори-бурятский говор; хорч. — хорчинский говор; цонг. — цонгольский говор; чах. — чахарский говор; шгол. — шилингольский говор; эл. — элджигенский говор; Pl — множественное число; PossRefl — возвратный залог.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-24-03001 а(м) «Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков, сравнительно-исторический аспект)».

¹ Классификация диалектов и говоров дана по: [Тодаева 1985: 13] и [Цолоо 1991: 103].

² В [Тодаева 1981] используется написание «дурбет» и, соответственно, сокращение «дурб.».

³ В [Тодаева 1981] используется написание «тумут».

Литература

- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ё–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001; Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Баярсайхан Ё. Этнокультурная лексика современного монгольского языка. М.: Институт языкознания РАН, 2002. 108 с.
- ДЛТ — Махмуд ал-Кашгари. Диван Луга тат-Турк. Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Т. I, II, III. Казань: Университетск. тип., 1844. 594 с.
- Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1970. 65 с.
- Манджигова Б. Б. Толковый словарь калмыцкого языка. Пособие для учащихся. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 176 с.
- МНТТ — Монгол нүүдэлчдийн тайлбар толь = Энциклопедия кочевого быта монголов. Улаанбаатар: Монсудар, 2014. 611 с.
- Мөнхсайхан С. Монгол хэлний хятад гаралтай үг = Слова китайского происхождения в монгольском языке. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2014. 238 с.
- КРС — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- МХИТТ — Монгол хэлний их тайлбар толь = Большой толковый словарь монгольского языка [электронный ресурс] // URL: <https://mongoltoli.mn/> (дата обращения: 10.11.2016).
- МХТ — Нямбуу Х. Монгол хувцасны түүх. Түүх, угсаатны зүйн шинжилгээ = История монгольского костюма. Историко-этнографическое исследование. Улаанбаатар: «Монголын суу билэгтэн» сан, 2002. 400 с.
- МХТТ — Монгол хэлний тайлбар толь = Толковый словарь монгольского языка. Улаанбаатар: Монсудар, 2011. 1890 с.
- Омакаева Э. У., Бадгаев Н. Б. Парные слова и повторы в современном монгольском языке // Исследования по синтаксису монгольских языков. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1990. С. 163–171.
- Понне Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 452 с.
- Тодаева Б. Х. Баоаньский язык. М.: Наука, 1964. 159 с.
- Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М.: Наука, 1985. 135 с.
- Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
- Цолоо Ж. Монгол хувцас хунарын зарим нэрийн тухай [О некоторых названиях предметов монгольской одежды] // БНМАУ Шинжлэх ухааны академийн мэдээ. № 3 (120). Улаанбаатар: БНМАУ Шинжлэх ухааны академи, 1991. С. 94–104.
- Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.
- ЭСТЯ — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
- Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Los Angeles: Univ. of California Press, 1960. 1217 p.
- Monggol 1999 — Mongyol kelen-ü toli = Словарь монгольского языка. Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qori-ya, 1999. 3142 q.
- Mostaert A. Dictionnaire Ordos. Seconde edition. New York, London: Johnson reprint corporation, 1968. 951 p.
- Multitran — Онлайн словарь Мультитран [электронный ресурс] // URL: <http://www.multitran.ru/> (дата обращения: 10.11.2016).
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht, 2011. 563 p.
- Ramstedt G. J. Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.
- Rachewiltz I. Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University, Bloomington, 1972. 347 p.
- Schmidt 1835 — Шмидт Я. Монгольско-немецко-русский словарь. СПб.: Императорск. акад. наук, 1835. 615 с.
- Tserenpil D., Kullmann R. Mongolian Grammar. Ulaanbaatar: ADMON, 2008. 448 p.

References

- Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' v 4-kh tomakh. Otv. red. Pyurbeev G. Ts. [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Edit. by G. Pyurbeev]. Moscow, Akademia Publ., vol. 1 (A–G), 2001, 520 p.; vol. 2 (D–O), 2001, 536 p.; vol. 3 (Ё–Ф), 2001,

- 440 p.; vol. 4 (X–Я), 2002, 532 p. (In Mong. and Russ.).
- Bayarsaykhan E. *Etnokul'turnaya leksika sovremennogo mongol'skogo yazyka* [Modern Mongolian: ethnocultural lexis]. Moscow, Institute of Linguistics (RAS) Press, 2002, 108 p. (In Russ.).
- Makhmud al-Kashgari. *Divan Luga tat-Turk. Perevod, predislovie i kommentarii Z.-A. M. Auezovoy* [Diwan Lughat al-Turk. Transl., foreword, and comment. by Z.-A. Auezova]. Almaty, Dyke-Press, 2005, 1288 p. (In Russ.).
- Drevnetyurkskiy slovar'* [An Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 677 p. (In Russ.).
- Kovalevsky O. *Mongol'sko-russko-frantsuzskiy slovar'. T. I, II, III* [Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 1. 2, 3]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1844, 594 p. (In Russ.).
- Kondratyev V. G. *Ocherk grammatiki drevnetyurkskogo yazyka* [A review of Old Turkic grammar]. Leningrad, Leningrad State Univ. Press, 1970, 65 p. (In Russ.).
- Mandzhikova B. B. *Tolkovyy slovar' kalmytskogo yazyka. Posobie dlya uchashchikhsya* [A Kalmyk definition dictionary (for students)]. Elista, Dzhangar Publ., 2002, 176 p. (In Russ.).
- Mongol nüüdelchdiyn taylbar tol'* [The Mongols: a definition dictionary of nomadic lifestyle]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2014, 611 p. (In Mong.).
- Mönkhsaykhan S. *Mongol khelniy khyatad garaltay üg* [Mongolian words of Chinese origin]. Ulaanbaatar, Soembo Printing, 2014, 238 p. (In Mong.).
- Kalmytsko-russkiy slovar'. Pod red. Munieva B. D.* [A Kalmyk-Russian dictionary. Edit. by B. Muniev]. Moscow, Russky Yazyk Publ., 1977, 768 p. (In Kalm. and Russ.).
- Mongol khelniy ikh taylbar tol'* [A big Mongolian definition dictionary]. Available at: <https://mongoltoli.mn/> (accessed: 10 November 2016) (In Mong.).
- Nyambuu Kh. *Mongol khuvtsasny tüükh. Tüükh, ugsaatny ziyn shinzhilgee* [A history of the Mongolian national costume. A historical and ethnographic study]. Ulaanbaatar, Mongolyn Suu Bilekten Publ., 2002, 400 p. (In Mong.).
- Mongol khelniy taylbar tol'* [A Mongolian definition dictionary]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2011, 1890 p. (In Mong.).
- Omakaeva E. U., Badgaev N. B. *Parnye slova i povtory v sovremennom mongol'skom yazyke* [Correlative words and repetitions in modern Mongolian]. Issledovaniya po sintaksisu mongol'skikh yazykov [Exploring the syntax of Mongolic languages]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center (USSR Acad. of Sc.) Press, 1990, pp. 163–171 (In Russ.).
- Poppe N. N. *Mongol'skiy slovar' Mukaddimat al-Adab* [Mukaddimat al-Adab Mongolian Dictionary]. Moscow, Leningrad; USSR Acad. of Sc. Press, 1938, 452 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Baoan'skiy yazyk* [The Bonan language]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 159 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Yazyk mongolov Vnutrenney Mongolii. Materialy i slovar'* [The language of Mongols of Inner Mongolia. Materials and a dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 276 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Yazyk mongolov Vnutrenney Mongolii. Ocherk dialektov* [The language of Mongols of Inner Mongolia. A review of dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 135 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Slovar' yazyka oyratov Sin'tszyana* [A dictionary of the language spoken by Xinjiang Oirats]. Elista, Kalmyk Book Publ., 2001, 493 p. (In Russ.).
- Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4* [Russian etymology dictionary. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Progress Publ., 1987, 864 p. (In Russ.).
- Tsoloo Zh. *Mongol khuvtsas khunaryn zarim neriyn tukhay* [About some names of Mongolian garments]. *BNMAU Shinzhlekh ukhaany akademiyn medee* (Bulletin of the MPR's Acad. of Sc.), No. 3 (120). Ulaanbaatar, Mong. Acad. of Sc. Press, 1991, pp. 94–104 (In Mong.).
- Buryat-mongol'sko-russkiy slovar'. Sost. K. M. Cheremisov, pod red. Tsydendambaeva Ts. B.* [A Buryat-Mongolian / Russian dictionary. Comp. by K. Cheremisov, edit. by Ts. Tsydendambaev]. Moscow, Foreign and National Dictionaries State Publishing House, 1951, 852 p. (In Bur. and Russ.).
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B»* [An etymology dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic stems beginning with the letter 'B']. Moscow, Nauka Publ., 1978, 349 p. (In Russ.).
- Lessing F. D. *Mongolian-English Dictionary*. University of California Press, 1960, 1217 p. (In Mong. and Eng.).
- Mongyol kelen-ü toli* [A Mongolian dictionary]. Hohhot, Inner Mongolia People's Publ. House, 1999, 3142 p. (In Mong.).
- Mostaert A. *Dictionnaire Ordos. Seconde edition* [Ordos Dictionary. 2nd ed.]. New York, London, Johnson Reprint Corporation, 1968, 951 p. (In Eng. and Mong.).

- Onlayn slovar' Mul'titran* [Multitran Online Dictionary]. Available at: <http://www.multitran.ru/> (accessed: 10 November 2016).
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht Publ., 2011, 563 p. (In Eng.).
- Ramstedt G. J. *Kamükisches Wörterbuch* [A dictionary of Kalmyk]. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1935, 560 p. (In Kalm. and Germ.).
- Rachewiltz I. Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University Bloomington Press, 1972, 347 p. (In Eng.).
- Shmidt Ya. *Mongol'sko-nemetsko-rossiyskiy slovar'* [A Mongolian-German-Russian dictionary]. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc., 1835, 615 p. (In Mong., Germ. and Russ.).
- Tserenpil D., Kullmann R. Mongolian Grammar. Ulaanbaatar, ADMON Publ., 2008, 448 p. (In Eng.).

УДК 811.512.3

ОБЩЕМОНГОЛЬСКАЯ ЛЕКСИКА РАЗДЕЛА «ОДЕЖДА И ОБУВЬ» В ХАЛХАСКОМ, БУРЯТСКОМ, КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКАХ

Анна Владимировна Мазарчук¹

¹ аспирант, отдел языков народов РФ, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: anja_av@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты исследования, проводимого в рамках проекта «Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков, сравнительно-исторический аспект)» (грант РГНФ № 16-24-03001 а(м)). Рассматриваются общемонгольские термины, обозначающие традиционные предметы одежды и обуви монголов. Подробно описаны слова *qubčasun* 'одежда', *debel* 'монгольский халат', *terlig* 'летний халат', *γutul* 'сапоги', *γutusun* 'унты' и другие лексические единицы соответствующей семантики, встречающиеся в монгольских языках и диалектах. Автор приходит к следующим выводам: 1) названия базовых предметов одежды и обуви чаще всего являются исконно монгольскими; 2) монгольским народам требовалось заимствовать иноязычные слова для обозначения новых, нетрадиционных предметов одежды, которые появлялись в их жизни (халх. *халаад* 'халат' (в русском понимании — например, банный)); 3) заимствование названий предметов одежды шло из языков народов, с которыми монголы контактировали: тюрков, русских, китайцев, тибетцев; 4) по мере того как новые виды одежды вытесняли прежние, в каждом языке происходило изменение семантики исконных слов: из-за наличия в калмыцком языке тюркского заимствования *бишмүд* семантическое поле калмыцкого слова *девл* не равняется семантическому полю халха-монгольского слова *дээл*.

Ключевые слова: монгольские языки, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, лексика, одежда, обувь.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 190–198, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-190-198
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.51

About the Amount and Nature of Turkic-Mongolian and Turkic-Tungusic Lexical Relations in a New Perspective: the Role of the Theory of Genetic Relationship of the Altaic Languages in the Identification of Ancient Language Contacts

Aleksey A. Burykin¹

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc), Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc), Leading Research Associate, Institute for Linguistic Studies of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: albury@mail.ru

Abstract. The article represents new facts concerning the problem of ancient language communications and facts confirming the interaction of Turkic languages with Mongolic and Tungus-Manchu ones. The paper shows that the words representing cultural lexicon of Turkic languages were repeatedly borrowed into both the Mongolic and Tungus-Manchu languages and dialects, and those were Turkic languages — many of them extinct nowadays — that were sources of such diverse loans. The materials under consideration constitute a new episode in studies of the mentioned interlingual relations. And when it comes to the description of lexical structure of Altaic languages in the historical and areal perspectives, the presented facts prove interesting both in terms of theory and practice. The paper concludes that all revealed patterns of the kind are characterized by some features as follows: 1) the words to be compared are beyond the systems of correspondences inherent to the comparative and historical phonetics of Tungus-Manchu languages, but match the Turkic system of correspondences exactly for the specific consonants — δ , ξ , z , j — and are somewhat congruent with the uncommon transformations of vowels typical, e.g., for the Chuvash language; 2) the vast majority of patterns revealed during the search of correspondences for the targeted Turkic roots show no significant semantic differences, otherwise their semantic divergences match the divergence processes to be witnessed in Turkic languages as such, etc. Together with the similar facts in these languages there are such forms of words which help us reconstruct the lexical units as elements of common Altaic lexicon. The article concludes that the goals of further studies of areal relations between Turkic, Mongolic and Tungus-Manchu languages should comprise systemization and linguo-geographic analysis of the facts mirroring elements of such extinct languages dated 3 000 years back (when the Tungus-Manchu group split up resulting in the divergence of the Turkic languages that were in contact with diffusing dialects of the Common Tungus-Manchu parent language), and, thus, deepening the prospects of Turkic studies by 1 700 years from the period of the earliest Turkic written monuments.

Keywords: Altaic theory, Turkic languages, Mongolic languages, Tungus-Manchu languages, areal relations, reconstruction, phonetic correspondence, loanwords, extinct languages.

Алтайская теория за всю более чем 150-летнюю историю своего существования никогда не составляла предмет контрверзы «общее происхождение языков или последствия языковых контактов и конгломерат заимствований». Изучение общеалтайского лексического фонда, по внешней форме укладываемого в системы фонетических соответствий между алтайскими языками (тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, позднее корейским и японским) и разнообразных и разнонаправленных лексических заимствований, по форме предсказуемо отклоняющихся от регулярных фонетических соответствий, на основе которых обосновывается родство алтайских языков, всегда составляли разные, хотя и связанные друг с другом задачи алтайской теории. Хорошо известно, что заимствованиями в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках занимались такие убежденные сторонники генетического родства алтайских языков, как Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, В. И. Цинциус и многие их коллеги за рубежом. Эти ученые и их единомышленники прекрасно отдавали себе отчет в том, что как раз на материале заимствований может осуществляться верификация самой общеалтайской реконструкции как отдельного продукта сравнительно-исторического изучения алтайских языков.

К 1980-м гг. стало ясно: алтайская теория не имеет альтернативы, хотя реконструкция архаического состояния алтайских языков не доработана; опровержение генетического родства алтайских языков бесперспективно, так как в этой области уже почти 100 лет нет и не видно положительных результатов, обосновывающих иные родственные связи хотя бы какой-то одной группы алтайских языков (до сих пор нет внятных альтернативных гипотез даже для корейского и японского языков). Ареальные связи живых языков — представителей отдельных групп алтайских языков и языков, документированных ранними письменными памятниками, — могут изучаться бесконечно, однако полученный в ходе таких исследований материал значим только для истории лексического состава отдельных языков, знакомых нам в перспективе их собственной истории, и более ни для чего не пригоден.

Логичным направлением развития алтайской теории был поиск более сложных фонетических соответствий между груп-

пами алтайских языков, нежели довольно тривиальные соответствия Г. Рамстедта и Н. Н. Поппе, основанный на тотальном позиционном анализе соответствий гласных — в анлауте, в первом слоге, в непервых слогах и в ауслауте, соответствий согласных — в анлауте, в инлауте, в преконсонантной и постконсонантной позициях и в абсолютном конце слова. При этом внимание уделялось не только материальным качественным соответствиям фонем, но и фактам отпадения начальных и конечных согласных и выпадения гласных непервых слогов и выпадения срединных согласных — тому, что демонстрируют в разной степени «новые», по С. Е. Малову, тюркские языки, монгольские языки Внутренней Монголии, тунгусо-маньчжурские языки Приамурья и современный корейский язык в сравнении с нормами корейской орфографии. Основные результаты этой работы, полученные автором, отражены в специальных публикациях [Бурыкин 1999; 2014; 2015].

Согласно уточнениям в общеалтайской реконструкции, соотношение лексических единиц тюркских и монгольских языков в зависимости от структуры корня в монгольских языках в итоге сводится к трем типам:

1) письм.-монг. **mösun* ‘лед’ ~ др.-тюрк. *büz* ‘лед’; письм.-монг. *qonin* ‘овца’ ~ др.-тюрк. *qoj* ‘овца’;

2) письм.-монг. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ ~ др.-тюрк. *jüz* ‘лицо’; письм.-монг. *kelberi*, монг. *хэлбэр* ‘форма, вид’ ~ др.-тюрк. *kep* ‘форма’, > монг. *хэв*; — доказуемый тюркизм.

3) письм.-монг. *deresün* ‘камыш’ ~ др.-тюрк. *jiz* < **jēz* ‘тростник’ [Бурыкин 2014: 25–26].

Ср. также монг. *хорхинцог* ‘стручок’ ~ татар. *кузақ* ‘стручок’ и др., сюда же попадает даже эвенк. *амсир* ‘горностай’ (< чукот. *эмчакокалгын* ‘горностай’) ~ тюрк. *as* ‘горностай’, монг. *büselegür* ‘поясница’ ~ дагур. *бэслэ:p* ‘поясница’ ~ тюрк. *bel* ‘поясница’ (производность монгольского слова значения не имеет, поскольку исторический морфемный состав тюркских односложных корней был и остается в рамках ортодоксальной тюркологии неясным, а все предположения в ее же рамках — гадательными).

Последняя группа примеров показывает, что в некоторых случаях в архаическом состоянии тюркских языков гласный второго слога подвергался синкопе, после чего образовавшиеся вторичные сочетания

согласных разделяли судьбу первичных сочетаний, т. е. бесследно утрачивали первый согласный.

Соответствия такого типа имеют колоссальное значение для алтаистики. Во-первых, они многократно увеличивают число выявляемых общеалтайских, в том числе монголо-тюркских, сходжений в лексике. Во-вторых, не являясь тривиальными и ожидаемыми для заимствований, они однозначно указывают на какой-то иной, нежели ареальные связи, вид отношений между тюркскими и монгольскими языками — и таким видом может быть только генетическое родство. В-третьих, как раз на фоне таких соответствий удастся неопровержимо, без остающихся сомнений, доказывать, что корреспонденции типа тюрк. *altun* ~ монг. *altan* 'золото' с тождеством сочетаний согласных представляют собой бесспорные заимствования. То же касается и слов типа монг. *цэцэг* — тюрк. *čečäk* 'цветок', монг. *тахья* — тюрк. *taqiq* 'курица' при наличии в других группах языков форм с сочетанием согласных внутри слова, ср. корейск. *та(л)к* 'курица'.

Как известно, тюркские языки имеют относительно небольшое число согласных, дающее нетривиальные соответствия по отдельным языкам, — это интердентальный *ɖ*, согласные *z* и *ʒ*, в отдельных случаях согласный *s*, а также начальный *j*. Эта особенность тюркских языков позволяет обобщить корневые и аффиксальные морфемы с этими согласными (например, по древнетюркскому словарю или словарю Э. В. Севортяна) и начать поиски проявлений таких же корней и суффиксов в статусе общеалтайских лексем и в качестве заимствований из тюркских языков в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках. Подобная задача, во-первых, должна была увеличить число тюркских заимствований и разнообразить их репертуар, во-вторых, она должна была служить средством верификации самой предлагаемой общеалтайской реконструкции. В-третьих, анализ материала при определенных условиях мог бы вскрыть характеристики тюркских языков — источников таких заимствований, указав на былые ареалы их распространения. Наконец, в-четвертых, мы получили бы возможность подсчитать число исчезнувших тюркских языков, от которых остались лишь заимствования в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Разберем некоторые примеры.

I. Тюрк. *ед* 'вещь'

Древнетюркский корень *ed*, *ed* 'вещь, имущество, богатство' [ДТС: 162, 164], в реконструкции Э. В. Севортяна — ИЙ- [Севортян, 1: 329–330] достаточно хорошо документирован. В словаре Э. В. Севортяна он подается как гомогенный с тюркской лексемой *idi* 'хозяин, владелец, обладатель' [ДТС: 203], *iDi* 'господин (о боге)' [ДТС: 203], *ige* 'хозяин дух, божество' [ДТС: 204], *ije* 'хозяин, господин (о боге)' [ДТС: 205] (см. [Севортян, 1: 237–241] — с реконструкцией ЕЙЕ): «С ий- гомогенно также турецкое диалектное *ez* 'хозяин', 'владелец'. <...> Оно образует морфо-семантическое звено между рассматриваемой основой и ей, *eze*, и т. д. 'хозяин', 'владелец' [Севортян, 1: 330]; «семантически ей гомогенно с *ad* 'имущество, добро, благо'» [Севортян, 1: 240].

Оба слова, как отмечено у Э. В. Севортяна, сопоставляются соответственно с монг. *ed* 'вещь, имущество' [Севортян, 1: 330] и монг. *ezen* 'господин, хозяин' [Севортян, 1: 240].

Тезис о тождестве корней слов «имущество» и «хозяин, владелец», конечно, был бы допустим с точки зрения какой-нибудь палеосемантики 80-летней давности, сейчас он выглядит более чем сомнительным, и первый вопрос, который тут хочется задать, — почему тогда Э. В. Севортян дает разную огласовку для форм тюркских корней, которые он считает гомогенными? Какие-либо доказательства общего происхождения этих форм отсутствуют. Как для тюркских, так и для монгольских фактов — для тюркских примеров необъяснима производность формы *idi* в сравнении с *ed*, для монгольских — наличие согласного *z* вместо *d* в середине слова перед гласным *e*, который не восходит к *i* (формы с *i* во втором слоге не засвидетельствованы для монгольских языков). Предположение о том, что обе монгольские формы имеют тюркское происхождение, было бы вполне корректным, но оно не покрывает всего множества фактов, связываемых с рассматриваемыми тюркскими лексемами.

В монгольских языках выявляется целый ряд слов со значением «имущество»: 1) АГУУРС I 'вещи, имущество, пожитки, скарб, достояние'; *эд агуурс* 'вещи, имущество, пожитки, скарб'; 2) АДАЛ II: *адал мал* 'скот, стадо; имущество (как собственность)'; 3) ЗЭСЛЭГ 'имущество, ресурсы, все, что необходимо для удовлетворения

потребностей'; 4) УУРС I 'имущество; утварь; вещи, пожитки, скарб, достояние; эд уурс хорш. имущество; утварь, пожитки'.

Первая форма АГУУРС, давшая даже парное слово с тождественными по семантике компонентами, возводима к *ag* — одной из возможных модификаций тюркского корня *ed* с перегласовкой и переходом интердентального $\delta > g$ (возможно, через стадию *j* или через стадию $z \sim s$). Правая часть — суффиксальные элементы — содержит показатель множественности. Форма УУРС является какой-то модификацией этой же самой формы, в которой заднеязычный интервокальный *-g-* подвергся контракции.

Вторая форма демонстрирует нам перегласовку корня по заднему сингармоническому ряду даже без изменений согласного. Компонент *-al* может представлять собой собирательный суффикс — обращаем внимание на его материальное совпадение с показателем множественного числа *-l* в тунгусо-маньчжурских языках.

Третья форма, в правой части которой находится суффикс вторичной субстантивации *-лэг*, по законам исторической фонетики тюркских языков выводима из формы ***jeδ* с известными переходами $j > dz$ и $\delta > z \sim s$, хотя у Э. В. Севортяна наличие протетического *j-* в начале слова предполагается только для корня *еие* [Севортян, 1: 238].

В свете наших наблюдений логичным будет предположение, что среди монгольских названий со значением «вещь, имущество» заимствована из тюркских языков не только форма *эд* ~ *ed*, но и другие формы, АГУУРС, АДАЛ, ЗЭСЛЭГ, хотя заимствованный характер этих форм не столь очевиден, поскольку они, очевидно, восходят к каким-то ныне не существующим тюркским языкам.

Примеры, аналогичные наблюдаемым нами монгольским проявлениям тюркского *ед* 'вещь, имущество', имеются и в тунгусо-маньчжурских языках:

1) эвенк. *эт* 'товар', сол. *эдэ* 'вещь, имущество' [ССТМЯ, 2: 469] — при солонской форме стоит помета < мо, но форм с конечным гласным в монгольских языках нет. Форма *эт* 'товар' заимствована из монгольского языка или из языка, близкого к якутскому;

2) эвенк. *ати* 'товар' [ССТМЯ, 1: 58] < якут. *атыы*. Очевидное якутское заимствование определяется по перегласовке слова по заднему сингармоническому ряду;

3) эвенк. *идэгэ*: 'вещь, предмет, скарб,

деньги' [ССТМЯ, 1: 298]. Форма аналогична тюркским образованиям *edgü, ejgi*, приводимым Э. В. Севортяном [Севортян, 1: 329], но более архаична, так как сохраняет срединный гласный;

4) эвенк. *аннга*: 'предмет, вещь, утварь, одежда' [ССТМЯ, 1: 43]. Переход огласовки в заднерядную наблюдается во множестве проявлений данного корня в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, на месте заднеязычного, видимо, находился согласный $g < *δ$;

5) эвенк. *учарук* 'коробка берестяная женская' [ССТМЯ, 2: 296]: образование с суффиксом вместилищ *-рук* от основы *уча-* с лабиализацией начального гласного и согласным *-ч-* на месте интердентального (не менее шести случаев таких рефлексов интердентального замечено в маньчжурском — *хучин* 'колодец', *гэчулэхэ* 'одежда' и др.);

6) эвенк. *ирги-* 'вскормить' (< **идги-*) ~ ульч. *узи(н)* 'хозяйство, скот', орок. *узи(н)* 'скот', нан. *узи(н)* 'скот', ма. *узин* 'домашний (о рабе, животном)' [ССТМЯ, 1: 325–326];

7) ма. *хэтхэ* 'имущество' [ССТМЯ, 1: 483]. Начальный согласный, вероятно, протетический: история изолированных форм с начальным *х-* в маньчжурском не вполне ясна. (Возможно, протеза перед слогом со спирантом, позднее диссимилировавшимся);

8) орок. *ойоско* 'вещь, имущество, инвентарь' [ССТМЯ, 2: 9].

С меньшей степенью достоверности к проявлениям того же тюркского слова в тунгусо-маньчжурских языках можно отнести следующие тунгусо-маньчжурские лексемы: 1) нег., ороц., уд., ульч., нан., ма. *ото(н)* 'посуда деревянная, блюдо, корыто' [ССТМЯ, 2: 28]; 2) эвенк. *усэ* 'оружие' [ССТМЯ, 2: 292];

Слова с семантикой «посуда» и «оружие» — гипонимы к значению «имущество». Характерная особенность сопоставления рассматриваемого материала, как и во многих других проявлениях тюркских лексем, имеющих разные источники, в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках — полное отсутствие каких-либо морфологических трудностей.

В качестве тунгусо-маньчжурского архетипа, позволяющего видеть в тюркском *ед* 'имущество, вещь' общеалтайский корень, очевидно, выступает ульч. *анзу-/и-* 'делать, строить', орок. *анду* 'изделие, вещь' [ССТМЯ, 1: 43], в которой присутствует префонемный *-н-*. Это и позволяет счи-

тать данные лексемы более архаичными по форме, нежели односложные формы и двусложные формы с одним инлаутным согласным, и рассматривать их как самые близкие к общеалтайской праформе.

Любопытно, что данный корень присутствует и в нивхском языке. Ср. нивх. *ес*, вост.-сах. *верш* ‘товар’. Междialeктные соответствия амурск. *с* ~ вост.-сах. *рш* появились на собственно нивхской почве при распаде нивхского языка на амурский и восточносахалинский диалекты. Источником нивхской формы с *с* едва ли могла быть форма с переднеязычным *д* (как в монгольском) — скорее всего, нивхское *ес* ‘товар’ заимствовано из какого-то иного тюркского языка, нежели монгольское *ед* ‘вещь’.

II. Тюрк. *иді* ‘хозяин, владелец, обладатель’

В словаре Э. В. Севортяна эта лексема подается как гомогенная с тюркской лексемой *иді* ‘господин (о боге)’ [ДТС 203], *иге* ‘хозяин, дух, божество’ [ДТС 204], *ije* ‘хозяин, господин (о боге)’ ([ДТС 203, 204, 205], см. [Севортян, 1: 237–241]) — с реконструкцией *ейе*: Э. В. Севортяном указана общепринятая монгольская параллель к этому слову — монг. *езеп* ‘господин, хозяин’, а также ‘дух-хозяин, божество’.

Как уже отмечалось, для монгольского *езеп* необъяснимо наличие согласного *з* вместо *д* в середине слова перед гласным *е*, который не восходит к *i*:

1) монг. ЭДЭН ‘вампир’ (БАМРС) также, вероятно, тюркизм;

2) монг. АРИУН 1. ‘священный, святой, неприкосновенный’; *ариун аймаг* түүх. ‘святая земля (о Палестине)’; *ариун нандин* ‘священный, святой, неприкосновенный, заветный, сокровенный, душевный’ ср. тюрк. *arig* ‘чистый, нравственно безупречный’, ‘истинный, праведный, священный, святой’ ([ДТС 51–52, Севортян, 1: 184–186]). Пара слов монг. *ариун* ~ тюрк. *arig* вполне могла бы рассматриваться как общая лексема общеалтайского фонда (аусллаутный комплекс *-un* в тюркском должен был отпасть) — впрочем, так и может быть, если бы не подозрительная похожесть корня, ныне настояраживающая и побуждающая предполагать в подобных случаях факты заимствования. Возможно, перед нами раннее междialeктное заимствование для пратюркских диалектов и ранний тюркизм в монгольском. Показательно сужение значения форм монг. *ариун* ~ тюрк. *arig* в сравнении с тюрк. *идуq* ‘священный’;

3) Монг. *яндаг* (*jandag*) ‘святой-пресвятой’. Судя по суффиксу, слово для монгольских языков выглядит как исконное, поствокальное *-n* указывает на большую древность формы.

Тунгусо-маньчжурские проявления тюркского *иді* довольно разнородны, но диапазон их значений в общем соответствует разным значениям тюркской лексемы:

1) эвенк. зап. *эксэри* ‘бог’, ороч. *экунэн* ‘дух леса’, ‘душа умершего человека’ [ССТМЯ, 2: 444];

2) сол. *эндури* ‘всевышний’, нег., ороч. *эндури* ‘бог-хозяин неба’, ульч., нан. *эндури* ‘бог’, ма. *эндури* ‘дух, высшее существо’ [ССТМЯ, 2: 453], сравнение с монг. *öndür* ‘высокий’, видимо, ошибочно или отражает очень древнее состояние семантики (мелкие духи-хозяева Среднего мира явно не назывались «высшими»).

Два слова — названия высшего божества, а также духов-хозяев стихий (неба, леса) — на тунгусо-маньчжурской почве явно несводимы к одной форме, вместе с тем трудно предполагать их гетерогенность. Финальный компонент *-эри* ~ *-ури*, вероятно, тот же, что и в тюркском и монгольском *tenggri*, ср. др.-тюрк. *tengäk* ‘воздух, небо’ [ДТС 532], *tängri* ‘небо, бог’ [ДТС 544], объясненное Б. И. Татаринцевым как *teng-äri* ‘владыка неба’ [Татаринцев 1984, 73–84; Татаринцев 2009]. Если наши предположения верны, данные примеры чрезвычайно важны и интересны для определения относительной хронологии фонетических и морфологических явлений в тюркских языках. Финальная часть этих форм показывает вполне сложившуюся поссессивную парадигму с показателем 3 лица *-i*, однако внутри слова сохраняется сочетание согласных или согласный *ng*, давший в разных языках разные рефлексy при заимствовании. Форма *эксэри* с согласным *с*, очевидно, указывает на интердентальный (а не на смычный, как можно было бы полагать по форме *эндури*) в языке-источнике.

Имеются еще единичные проявления этого же слова в его религиозно-культовых значениях: 1) нан. *амзиа* ‘название божка — одного из шаманских духов’ [ССТМЯ, 1: 37]; 2) ульч. *ундалау* ‘название идола’ [ССТМЯ, 2: 273]; 3) эвен. *эркэн* ‘талисман’ [ССТМЯ, 2: 465]: к семантике ср. эвен. *хэвкичэн* ‘талисман’, букв. ‘божок’. Последняя форма, как и межгрупповая корреспонденция *ариун* ~ *arig*, содержит форму с *p* на

месте интердентального δ — заметим, что такие формы привлекали внимание специалистов значительно меньше, чем формы с соответствием $z \sim r$; 4) нан. *ага* ‘название божка-покровителя охоты’ [ССТМЯ, 1: 11]; 5) эвенк., нег. *оге:нга:*, ульч. *оги:нга:* ‘злой дух’ [ССТМЯ, 2: 5]; корреспонденции интердентального и заднеязычных согласных уже понятны; 6) уд. *огзо* ‘злой дух’ [ССТМЯ, 2: 5]; лабиализация гласного ε в удэгейском наблюдается часто, поствокальный z — одна из стадий утраты былого n или ng ; 7) эвенк. *арингка* ‘злой дух’, эвен. *арингка*, нег. *айи* ‘дух гор’, нан. *ари* ‘идол’, ма. *ари* ‘злой дух’ [ССТМЯ, 1: 25]; 8) ма. *ил-зэхэдэо* ‘дух-губитель’ [ССТМЯ, 1: 308]. На фоне других лексем поствокальное l может быть эпентетическим. Формы с $-p$ ожидаемы для рефлексов $*\delta$ в интервокальной позиции (в других позициях ротацизм невозможен).

Вероятно, еще одним фонетическим и семантическим вариантом того же корня являются и следующие слова:

1) ульч., нан. *энзэхэ* ‘способность’, ма. *энчэхэн* ‘способность’ [ССТМЯ, 2: 454]. Трудно считать эту лексему общетунгусо-маньчжурской, поскольку и ульчская, и нанайская лексемы могут быть заимствованы из маньчжурского, однако наличие (т. е. сохранение) поствокального n - в данном случае весьма важно.

Потестарные социальные значения, не выделенные как самостоятельная семантическая единица у Э. В. Севортяна и подведенные под первое значение ‘хозяин’ [Севортян, 1: 239], присутствуют в следующих тунгусо-маньчжурских лексемах, для которых можно предполагать тюркское происхождение.

2) эвенк. и др. *эди* ‘муж’ [ССТМЯ, 2: 437 и сл.] — примечательно, что форма *эдингкэму* ‘муженек мой’, встречается в эвенском эпосе, но не в обиходной речи. Форма *эзэн* ‘хозяин’, помещенная в одну статью ССТМЯ с формой *эди*, явно заимствована из монгольских языков, в особенности на фоне форм *эндური* и *эксэри*.

3) ма. *эйгэн* ‘муж’ [ССТМЯ, 2: 440]. Эта форма не может считаться гомогенной на тунгусо-маньчжурском уровне с эвенк. *эди* и имеет какой-то иной источник — возможно, тот же язык, из которого заимствовано внешне похожее ма. *эйхэн* ‘осел’.

4) нег. *хэнтэ* ‘хозяин медведя’, ороч. *хэнтэ* ‘человек, убивший медведя’, уд. *хэн-*

тэ ‘хозяин’ [ССТМЯ, 1: 481]. Непонятно наличие начального x - в тех языках, где его не должно быть ни таксономически (рефлекс $*x$ - или $*k$ в южнотунгусских языках), ни тем более этимологически: в самом крайнем случае этот x - окажется ожидаемым рефлексом тюркского протетического y -.

5) Эвенк. подкам.-тунг. *этэг* ‘вождь военный’ [ССТМЯ, 2: 470] — в последнем случае в толковании ошибка, у тунгусов военный вождь не являлся носителем власти в мирное время. Форма заимствована из языка, рефлекс корня в котором ожидаемы для якутского языка ($\delta > t$).

Вероятно, дериватом от потестарной семантики этого же слова является следующее: ма. *адунг’а-* ‘притеснять, прижимать, угнетать, мучить, изнурять’ [ССТМЯ, 1: 16].

Еще одна группа проявлений-рефлексов того же тюркского корня приходится на названия хищных животных, вероятно, вследствие табуирования их именований и их замены потестарно маркированным социальным термином: 1) эвенк. *утингэ* ‘волк’ [ССТМЯ, 2: 294]; 2) ороч. *окс’а* ‘волк’ [ССТМЯ, 2: 10]; 3) эвенк. *е:дар* ‘косатка’, нег. *эдэн* ‘косатка’, ульч., орок. *эдэ(н)* ‘косатка’ [ССТМЯ, 1: 289]; 4) нег. *о:дан* ‘косатка’ [ССТМЯ, 2: 6]; 5) эвен. *очэтэлкэн* ‘косатка’ [ССТМЯ, 2: 30]; (В приводимых примерах в ССТМЯ всюду «касатка», но понятно, что авторы ССТМЯ ошиблись и речь идет о хищном морском млекопитающем). К семантике ср. ороч. *наму эзэни*, ульч. *наму эдэни* ‘косатка’ (= ‘хозяин моря’: [ССТМЯ, 1: 490]). Диапазон отражений интердентального δ в языках-реципиентах и языках-источниках не выходит за пределы ожидаемого и известного по фактам самих тюркских языков и заимствований из тюркских языков разных формаций в другие языки; 6) уд., ульч., орок., нан. *онгдо* ‘росомаха’ [ССТМЯ, 2: 21]; возможно сюда же эвенк. *о:наки:*, эвен. *о:на:ки:* ‘росомаха’ [ССТМЯ, 2: 18]. На месте сев.-тунг. $-n$ - южн.-тунг. $-nd$ - реконструируется группа $*-nr$ -, соответствующая согласному $-p$ - в монгольских и тюркских языках: ср. эвенк. *ко:ннго:рин* ‘черный’ — монг. *хар*, тюрк. *qara* ‘черный’.

Предположительно сюда же относится подходящее по форме название выпя: эвенк. *очоки*, нег. *эчэхи* ‘выпь’ [ССТМЯ, 2: 29].

Во всех случаях разброс форм слов с тождественной семантикой — волк, косатка, росомаха — похоже, указывает на заимствованный характер лексем, источник которых ранее не определялся.

Как отмечено у Э. В. Севортяна, у якутского *иччи*, признаваемого как отражение общетюркского *idi* (хотя закономерность такого отражения указывает для вторичный характер лексемы для якутского: ср. якут. *ытык* ‘священный’), имеем дело или с ранним монголизмом, или с тюркским междиалектным заимствованием, поскольку обычным отражением интердентального *δ* в якутском является *-m-* имеются еще два связанных друг с другом значения: ‘содержимое, сущность, внутренняя таинственная сила?’, ‘зародыш, тельце в яйце’ [Севортян, 1: 240]: 1) нег. *агди*, ороч. *агда* ‘оболочка околоплодная’ [ССТМЯ, 1: 13]; 2) орок. *эсэрэй* ‘беременная’ [ССТМЯ, 2: 468]; 3) эвен. арманск. *укси* ‘беременная’ [ССТМЯ, 2: 253]; 4) ороч. *уси*, *ульч.*, *нан.*, *ма. усэ* ‘семя’ [ССТМЯ, 2: 290]; 5) эвенк. *урул* ‘зародыш’ [ССТМЯ, 2: 287, статья *уру* ‘родня’].

Любопытно, что и в этой группе примеров мы встречаем такое же варьирование гласных, какое наблюдается в других примерах, привлекающих наше внимание (см. ниже), и примеры с сочетанием согласных, соответствующим интервокальному интердентальному общетюркскому состоянию, и выглядящих если не как общеалтайские, то, по крайней мере, как пратюркские формы. Наблюдается сходство рядов соответствий согласных, отвечающих диапазону рефлексов интердентального *D*, включающего и ротирующие проявления интердентального.

За пределами тунгусо-маньчжурских языков лексема со значением ‘хозяин, господин, владыка’ зафиксирована в следующих примерах: нивх. амурск. *ыс* ~ вост. сах. *ызнг* ‘хозяин’, ‘косатка (морское животное)’, *тол ыс* ‘морской хозяин’.

Обращает на себя внимание тождественность нивхских соответствий тюркскому интердентальному *δ* в виде *с* в амурском диалекте нивхского языка, но наличие *з* (вместо ожидаемого *р*) в форме *ызнг* восточно-сахалинского диалекта. Судя по всему, наличие разных гласных в нивхских словах (ср. *ес* ‘вещь’ и *ыс* ‘хозяин’) окончательно «добивает» исходную идею о тождественности корня этих слов в тюркских языках. Вместе с тем ср. др.-тюрк. *идиқ* ‘священный, святой’ [ДТС: 217], вероятно, имеет общий корень с рассматриваемым словом. Чукотск. *этын*, мн. ч. *этынвыт* ‘хозяин (животного, собаки, оленя)’. Обращает на себя внимание характер рефлекса интердентального *δ* в этом слове, прогнозируемый для якутского язы-

ка, при отсутствии, однако, такой формы в якутском языке. Спецификация семантики чукотской лексемы побуждает видеть в ней один из самых поздних вариантов значения данного слова.

Теоретически возможно, что отражением этого же корня является чукотск. *эрым* ‘начальник, глава’, *эрмэчын* ‘силач, богатырь’, ‘глава, предводитель’ — для отождествления этих слов и других лексем с рассматриваемым тюркским корнем нет ни фонетических, ни морфологических препятствий, а число слов с согласным *-р-* на месте интердентального постоянно увеличивается.

Для нивхских и чукотских лексем заимствование таких форм, как *ыс* и *этын* соответственно, из тунгусо-маньчжурских языков крайне маловероятно. Похоже, что эти слова имеют своими источниками разные тюркские языки.

Как показывают приведенные выше примеры, проявления тюрк. *idi* ‘господин’ в монгольских, тунгусо-маньчжурских и соседствующих с ними языках имеют гораздо больший объем, нежели предполагалось ранее [Менгес 1976].

Рассматриваемый здесь материал — а примеры подобных гнезд-слов в тунгусо-маньчжурских языках, не имеющих связей внутри своей языковой группы, довольно многочисленны, в монгольских же языках присутствуют, хотя и не привлекали внимания — составляет новый сюжет в исследовании тюрко-монгольских и тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурских языковых связей. Эти факты интересны как в теоретическом отношении, так и в практике описания лексического состава алтайских языков в исторической и ареальной перспективе. Можно указать, что все выявляемые примеры такого рода характеризуются следующими особенностями:

1) сопоставляемые слова не укладываются в системы соответствий сравнительно-исторической фонетики тунгусо-маньчжурских языков, но отвечают системе соответствий для тюркских языков как раз для тех согласных, которые показывают нетривиальные корреспонденции — *δ*, *š*, *з*, *ж* — и проявляют черты сходства с нетривиальными изменениями гласных, характерными, например, для чувашского языка;

2) подавляющее большинство примеров, выявляемых при поисках соответствий для интересующих нас тюркских корней, не показывают глубоких различий в семан-

тике, либо их семантические дивергенции соответствуют тем дивергенционным процессам, которые наблюдаются и в самих тюркских языках;

3) подобные примеры по существу не требуют комментариев с точки зрения морфологии или словообразования: в редких случаях слова содержат тюркские формы словообразовательных суффиксов;

4) в массивах сопоставляемых лексем обязательно обнаруживаются лексические единицы, которые по своей форме отвечают общеалтайским реконструкциям — в рассмотренных примерах это формы с сохраняющимися сочетаниями согласных в тунгусо-маньчжурских примерах. Существенно, что для подобных примеров характерна единичность, что исключает случайный характер их сопоставления, в то время как число форм, идентифицируемых как заимствования, не ограничено в количественном аспекте и по существу не ограничено и в плане формальных дивергенций слов, соответствующих числу тех тюркских языков, с которыми в прошлом контактировали монгольские и тунгусо-маньчжурские языки.

Систематизация и лингвогеографический анализ этих фактов, отражающих исчезнувшие тюркские языки, которые отстоят от нас на 3 000 лет (датировка времени распада тунгусо-маньчжурской группы, определяющая дивергенции тюркских языков, находившихся в контакте с расходящимися диалектами общетунгусо-маньчжурского праязыка), и углубляющих на 1 700 лет перспективы изучения тюркских языков по сравнению с древнейшими тюркоязычными письменными памятниками, составляют задачи дальнейших исследования ареальных связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Заметим в заключение, что все исследования в этой области подтверждают не только факт генетического родства этих языков в рамках алтайской семьи, но и тот вариант общеалтайской реконструкции, которого придерживается автор в своих исследованиях.

Сокращения

алт. — алтайский (ойротский), бур. — бурятский, др.-тюрк. — древне-тюркский, зоол. — зоологический, калм. — калмыцкий, кит. — китайский, корейск. — корейский, ма. — маньчжурский, мо. — монгольский, нан. — нанайский, нег. — негидальский, общетюрк. — общетюркский, орок. — орокский, ороц. — ороцкий, п.-мо. — письменно-монгольский, сол. — солонский,

т. ма. — тунгусо-маньчжурский, тат. — татарский, тюрк. — тюркский, тув. — тувинский, уд. — удэгейский, ульч. — ульчский, чж. — чжурчженский, чуваш. — чувашский, чукотск. — чукотский, эвенк. диал. — эвенкийский диалектный, эвен. диал. — эвенский диалектный, якут. — якутский.

Литература

- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ё–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001; Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Бурыкин А. А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований // История развития монгольских языков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 19–42.
- Бурыкин А. А. О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки // Вестник угроведения. 2014. № 4 (19). С. 21–33.
- Бурыкин А. А. Методы сравнительно-исторического языкознания, алтайская теория и тюрко-монгольские языковые связи (Реплика на статью В. И. Рассадина) // Урало-алтайские исследования. 2015. № 4(19). С. 93–105.
- ДТС — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, Ленинградск. отд., 1969. 677 с.
- Менгес К. Г. Тюркское *Idl* «господин», некоторые его рефлексy в тюркских языках и параллели в других языковых семьях // *Turcologica*—1976. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1976. С. 101–110.
- Севортян, 1 — Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. М., 1975–2003. Т. 1. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 304 с.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 673 с.; Т. 2. Л.: Наука, 1977. 992 с.
- Татаринцев Б. И. О происхождении тюркского названия неба (тенгре) и его соответствий // Советская тюркология. 1984. № 4. С. 73–84.
- Татаринцев Б. И. Избранные научные труды. Кызыл: Тываполиграф, 2009. 287 с.

References

- Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' v 4-kh tomakh. Otv. red. Pyurbeev G. Ts.* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Edit. by G. Pyurbeev]. Moscow, Akademia Publ., vol. 1 (A–Г), 2001, 520 p.; vol. 2 (Д–О), 2001, 536 p.; vol. 3 (Ө–Ф), 2001, 440 p.; vol. 4 (Х–Я), 2002, 532 p. (In Mong. and Russ.).
- Burykin A. A. *Rol' mongol'skikh yazykov dlya altaisticheskikh issledovaniy* [The Role of Mongolic languages in Altaic studies]. *Istoriya razvitiya mongol'skikh yazykov* (The Mongolic languages: history of development). Ulan-Ude, Buryat Scientific Center (Sib. Branch of the RAS) Press, 1999, pp. 19–42 (In Russ.).
- Burykin A. A. *O vzaimnom sootnoshenii otdel'nykh grupp altayskikh yazykov i ob otnositel'nom ob"eme izmeneniy v otdel'nykh gruppakh altayskikh yazykov: «drevnie», «novye», i «noveyshie» altayskie yazyki* [About a mutual relation of separate groups of the Altaic languages and about the relative amount of changes in separate groups of the Altaic languages: 'ancient', 'new' and 'latest' Altaic languages]. *Vestnik ugrovedeniya* (Bulletin of Ugric Studies), 2014, No. 4 (19), pp. 21–33 (In Russ.).
- Burykin A. A. *Metody sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznanii, altayskaya teoriya i tyurko-mongol'skie yazykovye svyazi (Replika na stat'yu V. I. Rassadina)* [Methods of comparative linguistics, the Altaic theory and Turko-Mongolic language relations]. *Uralo-altayskie issledovaniya* (Ural-Altaic Studies), 2015, No. 4(19), pp. 93–105 (In Russ.).
- Drevnetyurkskiy slovar'* [An Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 677 p. (In Russ.).
- Menges K. G. *Tyurkskoe Idi «gospodin», nekotorye ego refleksy v tyurkskikh yazykakh i paralleli v drugikh yazykovykh sem'yakh* [The Turkic Idi 'Master', some of its reflexes in the Turkic languages and parallels in other language families]. *Turcologica-1976*, Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 101–110 (In Russ.).
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Vol. 1. Common Turkic and inter-Turkic stems beginning with vowels]. Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. V 7 t.* [An etymology dictionary of Turkic languages. In 7 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 768 p. (In Russ.).
- Serebrennikov B. A., Gadzhieva N. Z. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [A comparative grammar of Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 304 p. (In Russ.).
- Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. otv. red. V. I. Tsintsius* [A comparative dictionary of Tungus-Manchu languages. Edit. by V. I. Tsintsius]. Leningrad, Nauka Publ., vol. 1, 1975, 673 p.; vol. 2, 1977, 992 p. (In Manchu and Russ.).
- Tatarintsev B. I. *O proiskhozhdenii tyurkskogo nazvaniya neba (tengre) i ego sootvetstviy* [About the origin of the Turkic word denoting the sky (tengre) ...]. *Sovetskaya tyurkologiya* (Soviet Turkology), 1984, No. 4, pp. 73–84 (In Russ.).
- Tatarintsev B. I. *Izbrannye nauchnye Trudy* [Selected scholarly works]. Kyzyl, Tyvapoligraf Publ., 2009, 287 p. (In Russ.).

УДК 811.51

ОБ ОБЪЕМЕ И ХАРАКТЕРЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКО-ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В НОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: РОЛЬ ТЕОРИИ РОДСТВА АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Алексей Алексеевич Бuryкин¹

¹ доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: albury@rambler.ru

Аннотация. Статья представляет новые факты, относящиеся к проблеме древних языковых связей и фактов взаимодействия тюркских языков с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Автор показывает, что слова, представляющие культурную лексику тюркских языков, многократно заимствовались в монгольские и тунгусо-маньчжурские языки и диалекты, и источниками этих заимствований были различные, часто не дошедшие до нас тюркские языки. Вместе с подобными фактами в этих языках имеются такие формы слов, которые позволяют реконструировать эти лексические единицы как элементы общеалтайской лексики.

Ключевые слова: алтайская теория, тюркские языки, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, ареальные связи, реконструкция, фонетическое соответствие, заимствования, исчезнувшие языки.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 199–205, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-199-205
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.3

Zoonyms in Personal Names of Kalmyks and Chinese

Aliya Kh. Korneeva¹

¹ Postgraduate Student, Department of Kalmyk Language, Mongol and Altaic Studies, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: bekmuratova_ah@mail.ru

Abstract. Proceeding from Kalmyk- and German-language materials collected through continuous sampling from diverse corresponding dictionaries, the article provides a comparative study of zoonyms which are one of the most underinvestigated categories of onomastics. The conducted analysis testifies that in Kalmyk there are more zooanthroponyms connected with domestic animals, their age, gender, and color properties than there are in Chinese. This is due to the fact that the traditional economy practiced by the Kalmyks up to the early 20th century had been nomadic livestock breeding. Personal and family names stemming from terms to denote gender and age features of animals, or names of animals untypical for the Central Asian fauna, prevail among Kalmyk zoonyms, while in Chinese no such trends have been traced. The animal age and gender identification system developed by the Kalmyks — nomadic livestock breeders — was more elaborated than that of the sedentary Chinese. Many of the Kalmyk zooanthroponyms had actually been nicknames parents used to give to their children according to certain traditional religious beliefs. The trend to give zoonymic names has almost disappeared among the Kalmyks, and nowadays can be basically traced in family names. The number of zooanthroponyms among Chinese personal and clan names is much lower which is to the sedentary way of life of the nation. The Chinese anthroponyms contain no gender and age differentiating characteristics, names of wild animals, and animals geographically untypical for the territory of China as such. However, Chinese family names may contain names of mythical beings, and a number of Chinese hieroglyphs have retained zoonymic graphic elements since most ancient times.

Keywords: zoonyms, zooanthroponyms, personal names, names of animals, Kalmyk language, Chinese language.

Традиция давать людям имена по наименованию различных животных появилась очень давно. Наблюдая за животными, замечая их особые качества, такие как сила, быстрота, ловкость, выносливость, люди пытались перенести их на своих собратьев, веря, что имя, данное по названию животного, наделит их качествами, схожими с этими характеристиками этих животных. Другие характеристики животных, вызывавшие

неприятие или отторжение социума, такие как трусость, упрямство, жестокость, послужили основой для создания кличек людей, имевших сходные черты характера. В свою очередь, тех животных, которые жили рядом с человеком, были близки и полезны в его быту и хозяйстве, стали называть особыми кличками, определяемыми в ономастике как зооним. Однако понятие зооним определяется не только как кличка живот-

ного. Вообще говоря, зоонимическая лексика является одним из малоизученных пластов ономастики, что связано, прежде всего, с проблемой нечастой фиксации зоонимов и их исчезновением вместе со смертью того, кто являлся их носителем. Существует два определения зоонима: широкое и узкое. Согласно широкому определению, под зоонимами понимаются все слова, связанные с животным миром (кликки, названия частей тела, производные от их названий, предметы, связанные с жизнедеятельностью животных). Узкое определение подразумевает лексические единицы, объединенные понятием «кликка животного» [Соколова 2014]. В настоящей работе мы используем понятие зооним в его широком смысле, что, прежде всего, связано с социолингвистическими и этнолингвистическими факторами, оказавшими влияние на развитие сравниваемых языков, особенностями исторического развития двух народов, а также различными типами морфологической структуры калмыцкого и китайского языков, зооантропонимы которых будут рассматриваться в настоящей статье.

Как отметил специалист по калмыцкой ономастике М. У. Монраев, имена собственные, являясь «своеобразным компонентом национальной культуры», отражают особенности жизни и быта народа [Монраев 2012: 3]. Калмыки — народ, в течение длительного периода национальной истории кочевавший и занимавшийся кочевым скотоводством. Хотя в настоящее время калмыки уже не кочуют, в калмыцком языке (по типу относящемся к агглютинативным языкам) сохраняются элементы культуры и традиционного мировоззрения кочевого народа.

Китайцы — оседлый народ, традиционными видами хозяйственной деятельности которых было земледелие и оседлое скотоводство. Китайский язык по типу морфологической структуры относится к языкам изолирующим и сохраняет этнолингвистические особенности, характерные для оседлого образа жизни китайского этноса. Имена и фамилии калмыков и китайцев, содержащие зоонимический компонент, отражают особенности традиционной культуры этих народов, а также окружающей их фауны. «Имятворчество по сути своей субъективно, и субъективность номинации в антропонимии отражает менталитет народа, особенности его мировоззрения в разные времена» [Ниетбайтеги 2004: 231].

Рассмотрим своеобразие зоонимов калмыцкого языка, ставших именами собственными. Для удобства мы разделили их на четыре лексико-семантические группы: зооантропонимы — названия домашних животных, зооантропонимы — названия диких животных, зооантропонимы, связанные с половозрастными и цветовыми особенностями животных, и зооантропонимы, связанные с частями тела животных.

Зооантропонимы — названия домашних животных

Описывая обычаи дореволюционной Калмыкии, доктор У. Душан отмечал: «Калмыки верят, что смертность детей происходит от действия злых духов, и, чтобы их ввести в заблуждение, детям даются имена животных и другие, например: Ноха (собака), Чон (волк), Мекля (лягушка), Му кебюн (гадкий мальчишка) и т. д.» [Душан 2016: 101]. Очевидно, что перечисляемые ниже в качестве примера калмыцкие имена, выявленные нами, также относятся к суевериям, описываемым У. Душаном.

Ажһр (Аджирга, букв. ‘жеребец’); *Алаша* (образовано от тюркского слова, букв. ‘лошадь’); *Барг, Барга* (букв. ‘собака сторожевая’); *Һаха* (букв. ‘свинья’); *Ноха* (букв. ‘собака’); *Хонин* (букв. ‘овца’); *Яман* (букв. ‘коза’).

Зооантропонимы — названия диких животных

Арат, Арата (букв. ‘лиса’); *Арслһ, Арслаһ, Арсля* (букв. ‘лев’); *Аюка* (букв. ‘аю — медведь’); *Кермя (Кермен)* (букв. ‘белка’); *Марл* (букв. ‘олень’); *Үнгн* (букв. ‘лиса’); *Хав* (букв. ‘тюлень’); *Хула* (букв. ‘кулан’), *Ялһн* (букв. ‘тушканчик’).

На наш взгляд, зооантропонимы, связанные с названиями диких животных, имеют более древнее происхождение, нежели зооантропонимы, связанные с названиями домашних животных. Они, как видится, связаны с особенностями хозяйства и быта охотников. Говоря об зооантропонимических именах, Л. Гоюшова отмечает: «очевидно, такие имена возникли в период, когда люди верили в магическую силу слова (имени) и старались передать ребёнку такие качества, как сила, ум, здоровье, смелость, находчивость и т. д. через личное имя» [Гоюшова 2015: 179].

Зооантропонимы, связанные с половозрастными и цветовыми особенностями животных

Половозрастная дифференциация животных, как диких, так и домашних, на наш взгляд, в большей степени присуща культурам и языкам номадических народов, нежели оседлых. Слова, значение которых одновременно несло бы в себе информацию о поле и возрасте животного, могут создать люди, близко и хорошо знающие животный мир. Главным отличием зоонимов калмыцкого языка от китайского как раз и нужно назвать наличие в калмыцком языке особой категории лексем, одновременно описывающих пол и возраст животного.

Бельтрг, *Бельтрик* (букв. 'волчонок'; эвфемизм от Чон 'волк'); *Ботха* (букв. 'годовалый верблюжонок'); *Дааһн* (букв. 'двухгодовалый жеребенок'); *Девэлэ* (Девяля) (букв. 'зайчонок, родившийся летом'); *Савра* (букв. 'жеребенок от года до двух'); *Уһһн* (*Унгин*, *Унгун*) (букв. 'жеребенок от рождения до года'); *Хапка* (*Хавка*) (букв. 'тюлененок'); *Хурһн* (букв. 'ягненок'); *Цагда* (букв. 'сайгачонок-самка'); *Саарл* (букв. 'мышастый'), *Хар дааһн* (букв. 'черный двухгодовалый жеребенок').

Зооантропонимы, связанные с частями тела животных

Отдельный интерес представляют зооантропонимы, связанные с частями тела животного. Нужно заметить, что эти имена сложно относить к зоонимам в целом, ведь они не содержат полноценного анимального значения. Однако, как отмечает Л. Ф. Миронюк, лексемы, производные от названий животных и связанные с миром животных, могут относиться к зоонимической лексике [Миронюк 1987: 20]. Факт, когда названия частей тел животного становятся антропонимами, — явление редкое. Желание дать такое имя человеку, полагаем, возникало от стремления калмыков обмануть злых духов, а возможно, такое уничижительное имя давали нежеланному ребенку. В старину у калмыков нередко бывали случаи, когда «...зурхачи дает имя ребенку, но родители скрывают подлинное имя от злого духа и называют ребенка чем угодно...» [Кануков 1928: 72]. С другой стороны, реалии кочевого быта были иными, языковая картина мира кочевника сто лет назад отличалась от современной, и, возможно, многие имена имели иную семантическую наполненность. Приведем примеры этих имен:

Бошхн (букв. 'отростки шерсти вокруг глаз овцы'; перен. 'редкий'); *Гоголда* (букв. 'горло, шея животного'); *Гүзэн* (букв.

'живот, брюшко'); *Живр* (букв. 'крыло'); *Когдһр* (букв. 'куцый'); *Савр* (букв. 'коготь, лапа'); *Саңна* (букв. 'челка лошади'), *Сэрңрцг* (букв. 'сычуг, часть желудка жвачного животного'); *Сэрсн* (букв. 'кожа на перепонках летучей мыши', перен. 'очень тонкокожий'); *Сүүлэ* (букв. 'хвост', перен. 'последний ребенок'); *Ханчр* (букв. 'брюшные мышцы').

Нужно заметить, что имена самцов животных калмыками давались преимущественно мужчинам, а имена самок — женщинам, хотя встречались и исключения.

Как отмечают исследователи, орнитонимы, имея анимальное значение, также относятся к зоонимическому разряду [Морковкин 1983: 10; Киприянова 1999: 16; Солнцева 2004: 20]. Нами выявлены следующие имена, связанные с орнитонимами у калмыков:

Беднэ (букв. 'перепелка'); *Богшада* (букв. 'воробушек'); *Богшурһа* (букв. 'воробей'); *Болдрун*, *Болдурун*, *Болдорун* (букв. 'степной рябчик'); *Борлда* (букв. 'жаворонок'); *Айлана* (произошло от тюркского слова 'соловей'); *Һардэ* (*Гардя*) (букв. 'орел'); *Начн* (*Начин*) (букв. 'сокол'); *Така* (букв. 'курица'); *Торһа* (букв. 'жаворонок'); *Харцха* (букв. 'ястреб'); *Хун* (*Хуна*) (букв. 'лебедь').

В настоящее время значительно снижается роль антропонимов, образованных от названий животных, которые остаются лишь в калмыцких фамилиях.

В традиционной китайской культуре, как и в калмыцкой, одним из древнейших антропонимических пластов по праву можно назвать имена и фамилии, связанные с зоонимической лексикой. Выборка этих имен и фамилий осуществлена из словарей: *现代汉语大词典* — *Большой современный толковый китайский словарь* [БСТКС 2000], *Китайско-русский словарь* [КитРС 2008], *Новый китайско-русский словарь* [НКРС 2008].

Особенностями китайского языка являются изолирующий морфологический тип и письменность, основанная на иероглифике. Таким образом, слова в китайском языке могут быть односложными и многосложными. Как отмечает В. М. Солнцев, «Компоненты сложных слов неоднородны. Ими могут быть самостоятельные слова современного китайского языка, а также знаменательные морфемы, утратившие в современном языке синтаксическую само-

стоятельность» [Солнцев 1963: 121–126]. В связи с этим китайские зооантропонимы могут быть односложными и многосложными (причем объединение нескольких основ в одну может приобрести иное значение), а также имеющими в графическом изображении такую «утратившую синтаксическую самостоятельность морфему», или иероглифический ключ, обозначающий животное. Последние имеют древнее происхождение.

Зооантропоним в китайском языке может выступать и именем, и фамилией. Выявленные лексемы мы условно разделили на три группы: зооантропонимы, обозначающие животных, зооантропонимы, имеющие в графических изображениях графический элемент, обозначающий животное, и зооантропонимы, связанные с частями тела животного. Рассмотрим их детально.

Зооантропонимы, обозначающие животных

Фамилия Ян 羊 Yáng (букв. ‘овца’); фамилия Ню 牛 niú (букв. ‘корова’); фамилия Ма 马 Mǎ (букв. ‘лошадь’); фамилия Гунъян 公羊 Gōng yáng (букв. ‘баран’); фамилия Ду 犊 dú (букв. ‘теленок’); фамилия Бао 豹 Bào (букв. ‘леопард’); фамилия Ху 虎 hǔ (букв. ‘тигр’); фамилия Лу 鹿 lù (букв. ‘олень’); фамилия Сюн 熊 Xióng (букв. ‘медведь’); фамилия Лун 龍 Lóng (букв. ‘Дракон’); фамилия Сыма 司馬 Sīmǎ (букв. ‘управляющий лошадью’); фамилия Мацзя 马佳 Mǎ jiā (букв. ‘прекрасная лошадь, фамилия, имя’), имя сына известного китайского политика и философа Ван Аньши 王安石 Wáng ānshí — Хуань Лан 獾郎 Huān láng (букв. ‘барсучок’), детское имя сунского императора Сяо Цзуна — Сяо Ян 小羊 Xiǎo yáng (букв. ‘барашек’).

Зооантропонимы, имеющие в графическом изображении иероглифический элемент, обозначающий животное

Фамилия Цзюй 驹 Jū. (букв. ‘молодая сильная лошадь’), фамилия Лао 牢 Láo (букв. ‘загон, хлев’). Об этой фамилии нужно сказать, что ее иероглиф состоит из двух графических элементов: «крыша» и «корова», т. е. букв. ‘корова под крышей’. Фамилия Ли 𨾏. (иероглиф образован из двух ключей 马 Mǎ ‘лошадь’ и 麗 Lì ‘красота’). В древнем Китае известна была красавица с именем Лицзи 𨾏姬 (Lì jī ‘вороной конь’ и ‘придворная дама’). В эпоху Чуньцю на территории нынешней провинции Шэньси существовало царство, которое носило такое же название 𨾏戎 Lì róng ‘вороной

конь’ и ‘воин’). Lì róng также имеет в составе иероглифа ключи — 马 Mǎ ‘лошадь’ и 麗 Lì ‘красота’. Древнее китайское имя наследницы богини-императрицы Нюйва Лилянъ — 𨾏连 (Lì lián ‘вороной конь’ и ‘соединяться’). Приведенные выше примеры показывают, что лошадь у китайцев воспринималась как символ красоты и грациозности. Существует большое количество имен, в состав которых водит иероглиф 彪 Biāo (букв. ‘мелкий тигр’, например: Шэньбяо 生彪 (букв. ‘стать мелким тигром’), Бяохуан 彪焕 Biāohuàn (букв. ‘красочный, блистательный’).

Зооантропонимы, связанные с частями тела животных

Фамилия Яншэ 羊舌 Yáng shé (букв. ‘бараний язык’), фамилия Мао 毛 Máo (букв. ‘шерсть, волосы’). Имена, имеющие в составе иероглиф 毫 háo (букв. ‘свиная щетина’), давались людям с выдающимися способностями, обладающими храбростью и талантом, например: Жэнь Хао 人豪 Rénháo (букв. ‘выдающаяся личность, герой’), Инхао 英豪 Yīngháo (букв. ‘храбрец, выдающийся’).

Нужно отметить, что китайцы издревле уделяли большое внимание лошади и считали ее драгоценным животным. С этим связано большое количество фамилий и имен в китайском языке, имеющих в своем составе иероглифический ключ «лошадь» — 马. Нами была приведена лишь незначительная часть таких имен и фамилий в качестве иллюстративного материала.

Примечательно, что в китайской антропонимике имеется больше имен и фамилий, связанных с лошадью, чем у калмыков, хотя калмыки и кочевой народ, и их жизнь напрямую зависела от этого животного. Возможно, это объясняется тем, что калмыки, как и другие кочевые народы, разводили большое количество лошадей, и не придавали им такого значения, как оседлые китайцы, для которых лошадь была особым предметом роскоши. Вместе с тем название ценного в хозяйстве номадов животного не использовалось в том смысле, в каком использовались названия животных при именовании ребенка «для обмана злых духов» Ноха (букв. ‘собака’), Хаха (букв. ‘свинья’), Така (букв. ‘курица’).

Нужно отметить, что в китайском языке также присутствуют имена и фамилии, включающие названия птиц. Чаще всего орнитонимические зооантропонимы встре-

чаются в женских именах. Так, мифическая птица феникс 凤凰 fènghuáng символизирует женственность. Приведем примеры женских имен, в состав которых входит иероглиф 凤: Юйфэн 玉凤 (букв. 'драгоценный феникс'), Цзиньфэн 金凤 (букв. 'золотой феникс'), Мэйфэн 美凤 (букв. 'прекрасный феникс'). Имена, в состав которых входит иероглиф 燕 Yàn (букв. 'ласточка'), также насчитывает большое количество, например: Фэйянь 飞燕 (букв. 'летающая ласточка'), Чуньянь 春燕 (букв. 'весенняя ласточка'), Сюянь 小燕 (букв. 'маленькая ласточка'). Приведем другие примеры: фамилия Э 鵝 É (букв. 'гусь'), фамилия Ин 鷹 Yīng (букв. 'орел'), имя Ин 鶯 (букв. 'иволга'), имя Цюань 鵲 (букв. 'кукушка').

Среди приведенных выше имен и фамилий самыми распространенными зоантропонимами являются: Ян ('овца'), Ма ('лошадь'), Янь ('ласточка').

Мы рассмотрели зоонимическую лексику в именах собственных на материале калмыцкого и китайского языков. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в калмыцких антропонимах зоонимов, связанных с домашними животными, с их половозрастной и цветовой дифференциацией, больше, чем в китайских. Это объясняется тем, что традиционным способом хозяйствования калмыков до начала XX в. являлось кочевое скотоводство. В калмыцких зоонимах преобладают имена и фамилии, связанные с терминами, описывающими половозрастные особенности животных, или названия животных, не характерных для центральноазиатского региона, тогда как в китайском языке таких особенностей не наблюдается. Половозрастная система деления скота у калмыков, занимавшихся кочевым скотоводством, была более развита, чем у оседлых китайцев. Многие из калмыцких зоантропонимов являются прозвищами, которые родители давали своим детям в соответствии с традиционными религиозными представлениями. Тенденция давать имена с зоонимической составляющей у калмыков практически исчезла и сегодня сохраняется в основном в виде фамилий. В именах и фамилиях китайцев не так велико количество зоантропонимов, что объясняется оседлым бытом китайцев. В китайских антропонимах отсутствуют половозрастная дифференциация, названия хищных животных и животных, не характерных для географического положения Китая. Однако в

китайских фамилиях имеются названия мифических существ. В составе разных китайских иероглифов из глубокой древности закреплены графические элементы зоонимического содержания.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-14-0800.

Литература

- Гоюшова Л. М. Сравнительно-сопоставительный анализ семантических групп антропонимов (на материале русского, английского и азербайджанского языков) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 174–183.
- Душан У. Д. Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Кануков Х. Б. Будда-ламаизм и его последствия. Красный калмык. Астрахань: Калмиздат «Красный калмык», 1928. 94 с.
- Киприянова А. И. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков): автореф. дис. ... канд. фил. наук. Краснодар, 1999. 23 с.
- КитРС — Китайско-русский словарь / под ред. Ся Чжунъи. М.: Вече, 2008. 1280 с.
- Миронюк Л. Ф. Семантическая типология славянских зооморфических глаголов. Днепрпетровск: ДГУ, 1987. 80 с.
- Монраев М. У. Калмыцкие личные имена. Семантика. Элиста: Изд. дом «Герел», 2012. 255 с.
- Морковкин В. В., Денисов П. Н. Словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Рус. яз., 1983. 688 с.
- Нуетбайтеги К. А. Когнитивный подход к изучению антропонимов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Межд. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 231.
- НКРС — Новый китайско-русский словарь / А. В. Котов. 4-е изд., М.: Рус. яз.; Медиа; Дрофа, 2008. 605 с.
- Соколова 2014 — Соколова А. Г. Кошка и собака в русском и немецком языках (на материале толковых и фразеологических словарей) [электронный ресурс] // URL: <http://www.>

- russian.sfpgu.ru/ files/sokolova.pdf (дата обращения: 27.09.2014).
- Солнцев В. М. К вопросу о приложимости общеграммматических терминов к анализу китайского слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 121–126.
- Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: дисс. ... канд. фил. наук. Омск, 2004. 220 с.
- БСТКС — Большой современный толковый китайский словарь 现代汉语大词典. 上册. 汉语大词典出版社. 2000年. 1700 页.
- References**
- Goyushova L. M. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz semanticheskikh grupp antroponimov (na materiale russkogo, angliyskogo i azerbaydzhanskogo yazykov)* [Comparative analysis of semantic groups of anthroponyms (in the Russian, English and Azerbaijani languages)]. *Vestnik MGOU Seriya: Lingvistika* (Bulletin of MGOU. Series 'Linguistics'). Moscow State Regional Univ. Press, No. 4, 2015, pp. 174–183 (In Russ.).
- Dushan U. D. *Izbrannye trudy. Sost. Batyrov V. V., Sharaeva T. I. (seriya «Manuscriptum Orientalica»)* [Selected works. Comp. by V. Batyrov et al.]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2016, 376 p. (In Russ.).
- Kanukov Kh. B. *Budda-lamaizm i ego posledstviya* [Buddha-Lamaism and its consequences]. *Krasnyy Kalmyk* (The Red Kalmyk), Astrakhan, Kalmyk Publ. Krasnyy Kalmyk, 1928, 94 p. (In Russ.).
- Kipriyanova A. I. *Funktsional'nye osobennosti zoomorfizmov (na materiale frazeologii i paremiologii russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo i novogrecheskogo yazykov). Avtoref. dis. ... kand. fil. Nauk* [Functional features of zoomorphisms (evidence from Russian, English, French and Greek). A Ph.D. thesis abstract]. Krasnodar, 1999, 23 p. (In Russ.).
- Kitaysko-russkiy slovar'. Pod redaktsiey Sya Chzhun''I* [A Chinese-Russian dictionary. Edit. by Xia Zhongyi]. Moscow, Veche Publ., 2008, 1280 p. (In Russ.).
- Mironyuk L. F. *Semanticheskaya tipologiya slavyanskikh zoomorficheskikh glagolov* [Semantic typology of Slavic zoomorphic verbs]. Dnepropetrovsk, DGU, 1987, 80 p. (In Russ.).
- Monraev M. U. *Kalmytskie lichnye imena. Semantika* [Kalmyk personal names. Semantics]. Elista, Gerel Publ., 2012, 255 p. (In Russ.).
- Morkovkin V. V. et al. *Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka*. [Combinatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1983, 688 p. (In Russ.).
- Nietbaytegi K. A. *Kognitivnyy podkhod k izucheniyu antroponimov* [The cognitive approach to anthroponymic studies]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy: Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 200-letiyu Kazanskogo universiteta (Kazan', 4–6 oktyabrya 2004 g.): Trudy i materialy. Pod obshch. red. K. R. Galiullina* (Russian and Comparative Philology: Current State and Prospects. Proc. of the Internat. scientif. conf. (Kazan, 4–6 October 2004). Kazan, Kazan State Univ. Press, 2004, pp. 231 (In Russ.).
- Novyy kitaysko-russkiy slovar'. A. V. Kotov. 4-e izd.* [A new Chinese-Russian dictionary]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ.; Media Publ.; Drofa Publ., 2008, 605 p. (In Russ.).
- Sokolova A. G. *'Koshka' i 'sobaka' v russkom i nemetskom yazykakh (na materiale tolkovykh i frazeologicheskikh slovarey)* [The 'Cat' and 'dog' in Russian and German (evidence from monolingual and idiomatic dictionaries)]. Available at: <http://www.russian.sfpgu.ru/ files/sokolova.pdf> (accessed: 27 September 2014) (In Russ.).
- Solntsev V. M. *K voprosu o prilozhimosti obshchegrammaticheskikh terminov k analizu kitayskogo slova* [The applicability of general grammatical terms to the analysis of the Chinese word revisited]. *Morfologicheskaya struktura slova v yazykakh razlichnykh tipov* [Morphological structure of the word in languages of different types]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1963, pp. 121–126 (In Russ.).
- Solntseva N. V. *Sopostavitel'nyy analiz zoonimov russkogo, frantsuzskogo i nemetskogo yazykov v etnosemanticheskom aspekte. Dis. ... kand. fil. nauk.* [A comparative analysis of zoonyms in Russian, French and German: the ethno-semantic aspect. A Ph.D. thesis]. Omsk, 2004, 220 p. (In Russ.).
- 现代汉语大词典. 上册. 汉语大词典出版社. 2000年. 1700 页. [The great definition dictionary of modern Chinese]. Vol. 1, 2000, 1700 p. (In Chin.).

ЗООНИМЫ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ КАЛМЫКОВ И КИТАЙЦЕВ

Алия Хамидуллаевна Корнеева ¹

¹аспирант кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bekmuratova_ah@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному изучению зоонимов как одного из самых малоизученных разрядов ономастики на материале калмыцкого и китайского языков, который извлекался сплошной выборкой из различных словарей анализируемых языков. Проведенный анализ свидетельствует о том, что в калмыцких антропонимах зоонимов, связанных с домашними животными, с их половозрастной и цветовой дифференциацией, больше, чем в китайских. Это объясняется тем, что традиционным способом хозяйствования калмыков до начала XX в. являлось кочевое скотоводство. В калмыцких зоонимах преобладают имена и фамилии, связанные с терминами, описывающими половозрастные особенности животных, или названия животных, не характерных для центральноазиатского региона, тогда как в китайском языке таких особенностей не наблюдается. Половозрастная система деления скота у калмыков, занимавшихся кочевым скотоводством, была более развита, чем у оседлых китайцев. Многие из калмыцких зооантропонимов являются прозвищами, которые родители давали своим детям в соответствии с традиционными религиозными представлениями. Тенденция давать имена с зоонимической составляющей у калмыков практически исчезла и сегодня сохраняется в основном в виде фамилий. В именах и фамилиях китайцев не так велико количество зооантропонимов, что объясняется оседлым бытом китайцев. В китайских антропонимах отсутствуют половозрастная дифференциация, названия хищных животных и животных, не характерных для географического положения Китая. Однако в китайских фамилиях имеются названия мифических существ. В составе разных китайских иероглифов из глубокой древности закрепились графические элементы зоонимического содержания.

Ключевые слова: зоонимы, зооантропонимы, имена собственные, названия животных, калмыцкий язык, китайский язык.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 206–210, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-206-210
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.141: 81'373.21

The Ethnonym *Kalmak* in Bashkir Onomastics

Firdaus G. Khisamitdinova ¹

¹ Corresponding Member, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Scientific Director, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russian Federation). E-mail: hisamitdinova@list.ru

Abstract. The article considers Bashkir onomastics (ethnic, personal and place names) associated with the ethnonym *Kalmak* (*Qalmaq*). The lexeme is present in 18 Bashkir clans and tribes. The peculiar feature here is that among some tribal groups there are over 10 names of clan subdivisions bearing the stem *Kalmak* that gives testimony of once intensive Bashkir-Kalmyk contacts. It should be noted that in some tribal groups there are not one but several *Kalmak/Kalmyk*-stemmed clan names, e.g., among the Burzyan Bashkirs there are 13 such clans; among Kotays — 10, Kipchaks — 7, Ailins — 5, Kudeys, Kushsys, Szyzgys, Katais, Balyks, Tamyans, Kanglys, and Tabyns — 5, Tangaurs — 4, Jurmats and Serbs — 3 generic units named *Kalmak/Kalmyk* respectively. The article also notes the wide dissemination of the ethnonym *Kalmak/Kalmyk* in other groups of onomastic vocabulary, namely in toponymy and anthroponymy. The article contains toponyms with the basis of *Kalmak* both in modern and historical toponymy. Many historical *Kalmak*-stemmed toponymic names have disappeared due to the growth (and mergers) of settlements. The same is the case with anthroponymy: in the 18th and early 19th centuries there were many more *Kalmak*-stemmed personal names and surnames than there are nowadays. These facts testify of the intensive contacts between Bashkirs and Kalmyks in the 17th–18th centuries.

Proceeding from folklore and documentary materials, the article reveals the reasons and mechanisms explaining how the ethnic name *Kalmak* became that widespread in Bashkir onomastics. The paper stresses the fact that a number of *Kalmak*-stemmed names go back to the Kalmyk people as such when certain groups or representatives of the Kalmyk ethnos joined and were, thus, incorporated by the Bashkir people. Another part of such onomastics is probably associated with patronymic appellatives which came into being as a result of some residual part (be they Bashkirs or other nomads) of a clan or a tribe, i.e. the name derived from the gloss *Kalmak/Kalmyk* < *qalyan* 'the remaining one'.

Keywords: Bashkir onomastics, *Kalmak*, *Kalmyk*, ethnonyms, tribal subdivision, personal name, patronymics.

Ономастика любого языка, включающая в свой состав личные имена и фамилии, географические названия и наименования и других небесных тел, этнические названия и мифонимии, относится к одной из самых информативных групп лексики. Не составляет исключения и ономастическая лексика башкирского языка, восходящая к самым разным эпохам, связанная с самыми различными событиями в жизни башкирского народа, его языка. Поэтому башкирская ономастика, как и ономастика любого языка, является полноценным источником как по истории народа, так и его языка и культуры.

В этом плане особую ценность представляет башкирская этнонимия, включающая в свой состав названия родов и племен, родовых подразделений и народов. Это связано с тем, что этнические названия обычно относятся к древнейшей части лексики любого языка. Поэтому по этнонимам можно определить как более ранние, так и поздние этнические компоненты, принимавшие участие в формировании того или иного этноса, его контакты с теми или иными народами, важнейшие события в жизни этноса и его языка.

В родоплеменной этнонимии башкир насчитывается 46 племенных, 128 родовых и более 2 000 названий родовых подразделений [Кузеев 1978: 189].

С точки зрения происхождения башкирские этнонимы в основном восходят к патронимам (прозвищам, личным именам), этнонимам, топонимам и тотемным названиям.

Ср.: **патронимические этнонимы:** *конай* (кубалак) 'мстительный', *ширай* (кубалак) 'долговязый', *бурансы* (катай), досл. 'вызыватель непогоды' и др.; **этнонимические:** *калмак*, 'калмак / калмык', *казак* 'казах', *һарт / сарт* 'сарт, узбек' и др.; **топонимические:** *йөрәктау-қаңлы* (канглы) 'юряктауские канлинцы', *изел-катай* 'идельские (агидельские) катаяцы'; *уфатанып* (таным) 'уфимские танымцы' и др.; **тотемистические:** *айыу* (бурзян, усерган, тамьян, кыпчак и др.) 'медведь'; *буре* (бурзян, усерган, кыпчак) 'волк'; *торна* (кубалак, усерган, бурзян, кыпчак, мин) 'журавль' и др. [БРС 1996: 851–864].

В настоящей статье мы остановимся только на одном довольно распространенном в башкирской ономастике этнониме *калмак* 'калмак / калмык'. По данным Р. А. Сиражитдинова, этноним *калмак* 'кал-

мак / калмык' зафиксирован в составе 18 родов и племен башкир [Сиражитдинов 1999: 40]. Этот этноним представлен в составе названий родовых подразделений башкир — *юрматы*, *бурзян*, *усерган*, *тангаур*, *кыпчак*, *ай*, *кудей*, *кушсы*, *сызгы*, *катай*, *балыксы*, *тамьян*, *канглы*, *табын*, *кувакан*, *кубалак*, *мин*, *калмак*. При этом, как показывает Р. Г. Кузеев, в составе некоторых родов и племен родовых подразделений с названием *калмак* 'калмак / калмык' было несколько. Так, например, в составе башкир-бурзянцев зафиксировано 13, катаяцев — 10, кыпчаков — 7, айлинцев и табынцев — по 5, тангаурцев — 4, юрматинцев и усерганцев — по 3 родовых подразделения, имеющих название *калмак* 'калмак / калмык' [Кузеев 2010: 560]. Изложенные факты свидетельствуют о том, что башкиро-калмыцкие связи были довольно интенсивными.

Кроме этнонимов, в башкирской ономастике с основой *калмак* 'калмак / калмык' зафиксировано множество топонимов и антропонимов. Так, например, в словаре топонимов Башкирской АССР зафиксировано 7 топонимов с основой *калмак* 'калмак / калмык': *Калмак* 'Калмаково' — деревни в Ишимбайском и Абзелиловском, *Калмак караулы* 'Калмацкий караул' — гора в Зианчуринском, *Калмаклар* 'Калмакларово' — деревня в Салаватском, *Калмакол* 'Калмаккулово' — деревня в Салаватском, *Калмык* 'Калмыково' — деревня в Бураевском районах Республики Башкортостан [СТБА 1980: 84]. Кроме этого, названия *Калмаккуле* 'Калмацкое озеро', *Калмактуғайы* 'Калмацкий луг' зафиксированы в районах компактного расселения башкир в Курганской и Оренбургской областях [Полевые материалы 1991; 1994].

Судя по данным исторической топонимии, названий поселений, гор и рек с основой *калмак* 'калмак / калмык' в XVIII–XIX вв. было гораздо больше. Так, например, в составе населенных пунктов XVIII–XIX вв. представлены башкирские деревни под названием Калмакларово, Сафарово (Калмактар), Кадырово (Калмак) Калмак (Мишарово), Старое Арметеево (Калмак), Калмыково, Мамбеткулово (Калмак), Калмак-Биштиряково, Уметбаево (Калмак), Калмак-Кочерган, Тулебаево (Калмак), Шигаево (Калмаккулово), Сулейманово (Калмакларово), Калмак-Аптрышево, Калмаково [Хисамитдинова 1991: 304]. Кроме населенных пунктов, судя по письменным

источникам XVIII–XIX вв., на территории исторического Башкортостана были гидронимы: о. Калмацкое озеро, рч. Калмакяткан, микротопонимы: ур. Калмаккул, Калмактау и др. [Хисамитдинова 1991: 76].

Этноним *калмак* ‘калмак / калмык’ представлен и в составе башкирской антропоники. Так, например в «Формулярных списках о службе чиновников Башкирско-мещеряковского войска за 1836–1842 годы» зафиксировано более 20 фамилий, включающих в свой состав этноним *калмак* ‘калмак / калмык’ или его образования. В частности, в документах нашли отражение фамилии следующих башкир: *Калмыков* Тайсын — казак из д. Бурино III Загорного башкирского кантона за 1836 г., *Калмаккулов* Хисамитдин Мурсалимов сын — зауряд-есаул юрты № 2 IV Западного башкирского кантона за 1838 г., *Калмакаев* Яныш Илимбаев сын — зауряд-сотник юрты № 8 VIII башкирского кантона и др. [Формулярные списки... 2014: 219–282, 397–447].

Изложенные факты свидетельствуют о том, что в башкирской ономастике названия, включающие в свой состав этноним *калмак* ‘калмак / калмык’ и его образования, занимают довольно большое место. Каковы же причины, механизмы проникновения данного этнонима в башкирскую ономастику? В первую очередь, безусловно, появление этнонима *калмак* ‘калмак / калмык’ в башкирскую ономастику связано с башкиро-калмыцкими военными и этнокультурными контактами XVII–XVIII вв. Эта эпоха нашла отражение яркое отражение в башкирском фольклоре. В частности, в легендах «Мамыт», «История деревни Убалар», «Деревня Расулево», «Кашкар», «Род Калмаков» повествуется история появления родовых подразделений *калмак* ‘калмак / калмык’ в названных деревнях [БХИ 1997: 129, 135, 142–143]. Судя по указанным легендам, появление родовых подразделений с основой *калмак* ‘калмак / калмык’ связано с инкорпорацией части калмыков или их представителей в состав башкир. В качестве примера можно привести легенду «Мамыт»: «В старину в этом ауле Юлдыбаево проживал башкирский батыр Букэт, который яростно сражался с войском Батый-хана. Однажды Букэт захватил на поле битвы мальчика по имени Мамыт и привез его к себе домой. Так как тот мальчик весьма походил лицом на калмака, то и называть его стали калмаком. Когда Мамыт вырос, его

назначили главой именно того тангаурского рода. От Мамыта родился сын. Его называли Калмаком. Так пошел род калмаков в деревне» [БНТ 1987: 135].

О появлении калмыков в составе башкир свидетельствуют и письменные источники. В частности, в купчей 1712 г., опубликованной в III томе «Материалов по истории башкирской АССР», записано: «Августа в 29 день писана купчая, что продал Ногайской дороги Табынской волости башкирец Кучук Савельев (Савалеев. — Ф. Х.) тое же дороги деревни Сарт тезику (таджику. — Ф. Х.) Сабингулу Ишмамметеву пленного своего калмыка Бахуна...» [МИБ, III 1949: 88]. Судя по данному документу, проникновение этнонима *калмак* ‘калмак / калмык’ в башкирскую ономастику могло быть связано с башкирско-калмыцкими столкновениями, во время которых у обеих сторон появлялись пленные, со временем входившие в состав народа.

В верховьях Тобола калмыки впервые показались в 1606 г.; в последующие годы они не раз разоряли башкирские кочевья, доходя до Исети и даже Пышмы. В 1621 г. калмыцкий тайша нанес поражение башкирам; в 1629 и 1633 гг. калмыки нападали на Катайскую волость [Миллер 1941: 19–30, 99, 105]. Взаимные набеги калмыков и башкир, которые сопровождались угоном скота, захватом пленных, продолжались вплоть до конца XVII — начала XVIII вв. [Кузеев 2010: 234].

Судя по документам XVIII в., башкиро-калмыцкие связи не всегда носили враждебный характер. В отдельных документах XVII в. описывается совместная борьба башкир и калмыков за башкирские земли, отобранные для заводского строительства в Верхотурском уезде: «... башкирцы, живучи на сибирской стороне Каменю <...>, подговоря себе калмыков в помощь и призвав многих иноземцев ис Казанского уезду, и Тобольского и Тюменского уездов татар, приходили Тобольского уезда на слободы войною, и многое разорение учинили...» [МИБ 1936: 88]. Аналогичные сюжеты зафиксированы и в других документах XVII в.: «И ест ли де отъ нихъ Калмыков и Башкирцев чинится гдѣ великихъ государей городскимъ и людемъ разорение...» [Гущина 1987: 192].

В другом документе зафиксировано участие в восстании башкир XVII в. калмыков и других народов региона: «...И на Уфу де

они проехали, потому что в Уранских волостях Калмыки и Ногайцы и Горские Черкасы и с ними изменники Башкирцы воюют и многие деревни разорили, и Татар и Черемису порубили и въ полонъ поймали» [Гущина 1987: 191].

Изложенные факты свидетельствуют о том, что башкиро-калмыцкие связи были довольно сложными, но интенсивными. Поэтому проникновение этнонима *калмак* в результате инкорпорации части калмыков в состав башкир вполне логично.

В то же время следует отметить, что не вся ономастика, связанная с этнонимом *калмак* 'калмак / калмык', восходит непосредственно к монголоязычным калмыкам. Как уже говорилось выше, часть ономастики скорее всего восходит к личным именам, прозвищам башкир. В частности, сын легендарного Мамыта был назван Калмаком. Его потомков стали называть калмаками.

В тюркских языках этноним *калмак* связывается с глаголом *калыу* 'остаться' или 'оставить' [Аманжолов 1959: 53; Номинханов 1958: 99–101]. В этом случае этнонимом *калмак* могли называться не только монголоязычные калмыки, но и оставшиеся или отставшие группы как самих башкирских родов и племен, так и других тюркоязычных номадов.

Источники

ПМА — Полевые материалы автора 1991 г. в Курганской области; 1994 г. в Оренбургской области.

Литература

- Аманжолов А. С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата: Казахск. гос. уч.-педагог. изд-во, 1959. 443 с.
- БНТ — Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Т. 2. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1987. 576 с.
- БРС — Башкирско-русский словарь. М.: Изд-во «Дигора», «Русский язык», 1996. 884 с.
- БХИ — Башкорт халык ижады. Риүәйәттәр, легендалар. Т. 2, Өфө: Китап, 1997. 440 с.
- Гущина В. П. Лексико-семантическая эволюция тюркских этнонимов в русском языке // Башкирская этнонимия. Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНФ РАН, 1987. С. 189–193.
- Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1978. 264 с.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения.

- Уфа: Дизайн Полиграф Сервис, 2010. 560 с.
- МИБ — Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 783 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. В 5 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 637 с.
- Номинханов Ц.-Д. Происхождение слова «калмак» // Вестник АН Казахской ССР. 1958. № 11. С. 99–101.
- Сиражитдинов Р. А. Башкирская этнонимия. Бирск: Изд-во Бирск. педагог. ун-та, 1999. 115 с.
- СТБА — Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1980. 200 с.
- Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы. В 2 т. Т. 2. Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 1072 с.
- Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI–XIX вв. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1991. 304 с.

References

- Amanzholov A. S. *Voprosy dialektologii i istorii kazahskoyazyka* [Issues of dialectology and the history of the Kazakh language]. Alma-Ata: Kazakh State Pedagogical Publishing House, 1959. 443 p. (In Russ.).
- Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Predaniya i legendy.* [Bashkir folk art. Stories and legends]. Т. 2. Ufa: Bashkir Publishing House, 1987. 576 p. (In Russ.).
- Bashkirsko-russkii slovar* [Bashkir-Russian Dictionary]. М.: Publishing house «Digora», «Russian language», 1996. 884 p.
- Bashkort halyk izhady. Riüäjättär, legendalar* [Bashkir folk art. Stories and legends]. Т. 2. Ufa: Kitap, 1997. 440 p. (In Bashk.).
- Gushina V. P. [Lexico-semantic evolution of Turkic ethnonyms in Russian] *Bashkirskayaetnonimiya* [Bashkir ethnonym]. Ufa, 1987. 189–193 pp. (In Russ.).
- Kuzeev R. G. *Istoricheskaya etnografiya bashkirskogo naroda* [Historical ethnography of the Bashkir people]. Ufa: Bashkir Publishing House, 1978. 264 p. (In Russ.).
- Kuzeev R. G. *Proishozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskii sostav, istoriya rasseleniya* [The origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement]. Ufa: Design polygraph service, 2010. 560 p. (In Russ.).
- Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR* [Materials on the history of the Bashkir ASSR]. Part 1. Part 1. М.; Л., 1936. 631 p. (In Russ.).

- Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR* [Materials on the history of the Bashkir ASSR]. T. 3. M.; L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR., 1949. 783 p. (In Russ.).
- Miller G. F. History of Siberia. In 5 vol. T. 2. M.; L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 1941. 637 p.
- Nominakhov Ts.D. [The origin of the word Kalmyk] *Vestnik AN Kaz. SSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of Kaz. SSR], No. 11. 99–101 p. (In Russ.).
- Polevye materialy avtora 1991 g. v Kurganskuyu oblast'* [Field materials of the author of 1991 in the Kurgan region]; *Polevye materialy avtora 1994 g. v Orenburgskuyu oblast'* [Field materials of the author of 1994 in the Orenburg region]. (In Bashk.).
- Sirazhitdinov R. A. *Bashkirskaya etnonimiya* [Bashkir ethnonymy]. Birk: Publishing house of Birk Pedagogical University, 1999. 115 p. (In Russ.).
- Slovar' toponimov Bashkirskoi ASSR* Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR. Ufa: Bashkir Publishing House, 1980. 200 p. (In Russ.).
- Formulyarnye spiski o sluzhbe chinovnikov Bashkirsko-mesheryakskogo voiska za 1836–1842 gody* [Formular lists about the service of officials of the Bashkir-Meshcheriak army for the years] 1836–1842. In 2 vols. T. 2, Ufa: Publishing house IHLL USC RAS, 2014. 1072 p. (In Russ.).
- Hisamitdinova F.G. *Bashkirskaya oikonimiya XVI–XIX vv.* [Bashkir oikonymy of the XVI–XIX centuries]. Ufa, 1991. 304 p. (In Russ.).

УДК 811.512.141: 81'373.21

ЭТНОНИМ КАЛМАК-КАЛМАК/КАЛМЫК В БАШКИРСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Фирдаус Гилмитдиновна Хисамитдинова¹

¹ член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель, Институт истории, языка и литературы, Уфимский научный центр РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: hisamitdinova@list.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается башкирская ономастика (этнонимы, антропонимы, топонимы), восходящая к этнониму *калмак*. Отмечается, что данный этноним зафиксирован в составе 18 башкирских родов и племен, а именно: *юрматы, бурзян, усерган, тангаур, кыпчак, ай, кудей, кушсы, сызгы, катый, балыксы, тамьян, канглы, табын, кувакан, кубалаяк, мин, калмак*. Следует отметить, что у отдельных родоплеменных групп представлено не одно, а несколько названий с основой *калмак* 'калмак / калмык'. Например, в составе башкир бурзянцев зафиксировано 13, катыйцев — 10, кыпчачков — 7, айлинцев и табынцев — по 5, тангаурцев — 4, юрматинцев и усерганцев — по 3 родовых подразделения, имеющих название *калмак* 'калмак / калмык'. В статье также отмечается широкое распространение этнонима *калмак* 'калмак / калмык' в других группах ономастической лексики, а именно — топонимике, антропонимии. В статье приводятся топонимы с основой *калмак* как в современной, так и исторической топонимии. Отмечается, что многие исторические топонимические названия с основой *калмак* сегодня исчезли в связи с укреплением населенных пунктов. Аналогичная картина сложилась и с антропонимией с основой *калмак*. Если в XVIII и начале XIX вв. имен, фамилий с основой *калмак* было гораздо больше, то в современном именнике их зафиксировано намного меньше. Эти факты свидетельствуют об интенсивности контактов башкир и калмыков в XVII–XVIII вв.

В статье на фольклорном и документальном материале раскрываются причины и механизмы проникновения этнонима *калмак* в башкирскую ономастику. Подчеркивается, что часть названий с основой *калмак* восходит непосредственно к этнониму калмыков и связана с вхождением отдельных групп или представителей калмыцкого этноса в состав башкир. Другая часть ономастики, возможно, связана с патронимическими названиями, возникшими в результате вхождения в состав башкир оставшейся части какого-то рода или племени как самих башкир, так и других кочевников (от слова *калмак, калмык, калган* 'оставшийся').

Ключевые слова: башкирская ономастика, *калмак, калмык, этнонимия, родовое подразделение, личное имя, патроним.*

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 211–223, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-211-223
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.33

The First Oirat-Language Monument Written in Tibetan Script

Jargal B. Badagarov ¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Head of Department of Central Asian Philology, Institute of Oriental Studies, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: bjargal@mail.ru

Abstract. The paper analyzes some of the 'Tangut' materials as contained in N. Witsen's *Noord en Oost Tartarye* (1692, 1705) and represented by a brief Oirat vocabulary given as an illustration to the *Tangut Letters*. The Oirat words are written in Tibetan script, and the Oirat nature of the text can be clearly seen from the phonetic, morphological, and semantic properties. Therefore, it can be well considered to be the first Oirat-language monument recorded in Tibetan script. The language of the materials referred to by N. Witsen as 'Tangut' is largely Oirat and mirrors both bookish and conversational forms. This is confirmed by evidence as follows: 1) the author meticulously distinguishes between the uvular [χ] and the back [k] using the Tibetan *ha* and *kha*; 2) the final -n and short vowels of the last open syllable are retained, e.g., /nüdün/, /šüdün/, /kelen/, etc.; 3) there are such words as *malaḡai*, *yodosun*, *köböün* in their Oirat-bookish (Clear Script, or *Todo Bichiq*) forms; 4) the fact that [e] is expressed through -ie- (*emie*, *kelien*, *busie*, etc.) testifies, in our opinion, of the Oirat nature of the sound — an upper front vowel. Still, the materials contain the words *ḡabar* 'nose', *modun* 'tree' that rather tend to be typical for Classical Mongolian. But it is widely known that bookish Mongolian words had been borrowed into Oirat through translations from Mongolian, thus making the compositions sound more archaic and scholastic. And many of the words — in the same forms — were introduced into Oirat dictionaries. Especially noteworthy among the peculiar means to convey Mongolic languages via Tibetan graphic elements within the data under consideration are (vowel) 'durations' expressed by the capital 'a'. The paper notes that in most cases the 'durations' do not coincide with the long vowels researchers are familiar with, i.e. are not to be found in orthographies of diverse Mongolic languages and written monuments.

Keywords: Tibetan-script Mongol-language texts, written Oirat language, Kalmyk language, early European sources on Mongolic languages, Witsen's 'Tangut' materials.

Тибетская письменность издавна была в ходу среди монголов. Вероятнее всего, первые монголам стало известно о ней в XIII–XIV вв., в период Монгольской империи. Так, при Хубилай-хане сакьяским монахом Пагба-ламой создается квадратная пись-

менность, которая, как известно, в основе своей имела тибетское письмо, переняв от уйгурской письменности направление письма и некоторые орфографические приемы. Видимо, именно в этот период состоялось первое знакомство монголов с тибетским

буддизмом [Sagaster 2007: 383–388]. Можно полагать, что оно обусловило широкое проникновение вместе с буддийской традицией и ее материального носителя — тибетского языка и письменности. Вновь тибетская письменность широко распространяется среди монголов в XVII в. Это время, когда Монгольская империя давно распалась, распались и ее многочисленные наследницы — само существование монголов как отдельного народа было под угрозой. Ойраты пытаются установить общемонгольское господство, но терпят неудачу; халхаские князья во главе с Джебдзундамба-хутугтой предаются маньчжурам; буряты принимают русское подданство.

В это же время в Халхе первый Джебдзундамба Ундур-гэгэн составляет два алфавита: «самопроявившийся» соёмбо (1686) и горизонтальную квадратную письменность (1686), последний на основе тибетской графики; хошуутский Зая-пандита Намхайджамцо изобретает *Тодо үзүг* 'ясное письмо' (1648) — для того, чтобы им пользовались все монголы, но оно закрепляется только среди ойратов. Таким образом, в XVII в. монголы активизируются политически и культурно, с конца XVI в. они вновь укрепляют связи с тибетским буддизмом [Sagaster 2007: 396–401]. Однако, несмотря на то, что новая (горизонтальная квадратная) письменность на основе тибетского письма так и не стала хоть сколько-нибудь употребительной, этот период знаменателен тем, что впервые появляются образцы текстов, написанных монголами на родном языке тибетскими буквами. Самым ранним памятником подобного рода является письмо Петра I Алтын-хану [Рерих, Шастина 1960] (см. рис. 1). В данной статье мы представляем вниманию читателей хронологически современный ему образец фиксации монгольского языка тибетскими буквами. По мере изложения станет очевидной и диалектная основа этого материала.

Материал, анализируемый в данной статье, был впервые опубликован в книге «Северная и Восточная Тартария» известного голландского деятеля второй половины XVII — начала XVIII в., бургомистра Амстердама, картографа и неутомимого исследователя Северо-Восточной Азии Николааса Витсена. Труд Н. Витсена, написанный на староголландском языке, долгое время оставался малодоступным для широкого круга читателей. Первое издание увидело

свет в 1692 г., а второе, в значительной мере переработанное, в 1705 г., третье издание 1785 г., за исключением незначительных дополнений, почти полностью повторяет второе издание. В 2010 г. группа ученых-энтузиастов под руководством Н. П. Копаневой и Б. Наардена издала русский перевод этой монументальной работы. Перевод на русский язык был осуществлен В. Г. Трисман, сотрудницей Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР. С рукописью перевода работал бурятский ученый А. З. Хамарханов [Хамарханов 1988], который во время своих лекций в Бурятском государственном университете очень подробно и интересно рассказывал о Н. Витсене и его труде. Данная статья во многом обязана своим появлением этим лекциям.

Труд Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» содержит большое количество языкового материала. Для монголистов наибольший интерес, разумеется, представляет монголоязычный материал, очень хорошо представленный в данной работе. Подробное систематическое освещение всего монгольского материала в труде Н. Витсена будет дано нами в готовящейся публикации на английском языке. В рамках настоящей работы мы ограничиваем себя тем материалом, который автор называет «тангутским».

«Тангутские буквы» (*Tangutsche letteren*) приводятся еще в первом издании «Северной и Восточной Тартарии» на картинке объемом в полстраницы [NOT 1692: 144–145] (рис. 2). Во втором издании автор добавляет еще три страницы [NOT, I 1705: 210–211] (см. рис. 3–4). Особенности почерка первой и второй части материала позволяют судить о том, что Н. Витсеном были использованы по меньшей мере три различных источника информации. В тексте «Северной и Восточной Тартарии» можно найти некоторые указания на возможные источники сведений о «тангутской» письменности. «У него письменность была тангутская, но там, кроме духовенства, мало, кто умел писать, а он, будучи учеником некоего ламы, который находился под Катухтой, а тот уже под Далай-ламой в Тангуте, очень хорошо умел и показал мне образец своего почерка, очень хорошо написанный» [CBT 2010: 315 (W254)]; «Он показал мне письменность своей страны в продолговатой молитвенной книжке и показал еще другую письменность, употребляемую в Калмакии, которую он называл *Тонгоски*. Эта письменность

имела другой вид и по-другому читалась. Переводчик, которого он имел с собой и нам помогал, не понял содержания, хотя он слышал, как она читалась» [CBT 2010: 365 (W294)].

Из приведенных отрывков видно, что некоторые из калмыцких информантов Н. Витсена хорошо владели тибетским языком, который они называют «тангутским». Известно, что монголы называют тибетцев (особенно амдосцев) «тангад»: письм.-монг., письм.-ойр. *tangyud*, халх., бур. *тангад*, калм. *таңһд*.

Для полноты картины следовало бы привлечь и другие монголыязычные источники на тибетском письме, однако из-за ограниченного объема статьи и того, что их описание не является нашей главной задачей, мы ограничимся лишь отсылкой к некоторым основным публикациям по данной проблематике [Grønbech 1953; Пагва 1959; Bawden 1960; Grivelet 2001].

Ниже приводится анализ «тангутского» материала по второму изданию «Северной и Восточной Тартарии». Материал дается в том же виде, в каком он представлен у Н. Витсена: сначала следует голландское слово, затем в квадратных скобках его перевод на русский язык, после чего — «тангутское» слово в латинской транскрипции Н. Витсена, затем — тибетское слово в транслитерации Уайли. Там, где возможно установить правильное написание, оно дается в круглых скобках. Реконструкция дается между косыми скобками. В случаях, когда есть существенная разница в реконструкции того, что Н. Витсен отметил латиницей, и того, что Н. Витсен дает в тибетской графике, реконструированные варианты даются после каждого варианта (латиницы и тибетицы). Графические особенности тибетских надписей не оставляют сомнений, что слова были переписаны кем-то, кто не владел тибетским письмом: многие буквы и диакритические знаки выглядят одинаково, знаки препинания *tsheg* (·) и *shad* (|) в большинстве случаев невозможно различить, обычно это вертикальная черта в половину или треть длины знака *shad* (|)¹. Для обозначения двух последних знаков в транскрипции нами использован знак точки «.». Диакритические знаки для *e* и *i* практически не отличаются, за исключением небольшого завитка справа у *i*, — оче-

видно, что пишущий с трудом их различал. Существенной характерной особенностью материала является частый пропуск диакритических знаков. Необходимо отметить еще одну отличительную черту анализируемого словника, а именно выделение отдельных гласных при помощи знака долготы (подписная буква 'a)², причем не всегда оправданное с точки зрения монгольского (ойратского) языка. Это может, на наш взгляд, являться свидетельством того, что слова были зафиксированы через посредство русского языка.

Раздел *Voorbeelden van Tangutſhe benamingen* ['Примеры тангутских наименований'] (рис. 3) начинается с благопожелания в адрес Н. Витсена: *om Soim ancouglan boltoegai bornicta aclji dain kemedoe boltoegai dat is Geeft Godt goede gefonthijt aan den Borgermeeſter, en dat magh leven in eeuwicheijt* ['Бог дает здоровье бургомистру, и пусть он живет вечно']. Тибетская надпись *oM sa san 'a mo ka lan pol tho kas pur mi se the re a shi da eng mkhe meng du pol tho kas* реконструируется как */om sayin amuyalan boltoyai burmisetere ašida enke mendü boltoyai/* 'Ом, да наступит благодать и мир! Пусть бурмистр неизменно пребудет в благоденствии!'.³

Из орфографических особенностей нужно отметить использование приема для обозначения дифтонгов, свойственного тибетской письменности, а именно сочетание гласного и буквы *sa*, например: *sa san* = письм.-монг. *sayin* 'добро, благо'; *pol tho kas* = письм.-монг. *boltoyai* 'пусть будет'; а также написание *meng du*, соответствующее письм.-монг. *mendü*. Последнее находит параллели в региональных традициях монгольской грамотности. Написание *ng* вместо *n* перед *d, j, č* Б. Я. Владимирцов считал чхарским влиянием на орфографию письменного языка, которое затем было заимствовано в халхаскую письменную традицию [Владимирцов 2003(1921): 119]. Надпись на латинице содержит множество ошибок, но, зная содержание тибетского варианта, ее можно легко прочесть, так как две надписи буквально повторяют друг друга, необходимо лишь правильно разделить слова:

² Такое же выделение отдельных гласных, причем не обязательно долгих, в оригинале мы находим в грамоте Петра I Лубсан-тайджи, например, *tsh'a.g'an* (транскрипция наша. — Ж. Б.): письм.-монг. *čayan*, халх. *цагаан*, бур. *сагаан*, калм. *цаһан* 'белый' [Рерих, Шастина 1960: 146].

¹ То же самое мы находим в грамоте Петра I Лубсан-тайджи [Рерих, Шастина 1960].

214

Рис. 2. Вкладка из первого издания «Северной и Восточной Тартарии»
 *[NOT 1692: между с. 144–145]

Tangutsche benamingen.					Pag. 210.
Moder byeday.	Broeder Achay ofte Akadeg.	Wyff emte.	Maecht okin.	Oogen nudun.	
Qoren ychiken.	Nous chabar.	Tong kelien.	Mondt Aman.	Tanden Schitudun.	
Baert Sagal.	Paep lama.	Schryver bachschu.	jongh Kobann.	een Kof keretschi.	
Hout modum.	Eyfer temur.	Inkt bekie.	Pen udrug.	Schryff bitfchi.	
Lees unychy.	Pels debel.	Gordel byte.	Stavels godufun.	een Mutz Malachay.	
Broeken Hoefen umudun.	Koufen omdsun.	Sandt Schgioroy.	Taschjen utaga.	Vuerflag kete.	
Eeten beje.	Meft kutuga.				
Een niegen.	Twe kofen.	Drie gurban.	Vier Diarben.	Vyff Taban.	
Ses dzjurgan.	Seven Dolon.	Acht nalman.	Negen jekun.	Tien Arban.	
Twintig korin.	Dartich gutschin.	Veertigh Dugchin.	Vyftigh taban.	Seftich Jayran.	
Seventigh dalain.	Tachtentich najan.	Negentich jeren.	Hondert dzun.	Duyfent myngan.	
Tien duysent tumen.	Hondertduysend Bum.	Duyfend Dufenden sijaj.			

Рис. 4. Фрагмент вкладки из 2-го издания «Северной и Восточной Тартарии», содержащей материал под заголовком «Тангутские наименования»

*[NOT, I 1705: вкладка для с. 210]

om Soim ancouglan boltoegai bornicta {aclji da}in ke{medoe} boltoegai. Фраза была по всей вероятности записана напрямую, как ее произносили.

1. **Hemel** [небо; небеса] *tengeri thang gi.ri.* (должно быть *theng.ge.ri.*) /*tengeri*/ — письм.-монг. *tngri* ‘небо’. В первом слоге пропущена диакритика для обозначения гласной буквы *e* (*'greng bu*).

2. **Son** [солнце] *naran na r'an.* /*narān*/ — письм.-монг. *naran* ‘солнце’. Д. Кара предполагает, что удлинение во втором слоге имеет эмфатический характер или же ошибочное написание [Kara 2005: 181]. Возможно, это также может быть попыткой передачи ударения, так как материал мог быть получен через русского или русскоязычного переводчика (см. №№ 24, 27 в данном списке).

3. **Maen** [луна; месяц] *Siaran sa ran.* /*saran*/ — письм.-монг. *saran* ‘луна’. В этой же форме данное слово встречается в калмыцком словнике Н. Витсена [NOT, II 1705: 297].

4. **Wolcken** [облака] *odun a dun* (в первом слоге отсутствует диакритический знак *na-ro* для гласного *o*, поэтому слово должно читаться как *o dun.*) /*odun*/ — письм.-монг. *odun* ‘звезда’. Подобное несовпадение слова и его перевода наблюдается в отдельных случаях во всех монгольских словниках Н. Витсена.

5. **Aerden** [земля] *gadziar ga.car.* /*γadzar*/ — письм.-монг. *γajar* ‘земля’.

6. **Water** [вода] *usun a.san.* (диакритический знак *zhabs kyu*, обозначающий гласную букву *u*, отсутствует в обоих слогах, слово должно читаться как *u.sun.*) /*usun*/ — письм.-монг. *usun* ‘вода’.

7. **Vuur** [огонь] *gal gal.* /*γal*/ — письм.-монг. *γal* ‘огонь’.

8. **Lucht** [воздух] *key khi'i.* /*kī*/ — письм.-монг. *kei* ‘ветер, газ’.

9. **Koning** [король] *chan chia h'an. han.* /*χān, χan*/ — письм.-монг. *qayan, qan* ‘император, хаган; хан’. В латинице второе слово реконструируется как /*xia*/, что соответствует письм.-монг. *kiy-a* ‘паж, адъютант’, письм.-ойр. *kā* ‘id.’. Слово не ойратское.

10. **Vorft** [принц] *taifchy tha'i shi.* /*taiši*/ — письм.-монг. *tayiji* ‘принц’, письм.-ойр. *tayisi* ‘id.’.

11. **Vorftin** [принцесса] *chatun ha.thun.* /*χatun*/ — письм.-монг. *qatun* ‘императрица’.

12. **Heer** [господин] *niojen no yomn.* /*noyon*/ — письм.-монг. *noyan* ‘нойон, князь,

господин’. В латинице отражено живое произношение, тибетица отражает ойратский письменный вариант.

13. **Man** [мужчина] *ere a re.* (нужно читать как *e re.*) /*ere*/ — письм.-монг. *er-e* ‘мужчина’. В первом слоге пропущен диакритический знак *'greng bu* для гласного *e*, во втором слоге знак *'greng bu* написан как *gi gu*, обозначающий *i*; как отмечено выше, такое начертание характерно для данного материала.

14. **Vrouw** [женщина] *taichu tha'i.hu.* /*taiχu*/ — письм.-монг. *tayikeü* < кит. 太后 *tàihòu* ‘мать-императрица’.

15. **Vader** [отец] *Ada a.ga.* (нужно читать как *a.ba.*) /*aba*/ — письм.-монг. *abu* ‘папа, отец’, *aq-a* ‘старший брат, дядя’. Очевидно, что данное слово содержит множество ошибок: тибетское *ba* с последующим знаком пунктуации *shad* при переписке превратилось в *ga*, а латинская *b* была ошибочно набрана как *d*.

Tangutsche benamingen [‘Тангутские наименования’] (рис. 4)

16. **Moeder** [мать] *byedzy pi i ci.* /*bī ijī*/ — письм.-монг. *bui eji* ‘есть мама’. Д. Кара [Kara 2005: 181] читает как тюрк. *bičä*.

17. **Broeder** [брат] *Achay ofte* [или также] *Akadey a.ha.d'u* /*axa dū*/ — письм.-монг. *aq-a degiü* ‘братья’. Первое слово *Achay* соответствует письм.-монг. *aqai* и является звательной формой от слова *aq* [Kara 2005: 181].

18. **Wyff** [жена] *emie a.ma.* (следует читать *e.me.*) /*eme*/ — письм.-монг. *em-e*. Диакритический знак для гласной *e* (*'greng bu*) пропущен в обоих слогах.

19. **Maecht** [дева] *okin o.khin.* /*okin-ökin*/ — письм.-монг. *ökin* ‘девочка; дочка’.

20. **Oogen** [глаза] *nudun nu dun.* /*nüdü*/ — письм.-монг. *nidün*, письм.-ойр. *nüdü* ‘глаз(а)’.

21. **Ooren** [уши] *tfchiken tshi khin.* /*čikin*/ — письм.-монг. *čikin* ‘ухо, уши’.

22. **Neus** [нос] *chabar ha.par.* /*χabar*/ — письм.-монг. *qabar*, письм.-ойр. *χabar, χamar* ‘нос’.

23. **Tong** [язык] *kelien khe lan.* (следует читать *khe len.*) /*kelen*/ — письм.-монг. *kelen* ‘язык’. Данное слово можно прочесть как *khe len*, предположив, что во втором слоге пропущен диакритический знак *'greng bu*.

24. **Mondt** [рот] *Aman a.p'an.* (следует читать *a.m'an.*) /*amān*/ — письм.-монг. *aman*

‘рот’. Тибетские буквы с петлеобразным элементом, такие как *ma*, *na*, в данном материале иногда записаны таким образом, что петля слишком мала и часто исчезает полностью. В случае с буквой *ma* такое написание может привести к смешению ее с буквой *pa*, точно так же *na* может быть легко спутано с *da*. Поэтому с учетом особенностей данного почерка чтение данного слова как *a.m'an* вполне оправдано. Подписная 'a указывает на ударение (см. также №№ 2, 27).

25. **Tanden** [зубы] *Schiudun shu.dun. / šüdüün/* — письм.-монг. *sidün*, письм.-ойр. *šüdüün* ‘зуб(ы)’.

26. **Baert** [борода] *Sagal sa.h'al / saxāl/* — письм.-монг. *saqal* ‘борода, усы’.

27. **Paep** [Папа] *lama l'a.ma. /lāma/* — письм.-монг. *lam-a*, *blam-a* < тиб. ལ་མ་ *bla ma* ‘лама, учитель’. Подписная 'a в данном случае, вероятно, также отражает (русское?) ударение (см. также № 2 и № 24).

28. **Schrifer** [писарь] *bachfschi p'a ha shi. /bāx<a>ši/* — письм.-монг. *baysi* ‘учитель’. Такую же долготу в первом слоге имеет слово *baekse* /bākse/ ‘монах’, которое приводится Н. Витсеном в сведениях одного калмыка [NOT, I 1705: 289]: **Baekse, Priesters** [монахи] /baksi~bakši/ соответствует письм.-монг. *baysi* ‘учитель’; письм.-ойр. *baqši*, халх. *багш*; бур. *багша*; калм. *багш* id. Употребление слова *baysi* для именования лам можно считать ойратской чертой.

29. **jongh** [молодой] *Kobaun* (следует читать *Kobeun?*) /kōböün?/ *kho.b'un. /kōbūn/* — письм.-монг. *kōbegün* ‘мальчик; сын’.

30. **een Kok** [повар] *keretschi* (нужно читать как *ketetschi*)¹ *khe.the.chi. /keteci/* — письм.-монг. *kötüči*, письм.-ойр. *kötöči* ‘денщик, слуга’. Если в калмыцком словнике Н. Витсена можно предполагать некоторые упрощения при записи ойратских слов на латинице, как, например, передача ойратского звука *ö* через латинскую букву *e*, то в данном случае совершенно очевидно, что написана именно гласная *e*. Таким образом, возникает вопрос о способе фиксации ма-

териала: либо тому, кто писал тибетскими буквами, читали ранее записанное латиницей калмыцкое слово и просили написать его тибетской графикой, либо несоответствия возникали после того, как материал был затранскрибирован. Также возможен сценарий, когда слово, правильно записанное тибетскими буквами, затем могло быть исправлено в соответствии с латинской транскрипцией.

31. **Hout** [древесина] *modum mo.dun. /modun/* — письм.-монг. *modun* ‘дерево; древесина’. Вариант в латинице может свидетельствовать о том, что для неискушенного уха трудно различать, какой именно звук был произнесен — *n* или *m*. Однако нельзя исключить и возможность опечатки.

32. **Eyfer** [железо] *temur thi.mar. или the.mar.* (должно быть *the.mur.?*) /temür/ — письм.-монг. *temür* ‘железо’. Во втором слоге пропущен диакритический знак для гласного *u*. Слово воспроизведено в книжной форме.

33. **Inkt** [чернила] *bekie be khe. /beke/* — письм.-монг. *beke* ‘чернила’.

34. **Pen** [ручка] *udziug u.tsug. /üdzüig/* — письм.-монг. *üjüg*, письм.-ойр. *üzüq* ‘калам; ручка’. калм. *үзг* ‘буква’, бур. *үзэг* ‘буква’ соответствует халх. *үсэг* id.

35. **Schryff** [пиши] *bifsch pi ci. /bici/* — письм.-монг. *biči* ‘пиши’.

36. **Lees** [читай] *unfschy ung.shi. /uñši/* — письм.-монг. *ungsi* ‘читай’.

37. **Pels** [шуба] *debel de pel. /debel/* — письм.-монг. *debel* ‘верхняя одежда’.

38. **Gordel** [пояс] *bufie bu.se. /büse/* — письм.-монг. *büse* ‘пояс; кушак’.

39. **Stewels** [сапоги] *godufun ga.do sun.* (у буквы *ga* отсутствует диакритический знак *na ro* для гласной *o*; таким образом, слово должно читаться как *go.do sun.*) /yodosun/ — письм.-монг. *yodusun* ‘унты’.

40. **een Mutz** [шляпа] *Malachay /malaχai/ mal.ha'i. /malχai/* — письм.-монг. *malay-a*, *malayai* ‘шапка’. В тибетском варианте отсутствует гласная второго слога, которая редуцируется в живом произношении.

41. **Broeken Koofen** [чулки] *umudun u.mu.dun. /ümüdün/* — письм.-монг. *ömüdüün* ‘штаны’.

42. **Koufen** [носки] *oimufun o'i.mo.sun.* (тиб. *ma* написано как *pa*, см. № 24) /oimosun/ — письм.-монг. *oyimasun* ‘носки, чулки’.

¹ «Северная и Восточная Тартария» содержит множество опечаток и ошибок, которые затрудняют интерпретацию богатого языкового материала. Подробное изложение буквенных соответствий и возможных ошибок из-за опечаток и неверной интерпретации кириллических знаков при переводе будет опубликовано нами в другой работе.

43. **Sandt** [песок] *Schgioroy sho.ro'i.* / *šoroil* — письм.-монг. *sirui*, письм.-ойр. *šoroi* ‘земля, песок’.

44. **Taschjen** [мешочек, кармашек] *utaga u.tha.ga.* / *ūtaga<n>* — письм.-монг. *uyuta+qan* ‘сума+дими́нутив’.

45. **Vuerflag** [огниво] *kete kha.tha.* (в обоих слогах пропущен диакритический знак *'greng bu* для гласной *e*, с учетом этого слово следует читать *khe.the.*) / *kete/* — письм.-монг. *kete* ‘огниво’.

46. **Eeten** [клятва?] *beje be ye /beye/* — письм.-монг. *bey-e* ‘тело’. Не совсем ясно, как эти два слова оказались рядом.

47. **Meft** [нож] *kutuga khu th'u ga.* / *qutūya/* — письм.-монг. *kituy-a*, письм.-ойр. *xutuy-a*, калм. *ymx* ‘нож’.

Далее следуют числительные без отдельного заголовка, но визуально с нового абзаца, во втором издании (рис. 4) и с заголовком в третьем издании: «Тангутские цифры, звучание которых очень похоже на звучание калмыцких и монгольских цифр». Таким образом, Н. Витсен сам отмечает схожесть части своего «тангутского» материала с калмыцким и монгольским.

48. **Een** [один] *niegen ni.gen.* — письм.-монг. *nigen* ‘один’.

49. **Twe** [два] *kojer kha.yar.* (тиб. *ya* и *a* довольно похожи, плохо различает их и автор материала) (следует читать как *kho.yar.*) / *qoyar/* — письм.-монг. *qoyar* ‘два’. Диакритический знак для гласной *o* пропущен в первом слоге. Увулярный **q* отмечен тибетской буквой *kha* так же, как в № 47 и № 58. Видимо, в данном случае смешиваются два типа источников — один, отражающий книжно-монгольские формы и возникший на восточно-монгольской основе, второй, отражающий письменный язык ойратов и их устную речь.

50. **Drie** [три] *gurban gar.pan.* (у буквы *ga* опущен диакритический знак *zhabs ku* для гласной *u*, таким образом, слово должно читаться как *gur.pan.*) / *yurban/* — письм.-монг. *yurban* ‘три’.

51. **Vier** [четыре] *Diurban dor.ben.* / *dörben/* — письм.-монг. *dörben* ‘четыре’.

52. **Vyff** [пять] *Taban th'a.pun.* / *tābun/* — письм.-монг. *tabun* ‘пять’.

53. **Ses** [шесть] *dziurgan tsur.g'an.* / *dzurūān/* — письм.-монг. *ḡirūyan* ‘шесть’.

54. **Seven** [семь] *Dolon do.lomn.* / *dolon/* — письм.-монг. *doluyan* ‘семь’. В данном материале знак анусвара *ṁ* исполь-

зован дважды для обозначения конечного *n* (ср.: № 12).

55. **Acht** [восемь] *naiman na'a.m'an.* (у первой буквы *'a* отсутствует диакритический знак *gi gu* для обозначения гласного *'i*; с учетом сказанного слово следует читать *na'i.m'an.*) / *naimān/* — письм.-монг. *nayman* ‘восемь’.

56. **Negen** [девять] *jesun yi.san.* (следует читать *yi.sun.*) / *yisūn/* — письм.-монг. *yisūn* ‘девять’. Диакритический знак для гласного *u* пропущен во втором слоге.

57. **Tien** [десять] *Arban ar.b'an.* / *arbān/* — письм.-монг. *arban* ‘десять’.

58. **Twintig** [двадцать] *korin kho rin / qorin/* — письм.-монг. *qorin* ‘двадцать’.

59. **Dartich** [тридцать] *gutschin gu.tshan.* (во втором слоге пропущен диакритический знак *gi gu* для обозначения гласного *'i*, следует читать *gu.tshin.*) / *yucin/* — письм.-монг. *yūč'in* ‘тридцать’.

60. **Veertigh** [сорок] *Dutshin tu tshan.* (пропущен диакритический знак *gi gu* для обозначения гласного *'i* во втором слоге, слово следует читать как *tu tshin.*) / *dücin/* — письм.-монг. *döč'in* ‘сорок’. Ряд непридыхательных глухих тибетского языка часто используется для обозначения слабых согласных фонем монгольского языка (см. коммент. к № 63).

61. **Vyfftig** [пятьдесят] *tabun tha.bin.* / *tabin/* — письм.-монг. *tabin* ‘пятьдесят’. В латинской транскрипции Н. Витсена опечатка: должно быть *tabin* вместо *tabun*. В тибетской надписи диакритический знак *gi gu* для обозначения гласного *'i* во втором слоге довольно сильно смещен направо.

62. **Sestich** [шестьдесят] *dzyran /jiran/ tsa ran.* / *ḡaran/* — письм.-монг. *ḡiran* ‘шестьдесят’.

63. **Seventigh** [семьдесят] *dalan ta l'an.* / *dalān/* — письм.-монг. *dalan* ‘семьдесят’. В монгольском чтении тибетские глухие непридыхательные согласные (*ta*, *pa* и т. д.) обычно читаются как слабые согласные, звонкие в позиции перед или между гласными или сонорными, и как глухие в позиции рядом с сильными (глухими придыхательными) согласными. Таким образом, тибетские *ta* и *da* произносятся одинаково [da], а *tha* — как [tʰa].

64. **Tachentich** [восемьдесят] *najan na.yan.* / *nayan/* — письм.-монг. *nayan* ‘восемьдесят’.

65. **Negentich** [девяносто] *jerem ye ren.* / *yeren/* — письм.-монг. *yeren* ‘девяносто’.

О чередовании *m* и *n* в ауслауте см. объяснение в № 31).

66. **Hondert** [сто] **dziun** с'ун. /dzün/ — письм.-монг. *ᠳᠵᠢᠨ* 'сто'.

67. **Duyfent** [тысяча] **myngan** *ming.h'an* /mĩṅṅān/ — письм.-монг. *mingyan* 'тысяча'. Скорее всего, тибетская *ha* в данном случае передает лишь щелевой характер звука, поэтому вполне возможно реконструировать слово как /mĩṅṅān/.

68. **Tienduyfent** [десять тысяч] **tumen** *thu men*. /tümen/ — письм.-монг. *tümen* 'тьма, десять тысяч'.

69. **Hondertduyfent** [сто тысяч] **Bum** *bum*. /bum/ — письм.-монг. *bum* < тиб. *འབུ་* 'bum' 'сто тысяч'.

70. **Duyfent** **Duyfenden** [тысяча тысяч] **Siaja** *sa ya*. /saya/ — письм.-монг. *say-a* < тиб. *སྐུ་ལ་* *sa-ya* 'миллион'.

Итак, язык материала, идущего у Н. Витсена под заголовком «тангутский», преимущественно является ойратским и отражает как книжные, так и разговорные формы. В пользу этого говорят следующие факты:

1) тщательное проводимое различие между увулярным *χ* и заднеязычным *k* при помощи тибетских *ha* и *kha*;

2) сохранение конечного *-n* и кратких гласных последнего открытого слога: /nüdün/, /šüdün/, /kelen/ и т. д.;

3) наличие таких слов, как *malaχai*, *γodosun*, *köböün* в книжно-ойратской (*modo bichig*) записи;

4) передача [e] через *ie* (*emie*, *kelien*, *busie* и т. д.) свидетельствует, на наш взгляд, именно об ойратском характере данного звука: переднеязычный гласный верхнего подъема.

Вместе с тем, в материале содержатся такие слова, как *χabar* 'нос', *modun* 'дерево', которые как будто больше характерны для старописьменного монгольского языка. Однако общеизвестно, что книжно-монгольские слова проникали в ойратские памятники с переводами с монгольского языка для придания языку архаичности и книжности. Многие из этих слов в этом виде зафиксированы в ойратских словарях [Krueger 1978–1984].

В ряду интересных особенностей передачи монгольских языков тибетской графикой, которые отражены и в анализируемом в данной статье материале, заслуживают отдельного внимания «долготы» (обозначаемые подписной 'a). Как можно было заме-

тить, во многих случаях эти «долготы» не совпадают с теми долгими, к которым исследователи привычны и которые находят отражение в орфографиях различных монгольских языков и памятников. Возникает правомерный вопрос: с чем это связано? Отражает ли это какие-то особенности акцентуации?

Дальнейшее внимательное изучение тибетографичных документов на монгольских языках, а также того языкового материала, который зафиксирован в работах западно-европейских путешественников, особенно при условии выработки относительно надежной методики анализа и интерпретации наблюдаемых данных, позволит значительно расширить и углубить хронологические рамки живых языков и диалектов монголов и даст дополнительные точки опоры для интерпретации орфографических особенностей монгольского письма.

Сокращения

бур. — бурятский язык; калм. — калмыцкий язык; письм.-монг. — письменный монгольский язык; письм.-ойр. — письменный ойратский язык; СВТ 2010 — Витсен 2010; халх. — халха-монгольский язык; NOT 1692 — Witsen 1692; NOT, I–II 1705 — Witsen 1705.

Литература

- Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / пер. с гол. яз. В. Г. Трисман; ред. и науч. рук. Н. П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 1. XXII, 621 с.
- Владимирцов Б. Я. Монгольский сборник рассказов из *Pañcatantra* // Б. Я. Владимирцов. Работы по литературе монгольских народов. М.: Вост. лит., 2003. С. 77–204. (Классики отечественного востоковедения)
- Пагва. Төвд үсгээр үгчилсэн монгол ном зохиол = The Mongolian texts (sic!) in Tibetan transcription. Улаанбаатар: ШУДБ Хүрээлэнгийн эрдэм шинжилгээний хэвлэлийн газар, 1959. 26 pp.
- Рерих Ю. Н., Шастина Н. П. Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель // Проблемы востоковедения. 1960. № 4. С. 140–150.
- Хамарханов А. З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 143–161.

- Bawden C. R. Mongolian in Tibetan Script // *Studia Orientalia*. 1960. Vol. 25, fasc. 3. P. 3–15.
- Grivelet S. The Journal of the lamas: a Mongolian publication in Tibetan script. Bloomington, IN: Mongolia Society, 2001. (Publications of the Mongolia Society: Special papers; iss. 14). 84 pp.
- Grønbech K. Mongolian in Tibetan Script // *Studia Orientalia*. 1953. Vol. 19, fasc. 6. P. 3–8.
- Kara G. Books of the Mongolian Nomads: More than Eight Centuries of Writing Mongolian / Transl. from the Russian by J. R. Krueger. Bloomington, IN: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 2005. (Indiana University Uralic and Altaic Series; Vol. 171). 371 pp.
- Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English citation dictionary. Bloomington, IN: Mongolia Society, 1978–1984. Pt. 1–3. (Publications of the Mongolia Society.) 204 pp.
- Sagaster K. The history of Buddhism among the Mongols // *The Spread of Buddhism* / Ed. by A. Heirman, S. P. Bumbacher. Leiden—Boston: Brill, 2007. P. 379–432. (Handbook of Oriental Studies. Sec. 8: Central Asia; Vol. 16.)
- Witsen N. Noord en Oost Tartarye, Ofte Bondigh Ontwerp Van Eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest: Beneffens verscheide tot noch toe onbekende, en meest noit voorheen beschreve Tartersche en nabuerige gewesten, landstreken, steden, rivieren, en plaetzen, in de Noorder en Oosterlykste Gedeelten van Asia en Europa, Zo buiten en binnen de Rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische-Ooster, en Swarte Zee gelegen; gelyk de Landschappen Niuche, Dauria, Jesso, Moegalia, Kalmakkia, Tangut, Usbek, Noorder Persie, Georgia, Circassia, Crim, Altin, enz. mitsgaders Tingoesia, Siberia, Samojedia, en andere aen Hare Zaerze Majesteiten Kroon gehoorende heerschappyen. Amsterdam: S. n., 1692. D. 2.
- Witsen N. Noord en Oost Tartarye, Ofte Bondig Ontwerp Van eenige dier Landen en Volken, Welke voormaels bekend zijn geweest: Beneffens verscheide tot noch toe onbekende, en meest nooit voorheen beschreve Tartersche en Nabuurige Gewesten, Landstreeken, Steden, Rivieren, en Plaetzen, in de Noorder en Oosterlykste Gedeelten van Asia en Europa, Zoo buiten en binnen de Rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische-Ooster, en Zwarte Zee gelegen; gelijk de Landschappen Niuche, Dauria, Jesso, Moegalia, Kalmakkia, Tangut, Usbek, en Noorder Persie, Turkestan, Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, Samojedia, en andere aen hunne Tzaersche Majesteiten Kroon gehoorende Heerschappyen. 2de Druk. Amsterdam: Halma, 1705. D. 1–2.

References

- Witsen N. *Severnaya i Vostochnaya Tartariya, vklyuchayushchaya oblasti, raspolozhennye v severnoy i vostochnoy chastyakh Evropy i Azii / per. s gol. yaz. V. G. Trisman; red. i nauch. ruk. N. P. Kopaneva, B. Naarden* [North and East Tartary ... Transl. from Dutch by V. Trisman; edit. by N. Kopaneva, B. Naarden]. Amsterdam, Pegasus Publ., 2010, vol. 1, XXII, 621 p. (In Russ.).
- Vladimirtsov B. Ya. *Mongol'skiy sbornik rasskazov iz Pañcatantra* [Short stories from Pañcatantra: a Mongolian collection]. *Raboty po literature mongol'skikh narodov* [Mongolic peoples: works on literature]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2003, pp. 77–204 (In Russ.).
- Phagpa. *Tөвд үсгээр үгчилсэн монгол ном зохил* [A Mongolian literary essay written in Tibetan script]. Ulaanbaatar, ShUDB Research Institute Press, 1959, 26 p. (In Mong.).
- Roerich Yu. N., Shastina N. P. *Gramota tsarya Petra I k Lubsan-taydzhi i ee sostavitel'* [The letter missive of Peter the Great to Lobsang Tayiji and its compiler]. *Problemy vostokovedeniya* (Problems of Oriental Studies), 1960, No. 4, pp. 140–150 (In Russ.).
- Khamarkhanov A. Z. *O kul'ture i byte mongol'skikh narodov v trude N. Vitsena «Severnaya i Vostochnaya Tartariya»* [About the culture and everyday life of Mongolic peoples as contained in N. Witsen's North and East Tartary]. *Kul'turno-bytovye traditsii buryat i mongolov* [Cultural and household traditions of Buryats and Mongols]. Ulan-Ude, Buryat Affiliated Institution (Sib. Branch of the USSR Ac. of Sc.) Press, 1988, pp. 143–161 (In Russ.).
- Bawden C. R. Mongolian in Tibetan Script. *Studia Orientalia*, 1960, vol. 25, fasc. 3, pp. 3–15 (In Eng.).
- Grivelet S. The Journal of the lamas: a Mongolian publication in Tibetan script. Bloomington, Indiana, Mongolia Society, 2001. (Publications of the Mongolia Society, Special papers, 14 p.) (In Eng.).
- Grønbech K. Mongolian in Tibetan Script. *Studia Orientalia*, 1953, vol. 19, fasc. 6, pp. 3–8 (In Eng.).
- Kara G. Books of the Mongolian Nomads: More than Eight Centuries of Writing Mongolian. Transl. from the Russian by J. R. Krueger. Bloomington, Indiana, Indiana University

- Press, Research Institute for Inner Asian Studies, 2005. (Indiana University Uralic and Altaic Series; vol. 171) (In Eng.).
- Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English citation dictionary. Bloomington, Indiana, Mongolia Society, 1978–1984, prints 1–3. (Publications of the Mongolia Society) (In Eng.).
- Sagaster K. The history of Buddhism among the Mongols. The Spread of Buddhism. Ed. by A. Heirman, S. P. Bumbacher. Leiden — Boston, Brill Publ., 2007, pp. 379–432. (Handbook of Oriental Studies. Sec. 8: Central Asia; vol. 16.) (In Eng.).
- Witsen N. *Noord en Oost Tartarye, Ofte Bondigh Ontwerp Van Eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest: Beneffens verscheide tot noch toe onbekende, en meest noit voorheen beschreve Tartersche en nabuerige gewesten, landstreken, steden, rivieren, en plaetzen, in de Noorder en Oosterlykste Gedeelten van Asia en Europa, Zo buiten en binnen de Rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische-Ooster, en Swarte Zee gelegen; gelyk de Landschappen Niuche, Dauria, Jesso, Moegalia, Kalmakkia, Tangut, Usbek, Noorder Persie, Georgia, Circassia, Crim, Altin, enz. mitsgaders Tingoesia, Siberia, Samojedia, en andere aen Hare Zaerze Majesteiten Kroon gehoorende heerschappyen* [North and East Tartary ...]. Amsterdam, 1692, D. 2 (In Dutch).
- Witsen N. *Noord en Oost Tartarye, Ofte Bondigh Ontwerp Van eenige dier Landen en Volken, Welke voormaels bekend zijn geweest ... 2de Druk* [North and East Tartary ... 2nd ed.]. Amsterdam, Halma Publ., 1705, D. 1–2 (In Dutch).

УДК 811.512.33

ПЕРВЫЙ ОЙРАТОЯЗЫЧНЫЙ ПАМЯТНИК НА ТИБЕТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Жаргал Баяндалаевич Бадагаров ¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, заведующий, кафедра филологии Центральной Азии, Институт востоковедения, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: bjargal@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу части «тангутского» материала Н. Витсена, изданного им в монументальном труде «Северная и Восточная Тартария» (1692, 1705). Анализируемый материал представляет собой ойратский словник, написанный тибетскими буквами. Фонетические, морфологические и лексические особенности материала позволяют однозначно идентифицировать его как первый ойратский памятник в тибетской графике.

Язык материала, идущего у Н. Витсена под заголовком «тангутский», преимущественно является ойратским и отражает как книжные, так и разговорные формы. В пользу этого говорят следующие факты: 1) тщательное проводимое различие между увулярным *χ* и заднеязычным *k* при помощи тибетских *ha* и *kha*; 2) сохранение конечного *-n* и кратких гласных последнего открытого слога: */nüdüñ/, /šüdüñ/, /kelen/* и т. д.; 3) наличие таких слов, как *malaχai, yodosun, köböün* в книжно-ойратской (тодо бичиг) записи; 4) передача [e] через *ie* (*emie, kelien, busie* и т. д.) свидетельствует, на наш взгляд, именно об ойратском характере данного звука: переднеязычный гласный верхнего подъема. Вместе с тем, в материале содержатся такие слова, как *χabar* ‘нос’, *modun* ‘дерево’, которые как будто больше характерны для старописьменного монгольского языка. Однако общеизвестно, что книжно-монгольские слова проникали в ойратские памятники с переводами с монгольского языка для придания языку архаичности и книжности. Многие из этих слов в этом виде зафиксированы в ойратских словарях. В ряду интересных особенностей передачи монгольских языков тибетской графикой, которые отражены и в анализируемом в данной статье материале, заслуживают отдельного внимания «долготы» (обозначаемые подписной ’а). Автор отмечает, что во многих случаях эти «долготы» не совпадают с теми долгими, к которым исследователи привычны и которые находят отражение в орфографиях различных монгольских языков и памятников.

Ключевые слова: тибетографические монголоязычные памятники, письменный ойратский язык, калмыцкий язык, ранние западноевропейские источники по монгольским языкам, «тангутский» материал Витсена.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 224–230, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-224-230
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.33(=512.151)

The Rite of Visiting a Holy Spring and its Mythological Context in the Folklore Tradition of the Altaians

Nadezhda R. Oynotkinova¹

¹Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Department of Siberian Folklore, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russian Federation).
 E-mail: sibfolklore@mail.ru

Abstract. The analysis of semantics, structure and context of the ritual performed by Altaians during visits to holy springs — *arzhan* — has shown that it stems from animistic beliefs. The paper concludes that the ritual conducted for spirit masters of holy springs has a lot in common with the ancient shamanic ritual of *jer-suu*, i.e. sacrifices to spirits of mountains, rivers, lakes and holy springs. In fact, the actional elements of the sacrifice to spirit masters of springs are identical to those applied in the rite of sacrifice to spirit masters of the 'land-and-water' (Alt. *jer-suu*). There is an ethical code for visitors of a holy spring; any violation or improper performance of the worshipping rite is believed to entail corresponding punishment or bring efforts to naught. Those canons have been established and became a topic of discussion in folklore, particularly in mythological tales, epic songs, and beliefs. The narratives are centered around motifs of spring spirits' appearances, their symbolic images pictured by visitors, with some positive or negative semantics. Plots of some stories deal with cases associated with violation of 'holy-spring' etiquette or improper performance of the rite. Texts of invocations to holy springs are more situational, and the initial part necessarily contains appeals to a particular spring. The most common and complete text of the introductory part of invocation comprises all the important characteristics of the glorified object. The Altai is praised with all its attributes as the place the holy spring flows from. The characteristic feature is that a request is submitted — to heal the patient from a disease. It is believed that the best time to visit a holy spring is from early summer — when leaves on trees bloom (Alt. *jazhylbürde* — 'at the time of green foliage') — and to mid-autumn when foliage turns all yellow (Alt. *sarybürde* — 'at the time of yellow foliage'). Thus, the time of visits to holy springs coincides with that of the spring-summer rite of *Altai Takygani* and ends in autumn, i.e. after the latter is over.

Keywords: rituals of Altaians, holy spring, cult of water, myths about spirits of nature.

Издавна люди верили, что горные источники обладают огромной очистительной, целебной силой, так как они, как и реки, озера, моря, имеют своих духов-хозяев, которые помогают, если их задобрить и попросить у них исцеления. В прошлом предки алтайцев совершали жертвоприно-

шения божествам и духам рек, озер, морей. Обряд, совершаемый при посещении святого источника у алтайцев, малоизучен: эта тема рассмотрена в работе Н. Н. Тыдыковой [Тыдыкова 2016], А. В. Наевой [2010] и др. В сборнике «Алтай алкыштар» [Ямаева, Укачина 1993: 122–124] опубликованы

связанные с этим обрядом 4 небольших текста. Обряд, совершаемый при посещении святого источника, у алтайцев имеет много общего с аналогичным обрядом у тувинцев [Юша 2009: 63–64].

В данной статье мы рассмотрим семантику, структуру и контекст обряда, совершаемого при посещении святого источника у алтайцев. К анализу привлечены неопубликованные (архивные и полевые) и опубликованные материалы.

Обряд, посвященный духу-хозяину святого источника, связан с культом воды и имеет много общего с шаманскими обрядами жертвоприношения духам рек, озер и морей. В прошлом телеуты посвящали специальный обряд морскому божеству Талай-Хану ('Море-Хан'). Впервые он был записан в начале XX в. А. В. Анохиным. Текст записи обряда, составленный А. В. Анохиным, опубликован Д. А. Функом, который сопроводил ритуальные тексты переводом на русский язык и комментариями [Телеутский фольклор 2004: 107–160]. В другой работе Д. А. Функа рассмотрены семантика и контекст этого камлания [Функ 2005: 168–169]. Мистерия Талай-Хану отражает специфику репертуара телеутских шаманов. У южных алтайцев представления о духах-хозяевах водных объектов (реки, озера, святого источника, моря) в полной мере проявились в мифологической прозе, а в шаманских камланиях чаще речь идет о духах-хозяевах священных гор — *ыйык*. Камлания божествам водной стихии — Талай-Хану и Сулай-Хану ('Река-Хан') — обусловлены спецификой быта телеутов, которые, как и другие северные этнические группы алтайцев, занимались собирательством, охотой и рыболовством, в то время как южные алтайцы — скотоводством.

Л. Э. Каруновская приводит сведения о «матери-кори» (*Корь-әнә*), служительницы духа моря Талай-хана, и о жертвоприношении Талай-хану в случаях, связанных с одной из детских болезней. Ученый отмечает, что у телеутов, проживавших в Шебалинском районе Горного Алтая, в тяжелых случаях, когда ребенок заболел корью или оспой, нельзя было камлать, но совершался особый обряд: «Когда у ребенка появляются признаки кори, в помещении, где он находится, прежде всего, все моют на чисто пол, окна, лавки, стол, посуду; затем на окна вешают чистые занавесы, стол накрывают чистой белой скатертью и ставят

на нем угощение: арачку, пресное печенье, пряники, мёд. В переднем углу развешивают штук пять–шесть чистых женских платьев и платков. Больного ребенка одевают во все чистое, по возможности новое. Все члены семьи также переодеваются в чистые праздничные, по возможности новые, платья и ждут невидимого посещения матери-кори (*Корь-әнә*), служительницы Талай-хана — духа моря. Она является незримо в дом и „переваривает“ тело больного ребенка, делает его новым» [Каруновская 1927: 33]. Помимо этих действий, старший член семьи ежедневно окуривает больного вереском, произнося заклинание «матери-кори» для того, чтобы умиловить её. «Матерь-корь» представляется живущей очень далеко: «Приплывшая по дорогам, приплывшая по водам с соединения семи вод, живущая на соединении девяти рек, на девяти водоворотках крутящихся» [Каруновская 1927: 34]. Внешний облик ее описывается так: *Кызыл торбо киймдү, / Кызыл пырчын чырайлу, / Тоң торкодо киймдү, / Толгон айды чырайлу* 'В одежде из красного шелка, / С чистым румяным лицом, / В одежде из чистого шелка, / С лицом, как полный месяц' [Каруновская 1927: 34]. По выздоровлении ребенка в первое же половодье делают жертвоприношение Талай-хану: старший член семьи из тальника плетет небольшой плот, на него ставят араку, пресное печенье, мед, ягоды и пускают его по течению реки. «Если же ребенок умирает от кори, то его сорочку, платок и обувь берегут до весны, и весной отправляют эти вещи вместе с перечисленными выше угощениями, на плоту вниз по реке, к Талай-хану» [Каруновская 1927: 34–35].

Среди алтайцев, как и среди многих тюркских и монгольских народов, издавна практикуется лечение на целебных источниках *аржан*, пробивающихся из земли или горы. В народе такие источники считаются священными, поэтому при их посещении предпринимается целый комплекс ритуальных действий, направленных на установление контакта с их духом-хозяином.

Слово *аржан* происходит от слова на санскр. *rasayana* 'нектар, священная вода, целебная вода, целебный источник', проникшего в часть старотюркских диалектов в форме *арашан*, в дальнейшем вошедших в состав северо-западных и северо-восточных тюркских языков, возможно через монгольский. Ср. письм. монг. *aršiyan* ~ *arasiyan* ~

rasiyan ‘нектар, священная вода, целебная вода, целебный источник, аршан’ [Севортян 1974: 168] — кирг. *араишан* / *arašan*, каз. *арасан* / *arasan*, алт. *аржан* / *aržan*, тув. *аржа:н* / *araša:n* [Севортян 1974: 168]. Святые источники воспеваются в многочисленных песнях и обрядовых текстах алтайцев.

Для посещения целебного источника подходящим считается период с начала лета, когда распускаются листья на деревьях (*јажыл бӯрде* ‘в пору зеленой листвы’) и до середины осени, когда вся листва становится желтой (*сары бӯрде* ‘в пору желтой листвы’). Время посещения целебных источников совпадает со временем проведения весенне-летнего обряда *Алтай такыганы* и заканчивается после его проведения осенью. Таким образом, проведение двух

Айлу-Күндү тенгерим!
Агаи-таишу Алтайым!
Амзап ичкен аржан суум!
Алтап баскан, Алтайым!
Сузуп ичкен агын суум!
Сунуп баскан, Алтайым!
Ак малыбыска одор беригер,
Албатыбыска ырыс беригер,
Оору-јобол жууктаппагар,
Ончо јоныбыс кадык болзын.
Күрүм, көрмөс жууктаппагар,
Калык-јоныбыс кадык јатсын,
Оп ло куруй, баш ла болзын!
Баштаг јаан баш ла болзын,
Бажыбыс јабыс мүргүдибис,
База ла катап баш болзын!

[ПМА]

После обряда можно попить воды из источника, умыть свое лицо; если человек имеет проблемы со здоровьем, он может помолиться за свое выздоровление.

Существуют этикетные нормы поведения при подготовке к посещению *аржана*: соблюдается ряд запретов, направленных на духовно-моральное очищение человека: нельзя пить алкоголь, есть много мяса, посещать увеселительные мероприятия, участвовать в похоронах и т. д. О своих намерениях посетить святой источник посторонним людям не говорят.

Рано утром у источника развешивают жертвенные ленточки — *јалама*, из камней складывают жертвенник — *тагыл* (если он уже имеется, пользуются им). На этот жертвенник с ритуальной пищей и можжевеловым кладут вырезанные фигурки животных (тел. *балгын*, алт. *шатра*) как дар духу-хозяину *аржана*. На костре для ду-

молений, посвященных Алтаю, как бы замыкает срок, отведенный для посещения целебных источников. В некоторых случаях обряд *Алтай такыганы* устраивался там, где есть святой источник, и после моления люди также могли пойти и поклониться его духу-хозяину.

Основные ритуальные действия рассматриваемого обряда напоминают действия обряда жертвоприношения земле (понятие *јер-суу* ‘земля-вода’ включает в себя компонент *суу* ‘вода’) [Ойроткина 2016: 5–18]. В прошлом обращение к духам-хозяевам святых источников и рек, озер было обязательной составной частью обряда *Алтай такыганы* (*Јер-суу көдүргени*). Приведем текст:

Небо с луной-солнцем,
 Алтай мой с лесами-горами,
 Аржан-источник, из которого пьем,
 Алтай мой, где мы ходим!
 Быстрая река, из которой пьем,
 Алтай мой, где мы ходим!
 Белому скоту нашему пастбища дайте,
 Народу нашему счастье дайте,
 Болезни-недугу не дайте пристать,
 Пусть все люди здоровыми будут.
 Кюрюму, көрмөс не дайте приблизиться,
 Пусть наш народ здоровым будут,
 Оп-курый, кланяемся!
 Пусть больше головы голова будет,
 Низко кланяясь, молимся,
 Еще раз кланяемся!

[перевод автора]

хов-хозяев источника сжигают угощения с веточками можжевельника (*сан салар*). Самый старший из членов семьи, окропляя молоком или молочным чаем (сваренным без соли) во все четыре стороны света, произносит благопожелание-молитву. Остальные же, сидя на корточках, кланяются в сторону восхода солнца.

Все свои важные обрядовые действия человек сопровождает диалогом с духом-хозяином, чтением молитвы — когда он привязывает жертвенную ленту, окропляет все четыре стороны света, кормит огонь или по завершении обряда.

Вступительная часть молитвы, направленной духу-хозяину *аржана*, начинается с обращения к духу-хозяину горы — Кайракану, а затем к солнцу (*Күн-быркан*), луне (*Ай-быркан*), всем светлым духам — *быркан’ам*:

*Чѳѳк-чѳѳк Кайракан!
Агаи ээзи бай тазыл!
Алтай ээзи бай ѳргѳѳ!
Агаи-тажы куйак болгон!
Аккан суузы аржан болгон!*

*Эгир чыккан Ай-быркан!
Таг чыккан Күн-быркан
Колтыгарга сугундыраар!
Койныгаарга коруугар!
Чѳѳк! Чѳѳк, Кайракан!
Мен, ... (адын айдар),
Меге, балдарыма болужыгар!*

[ПМА: Тойдонова Р.]

‘Чѳѳк-чѳѳк, Кайракан!
Хозяин дерева — священный корень!
Хозяин Алтая — священный дворец!
Деревья-камни его защитой были!
/ Текущие воды его целебным аржаном были!
Ночью появляющаяся Луна-быркан!
Утром восходящее Солнце-быркан!
В подмышках своих спрячьте!
В подоле своем защитите!
Чѳѳк! Чѳѳк, Кайракан!
Я, ... (имя)
Мне и моим детям помогите!’

[перевод автора]

Алкыши целебным источникам по структуре своей короткие:

*Алку-ѳлкѳ сурап турум:
Айды-кѳнди кѳрѳргѳ,
Агын сууны кечерге,
Ажу-боом ажарга,
Алдындагы кѳзим керек,
Арга-жѳмѳ сурап турум!
Ажымнанг амзагар,
Алкап-улкап сурап турум,
Аргагарды жетиреер!*

[АА 1993: 123]

‘Помощи прошу:
Чтобы луну-солнце видеть,
Быструю реку переходить,
Перевал-гору перейти,
Прежние глаза нужны,
Помощи прошу!
Угощения мои испробуйте,
Молюсь, прошу,
Окажите помощь!’

[перевод автора]

В благопожеланиях целебным источникам в начальной части обязательно присутствуют обращения к конкретному источнику. Во вступительной части текста отмечаются наиболее значимые характеристики восплаваемого объекта. Алтай воспла-

вается как место, откуда берет свое начало священный источник. В тексте может присутствовать обращение к высшим силам, их восхваление. Изложение просьбы излечить больного от той или иной болезни — важная составляющая заклинания:

*Эне жердин эмчегинен
Эбирип келдеер, аржаным!
Ак санаа болуп Алтайга,
Алкыш экелдеер, Кутугым!
Жоболымды жоголтып салзаар,
Сынымды сергидип салзаар!
Баи болзын, байлу аржаным!*

[АА 1993: 123]

‘Из груди матери земли,
По кругу обойдя, течет аржан мой!
Белым разумом став, Алтаю
Благословение принес источник мой!
Недуг мой уберите,
Тело мое исцелите!
Кланяюсь, святой источник!’

(перевод автора)

*Ачыган ачуум жоголзын,
Сыстаган сызым жылызын,
Арка-сыным сергизин,
Ала кѳзимге жарык береер!
Быйаныр береер! Жалбар жѳрѳм!*

[ПМА: Тадырова А.]

‘Пусть боль исчезнет,
Пусть ноющая боль моя исчезнет,
Тело мое исцелится,
Пестрым моим глазам свет дайте!
Благословение дайте! Молюсь Вам!’

(перевод автора)

Как правило, для обряда жертвоприношения с собой берут традиционную пищу: толокно из жареного ячменя, свежую выпечку, белые молочные продукты; не берут мясо и соль.

Обряды, связанные с культом воды, имеют мифологический контекст в форме

рассказов и быличек. В центре этих нарративов — темы и мотивы о том, как выглядят их духи-хозяева, в каком образе они появляются во сне посетителей. В своих фантазиях люди представляли духов-хозяев гор подобными себе: они способны ходить на лыжах, петь песни, играть в азартные игры и т. д.

Это отмечалось и в работах других фольклористов [Дыренкова 1949; Яданова 2013; и др.]. Они представляются в образе старца в белой одежде, воплощаются, или оборачиваются, в хищных животных и птиц. Подобная изменчивость облика характерна также для духов-хозяев источников и рек. Дух-хозяин *аржана* может предстать во сне в образе ребенка, девушки, женщины, мужчины или старого человека. Он может появляться в зооморфном облике, образе птицы или какого-либо животного, растения или насекомого (цветка, бабочки, змеи).

В народе существует поверье, что если ночевать у источника, не привязав жертвенную *дьалама*, то дух-хозяин может беспокоить человека, не дать ему заснуть, что подтверждается словами информанта: *Јалама буулабай аржанга конзо, суунын ээзи амыр бербес, тўжендирер* 'Если, не привязав *дьалама*, ночевать у источника, его дух-хозяин не даст покоя, может присниться во сне' [ПМА: Енчинова О.].

Существует также поверье, что дух-хозяин источника может присниться и после принятия водных процедур. Когда посещают определенный источник, люди уже знают, кто является его хозяином. Соответственно, этому духу-хозяину они берут определенные подарки. Если известно, что хозяйка источника — девушка или женщина, то в источник кладут бусы, пуговички, украшения. Но чаще всего у источников можно увидеть серебряные монетки. Эти подношения делаются в знак благодарности духам источника и духам горы, откуда берет свое начало источник.

Сон может предвещать результат лечения на источнике. Так, в легенде охотник встретился с хозяйкой целебного источника, преследуя раненого марала. Охотник увидел, как марал излечился в целебной воде. Он, как и марал, искупался в источнике, испил из него воды и стал здоровым. Он увидел хозяйку *аржана*, молодую девушку, которая велела охотнику сообщить людям о целебных свойствах источника и рассказать им, как вести себя на *аржане* [НПА 2011: 458]. Если хозяйка *аржана* видится человеку в виде чёрной змеи, то это означает, что исцеления человеку не будет. Существует поверье: змеи борются с животными *јерен*, они заключают договор о том, что граница между их владениями будет проходить по источнику. На *аржане* змей не бывает, если

они показываются, то это не к добру [НПА 2011: 458].

Сюжеты некоторых других рассказов построены на случаях, связанных с нарушением правила этикета во время нахождения у святого источника или неправильным исполнением обряда. Так, в одном из текстов говорится, что хозяин горы наказал русскую женщину за то, что она после умывания в *аржане* поднялась на вершину горы и сорвала цветы [НПА 2011: 458].

В результате влияния православия на алтайцев некоторые обычаи и традиции подверглись трансформации¹. Так, жительница Улаганского района, крещеная теленгитка, рассказывала нам следующее: *Аржанга барза, јалама буулап, сўдин кўнчыгыштен чачып, алканып-суранып јат, отко салып јат, өртөгилеп јат. Јердин ээзи болгон улуска көрүнбей јат. Андап јүрген улуска. Алдында менин дедушкам андап бар туратан. Узун сагалду кижии деп айдып туратан. Көргөн, куучындаган. Аржаннын үсти јанында крест бар, Кабак тайгада, кресттү улус кресттенип јат* 'Когда ездят на источник, привязывают *дьалама*, молоком окропляют на восток, молятся, просят, огонь угощают, затем сжигают все. Дух-хозяин земли просто так людям не показывается. Охотникам. Раньше мой дедушка охотился. Человек с длинной бородой, говорили. Видел, рассказывал. Рядом с источником есть крест, в Кабак-тайге, крещеные люди крестятся' [ПМА: Сартакова С.]. Из рассказа становится очевидным то, что традиция посещения святых источников сохраняется как среди язычников, так и среди крещеных.

Таким образом, обряд, проводимый духу-хозяину святого источника, у алтайцев имеет общие элементы с шаманским обрядом жертвоприношения *јер-суу* ('земле и воде'), духам гор, рек, озер и святых источников. По сути, акциональные элементы жертвоприношения духам-хозяевам источника те же самые, что и в обряде жертвоприношения духам-хозяевам «земли и воды» (*јер-суу*). Обряд духу-хозяину святого источника имеет широкий мифологический контекст, в котором обсуждаются этические правила поведения у святого источника, утверждаются каноны исполнения обряда.

¹ Представители православной церкви устанавливают у святых источников кресты, с подобными действиями коренные жители не согласны.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-04-00314а «Типология обрядового фольклора алтайцев: слово, музыка, действие».

Источники

- АА — Алтай алкыштар. Алтайские благопожелания / сост. К. Е. Укачина, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: «Ак Чечек», 1994. 144 с. (на алт. языке).
 Телеутский фольклор / сост., вступ. ст., запись, пер., коммент. Д. А. Функа. М.: Наука, 2004. 183 с.
 НПА — Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.

Полевые материалы автора (ПМА)

- 2008 г. — Улаганский район, Республика Алтай. Информант Енчинова Ольга, аудиозапись № 161.
 2008 г. — Улаганский район, Республика Алтай. Информант Тойдонова Раиса, аудиозапись № 67.
 2008 г. — Улаганский район, Республика Алтай. Информант Сартакова Сара, аудиозапись № 93.
 2014 г. — с. Новый Бельтир, Кош-Агачский район, Республика Алтай. Информант Тадырова Арылу, видеозапись № 3075.

Литература

- Дыренкова Н. П. Охотничьи легенды кумандинцев // Сборник Музея археологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 110–132.
 Каруновская Л. Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. 6. С. 19–36.
 Наева А. И. Алтайский обрядовый фольклор: специфика жанра: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2010. 23 с.
 Ойноткинова Н. Р. Культурно-семиотические коды календарной обрядности южных алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 5–18.
 Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 754 с.
 Тыдыкова 2016 — Тыдыкова Н. Н. Об обычаях посещения святых источников у алтайцев [электронный ресурс] // URL: www.balkaria.info/library/t/tvdkova/oopsia.rtf (дата обращения: 20.09.2016).

Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей: Комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Наука, 2005. 400 с.

Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск: ООО «Апельсин», 2009. 166 с.

Яданова К. В. Указатель сюжетов и версий по материалам алтайской фольклорной традиции: «Встреча охотника с мифическим существом». Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2013. 288 с.

Sources

- АА — *Altay alkyshtar. Altayskie blagopozhelaniya / sost. K. E. Ukachina, E. E. Yamaeva* [Altaian folk velleities]. Gorno-Altaysk, Ak Chechek Publ., 1994, 144 p. (In Altaian).
Teleutskiy fol'klor / sost., vstup. st., zapis', per., komment. D. A. Funka [Teleut folklore. Comp., introd., etc. by D. Funk]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 183 p. (In Russ.).
 NPA — *Neskazohnaya proza altaytsev / sost. N. R. Oynotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamaeva* [Non-fairy-tale prose of the Altaians. Comp. by N. Oynotkinova et al.]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011, 576 p. (In Russ.).

PMA — Polevye materialy avtora

- 2008 — Ulagansky District of the Altai Republic. Informant — Olga Enchinova, record No. 161;
 2008 — Ulagansky District of the Altai Republic. Informant — Raisa Toydonova, record No. 67;
 2008 — Ulagansky District of the Altai Republic. Informant — Sara Sartakova, record No. 93;
 2014 — Novy Beltir, Kosh-Agachsky District of the Altai Republic. Informant — Arylu Tadyrova, record No. 3075.

References

- Dyrenkova N. P. *Okhotnich'i legendy kumandintsev* [Hunting legends of the Kumandins]. *Sbornik Muzeya arkheologii i etnografii* [Digest of the Museum of Archaeology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1949, vol. 11, pp. 110–132 (In Russ.).
 Funk D. A. *Miry shamanov i skaziteley: Kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov* [Worlds of shamans and taletellers: a comprehensive research study of Teleut and Shor materials]. Moscow, N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology Press; Nauka Publ., 2005, 400 p. (In Russ.).

- Karunovskaya L. E. *Iz altayskikh verovaniy i obryadov, svyazannykh s rebenkom* [Some child-related beliefs and rituals of the Altaians]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Digest of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1927, vol. 6, pp. 19–36 (In Russ.).
- Naeva A. I. *Altayskiy obryadovyy fol'klor: spetsifika zhanra: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Altaian ceremonial folklore: specificity of the genre. A Ph.D. thesis abstract]. Ulan-Ude, 2010, 23 p. (In Russ.).
- Oynotkina N. R. *Kul'turno-semioticheskie kody kalendar'noy obryadnosti yuzhnykh altaytsev* [Cultural and semiotic codes of calendar rituals of the Southern Altaians]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* (Siberian Philological Journal), 2016, No. 4, pp. 5–18 (In Russ.).
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of the Turkic languages: common and internal Turkic stems ending with vowels]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 754 p. (In Russ.).
- Tydykova N. N. *Ob obychayakh poseshcheniya svyatykh istochnikov u altaytsev* [About ceremonial visits to holy springs by the Altaians]. Available at: www.balkaria.info/librarv/tvdvkova/oopsia.rtf. (accessed: 20 September 2016) (In Russ.).
- Yadanova K. V. *Ukazatel' syuzhetov i versiy po materialam altayskoy fol'klornoy traditsii: «Vstrecha okhotnika s mificheskim sushchestvom»* [Directory of plots according to the Altaian folklore tradition: 'The hunter meets a mythical creature']. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya Tipografiya Publ. Ltd., 2013, 288 p. (In Russ.).
- Yusha Zh. M. *Obryadovaya poeziya tuvintsev: struktura i semantika* [Ceremonial poetry of the Tuvans: structure and semantics]. Novosibirsk, Apelsin Publ. Ltd., 2009, 166 p. (In Russ.).

УДК 398.33(=512.151)

ОБРЯД ПОСЕЩЕНИЯ СВЯТОГО ИСТОЧНИКА И ЕГО МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ АЛТАЙЦЕВ

Надежда Романовна Ойноткинова¹

¹ доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: sibfolklore@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются структура, семантика и контекст обряда посещения святого источника у алтайцев. Автор приходит к выводу, что данный обряд, будучи обусловленным анимистическими верованиями, имеет много общего с древним шаманским обрядом жертвоприношения *жер-суу* духам гор, рек, озер и святых источников. По сути, акциональные элементы жертвоприношения духам-хозяевам источника те же самые, что в обряде жертвоприношения духам-хозяевам земли-воды (*жер-суу*). Все важные действия обряда сопровождаются заклинаниями-*алкышами* духу-хозяину источника об исцелении. Обряд имеет широкий фольклорный контекст в форме мифологических рассказов и быличек, раскрывающих его смысл.

Ключевые слова: обряды алтайцев, святой источник, культ воды, мифы о духах природы.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 231–236, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-231-236
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39(398.21)

Tengrism in the Karachay-Balkar '*Nartada*'

Tanzilya M. Khadzhieva¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Gorky Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: tanzila_mail.ru.

Abstract. The article examines the supreme deity of Karachay-Balkar pagan pantheon — *Teiri* (*Tengri*). Three pantheons of pagan deities are inherent to the religious and mythological system of the Karachay-Balkar people, namely: Turkic, Alanic and Caucasian ones. It is universally recognized that the Supreme God of all these deities is *Teiri* / *Tengri*. Deities of the Turkic pagan pantheon of Karachays and Balkars are generally referred to as '*Teiri*' ('*Tengri*'), and the functions of each such *Teiri* (*Tengri*) are strictly differentiated: *Teiri* of the Sky, *Teiri* of the Earth, *Teiri* of the Sun, *Teiri* of Water, etc. The importance and significance of the *Teiri* cult in the pagan pantheon virtually predetermined the fact that people kept worshipping the deity even after the adoption of Islam. Like many other Turkic and Mongolic peoples, ancient Balkars and Karachays held special prayers for the 'deity of all deities' — *Teiri*. Prayer hymns in his honor were central to the mysteries. The peculiarity of the songs is that spells for whatever desired were issued as something already real with extensive use of hyperbole, which is due to the ancient belief in the magical power of the word. According to the Karachay-Balkar Nart songs and legends, the creation of the world and Narts is connected with *Teiri*'s activities, and further he most significantly influences the fates of Nart heroes.

Keywords: folklore, Karachais, Balkarians, pagan pantheon of deities, *Teiri-Tengri*, Nart songs and legends.

У карачаевцев и балкарцев вплоть до XIX в., наряду с исламом, бытовали некоторые пережитки первобытных форм религии и христианства [Лавров 1969; Лайпанов 1957; Рогаль-Левицкий 1928; Азаматов 1981]. Один из первых исследователей карачаево-балкарской мифологии, известный этнограф-кавказовед Л. И. Лавров, указав на параллельное существование у них «древнетюркских, аланских и кавказских пластов», на большом фольклорном и этнографическом материале убедительно показал, что доминирующим является тюркский пласт. В религиозных верованиях этих народов главенствующее положение занимал Тейри

(Тенгри) — верховное божество всего тюрко-монгольского мира [История авган 1861; Кляшторный 1981; Шаманов 1982; Балкански, Хашходжов 1984; Малкондуев 1982; и др.]. В начале XIX в. академик Г. Ю. Клапрот писал, что «балкарцы и карачаевцы почитают Бога, именуемого не Аллахом, а Тенгри, в качестве подателя всякого добра» [Адыги, балкарцы и карачаевцы 1974: 245]. И даже в начале XX столетия карачаевцы считали, что «в жизни и смерти человека волен один Тейри» [Иваненков 1912: 53].

В своих благопожеланиях (*алгышыла*) и проклятиях (*кьаргышыла*), клятвах (*антла*), заговорах и заклинаниях, которые относят-

ся к древнейшим жанрам карачаево-балкарского фольклора, они всегда апеллировали к имени Тейри и устраивали в его честь специальные моления с жертвоприношениями. Гимнические молитвы-песнопения были главной составной частью этих мистерий. В них подчеркивалось его все присутствие, вездесущность:

Тейри! Огъурлу Тейри!

Сен — кюн тыягъындан туугъан,

С ен — жерни, сууну бийлеп тургъан!

Сен — отда, сууда, кёкде,

Онгда — солда, онгда — солда!

Тейри! Халал Тейри!

‘Тейри! Дарующий счастье, добро Тейри!

Ты, рожденный от лучей солнца,

Ты — властелин земли и воды!

Ты — в огне, в воде, в небе,

Справа — слева, справа — слева!

Тейри! Великодушный Тейри!’

[КБФ 1996: 39].

В обращениях к Тейри, помимо его собственного имени, используются различные оценочные эпитеты: «Приносящий счастье, добро»; «Великодушный», «Великий». При его характеристике упоминается и происхождение: «Ты, рожденный от лучей солнца!»; прославляются его божественные деяния и могущество: «Ты — властелин земли и воды!».

Во всех своих обрядах древние обращались к Тейри с мольбой даровать им плодородие, изобилие и благополучие во всем:

Пусть наши стада бесчисленными будут,

Пусть наши нивы тучными будут,

Пусть Великий Тейри ниспослет нам все доброе,

Пусть горе нас всех обойдет!

[КБФ 1996: 39].

Как видим, в этих ритуальных песнях основным композиционным элементом является сама мольба-просьба. Прославляя всемогущество Тейри, поющие призывают божество к осуществлению нужных для них изменений и даже описывают эти перемены. Так, во время засухи они устраивали моления с жертвоприношениями и обращались к нему с просьбой о ниспослании желанного дождя:

Уллу Тейри, хан Тейри, булутланы ий, Тейри!

Жауунланы жаудур, Тейри, жылкыыланы тойдур, Тейри!

Жауунланы жаудур, Тейри, жыдкыыланы тойдур, Тейри!

Тейри, Тейри, билебиз кючюнгу, къарыуунгу, Тейри,

Тейри, тилейбиз, ой, ой, ой, тилейбиз:

Кёкле жашнап, тёгерекле чагъарын,

Атла тууун, тайчыкъланы чабарын!

‘Тейри, Тейри, мы знаем твою силу, твою мощь!

Тейри, Тейри, закликаем, ой, ой, ой, мы закликаем!

Чтобы молния сверкнула, и все кругом расцвело,

Чтобы кобылы ожеребились и жеребята резвились!

Великий Тейри, повелитель Тейри, тучи ниспосли, Тейри!

Дожди пролей, Тейри, дай табунам насытиться, Тейри!

Дожди пролей, Тейри, дай табунам насытиться, Тейри!’

[КБФ 1996: 224].

В подобных гимнических песнях — «Тейри алгъыш» — одним из постоянных, традиционных приемов выступают повторы, которые не только усиливают их заклинательное начало, но и придают им четкий ритм. Многократное повторение имени Тейри и просьбы к нему построены на вере в сакральную силу слова:

Акъ кьой башы, къара кьой башы,

Жулдуз кютген кёк башы!

Барындан да Тейри ахшы!

Барындан да Тейри ахшы!

‘Белого барана голова, черного барана голова,

Пасущая звезды небесная высь!

А Тейри — превыше всех!

А Тейри — превыше всех!’

[КБФ 1996: 39].

«Это божество, — пишет культуролог Ф. А. Урусбиева, — не получило ни зооморфного, ни антропоморфного облика и наделено универсальными космическими функциями. По некоторым языческим представлениям, каждой функции в отдельности соответствует свой Тейри» [Урусбиева 2001: 8]. То, что по представлениям карачаевцев и балкарцев каждое явление, предмет имели своего Тейри¹, нашло отражение и в их нартском эпосе.

¹ В начале XX в. музыковед Дм. Рогаль-Левицкий, собиравший народные песни карачаевцев, писал, что у них «Боги живут в горах, метелях, снежных облаках. Духи вызывают гром, молнию, бурю. Тайные и невидимые существа наполняют леса, реки и скалы <...> Суровая жизнь и непрерывная борьба за существование идут рука об руку с феерией гор и их обожествленными обитателями» [Рогаль-Левицкий 1928: 42].

Согласно карачаево-балкарским нартским песням и сказаниям, сотворение мира и нартов связано с деятельностью богов — Тейри Неба, Тейри Солнца и Тейри Земли, которые принимают самое активное участие в судьбах нартских героев.

В сказании «Тейри и нарты» говорится: *Кюн Тейриси кюнню жаратханды. Жер Тейриси жерни жаратханды. Ючюнчюге тенгизле жаратылгандыла. Кёк бла жер жаратылгандан сора экисини ортасында адам улу жаратылганды* 'Тейри Солнца сотворил солнце, Тейри Земли сотворил землю. Моря были сотворены в третью очередь. Когда были сотворены небо и земля, между ними были сотворены люди' [Нарты 1994: 68]. После Тейри Неба, Тейри Солнца, Тейри Земли и Тейри Воды посоветовались и решили: *Суу Тейриси адам улусуна ичерге суула берирге бойнуна алганды; Жер Тейриси да юсюнде берекетле битдирип, ашатыргъа, адам улуну кечиндирирге кесине жюкге алганды; Кюн Тейриси жылытыргъа; Кёк Тейриси жауунла жаудурургъа дегендиле* 'Тейри Воды будет давать нартскому роду воду для питья; Тейри Земли взял на себя растить урожай и кормить их; Тейри Солнца — светить; Тейри Неба — посылать дожди' [Нарты 1994: 68].

В эпосе сохранились и яркие реликты почитания солнца, которое выступает как всемогущий предводитель всех Тейри, как один из создателей земли и космоса: *Кюн Тейриси тейрилени башыды, оноучусуду. Ол суулары, кёклени, жерлени кюдуретли бегимиди. Кюн Тейриси учсуз, бужакъсыз узакъдады. Ол къайнайды, жайда жерге къаты жылыу береди, кыишда, бизден жылыуун Ёксюзле дунясына иеди, аланы жылытады. <...> Кюн Тейриси, ачыуланса, жерни кюйдюреди, тенгизлени кюрутады. Эртте заманланы биринде Кюн Тейрини туманла ачыуландыргъандыла. Туманла, жерни юсюне жатып, кюн жарыгъын иймей тохтагъандыла. <...> Кюн чамланганды, ачыуланып, жерге айланып, ахсынып, кюкюрегенди, къусханды. Кюнню ёзегинден ташла, учхунла жерге жаугъандыла. Ма алтын, кюмюш, темир ташла аладан болгъандыла. Ала кюнню къусханындан болгъандыла. <...> Кюн Тейрисини баш аты Къайнар-тейри болгъанды. Къайнар-тейри бла Жер Тейриси таулары, жерлени, суулары, жулдузлары да жаратхандыла, болдургъандыла дейдиле. Ала жерни жаратханда, жер къалтырауукъ, тенгизле чайкъ-*

*ан-тылы, толкъунлу болгъандыла. Нарт улулары, баш уруп, Тейрилеге жети жылыны жилигъандыла, айтхандыла: Жерни жаратхансыз — къалтыратмагъыз, Суулары болдургъансыз — чайпалатмагъыз! — деп тилегенлеринде. Къайнар-тейри, таулары жаратып, жерге чюйле этил ургъанды. Андан сора жерни къалтырагъаны, тенгизлени чайпалыулары тохтагъанды.*¹ [Нарты 1994: 69].

В сказании «Про первого нарта Дебета Золотого», в котором подробно описывается эпоха Первотворения, Бог из частей своего тела создает не только вселенную, но и первочеловека — нартского кузнеца Дебета [Нарты 1994: 304–305]. По другому варианту сказания о рождении Дебета: он сын Тейри Неба и Тейри Земли. В нем дается представление о реальном существовании богов: *От Тейриси Жер Тейрини алганды, Кёк кюкюрег жер бууаз болгъанды. Тогъуз жылыны, тогъуз кюнню Ол бууаз болуп тургъанды, Жер жарылып сора Дебет туугъанды. От Тейриси отну тилин билдиргенди Жер Тейриси ташла тилин билдиргенди Суу Тейриси ашын, сууун ийгенди* 'Бог Неба на богине Земли женился, Загрел небо, и Земля зачала. Девять лет и девять дней Она тяжелой была. Потом земля разверзлась, и родился Дебет.

¹ 'Тейри Солнца — глава, предводитель всех Тейри. Он мощный держатель мира. Тейри Солнца находится в бесконечной, бескрайней дали. Он [все время] кипит: летом дарует свою жару земле, зимой же посылает часть этого тепла в мир мертвых (букв. мир сирот. — Т. Х.) и согревает их. <...> Когда Тейри Солнца гневается, он выжигает землю, иссушает моря. Однажды, в древние времена, туманы рассердили Тейри Солнца: они, обложив всю землю, не пропускали солнечного света. <...> Солнце рассердилось, разгневалось и, обратившись к земле, загрохотав, начало извергаться. Из сердцевины солнца на землю дождем посыпались искры и камни! Вот откуда появились на земле золото, серебро, железная руда. Все это — извержения солнца. <...> Главным именем Тейри Солнца было Кайнар Тейри. Говорят, что когда Кайнар Тейри вместе с Тейри Земли сотворил землю, земля [все время] дрожала, а моря волновались. Племя нартов, поклоняясь Тейри, семь лет плакало и молило: Землю сотворили вы — не сотрясайте [ее], Воды явили вы — не волнуйте [их]! <...> И тогда Кайнар Тейри создал горы и как клинья вбил их в землю. Вот после этого прекратились колебания земли и волнения морей'.

Бог Огня [Дебета] языку огня научил,
Бог Земли языку камней научил,
Бог Воды [ему] пищу и питье посылал⁷.

[Нарты 1994: 304–305].

В эпическом тексте «Моление нартов Тейри» нарты сами говорят о своем божественном происхождении:

Тейри, сени кьулунгма, кесим да нарт улу-ма!

*Суу Тейрисси, суудан салгъанса къанымы,
Кёк Тейрисси бергенди жаньымы.*

<...> *Нартла бары жаратылдыкь, Тейри,
къанынгдан,*

Нартха ётдю хар бир жигинг санынгдан

‘Тейри! Я, нартов сын, — твой раб!

Тейри Воды сотворил из воды мою кровь,

Тейри Неба даровал мне мою душу,

<...> В нартах течет твоя кровь, Тейри,

Нарты — часть твоей плоти’.

[Нарты 1994: 283].

Как видим, в данном тексте нарты не только клянутся именем Тейри, взывают к нему о помощи и славословят его, но они даже подчеркивают, что в их жилах течет кровь Тейри и что нарты — часть его плоти. При этом они выражают ему глубокое почтение и преклонение перед ним. Видимо, здесь умиловительная образность связана с внесением подобных языческих гимнов в эпос на более поздних этапах его развития, когда сознание людей уже отрицало императивное общение с божеством.

В эпосе Тейри покровительствует и помогает нартам во всем: *Нарт Сосурук эмеген бла тутушханда Жер Тейрисинден тилеп эмегени жерге ургъанды. Жер тейрисси нарт жаллы болуп жерни тылы кибик жумушакъ этгенди. Эмегени бойнуна дери жерге сукъгъанды. Ол сагъат Жер Тейрисси таи кибик къатып, эмегени кысып, аузундан, бурнундан къанын келтирип ёлтюргенди* ‘Нарт Сосурук во время борьбы с эмегеном, когда бросал его, попросил у Бога Земли помочь ему. Бог Земли, став на сторону нарта [покровительствуя ему] сделал землю мягкой, как тесто — эмеген по горло ушел в землю. В тот же миг Бог Земли, затвердев, как камень, сдавил эмегена и убил его, выпустив всю (его) кровь изо рта и из носа’ [Нарты 1994: 493].

В одной из нартских песен эмеген говорит Сосуруку:

Мы нартов страну уничтожили бы,

Потушили бы их очаги.

Но Тейри нам мешают:

Стране нартов они помогают

[Нарты 1994: 373].

Вплоть до XX в. карачаевцы и балкарцы новый год отмечали весной (в марте, в день весеннего равноденствия). Новый год совпадал с началом земледельческих работ, и поэтому встреча нового хозяйственного года была большим народным праздником. Выход на пахоту сопровождался целым рядом обрядовых действий. Утром рано, перед выходом на поле, всей общиной устраивался праздник пахоты (*сабан той*), начиная который, старейшина общины (*тамада*) произносил благопожелание (*алгыш*):

О Тейри, Великий Тейри!

Просим тебя:

Пусть уродиться богатый урожай,

Высокий, чтобы рукой не дотянуться,

Густой, чтобы (между стеблями)

Даже змея не смогла бы проползти!

<...> Пусть наш Тейри пошлет < > дождь,

Чтобы уродился богатый урожай!

[КБФ 1996: 382].

Одной из специфических черт карачаево-балкарского эпоса является отсутствие в нем (кроме нартских песен и сказаний о борьбе Ёрюзмека с Фуком/Пуком) богоборческих мотивов. Это мы объясняем тем, что христианство, а позднее и мусульманство были приняты предками балкарцев и карачаевцев формально. Они не допустили «догматику ислама в недра своего духа. Религия осталась внешне общественной формой, а ее культовая сущность заполнилась пережитками далекого прошлого, стройной системой целого ряда старинных адатов и свободной фантазией в области художественных образов, своеобразных обрядов и верований» [Рогаль-Левицкий 1928: 63]. Так как «старые мифологические традиции прочнее удерживались там, где было минимально (или отсутствовало) влияние мировых религий» [Неклюдов 1977: 185], то у карачаевцев и балкарцев произошла консервация различных древнетюркских верований, и Тейри остался в их религиозных представлениях «божеством божеств» не только тюркских, но и их аланских и субстратных (кавказских) божеств¹. После полного же утверждения мусульманства в Балкарии и Карачае имя Тейри стало у них одним из 99 эпитетов Аллаха [Шаманов 1982: 161].

¹ Это наиболее наглядно отразилось в карачаево-балкарской обрядовой лирике. Так, в гимнической обрядовой песне, обращенной к полифункциональному божеству Чоппа, поется: *Ойра, Чоппа, после Тейри, ты — Тейри!* [КБФ 1996: 40].

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ (РГНФ ОГОН) № 15-04-00210.

Литература

- Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
- Азаматов К. Г. Пережитки язычества в верованиях балкарцев // Из истории феодальной Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарск. ин-т истории, филологии и экономики, 1981. С. 43–161.
- Балкански Т., Хашиходжов Ед. Към въпроса за първобългарския Тагра (Тангра, Тенгри) = К вопросу о протоболгарском Тагра (Тангра, Тенгри) // Българска етнография. Кн. 3. София: Изд-во на БАН, 1984. С. 41–52.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 247 с.
- Иваненков Н. С. Карачаевцы // Известия Общества любителей истории Кубанской области. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1912. Вып. V. С. 25–91.
- История авган Мойсея Каганкатваци, писателя X в. СПб.: Имп. Академия наук, 1861. 376 с.
- КБФ 1996 — Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия / сост., вступ. ст., коммент. Т. М. Хаджиевой. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1996. 592 с.
- Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М.: Наука, 1981. С. 117–138.
- Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию // Советская этнография. 1939. № 2. С. 175–181.
- Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Т. 4. М.: Наука, 1969. С. 63–73.
- Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск: Карачаево-Черкеск. кн. изд-во, 1957. 71 с.
- Малкондуев Х. Х. Отголоски тенгрианства в карачаево-балкарском фольклоре // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР (1982 г.). Тезисы докладов. Нальчик: КБНИИФЭ, 1982. С. 153–154.
- Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост.: Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т. М. Хаджиевой; отв. ред. А. И. Алиева. М.: Вост. лит., 1994. 655 с.
- Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов. (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник. 1977. М.: Наука, 1981. С. 183–202.
- Рогаль-Левицкий Д. Песенное творчество карачаевцев // Советское искусство. 1928. № 73. С. 58–65.

Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 213–226.

Шаманов И. М. Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики, 1982. С. 155–170.

References

- Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov [Circassians, Balkars and Karachays in reports of European authors]. Nalchik, Elbrus Publ., 1974, 636 p. (In Russ.).
- Azamatov K. G. *Perezhitki yazychestva v verovaniyakh balkartsev*. [Pagan vestiges in beliefs of the Balkars]. *Iz istorii feodal'noy Kabardino-Balkarii* [Excerpts from the history of feudal Kabardino-Balkaria]. Nalchik, Kabardian-Balkarian Institute of History, Philology and Economics Press, 1981, pp. 43–161 (In Russ.).
- Balkansky T., Khashkhodzhev E. *K'm v"prosa za p"rvob"lgarskiya Tagra (Tangra, Tengri) (Balkanskiy T., Khashkhodzhev E. K voprosu o protobolgarskom Tagra (Tangra, Tengri)* [Revisiting the issue of the Proto-Bulgarian Tagre (Tangra, Tengri)]. *B"lgarska etnografiya (Bulgarian Ethnography)*, Sophia, Bulgarian Acad. of Sc. Press, 1984, vol. 3, pp. 41–52 (In Russ.).
- Gumilev L. N. *Drevnie tyurki* [The Ancient Turks]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 247 p. (In Russ.).
- Ivanenkov N. S. *Karachaevtsy* [The Karachays]. *Izvestiya Obshchestva lyubiteley istorii Kubanskoy oblasti* [Proceedings of Kuban Oblast History Society]. Yekaterinodar, Kuban Oblast Administration Press, 1912, iss. 5, pp. 25–91 (In Russ.).
- Istoriya avgan Moyseya Kagankatvatsi, pisatelya X v.* [The History by Movses Kagankatvatsi]. St. Petersburg, Imp. Acad. of Sc. Press, 1861, 376 p. (In Russ.).
- Karachaevo-balkarskiy fol'klor. Khrestomatiya. Sost., vstup. st., komm. T. M. Khadzhievoy* [Karachay-Balkar folklore. Chrestomathy. Comp., comment. by T. Hadzhieva]. Nalchik, El-Fa Publ., 1996, 592 p. (In Russ.).
- Klyashorny S. G. *Mifologicheskie syuzhety v drevnetyurkskikh pamyatnikakh* [Mythological plots in ancient Turkic monuments]. *Tyurkologicheskiy sbornik (Turkology Studies)*, 1977, Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 117–138 (In Russ.).

- Lavrov L. I. *Iz poezdki v Balkariyu* [Glimpses of the journey to Balkaria]. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 1939, No. 2, pp. 175–181 (In Russ.).
- Lavrov L. I. *Karachay i Balkariya do 30-kh godov XIX v.* [Karachay and Balkaria before the 1830s]. *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* (Caucasian Ethnography: Collected Papers). Moscow, Nauka Publ., 1969, vol. 4, pp. 63–73 (In Russ.).
- Laypanov X. O. *K istorii karachaevtsev i balkartsev* [Revisiting the history of Karachays and Balkars]. Cherkessk, Karachay-Cherkess Book Publ., 1957, 71 p. (In Russ.).
- Malkonduev X. X. *Otgoski tengrianstva v karachaevo-balkarskom fol'klore* [Vestiges of Tengrism in Karachay-Balkar folklore]. *Vsesoyuznaya sessiya po itogam polevykh etnograficheskikh issledovaniy 1980–1981 gg., posvyashchennaya 60-letiyu obrazovaniya SSSR (1982 g.)*. *Tezisy dokladov* [Proc. of the All-Union session in follow-up of ethnographic field studies of 1980–1981 celebrating the 60th anniversary the USSR. Abstracts]. Nalchik, Kabardian-Balkarian Inst. of History, Philology and Economics Press, 1982, pp. 153–154 (In Russ.).
- Narty. *Geroicheskiy epos balkartsev i karachaevtsev*. *Sost.: R. A.-K. Ortabaeva, T. M. Khadzheva, A. Z. Kholaev. Vstup. st., komment. i glossariy* T. M. Khadzhevoy. *Otv. red. A. I. Alieva* [The Narts. Karachay-Balkar heroic epic]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1994, 655 p. (In Russ.).
- Neklyudov S. Yu. *Mifologiya tyurkskikh i mongol'skikh narodov. (Problemy vzaimosvyazey)* [Mythology of the Turkics and Mongolic peoples (Problems of inter-relations)]. *Tyurkologicheskiy sbornik* (Turkology Studies), Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 183–202 (In Russ.).
- Rogal-Levitsky Dm. *Pesennoe tvorchestvo karachaevtsev* [Songs of the Karachay people]. *Sovetskoe iskusstvo* (Soviet Art), 1928, No. 73, pp. 58–65 (In Russ.).
- Stebleva I. V. *K rekonstruktsii drevnetyurkskoy religiozno-mifologicheskoy sistemy* [The reconstruction of the ancient Turkic religious-mythological system revisited]. *Tyurkologicheskiy sbornik* (Turkology Studies), Moscow, Nauka Publ., pp. 213–226 (In Russ.).
- Shamanov I. M. *Drevnetyurkskoe verkhovnoe bozhestvo Tengri (Teyri) v Karachae i Balkarii* [The ancient Turkic supreme deity *Tengri* (*Teiri*) in Karachay and Balkaria]. *Problemy arkheologii i etnografii Karachaevo-Cherkessii*. [Issues of Archeology and Ethnography of Karachay-Cherkessia]. Cherkessk, Karachay-Cherkess Inst. of History, Philology and Economics Press, 1982, pp. 155–170 (In Russ.).

УДК 39(398.21)

ТЕНГРИАНСТВО В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ «НАРТАДЕ»

Танзиля Мусаевна Хаджиева¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: tanzila_@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена верховному божеству карачаево-балкарского языческого пантеона Тейри (Тенгри). Религиозно-мифологической системе карачаевцев и балкарцев при-сущи три пантеона языческих божеств: тюркский, аланский и кавказский. Общеизвестно, что Верховным Богом всех этих божеств является Тейри (Тенгри). Божества, входящие в язы-ческий тюркский пантеон карачаевцев и балкарцев, имеют общее наименование Тейри (Тен-гри), при этом функции каждого Тейри (Тенгри) строго дифференцируемы: Тейри неба, Тейри земли, Тейри Солнца, Тейри Воды и т. д. Значение культа Тейри в языческом пантеоне опреде-лило поклонение ему и после принятия мусульманства. Как и многие тюркские и монгольские народы, древние балкарцы и карачаевцы устраивали специальные моления «божеству всех божеств» Тейри. Гимнические молитвы-песнопения в его честь были главной составной ча-стью этих мистерий. Особенность этих песен — заклинание желаемого как действительного с широким использованием гиперболы, что обусловлено верой древних в магическую силу сло-ва. Согласно карачаево-балкарским нартским песням и сказаниям, сотворение мира и нартов связано с деятельностью Тейри, кроме этого, он принимает самое активное участие в судьбах нартских героев.

Ключевые слова: фольклор, карачаевцы, балкарцы, языческий пантеон божеств, Тейри / Тенгри, нартские песни и сказания.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 237–249, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-237-249
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 82.0

The Kalmyk Expatriate Community: History of the Emergence (1920–1930s)

Delgir Yu. Topalova ¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: topalovady@kigiran.com

Abstract. When it comes to the emergence of the Kalmyk expatriate community one should keep it in mind that it was actually a multifactoral phenomenon. This is confirmed by the fact that, despite their small numbers in foreign environment and arduous — even tragic — living conditions, the Kalmyk forced emigrants never got assimilated. On the contrary, they devoted their efforts and all intellectual forces to reviving their national culture, namely: preservation of historical memory, consciousness, language, traditional script and literature. So, even though the Kalmyk emigrants had settled abroad, each of them felt deeply connected to everything that happened in the far and beloved homeland of Kalmykia. This is evident from educational, publishing, historical, socio-political, and literary activities conducted by leaders of the Kalmyk expatriate community — Sanzhi Bayanov, Badma Ulanov, Shamba Balinov, Sanzhi Balykov, etc. Any work published — be it a report, a sketch or a poem — is actually a compressed painful experience, and contains testimony of the unconditional priority of the national idea. In fact, this very feature helped the isolated Kalmyk emigrants retain their national identity.

The investigation of literary activities within the émigré circles is preceded by exploration of the emergence of the 20th century Kalmyk expatriate community — constituted by forced emigrants to Europe and the US in the aftermath of the Russian Revolution and WWII — with evidence from historical materials, archival documents and literary works of Kalmyk émigré writer S. Balykov. On reaching the foreign lands, the emigrants understood that was point of no return and, thus, had to adapt to harsh conditions of life. The history of both the Kalmyk and Russian émigré communities witnessed an attempt of repatriation which, however, ended up tragically: as is known, the repatriation process of the early 1930s resulted in mass repressions and subsequent executions. Discussing the issue of the emergence of the Kalmyk expatriate community, the paper concludes that the history following the Great Russian revolution and defeat of the White Army can be characterized as tragic. Thus, the Kalmyk emigrants naturally and by all means adhered to anti-Soviet positions to the last.

Keywords: history, S. Balykov's literary works, Great Russian Revolution, Kalmyk expatriate community, Cossacks, White Army, Zyungarsky Regiment, evacuation, policy.

Калмыцкое зарубежье первой волны представляет собой сложное явление, сложившееся в результате вынужденной миграции населения в годы Великой Российской революции и Гражданской войны (1917–1922) в страны Европы. События истории, как известно, развернулись таким образом, что единая страна была разделена на два непримиримых лагеря, каждый из которых нес в себе идеи, связанные, как им тогда казалось, с установлением новой жизни. Деятельность и творчество многих ее представителей — литераторов, видных общественно-политических деятелей: Б. Уланова, Ш. Балинова, С. Баянова, Э. Хара-Давана, С. Балыкова, А. Борманжинова и др. — представляют существенный научный интерес, позволяя определить картину развития духовной жизни калмыцкого народа в начале XX в. Феномен калмыцкого зарубежья заключается в том, что деятельность его ярких представителей сводилась к одному общему направлению — трепетному сохранению и развитию богатейшего наследия калмыцкой культуры в иноэтнической среде. Национальное возрождение калмыцкого народа, сохранение родного языка, письменности, развитие национально-общественной мысли, этнического самосознания стали общей задачей становления и развития калмыцкой эмиграции.

В калмыцкой науке проблема зарубежья в целом, ввиду определенных идеологических принципов, до начала 1990-х гг., как известно, была закрыта. В настоящее время она является малоизученной. Однако при общей неразработанности проблематики некоторые общие и частные вопросы все же введены в научный оборот. Сегодня материалы по изучению литературной деятельности калмыцкой эмиграции можно условно разделить на четыре группы: 1) работы социально-исторического характера; 2) непосредственно литературоведческие исследования; 3) интегрированные работы лингво-литературоведческого плана; 4) источниковая база, подразделяющаяся на периодическую печать (журналы «Хонхо», «Улан Залат», «Ковыльные волны», «Ойрат», «Информация», «Вольное казачество», «Казакция»), литературные произведения, публицистические статьи самих эмигрантов, а также опубликованные и неопубликованные данные из историко-документального фонда.

К работам первой группы, условно названной нами социально-исторической, относятся научные статьи, а также монографии А. Т. Горяева, И. В. Борисенко «История зарождения калмыцкой эмиграции», «Гражданская война: „калмыцкий исход“» [Горяев, Борисенко 1998]. Обе книги явились важной вехой в изучении истории калмыцкой эмиграции. Хронологические рамки исследования (1917 — конец 1930-х гг.) подразумевают поэтапное рассмотрение малоисследованных путей ее зарождения и развития. Подобный подход позволяет представить целостную картину калмыцкого зарубежья как «политического, социального, культурного феномена» [Горяев, Борисенко 1998: 6]. Исследователи указывают на «полиморфный и синкретичный характер этого явления, требующего междисциплинарного подхода в его изучении» [Горяев, Борисенко 1998: 6].

История возникновения калмыцких общин в эмиграции, в странах Западной Европы и Америки, также стала предметом внимания в трудах П. Э. Алексеевой [2010; 2012], статьях Д. А. Шарманджиева [2013], Н. П. Мацаковой [2015], Э.-Б. М. Гучиновой [2004]. От всех работ отличается монография последнего исследователя. Ведущим для автора является антропологический подход. Временное пространство охвата событий достаточно большое — это 1917–1990 гг. Судьба эмигрантов двух исходов, жизнь их потомков, соотношение калмыков зарубежья и калмыков России, определение этнического бытия, феномена культурной и национальной идентификации — все эти и другие вопросы стали предметом изучения Э.-Б. М. Гучиновой. Использование историко-ситуативного метода позволило автору сфокусировать внимание в первую очередь на внутренних объяснениях и мотивах, а не на создании цельной теории диаспоры, ввиду общей сложности и разнородности этого феномена [Гучинова 2004].

Плодотворная издательская деятельность калмыцкой эмиграции, являвшаяся, по сути, началом ее литературной деятельности, стала предметом внимания и в статьях А. Т. Баяновой «„Хонхо“ как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья» [2014], «Калмыцкие эмигрантские издания в книжной культуре калмыков» [2013], «Первые хрестоматии в книжной культуре калмыков» [2012]. Говоря об издании «Хонхо» («Колокол»), А. Т. Баянова приходит к спра-

ведливому мнению о том, что феномен этого издания заключается, по сути, в его уникальности: «немногочисленной калмыцкой интеллигенции в эмиграции удалось издать за небольшой срок пребывания на чужбине (десять лет) столько, сколько не удавалось калмыкам за трехсотлетнее пребывание (к началу XX в.) в составе Российской империи» [Баянова 2014: 10]. Эта мысль относится не только к журналу «Хонхо», но и ко всей издательской деятельности калмыцкой эмиграции.

Среди работ литературоведческого характера, посвященных изучению деятельности калмыцкого литературного зарубежья, следует отметить кандидатскую диссертацию Б. А. Бичеева «Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (1920–1930 гг.)», в частности главу третью «Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (1920–1930 гг.)». Исследователь ставит цель рассмотреть литературную, шире — культурную деятельность эмиграции, выявить основные закономерности в развитии литературной деятельности калмыцкой эмиграции. Автор приходит к обоснованному выводу о том, что в деле создания эмигрантами национальной литературы, безусловно, присутствуют законы преемственности существовавших традиций разных эстетических направлений в калмыцкой литературе 20–30-х гг. XX в. [Бичеев 1993: 20]. Ярким тому примером служат произведения писателя-эмигранта Санжи Басановича Балыкова (1893–1943), основу творчества которого составляет фольклорная образность.

Литературовед Р. А. Джамбинова также разделяет позицию, которой придерживается Б. А. Бичеев. Она приходит к выводу о богатом национальном колорите повествования Санжи Балыкова, представленного не через внешнюю принадлежность к национальной традиции, а через образ мышления его героев, персонажей; приметы национального характера, его мировосприятие. Национальный стиль — «в его манере письма, в авторском художественном мире», в образе его мышления, — утверждает Р. А. Джамбинова [1993: 98].

Серия статей о литературной деятельности калмыцкой эмиграции представлена американским ученым, академиком Нью-Йоркской академии наук, доктором филологических наук, профессором Арашем Борманжиновым. Уникальность его мате-

риалов, представленных на суд читателя, заключается в том, что исследователь ввел в научный оборот немаловажные сведения о жизни С. Балыкова, причем не только биографического, но и литературоведческого характера [Борманжинов 1996; 1997; 1998].

Творчество С. Балыкова также стало предметом изучения в статье Т. Г. Басанговой «Обряды и обрядовый фольклор калмыков в романе С. Балыкова „Девичья честь“», в которой особое внимание уделяется обрядовым застольным песням, а именно: песням с подношением — *оньгин дун* [Басангова 2015].

Интересными с позиции смежных наук — литературоведения и лингвистики — являются работы А. А. Бурыкина. Так, в статье «Донские диалектизмы и южно-русская региональная лексика в языке русскоязычной прозы калмыцкого писателя Санжи Балыкова» ученый высказывает мнение о том, что С. Балыков вне зависимости от своей биографии может быть отнесен к первому поколению калмыцких писателей, пишущих по-русски и предназначенных свои произведения для русскоязычных читателей или читателей-полиглотов, каких представляла собой европейская калмыцкая диаспора 1920–1940-х гг. Нельзя не согласиться и с той его мыслью, что писателя следует считать «одновременно и одним из создателей калмыцкой зарубежной литературы, и представителем русской литературы зарубежья 1920–1940-х гг., и одним из основоположников современной русскоязычной калмыцкой литературы» [Бурыкин 2006: 62].

В изучении проблемы литературной деятельности калмыцкой эмиграции достаточно актуальным на сегодня является выявление процессов ее возникновения, становления и развития, рассмотрение художественно-эстетических и идеологических особенностей развития в системе национальных художественных ценностей, изучение проблемы национальной идентичности. В этом отношении особый интерес вызывают творчество и публицистические произведения лидеров калмыцкого зарубежья — русскоязычного писателя С. Балыкова, а также видных общественно-политических деятелей, представителей калмыцкой интеллигенции начала XX в.: Э. Хара-Давана, Ш. Балинова, С. Баянова, Б. Уланова. Изучение вышеназванных вопросов на примере деятельности и творчества указанных авторов позволяет выявить картину развития

духовной и общественно-культурной жизни калмыцкого сообщества в начале XX в. Литературное наследие калмыцкой эмиграции является составной частью и бесценным достоянием не только калмыцкой культуры, но и общероссийского литературного процесса в целом. Однако, прежде чем приступить к изучению вышеназванных проблем, мы считаем необходимым отразить исторический фон зарождения калмыцкого зарубежья, расселенного в разных странах в результате вынужденных эвакуаций. Цель статьи заключается в попытке изучения вопроса возникновения калмыцкой эмиграции 1920–1930-х гг. XX в. Принцип историзма, применяемый в работе, позволяет поэтапно, исходя из социально-политических процессов указанного периода, проследить зарождение калмыцкой эмиграции XX в. Материалом послужат воспоминания участников Гражданской войны, изданные в эмигрантских изданиях конца 1930-х гг. XX в., в частности в журналах «Ковыльные волны», а также художественные и публицистические произведения талантливого писателя-эмигранта Санжи Балыкова (1894–1943), публициста, яркого общественно-политического деятеля, непосредственного участника Гражданской войны, офицера Зюнгарского полка Белой армии, где служили донские калмыки. Все произведения калмыцкого художника слова автобиографичны. Тщательно, с документальной точностью, по следам своей памяти, он составлял в них своеобразную правдивую историческую летопись.

Одновременно с началом Великой Российской революции 1917–1922 гг. в Калмыкии активно проводилась важная социальная реформа — переход в казачество, что несло за собой большие изменения в общественной жизни калмыков. Для сторонников казачьего движения это был шаг в сторону административного и духовного объединения людей. Хронику этого исторического момента в судьбе калмыцкого народа мы находим в романе «Девичья честь». Так, выражая свои мысли через действия и мысли главных героев (Бадни Цагакова и Цецени Кермяковой), С. Балыков указывал, что сложившаяся (в результате политики российского правительства) на тот период искусственная разьединенность народа на три части — «донцов», «ставропольцев» и «астраханцев» — расценивалась

им как коренное зло [Балыков 1993: 78], несущее незаметное и тихое растворение в окружающей среде иного народа [Балыков 1993: 103]. Необходимо отметить, что задачи предстоявшей реформы были связаны и с получением для калмыцких кочевий особого административного статуса и тех привилегий, которыми пользовалось казачье сословие, казачьи войска в дореволюционной России [Борисенко, Горяев 1998: 10]. По мнению С. Балыкова, необходима была своя местная выборная власть, культурная, административная и хозяйственная автономия, низшая и высшая школы с преподаванием на родном языке, право на его употребление во внутреннем делопроизводстве [Балыков 1993: 79]. Самое же главное, на что была направлена реформа, связанная с переходом в казачество, — земельные интересы: «сохранение в неприкосновенности земель от уравнительной разверстки» [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 34].

Идея вступления в казачество не была нова для калмыцкого народа¹. Первостепенную роль в разрешении этого вопроса сыграл нойон Малодербетовского улуса Д. Тундутов² (1888–1923). Согласно историческим данным, благодаря работе нойона и его группы идея перехода в казачество была поддержана астраханскими калмыками, частью калмыцкой интеллигенции и духовенством западного региона Калмыцкой степи, Малодербетовского, Манычского, Икицохуровского, Большедербетовского улусов, а

¹ Этот статус официально был провозглашен еще в 1694 г. «с привлечением к обязательной казачьей службе» [Шовунов 1992: 38].

² Данзан Тундутов, как и его отец, Давид, получил образование в Москве, в Катковском лицее. Однако военная карьера привлекала его больше. Впоследствии он перешел на службу в Пажеский корпус, находившийся в Варшаве. По его окончании он был направлен в Гродненский Гусарский полк. После путешествий по Европе в 1914 г. Данзан Тундутов вернулся в калмыцкую степь. Здесь он поступил офицером в распоряжение Генерального штаба, генерала Жилинского, затем стал адъютантом Начальника Генерального штаба генерала Янушкевича. За «храбрость», «полное презрение к смерти», а также «добровольное исполнение опасных поручений» [Балинов 1936: 12] он был награжден Анненским темляком (знак отличия в виде ленты ордена Святой Анны с серебряной кистью, носимый на холодном оружии. — Д. Т.) и орденом Почетного легиона [Балинов 1936: 12].

также зайсангами и частью интеллигенции последнего из указанных улусов [Борисенко, Горяев 1998: 13; Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 42]. Трудовое население этих территорий, в частности крестьянство, было настроено против «оказачивания» [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 45]¹. Против были также «младо-калмыки»² и калмыкитыловики. Таким образом, Тундутов и его группы ориентировались, в основном, на буддийское духовенство. Согласно их плану, в Калмыкии должно было появиться больше хурулов и, соответственно, возрасти число духовных лиц.

В сентябре 1917 г. калмыцкий народ в лице астраханских калмыков формально был причислен к казачеству. Окончательно же переход в казачество был оформлен в том же году в Астрахани, на проходившем с 15 по 24 декабря заседании «Малого Законодательного круга калмыцкого Астраханского Казачьего войска».

Одновременно с созданием Калмыцкого казачьего войска в Калмыцкой степи проходил процесс установления власти Советов, начало которому было положено в октябре 1917 г. Вопрос перевода волжских калмыков в казачество в целом был завершен к началу 1918 г. К этому времени Калмыкия уже была погружена в мировые политические процессы. Привычный образ жизни людей все активнее рушился, уступая место хаосу, развалу, предвещая кровавую борьбу между различными общественными силами.

12 января 1918 г. был начат обстрел Астраханского кремля. Бой продолжался восемь дней и закончился разгромом в пользу красновардейцев. Настроение казаков стало меняться. Одни стали переходить на сторону красных, признав Советскую власть, другие склонялись к нейтралитету, третьи считали, что ход войны уже решен и она однозначно будет проиграна. Казачье войско условно разделилось на две группы. Одна из них покинула Астрахань.

¹ К примеру, агитаторы, крестьяне села Княжево, призывавшие калмыков не вступать в казачество, разъясняли им, что, по сути, они выступают «против насилия и кровопролития, а также самовольных захватов лошадей и имущества» [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 45].

² Младо-калмыки — большедербетовские студенты мужской Ставропольской гимназии, увлеченные культурно-просветительскими идеями. Руководителем группы, куда также входили Ефим Чонов, Егор Сайков, был Лиджи Карвенов.

Часть другой группы, включавшая в себя около 400 чел., под руководством полковников Д. Тундутова и К. В. Сахарова, приняла решение уйти на Дон [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 52].

В начале марта 1918 г. отряд Красной армии оказался разбит белогвардейцами в районе балки Булукта. В итоге 35 человек были убиты, 75 — взяты в плен. Д. Тундутов был отправлен в тюрьму близ станицы донских калмыков Цевднякинской. Однако среди буддийского духовенства он находился недолго. Переодевшись в одежду буддийского монаха, он бежал. К июню того же года Д. Тундутову, после очередного ареста, удалось получить финансовую поддержку от германского правительства. В обмен на программу поддержки и защиты интересов немцев со стороны казаков и калмыков антибольшевистской армии ему удалось сформировать дивизию Астраханского казачьего войска. В связи с арестом генерала Бирюкова нойон Тундутов стал ее атаманом [Горяев, Борисенко 1998; Очиров 2006; Иванько, Наберухин, Орехов 1968].

Под командованием атамана Всевеликого Войска Донского, генерала П. Н. Краснова, а также под предводительством члена Донского войскового правительства Бадмы Уланова и помощника окружного атамана Сальского округа, впоследствии ставшего полковником, Абуша Алексева, на Дону были также сформированы конные полки из донских калмыков: 3-й Донской Калмыцкий и 80-й Зюнгарский.

К осени 1918 г. части Донской армии решили захватить Царицын. Наступая с южного направления, Волжский отряд занял почти весь Малодербетовский улус. Однако постепенно войска донского атамана П. Н. Краснова стали сдавать свои позиции. 2 октября 1918 г. он оказался разбит силами дивизии советского военначальника, командира рабоче-крестьянской Красной армии Д. П. Жлобы [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 81-82; Горяев, Борисенко 1998: 27; Очиров 2006: 253]. Ввиду этой неудачи, генерал был вынужден покинуть свой пост. Командование белогвардейским войском с этого времени находилось под руководством А. И. Деникина. После ухода П. Н. Краснова оставил атаманство и Д. Тундутов.

В начале 1919 г. в рядах Белой армии на Юге России произошло объединение раз-

личных сил. В ее состав вошли 80-й Зюнгарский, 3-й Калмыцкий, 2-й Астраханский сводный и Манычский калмыцкий полки. К концу осени того же года почти вся территория Калмыцкой степи была сосредоточена в руках белогвардейцев, однако, как оказалось, ненадолго. Со стороны отрядов Красной армии белогвардейским частям был нанесен сокрушительный удар, в результате которого произошел перелом в ходе всей Гражданской войны. Особо отличилась 4-я Кавалерийская дивизия Первой Конной армии под командованием О. И. Городовикова. Белогвардейские войска в ходе боев были постепенно вытеснены с калмыцкой территории. Деникинским частям, продвигавшимся на юг, не было смысла сопротивляться. Победа красных была очевидна. Уже к марту 1920 г. частями 11-й Красной армии все улусы были освобождены, и повсеместно была восстановлена Советская власть [Очилов 2006; Иванько, Наберухин, Орехов 1968; и др.].

Остатки белогвардейских полков стремительно отходили на юг: на Кубань (к Екатеринодару), далее — к Адлеру, Новороссийску и Туапсе. Вместе с ними следовали и беженцы, в основном, из Сальских степей. Трагедия, происходившая в тот момент с калмыцким народом, заслуживает, безусловно, отдельного исследования. С. Балыков в романе «Девичья честь» делится воспоминаниями о том, по какому маршруту двигались люди: «В сумятице и бестолковщине калмыцкое беженство разделилось на две главные части и пошло двумя путями. Одна из них, следуя за Зюнгарским полком, пошла по горным ущельям к морю — на Ашэ, другая же, следуя за молодым, 3-м калмыцким полком, вдоль железной дороги пошла на Новороссийск» [Балыков 1993: 223]. Для них, как и для всей Белой армии, началась длинная череда мучений и смертей.

В рассказе «Четыре встречи» писатель кратко описывает уход Зюнгарского полка в Адлер. У Нового городка погрузкой на пароход на лодках управляли матросы-англичане. Они размещали людей по своему усмотрению, отдавая предпочтение не простым людям, а непосредственно военным. Лишь немногим беженцам удалось попасть на пароходы. Некоторая часть из них в панике стала добровольно сдаваться в смертельный плен большевикам. Многие были сразу расстреляны. В романе «Девичья

честь» С. Балыков обращает внимание и на тот факт, что многие, находясь на Новороссийской пристани, «битком набитой войсками, беженцами, лошадьми и подводами» [Балыков 1993: 240], стали бросаться в море. В романе «Девичья честь» главные герои, Бадня Цагаков¹ и Зиндмья Абушинова², в развязке действия также решают проститься с жизнью, прыгнув с причала в открытое море: «... Лучше смерть по своей воле и сразу, чем после ползаний перед врагом на коленях» [Балыков 1993: 246], — рассуждал Бадня перед смертью. И на тот момент так думали многие, ибо впереди их ждали плен, унижения и, в конце концов, мучительная смерть. Об этом впоследствии писали и другие очевидцы. Так, И. М. Калинин вспоминал: «Отчаливая от мола, иные калмычата швыряли о камень своих детишек, а сами бросались в воду» [Калинин 2012: 18].

Согласно содержанию романа С. Балыкова «Девичья честь», определенное количество белоказаков, донских и кубанских, скопившихся в порту Новороссийска (лучшие командиры донских полков и батарей), отправились в Грузию. Уговаривали они и своего командира, полковника Гавриила Эрдневича Тепкина (1891–1920). Однако молодой командир Зюнгарского полка был настроен «идти на новую борьбу» и биться до конца, «... чем добровольно сдаваться живыми и здоровыми красным зверям» [Балыков 1993: 251]. По приказу генерала Калинина отход белых к Новороссийску прикрывала вторая сотня этой части, для которой «обстановки, предрасполагающей к неисполнению приказаний, не существовало» [Балыков 1993: 253]. Что же касается полковника Г. Тепкина, то он ждал до последнего свою часть. И только по ее прибытии сам сел на пароход³.

В романе «Девичья честь» С. Балыкова описывается печальная история 3-го Кал-

¹ Прототипом героя послужил Эрдне Пуков (1897–1920), сын донского калмыка, бывшего станичного атамана Санчира Пукова [Борманжинов 1998: 114–125]. Писатель Санжи Балыков нередко подписывал свои публицистические статьи именем своего героя Бадни Цагакова, взяв его за псевдоним.

² Прообраз Зиндмьи Абушиновой — учительница Сара Алексеева (1898–1980), жена эмигранта, врача, общественно-политического деятеля Эрэнджена Хара-Давана [Борманжинов 1998: 114–125].

³ По свидетельству историков, приехав в Крым, Г. Тепкин заболел брюшным тифом и умер.

мыцкого полка донских калмыков, который из Адлера должен был перебраться в Крым. Присоединив к полку 100 человек черкесов, войска пошли на восток. По дороге они были перехвачены и взяты в плен зелеными. Командир полка, полковник С. П. Слюсарев, уверив солдат, что помощь скоро подоспеет, сел в лодку и уплыл, якобы за подачей парохода. Больше он к своему полку не вернулся, бросив его на произвол судьбы в самый тяжелый момент. На пароход, отплывавший в Крым, он все-таки успел сесть, нарочно и судорожно тряся перед собой развешиваемым знаменем армии Врангеля [Балыков 1993: 245].

14 марта 1920 г. Белая армия (понятно, что не в полном своем составе) была переправлена на судах из района Новороссийска в Крым. Остальные полки были вывезены из других портов. В «Воспоминаниях о Зюнгарском полку» С. Балыков, делясь пережитым, писал, что большая часть Донской армии, под которой он подразумевал казаков, бросая винтовки и патроны, стала сдаваться и переходить на сторону красных. Добровольческая армия, в составе которой числился Зюнгарский полк, добралась в Крым и была включена в состав Русской армии¹ генерала П. Н. Врангеля.

По свидетельству писателя, крымский период в смысле боевых удач был самым блестящим. С начала операции зюнгарцы были в составе 2-й Донской дивизии Донского корпуса. Самым памятным между белыми и красными был бой в Северной Таврии над упомянутым выше «известным на юге России красным конником» [Калинин 2012: 138] Д. П. Жлобой. Как писал позже советский государственный деятель М. И. Калинин, он позорно умчался на автомобиле, потеряв в один миг и свое боевое войско, и свою боевую славу. Говоря же о калмыках, он отмечал, что держались они достойно и выглядели настоящими «героями» [Калинин 2012: 145]².

Несмотря на первые победы в дальнейшем обстоятельства сложились далеко не в пользу Белой армии³. Подписав перемирие с Польшей, в середине 1920 г. большевики, в частности Южный фронт под командова-

нием М. В. Фрунзе, ворвались в Крым, наголову разбив противника. Русская армия во главе с командующим вынуждена была начать отступление.

В ноябре того же года по приказу генерала Врангеля войска в панике последовали на суда и были отправлены в Турцию. Из портов Керчи, Феодосии, Севастополя, Новороссийска эвакуация проходила несколько дней по несколько сотен судов. Уходили и беженцы, из числа которых предпочтение при погрузке отдавалось только мужчинам (возможно, из-за нехватки военной силы). Женщинам, в свою очередь, не оставалось ничего другого, как отрезать косы, переодеться в армейское обмундирование и под видом солдат пробраться на пароход [Алексеева 2010: 142]. Ссылаясь на берлинскую эмигрантскую газету «Руль», Л. К. Шкаренков подчеркивает, что на момент эвакуации «число покончивших самоубийством и сброшенных в море не поддается счету» [цит. по: Шкаренков 1981: 12]. Для тех же, кто попал на суда, пребывание там было настоящим испытанием. Вместо 600 чел. там находились около 3 000 чел. Люди задыхались от тесноты, замерзали от холода, терпели голод и жажду, многие, у кого не выдерживала психика, сходили с ума [Шкаренков 1981: 13].

На сегодня остается неизвестным точное количество эвакуировавшихся в Турцию калмыков. И. Б. Михалинов приводит цифру 3 000 чел., при этом 2 000 чел. уехали в СССР, соответственно, в Европе их осталось до 1 000 чел. [Михалинов 1936: 19]. По воспоминаниям С. Балыкова, которые он отразил в рассказе «Четыре встречи», на разных пароходах за границу выехало больше 3 000 калмыков. Примерное такое же количество людей осталось в Крыму, не успев на погрузку [Балыков 1976: 52]. В рапорте Данзана Тундудова, который он вручил по возвращению из-за границы бывшему Верховному главнокомандующему А. А. Брусилову 3 декабря 1922 г., говорилось, что в лагере «Лихтенгорст» находилось до 1 400 чел. Доктор Э. Хара-Даван на вопрос О. Ш. Насунова о том, каково количество калмыков за рубежом, писал, что на 1922 г. за границей «остались во всех странах сейчас меньше 1 000 чел., из них в Сербии — 200, в Болгарии — 16, в Чехии — 30 учеников и пять семей учителей, в Константинополе — 600. Из них 400 служат у англичан, которые после подписания Ло-

¹ Так была переименована Добровольческая армия генерала П. Н. Врангеля.

² За отличия в боях «зюнгарцы» получили серебряные трубы с Николаевскими (ордена св. Николая Чудотворца) лентами [Очиров 2006: 362]. В боях отличился также второй Астраханский казачий полк.

³ Подробнее о боях в Крыму см. «Воспоминания о Зюнгарском полку» С. Балыкова [2005].

заннского мирного договора должны тоже эвакуироваться в Константинополь для возвращения домой. Слышал, что они собираются в Сербию и Болгарию...» [НА РК. Ф.Р. 112. Оп. 1. Д. 1].

А. Т. Горяев и И. В. Борисенко, проведя анализ, приходят к мнению о том, что названные Тундутовым группы не могут быть причислены к числу «врангелевских» калмыков. Возможно, это были более ранние эмигрантские образования: калмыки, покинувшие Калмыцкую степь в начале Гражданской войны в 1919 г. Авторы склонны считать, что цифровые свидетельства С. Б. Балыкова и И. Б. Михалинова в большей степени близки к действительности, при этом они уточняют, что «приведенные ими данные включали и „белых“ астраханских калмыков, также отплывавших в Турцию на судах Врангеля» [Горяев, Борисенко 1998: 49].

По прибытии в Турцию калмыки были расселены в лагеря для беженцев: Берандор, Селине, Кабаджа, Тузла, Халхи. Армия А. П. Врангеля была отправлена на остров Гиллиполи. Турецкая администрация, особенно после прихода к власти Кемаля Ататюрка, была настроена враждебно к эмиграции, прибывшей из России [Раев 1994: 32]. Лагеря, куда были помещены эмигранты, были организованы властью Турции спешно. Условий проживания в них не было никаких. Для военных были приспособлены наспех сделанные холодные сараи. Особенно тяжело для армейских корпусов проходил зимний период. По воспоминаниям С. Балыкова, зиму 1920–1921 гг. калмыцкий полк, в который входили люди из бригады генерала А. П. Фицхелаурова (18-й Донской и Зюнгарский полки), провел в военном лагере на станции Кабаджа. На тот момент он являлся адъютантом командира полка. Вспоминая тяготы лагерной жизни, писатель отмечал: «В норах, вырытых в сырой земле и накрытых землей же, прозимовали здесь калмыки, терпя голод и холод» [Балыков 1976: 52].

Ввиду тяжелого материального и социального положения бойцы (остатки Врангелевских войск) стали наниматься на службы во французский иностранный легион, Алжир, Тунис, Сирию, на плантации Бразилии, в джунгли Парагвая и Перу, в конный военный транспорт и оккупационный центр Англии и т. д., другие занимались рубкой леса, строительными работами. Од-

ним словом, работали, где придется. Армия А. П. Врангеля, несмотря на изначальную позицию и задачу главнокомандующего сохранить войско, стала рассеиваться.

В 1918 г. в Турции произошла буржуазная национально-освободительная революция (1918–1923) под предводительством османского реформатора, государственного деятеля Мустафы Кемаля Ататюрка (1881–1938). В связи с этими событиями беженцы и остатки Белой армии вынуждены были перебраться в Болгарию, в Королевство сербов, хорватов и словенцев и Чехословакию. Позже, в конце 1920-х — начале 1930-х гг., многие из них эмигрировали на север и юг Франции, единицы вернулись в Словакию (например, писатель Санджи Балыков), уехали в Аргентину (Эрди Бурулдушов) и Россию (Нури Маглинов, Басанг Кушлынов и др., которые были расстреляны).

Наряду с проходившим процессом эвакуации калмыков в другие страны зарубежья, в 1921 г. в эмигрантской среде начался процесс репатриации. Основываясь на архивных материалах, следует отметить, что, если первой волне возвращенцев (примерно до 1925 г.) удавалось не просто уехать, но и обустроиться на родине, получить работу, благодаря политическим руководителям Калмыкии 20-х гг. XX в., то уже в последующие этапы попытки покинуть пределы чужбины заканчивались массовыми репрессиями возвращенцев и последующими расстрелами. И это, несмотря на постановление ВЦИК от 21 ноября 1921 г.: «Принять возвратившихся граждан в состав населения Калмоласти, восстановить их во всех правах гражданина РСФСР, не привлекать указанных граждан за деяния, совершенные с момента возвращения их в РСФСР, отправить всех их на места постоянного местожительства» [НА РК. Ф.Р. 3. Оп. 10. Д. 496. Л. 57]. Для беженских групп калмыков, находившихся в Болгарии, Сербии, Чехословакии, Франции и других странах, стало очевидным, что вернуться на родину они уже не смогут никогда.

Возвращаясь к вопросу рассмотрения процесса зарождения калмыцкой эмиграции, следует отметить, что её историю, возникшую в результате событий Великой Российской революции и поражения Белой армии калмыцкой эмиграции, можно охарактеризовать как трагическую в полном смысле этого слова. Оказавшись на

чужбине, эмигранты понимали, что назад пути больше нет, и были вынуждены приспособляться к тяжелым условиям жизни. Калмыцкое зарубежье, оставшееся в эмиграции по политическим взглядам навсегда, безусловно, до конца своих дней было верным антисоветской позиции. Особую роль в этом смысле сыграли репрессии и неоднозначная политика Советской власти, сначала принявшей решение об амнистии, а спустя время изменившей свое решение по неизвестным причинам. Что касается идеи казачества, которая имела место быть до и после вынужденного ухода эмигрантов, то одна группа считала, что крайне необходимо создание федеративного казачьего государства. Другая же группа была настроена против, считая, что главенствующую позицию должно занимать непосредственно научно-культурное направление, а не политическая борьба. В этом отношении ведущим направлением деятельности эмигрантов (в частности Калмыцкой комиссии культурных работников) являлось развитие вопросов просвещения и создание духовных основ культурного возрождения калмыцкого народа, что служило своего рода созидательным компонентом в деле сохранения и развития национального самосознания в изгнании.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия:

Балыков С. Б. Девичья честь. Историко-бытовая повесть. Элиста: АПП «Джангар», 1993. 284 с.

Балыков С. Б. Сильнее власти. Сборник рассказов. Мюнхен: [б. и.], 1976. 137 с.

Литература

Алексеева П. Э. О людях и времени. Сб. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.

Алексеева П. Э. Эренджен Хара-Даван и его наследие: сборник статей и материалов. Элиста: Изд. дом «Герел», 2012. 350 с.

Балинов Ш. Н. О княжеском роде Тундутовых // Ковыльные волны. 1936. № 13–14. С. 41–45.

Балыков С. Б. Воспоминания о Зюнгарском полку // Альманах «Белая гвардия». № 8. Казачество России в Белом движении. М.: «Посев», 2005. С. 45–52.

Басангова Т. Г. Обряды и обрядовый фольклор калмыков в романе С. Балыкова «Девичья честь» // Идель-Алтай: история и традиционная культура народов Евразии. III Межд.

форум, посвящ. 90-летию докт. филол. наук, проф. С. С. Суразакова (г. Горно-Алтайск, 14–15 июля 2015 г.). Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. С. 170–171.

Баянова А. Т. «Хонхо» как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / сб. ст. по мат-лам XXXIX Межд. науч.-практ. конф. № 8 (39). Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2014. С. 6–11.

Баянова А. Т. Калмыцкие эмигрантские издания в книжной культуре калмыков // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 8. С. 15–19.

Баянова А. Т. Первые хрестоматии в книжной культуре калмыков // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 46. С. 79–81.

Бичеев Б. А. Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30 гг.): автореф. ... канд. филол. наук. М., 1991. 23 с.

Борисенко И. В., Горяев А. Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 238 с.

Борманжинов А. О прототипах в «Девичьей чести» // Теегин герл. 1998. № 6. С. 119–122.

Борманжинов А. Записки о калмыцкой диаспоре // Теегин герл. 1996. № 8. С. 93–99.

Борманжинов А. Записки о калмыцкой диаспоре // Теегин герл. 1997. № 6. С. 109–119.

Борманжинов А. Записки о калмыцкой диаспоре // Теегин герл. 1998. № 6. С. 114–125.

Борманжинов А. Записки о калмыцкой диаспоре // Шамбала. 2001. № 7, 8. С. 8–19.

Бурыкин А. А. Донские диалектизмы и южнорусская лексика в языке русскоязычной прозы калмыцкого писателя Санджи Балыкова // Путь к родному слову. Сб. науч. ст. к 60-летию проф. Р. П. Кудрявцева. Волгоград: Изд-во ВГПУ, Библ. «Перемена», 2006. С. 52–62.

Бурыкин А. А. Калмыцкие слова, южнорусская региональная лексика и калмыцко-русское двуязычие как средство создания этнического и регионального колорита в русскоязычной калмыцкой литературе (на материале творчества С. Балыкова) // Русская речь в национальном окружении: сб. науч. тр. / под ред. Т. С. Есеновой и др. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. Вып. III. С. 109–130.

Гучинова Э.-Б. М. Улица Kalmuk Road: История, культура идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 340 с.

Джамбинова Р. А. Шаги духовного примирения: к 100-летию писателя Санджи Балыкова // Теегин герл. 1993. № 5. С. 91–104.

- Джамбинова Р. А. Возвращение // Теегин герл. 1991. № 6. С. 117–121.
- Джамбинова Р. А. В потоке безвременья // Писатель и время. Элиста: АПП «Джангар», 1996. С. 100–118.
- Джамбинова Р. А. Судьбы первопроходцев // Роман и автор. Новые грани художественности (1960–1990-е гг.). Элиста: АПП «Джангар», 1996. С. 100–118.
- Иванько Н. И., Наберухин А. И., Орехов В. И. Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста: АПП «Джангар», 1968. 148 с.
- Калинин И. М. Под знаменем Врангеля: заметки бывшего прокурора. М.: Традиция, 2012. 464 с.
- Мацакова Н. П. Калмыцкая общественная мысль в эмиграции // Сборник публикаций научного журнала «Globus» по материалам IV международной научно-практической конференции: «Достижения и проблемы современной науки» (29 октября 2015 г.). Ч. I. СПб.: Научный журнал «Globus», 2015. С. 61–68.
- Михалинов И. Новороссийск. Воспоминания рядовых казаков Калмыцкого и Зюнгарского полков // Ковыльные волны. 1936. № 12. С. 13.
- Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 448 с.
- Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
- Шарманджиев Д. А. Из истории калмыцкой эмиграции XX в. в европейские страны и США // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 117–124.
- Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1981. 231 с.
- Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, КИОН РАН, 1992. 320 с.

Sources

- NA RK — *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [The National Archive of the Republic of Kalmykia].
- Balykov S. B. *Devich'ya chest'*. *Istoriko-bytovaya povest'* [The Maiden's Virtue. A historical and household novel]. Elista, Dzhangar Publ., 1993, 283 p. (In Russ.).
- Balykov S. B. *Sil'nee vlasti. Sbornik rasskazov* [Stronger than Authorities. Collected short stories]. Munich, 1976, 144 p. (In Russ.).

References

- Alekseeva P. E. *O lyudyakh i vremeni. Sb. st.* [About people and time. Collected articles]. Elista, Kalmyk Inst. for Humanities (RAS) Press, 2010, 176 p. (In Russ.).
- Alekseeva P. E. *Erendzhen Khara-Davan i ego nasledie: sbornik statey i materialov* [Erendzhen Khara-Davan and his heritage: collected articles and materials]. Elista, Gerel Publ., 2012, 350 p. (In Russ.).
- Balinov Sh. N. *O knyazheskom rode Tundutovykh* [About the Tundutovs, a princely clan of the Kalmyks]. *Kovyl'nye volny* (Feather-Grass Waves journal), 1936, No. 13/14, pp. 41–45 (In Russ.).
- Balykov S. B. *Vospominaniya o Zyungarskom polku* [Memoirs about the Zyungarsky Regiment]. *Al'manakh «Belaya gvardiya». №8. Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii* [The White Guard almanac. No. 8. Russia's Cossacks within the White Movement]. Moscow, Posev Publ., 2005, pp. 45–52 (In Russ.).
- Basangova T. G. *Obryady i obryadovyy fol'klor kalmykov v romane S. Balykova «Devich'ya chest'»* [Kalmyk rituals and ceremonial folklore in S. Balykov's *The Maiden's Virtue*]. *Idel'-Altay: istoriya i traditsionnaya kul'tura narodov Evrazii. III Mezhd. forum, posvyashch. 90-letiyu dokt. filol. nauk, prof. S. S. Surazakova (g. Gornoaltaysk, 14–15 iyulya 2015 g.)* [Idel'-Altai: History and Traditional Culture of Eurasian Peoples. 3rd Internat. forum ... Gorno-Altaysk, 14–15 July 2015]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya Tipografiya Publ., pp. 170–171 (In Russ.).
- Bayanova A. T. *Kalmytskie emigrantskie izdaniya v knizhnoy kul'ture kalmykov* [Kalmyk émigré publications in the book culture of the Kalmyks]. *Yazyk i kul'tura* (Language and Culture), Novosibirsk, 2013, No. 8, pp. 15–19 (In Russ.).
- Bayanova A. T. *«Khonkho» kak fenomen knizhnoy kul'tury kalmytskogo zarubezh'ya* [‘Honcho’ as a phenomenon of book culture of Kalmyk diaspora in Europe]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologi / sb. st. po mat-lam XXXIX Mezhd. nauch.-prakt. konf. № 8 (39)* [In the World of Science and Arts: Questions of Philology, Art Studies and Culturology. Collected articles of the 39th Internat. research and practice conf. No. 8 (39)]. Novosibirsk, SibAK Publ., 2014, pp. 6–11 (In Russ.).
- Bayanova A. T. *Pervye khrestomatii v knizhnoy kul'ture kalmykov* [The book culture of the Kalmyks: earliest chrestomathies]. *Kul'turnaya*

- zhizn' yuga Rossii* (Cultural Studies. Russian South), 2012, No. 46, pp. 79–81 (In Russ.).
- Bicheev B. A. *Vliyanie pis'mennykh pamyatnikov i fol'klora na razvitie kalmytskoy literatury (20–30 gg.): avtoref. ...kand. filol. nauk* [Influence of written monuments and folklore on the development of Kalmyk literature (1920–1930s): a Ph.D. thesis abstract]. Moscow, 1991, 23 p. (In Russ.).
- Borisenko I. V., Goryaev A. T. *Ocherki istorii kalmytskoy emigratsii* [Sketches on the history of the Kalmyk expatriate community]. Elista, Dzhangar Publ., 1998, 238 p. (In Russ.).
- Bormanzhinov A. *O prototipakh v «Devich'ey chesti»* [About prototypes of characters of *The Maiden's Virtue*]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1998, No. 6, pp. 119–122 (In Russ.).
- Bormanzhinov A. *Zapiski o kalmytskoy diaspole* [Notes about the Kalmyk expatriate community]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1996, No. 8, pp. 93–99 (In Russ.).
- Bormanzhinov A. *Zapiski o kalmytskoy diaspole* [Notes about the Kalmyk expatriate community]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1997, No. 6, pp. 109–119 (In Russ.).
- Bormanzhinov A. *Zapiski o kalmytskoy diaspole* [Notes about the Kalmyk expatriate community]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1998, No. 6, pp. 114–125 (In Russ.).
- Bormanzhinov A. *Zapiski o kalmytskoy diaspole* [Notes about the Kalmyk expatriate community]. *Shambhala* (Shambhala journal), 2001, No. 7, 8, pp. 8–19 (In Russ.).
- Burykin A. A. *Donskie dialektizmy i yuzhnorusskaya leksika v yazyke russkoyazychnoy prozy kalmytskogo pisatelya Sandzhi Balykova* [Don dialecticisms and Southern Russian lexis in the Russian language prose of Kalmyk writer Sandzhi Balykov]. *Put' k rodnomu slovu. Sb. nauch. st. k 60-letiyu prof. R. P. Kudryavtseva* [A way to the native word. A collection of scholarly articles celebrating the 60th anniversary of Prof. R. Kudryavtsev]. Volgograd, Volgograd State Pedagogical University Press, 2006, pp. 52–62 (In Russ.).
- Burykin A. A. *Kalmytskie slova, yuzhnorusskaya regional'naya leksika i kalmytsko-russkoe dvuyazychie kak sredstvo sozdaniya etnicheskogo i regional'nogo kolorita v russkoyazychnoy kalmytskoy literature (na materiale tvorchestva S. Balykova)* [Kalmyk words, Southern Russian regional lexis and Kalmyk-Russian bilingualism as means to express ethnic and regional features in the Russian language Kalmyk literature (evidence from S. Balykov's works)]. *Russkaya rech' v natsional'nom okruzenii: sb. nauch. tr. / pod red. T. S. Esenovoy i dr.* [Russian speech in non-Russian ethnic surroundings: collected scholarly papers. Edit. by T. Esenova]. Elista, Kalm. State University Press, 2006, iss. III, pp. 109–130 (In Russ.).
- Dzhambinova R. A. *Shagi dukhovnogo primireniya: k 100-letiyu pisatelya Sandzhi Balykova* [Steps towards spiritual reconciliation: celebrating the 100th anniversary of S. Balykov]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1993, No. 5, pp. 91–104 (In Russ.).
- Dzhambinova R. A. *Sud'by pervoprokhodtsev* [Destinies of the pioneers]. *Roman i avtor. Novye grani khudozhestvennosti (1960–1990-e gg.)* [A novel and its author ...]. Elista, Dzhangar Publ., 1996, pp. 100–118 (In Russ.).
- Dzhambinova R. A. *V potoke bezvremen'ya* [In the stream hard times]. *Pisatel' i vremya* [The writer and time]. Elista, Dzhangar Publ., 1996, pp. 100–118 (In Russ.).
- Dzhambinova R. A. *Vozvrashchenie* [The return]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1991, No. 6, pp. 117–121 (In Russ.).
- Guchinova E.-B. M. *Ulitsa Kalmuk Road: Istoriya, kul'tura identichnosti v kalmytskoy obshchine SSHA* [Kalmuk Road: history, culture and identities in the US Kalmyk expatriate community]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2004, 340 p. (In Russ.).
- Ivanko N. I., Naberukhin A. I., Orekhov V. I. *Velikiy Otktyabr' i grazhdanskaya vojna v Kalmykii* [The Great October and Russian Civil War in Kalmykia]. Elista, Dzhangar Publ., 1968, 148 p. (In Russ.).
- Kalinin I. M. *Pod znamenem Vrangelya: zametki byvshego prokurora* [Under Wrangel's banner: memoirs of an ex-military judge]. Moscow, Traditsiya Publ., 2012, 464 p. (In Russ.).
- Matsakova N. P. *Kalmytskaya obshchestvennaya mysl' v emigratsii* [Kalmyk social thought in emigration]. *Sbornik publikatsiy nauchnogo zhurnala «Globus» po materialam IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: «Dostizheniya i problemy sovremennoy nauki» (29 oktyabrya 2015 g.). Ch. I* [Collected publications of *Globus* scholarly journal based on the proceedings of the 4th International research and practice conf. Achievements and Problems of Modern Science (29 October 2015. Part I)]. St. Petersburg, *Globus* (scholarly journal), 2015, pp. 61–68 (In Russ.).
- Mikhlinov I. *Novorossiysk. Vospominaniya ryadovykh kazakov Kalmytskogo i*

- Zyungarskogo polkov* [Novorossiysk. Memoirs by private Cossacks of the Kalmytsky and Zyungarsky Regiments]. *Kovyl'nye volny* (Feather-Grass Waves journal), 1936, No. 12, p. 13 (In Russ.).
- Ochirov U. B. *Kalmykiya v period Grazhdanskoy voyny (1917–1920 gg.)* [Kalmykia during the Russian Civil War (1917–1920)]. Elista, Dzhangar Publ., 2006, 448 p. (In Russ.).
- Raev M. *Rossiia za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoy emigratsii. 1919–1939* [Russia abroad: history of culture of the Russian expatriate community. 1919–1939]. Moscow, Progress–Akademiya Publ., 1994, 296 p. (In Russ.).
- Sharmandzhiev D. A. «*Iz istorii kalmytskoy emigratsii XX v. v evropeyskie strany i SShA*» [From the history of 20th century Kalmyk emigration to European countries and the USA]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review journal), 2013, No. 3, pp. 117–124 (In Russ.).
- Shkarenkov L. K. *Agoniya beloy emigratsii* [Agony of the white emigration]. Moscow, Mysl Publ., 1981, 231 p. (In Russ.).
- Shovunov K. P. *Kalmyki v sostave rossiyskogo kazachestva (vtoraya polovina XVII–XIX vv.)* [Kalmyks within Russia's Cossack troops (mid-to-late 17th–19th cc.)]. Elista, Cossack Association of Kalmykia Press, Kalm. Institute of Social Sciences (RAS) Press, 1992, 317 p. (In Russ.).
-

**ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(20–30-е гг. XX в.)**

Делгир Юрьевна Топалова ¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: topalovady@kigiran.com

Аннотация. Говоря о проблеме зарождения калмыцкой эмиграции, следует отметить, что это сложное явление представляет собой феномен. Подтверждением этому служит тот факт, что, оказавшись на чужбине, вытесненные из родины, калмыки-эмигранты, несмотря на свою малочисленность, а также тяжелые, подчас трагические условия жизни, не подверглись ассимиляции. Напротив, свою деятельность, все интеллектуальные силы они направили на благо национального возрождения своего народа: сохранение исторической памяти, самосознания, языка, письменности и литературы. Можно с полной уверенностью сказать, что, несмотря на то, что калмыки-эмигранты находились на чужбине, каждый из них жил с внутренним ощущением тождественности ко всему, что происходило на родине, в далекой и любимой сердцу Калмыкии. Об этом свидетельствует просветительская, издательская, историко-публицистическая, а также литературная деятельность лидеров калмыцкой эмиграции: Санжи Баянова, Бадмы Уланова, Шамбы Балинова, Санжи Балыкова и др. Любая изданная работа, будь то доклад, очерк или же стихотворение, представляет собой, по сути, плод выстраданного жизненного опыта, свидетельствует о безусловном приоритете национального начала. По сути, это и помогло калмыкам-эмигрантам, находясь на чужбине, самосохраниться как нации.

Прежде чем приступить к изучению главной проблемы нашего исследования — литературной деятельности калмыцкой эмиграции, на основе исторических материалов, архивных документов и литературных художественных произведений писателя-эмигранта С. Балыкова нами была изучена история зарождения калмыцкой эмиграции XX в., связанная с вынужденным отъездом калмыцкого народа в годы Великой Российской революции в страны Западной Европы, а после — и США. Оказавшись на чужбине, эмигранты понимали, что назад пути больше нет, и были вынуждены приспособляться к тяжелым условиям жизни. В истории калмыцкого зарубежья, как и в истории русской эмиграции, имела место репатриация, однако и она закончилась для эмигрантов драматически. Как известно, в начале 30-х гг. XX в. процесс возвращения эмигрантов на родину закончился массовыми репрессиями и последующими расстрелами. Говоря о проблеме зарождения калмыцкой эмиграции, автор приходит к выводу о том, что историю, возникшую в результате событий Великой Российской революции и поражения Белой армии калмыцкой эмиграции, можно охарактеризовать как трагическую. Безусловно, до конца своих дней калмыцкое зарубежье оставалось верным антисоветской позиции.

Ключевые слова: история, художественные произведения, С. Балыков, Великая русская революция, калмыцкая эмиграция, казачество, Белая армия, Зюнгарский полк, эвакуация, политика.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Всеобщая история	<i>Кадырбаев А. Ш.</i> Правовые и культурные взаимосвязи калмыков Джунгарии и Поволжья, халхасцев с казаками: XVII–XVIII вв.	2
	<i>Хишигт Н.</i> Образ России и россиян в Монголии: историческая память и современность.	11
Отечественная история	<i>Федосеев Р. В., Баршова О. А.</i> Дворянские собрания в Среднем Поволжье во второй половине XIX в. — начале XX в.: компетенции, состав, порядок участия.	21
	<i>Учватов П. С.</i> Мордовская деревня в начале XX в.: крестьянское хозяйство в эпоху коренных преобразований (на примере одного села)	33
	<i>Монгуш В. Ч.</i> Формирование школьной сети Урянхайского края (Тувы) в начале XX в.	42
	<i>Абдулаева М. И.</i> Революция 1917 г. и Гражданская война (1918–1921 гг.) в судьбах военной интеллигенции Дагестана.	51
	<i>Далгат Э. М.</i> Дагестан накануне 1917 г.	59
	<i>Оконов Б. А.</i> Перестройка деятельности высших органов власти Калмыкии в условиях Великой отечественной войны: контент-анализ материалов газеты «Ленинский путь. 1942–1943 гг.»)	65
	<i>Бураковская М. С.</i> Из истории основных направлений работы Национального Архива Республики Калмыкия в 1920–1938 гг.	74
Археология	<i>Кемаев Е. Н.</i> К вопросу о месте окско-сурского междуречья в этнополитической системе восточной Европы во второй половине I-го – первой трети 2-го тыс. н. э.	82
Этнология	<i>Когданова Б. В.</i> Этнографическая наука Калмыкии в период восстановления республики	93
	<i>Нанзатов Б. З.</i> Буряты вне зоны влияния православной церкви в XIX – начале XX вв.: трансформация идентичностей.	102
	<i>Бакаева Э. П.</i> Об одном предмете поклонения из ойратского монастыря Дэчинравжаалин (Убсунурский аймак Монголии)	111
	<i>Тюхтенева С. П.</i> Одна черточка — одна сотня: к вопросу о способах подсчета скота у тюрко-монгольских народов	130
	<i>Содномпилова М. М.</i> Инфекционные заболевания в жизни монгольских народов: представления и практики борьбы с ними	141

ЛИНГВИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОР

Лингвистика	<i>Крылов С. А.</i> Монгольские аналитические конструкции в количественном аспекте.	155
	<i>Мазарчук А. В.</i> Общемонгольская лексика раздела «одежда и обувь» в халхаском, бурятском, калмыцком языках	180
	<i>Бурыкин А. А.</i> Об объеме и характере тюрко-монгольских и тюрко-тунгусо-маньчжурских лексических связей в новой перспективе: роль теории родства алтайских языков для выявления древних языковых контактов.	190
	<i>Корнеева А. Х.</i> Зоонимы в именах собственных калмыков и китайцев ..	199
	<i>Хисамитдинова Ф. Г.</i> Этноним 'калмак' 'калмак/калмык' в башкирской ономастике	206
	<i>Бадагаров Ж. Б.</i> Первый ойратоязычный памятник на тибетской письменности	211

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклор	<i>Ойноткинова Н. Р.</i> Обряд посещения святого источника и его мифологический контекст в фольклорной традиции алтайцев	224
	<i>Хаджиева Т. М.</i> Тенгрианство в карачаево-балкарской «Нартаде».	231
Литературоведение	<i>Топалова Д. Ю.</i> Об истории появления калмыцкого зарубежья (20–30-е гг. XX в.)	237

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
2017. № 5 (33)

Сдано в набор 04.08.2017. Подписано в печать 21.08.2017.
Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 29,3.
Тираж 300 экз. Заказ 22-17.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр
Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНИЦ РАН
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2410-7670 (online)
ISSN 2075-7794 (print)

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

2017. № 5 (33)
Выходит 6 раз в год

Главный редактор:
канд. филол. наук *В. В. Куканова*

Заместитель главного редактора:
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*

Редакционный совет:
акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),
акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юрид. наук *Д. М. Демичев* (Беларусь),
д-р экон. наук *О. В. Иншаков* (Россия, г. Волгоград), д-р филол. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),
д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р филол. наук *Чао Геджин* (Китай),
д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниева* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),
канд. юрид. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва),
д-р соц. наук *Г. С. Денисова* (г. Ростов-на-Дону), д-р соц. наук *Н. В. Дулина* (г. Волгоград)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева*, д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,
д-р филол. наук *Т. Г. Басангова*, канд. филол. наук *Е. В. Бембеев*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*,
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*,
канд. филол. наук *Э. У. Омакаева*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев* (г. Элиста),
С. В. Мирзаева (отв. секретарь)

Адрес редакции и издателя:
Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8.
Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; факс: (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

